

Г. К. Ашин, А. В. Понеделков,
А. М. Старостин, С. А. Кислицын

ОСНОВЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТОЛОГИИ

**Академия политической науки
Северо-Кавказская академия государственной службы**

Г. К. Ашин, А. В. Понеделков, В. Г. Игнатов, А. М. Старостин

**ОСНОВЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭЛИТОЛОГИИ**

Учебное пособие

Рекомендовано Министерством общего и професионального образования Российской Федерации в качестве учебного пособия для студентов высших учебных заведений

**Москва
1999**

элитаризм. Первая — более широкое понятие, чем второе. Разумеется, все элитаристы являются элитологами, но не все элитологи являются элитаристами. Выше мы определили предмет элитологии как исследование элит, правящих слоев. Элитаристы — те социологи и политологи, которые считают выделение элиты как субъекта социального управления и ее привилегированное положение законом общественного развития, социальным нормативом. Но элитолог, исследующий реальную элиту, может критически относиться к самому факту существования этого социального слоя, считая его угрозой демократии (даже альтернативной демократии); его идеалом социальной организации может быть самоуправляющееся общество, общество без элиты или же, что в сущности одно и то же, общество, все члены которого возвышаются до уровня элиты. Элитаристы считают подобные взгляды разновидностью социальной утопии, а наличие элиты для них — имманентный элемент цивилизованных обществ. Подробнее эти различия будут выявлены ниже, в ходе анализа различных направлений элитологии.

Собственно, интерес к вопросам роли правителей, власть предержащих, высших слоев общества, всех тех, кто принимает важнейшие решения в политической, экономической, идеологической и иных жизненно важных областях социальной жизни, оказывают огромное, порой определяющее влияние на жизнь миллионов людей, закономерен и естественен. Эти люди неизменно находились в фокусе общественного интереса, на авансцене истории и их, естественно, не обходили вниманием исследователи социально-политических процессов. Но особенно этот интерес возрос в последние десятилетия. Это связано с рядом объективных и субъективных причин, в частности, с возрастанием роли элитных слоев в политическом процессе, их возможностей манипулировать сознанием масс, опираясь на новейшие средства массовых коммуникаций. Воздействие управленческих решений, принимаемых элитой, на судьбы миллионов людей таково, что ее качество, квалификация, социальные и этические характеристики существенно важны для общественно-политического потенциала страны. Отсюда — актуальность вопроса о том, есть ли возможность влиять на этот потенциал, повысить качество элиты, раскрыть законы эволюции и смены элит в определенных социальных системах. Решение этих вопросов имеет как теоретическое, так и большое практическое значение. И если в 50-х — 60-х годах элитарные теории были в значительной мере оттеснены на второй план теориями политического плюрализма, то в 70-е — 90-е годы политологи пишут о своеобразном «ренессансе» элитаризма.

В настоящее время мировая элитология переживает период быстрого развития. Ежегодно публикуются десятки монографий, тысячи статей по данной проблематике (особенно велико исследование элит в различных странах и регионах). Причем политология, культурология, социология в России и странах бывшего СССР явно отстают в этом отношении. Зарубежные коллеги жалуются на дефицит исследований новых, формирующихся элит постсоветского периода.

Несомненно, что развитие элитологии особенно актуально в странах, где происходит драматическая смена элит, где слабость и низкое качество элиты являются существенным элементом глубокого социального, экономического, политического, духовного кризиса, который он и переживал. И, наоборот, формирование квалифицированной элиты является одним из условий выхода из этого кризиса. Элитологи могут и должны внести значительный вклад в развитие элитологии, и не только при анализе местных элит, где они могут и должны занять ведущие позиции, но и в разработке общей теории элитологии, где мы располагаем неплохими стартовыми возможностями.

Предлагаемый курс «Основы политической элитологии» отражает осуществляющийся процесс антропологизации отечественной политической философии и политологии. Ныне активно и содержательно разрабатываются такие новые проблемы и темы, как «политические элиты», «политическое лидерство», «политическое участие», «политическая культура» и т. п. Все это способствует сдвигу методологических ориентиров и установок в этой области знания с объективистских схем и социоцентрических конструкций к социально-политической картине мира, включающей субъектно-творческий аспект.

Курс «Основы политической элитологии» ставит задачу раскрыть роль таких активных «пассионарных» групп в политическом процессе, как политические и политико-административные элиты, показать ключевую роль политических элит в цивилизационном процессе.

В учебном пособии освещаются три блока вопросов:

— методология элитизма, где раскрываются роль и место элитистского подхода к обществу как антиподы эгалитаризма; связь элитизма с цивилизационным подходом к обществу; методологические основания элитизма и его представленность в основных школах и направлениях элитологической мысли;

— социально-исторический обзор основных типов политico-элитных систем, основанный на социально-стратификационной классификации. Характеризуются политические элиты кастового, сословного, классового, профессионально-меритократического и номенклатурного типов;

— анализ политических элит России. В истории российского общества определяющую роль всегда играли административно-политические элиты, включая современную историю, поэтому анализ касается сословно-административной, номенклатурной и современной элит.

Раскрывая структурные, деятельностные и ментальные особенности политических элит, авторы используют данные политической социологии, исследуют социальную принадлежность и происхождение, возраст, уровень образования и профессиональной подготовленности, ценностные ориентации политических элит современного западного общества. Основные показатели, характеризующие представителей элит, даются в сравнении с США, Великобританией, Францией, ФРГ.

Российские административно-политические элиты также характеризуются с точки зрения основных социально-стратификационных показателей: возраст, образование, происхождение (город, село), преемственность; анализируются социологические данные, характеризующие основные когорты номенклатурной элиты.

Отдельный раздел, посвященный современным региональным административно-политическим элитам России, построен на материалах нескольких социологических проектов, проведенных в Москве и Ростове-на-Дону при непосредственном участии авторов.

Предлагаемый курс рассчитан на 40 — 50 часов. Он апробирован в 1996 — 1998 гг. в Московском государственном институте международных отношений, а также на спецфакультете Северо-Кавказской академии государственной службы, в ИИПК при РГУ — в рамках программ повышения квалификации преподавателей политологии и социологии вузов Северо-Кавказского региона, а также на философском факультете РГУ — в рамках программ, преподаваемых в Ростовском межвузовском гуманитарном центре.

Пособие по курсу будет полезно студентам, аспирантам, слушателям, изучающим курсы «Политология», «Политическая социология».

ЧАСТЬ I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ, МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ЭЛИТИЗМА

Глава 1. ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ИСТОРИИ ПОЛИТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. ЭЛИТИЗМ И ЭГАЛИТАРИЗМ

Социально-философские и политические течения, в которых утверждается в качестве центральной идея о том, что необходимой составной частью любой социальной структуры выступает высший управленческий или интеллектуальный слой, который и определяет общественную динамику, существуют уже тысячелетия. В трудах Конфуция, Платона и Аристотеля, Цицерона и Полибия, П. Макиавелли и Т. Карлейля закладывались социально-философские основы элитизма.

Имея в виду и давнюю историческую традицию, и основательно разработанный в последнее столетие научный инструментарий, следует говорить о существовании элитистской парадигмы в социально-философском и гуманитарно-научном знании и в повседневной ментальности.

Этой парадигме оппонирует парадигма эгалитаризма, получившая наиболее широкое хождение в Европе, начиная с эпохи буржуазных революций, когда требования личных свобод и равенства граждан заняли центральное место в политических сознаниях и многих доктринах.

Анализ доктринальных предпосылок и эволюции элитизма показывает существование своеобразных приливов и отливов научного и общественного внимания к этой парадигме. Следует согласиться с мыслью Дж. Филда и Дж. Хайли о существенной связи элитистских идей с этапами цивилизационного развития, в особенности с теми, что включают развитие значительных по масштабам бюрократических организаций. Подобные колебания связаны также с переходными и кризисными эпохами в развитии цивилизаций.

Дilemma «элитизм-эгалитаризм» и в наше время противоречиво пронизывает весь свод гуманитарного знания. В условиях демократического общества более популярны идеи равенства, социальной справедливости, равных возможностей, равного доступа и равного участия в основных

социальных и политических процессах. Но, с другой стороны, такая приоритетная ценность как человеческая свобода и понимание того, что каждый человек ценен своим своеобразием, как раз и создают основания для элитистских подходов. Дилемма «элитизм-эгалитаризм» зарождалась в учениях древних философов. Здесь же находятся духовные истоки элитизма.

Корни и традиции. Уже много столетий человечество отчетливо сознает, что жизнь миллионов людей оказывается зависимой от решений, которые принимают немногие власть имущие, зависимой от того, являются ли эти решения квалифицированными и, главное, выражают ли они интересы и потребности населения, прежде всего, его большинства, интересы народных масс или же своеокрыстные интересы привилегированного меньшинства. Поэтому особая роль правителей — лидеров, элиты неизменно была предметом острого интереса и внимания социальных мыслителей. Отсюда пристальный интерес последних к составу и содержанию деятельности правящих слоев общества. Взгляды их на это явление были и остаются различными, порой диаметрально противоположными. Идеологи правящих классов, естественно, оправдывали существование элиты, в то время как лидеры и идеологи классов и слоев, не представленных в правящей элите, порой, ставили под сомнение легитимность этого слоя, хотя следует признать, что всякий раз, когда они брали власть в свои руки, оказывалось, что властные функции по-прежнему осуществлялись меньшинством, но его состав, его политика оказывались существенно иными. В любом случае успешное функционирование общества, качество жизни людей в значительной мере зависят от этого правящего меньшинства.

Интерес к качеству и роли элиты вполне естественен еще и потому, что действия этого социального слоя людей, облеченные властью, лежат на поверхности, могут непосредственно фиксироваться уже на эмпирическом уровне. Однако в этом обстоятельстве коренятся и гносеологические возможности теоретических ошибок, своего рода оптического обмана: явлениям, обнаруживающимся на поверхности, может быть придано преувеличенное значение. Вследствие этого процессы, являющиеся результатом действия многих причин, при подобном подходе выглядят одномерными, слишком плоскими. То, что фиксируется непосредственно, может заслонять собой действия более далеких, опосредованных причин, которые не лежат на поверхности, а находятся в глубине, скрыты за действиями, управленческими решениями власти предержащих. Среди этих глубинных действий и процессов, определяющим образом воздействующих на ход истории, прежде всего следует назвать деятельность миллионных народных масс, которая порой осуществляется за кулисами истории, а на ее подмостках действуют прежде всего персонажи из страты элиты, хотя роль народных масс в итоге оказывается великой, подлинно исторической, творческой.

Однако гносеологические корни тех или иных социально-политических концепций представляют собой скорее возможности их построений,

возможности, которые превращаются в действительность благодаря их социальным корням, благодаря тому, что они соответствуют потребностям и интересам тех или иных социальных групп, прежде всего тех, которые занимают властные позиции.

Нужно заметить, что говорить о социальных корнях концепции сейчас не модно, порой это рассматривается как пережиток марксистского методологического принципа классового анализа, который, в свою очередь, рассматривается как редукция социального знания к материальным интересам тех или иных классов, идеологизацией которых она является. Но понимание того, что та или иная социальная концепция есть продукт своего времени, продукт социальных отношений, т. е. принцип историзма и принцип социальной детерминированности познавательного процесса, — сильные стороны марксизма, к тому же далеко выходящие за рамки собственно марксизма, происходят от немецкой классической философии, они интегрированы современной наукой и, в частности, социологией познания (от К. Мангейма до Р. Мертена, которая, отталкиваясь от К. Маркса, обосновывает мысль о том, что определенная идеология оказывается функцией от места и роли класса или социальной группы, их интереса). Теории элиты — отнюдь не продукт чистой науки, «незамутненного мышления». Они конструируются прежде всего самими представителями господствующих классов. Вспомним, что еще не в столь отдаленном прошлом образованные люди были почти сплошь выходцами из привилегированных слоев общества. Поскольку само духовное творчество было, как правило, привилегией господствующих классов, естественно, что они исследовали прежде всего свою собственную деятельность. Уже поэтому к элитарным теориям следует относиться с изрядной долей скептицизма: ведь исследуют элиту чаще всего либо сами представители элиты, либо люди, близкие к ней. Но поскольку роль элиты в обществе традиционно осмысливали прежде всего представители господствующих классов, получается, что элита сама себя исследует. А будет ли этот автопортрет достаточно реалистичным, не может не вызвать законных сомнений.

Известно, что само разделение труда на физический и умственный поставило представителей второго в привилегированное положение. Но как раз люди умственного труда и осуществляют исследования элит. Разумеется, сказанное в особой степени относится к прошлому, когда представителей умственного труда было в обществе ничтожное меньшинство. Напротив, ныне, когда профессии умственного труда стали массовыми, их представители давно уже утратили свое привилегированное положение, их доходы порой ниже доходов людей физического труда, и их отношение к правящей элите, преимущественно апологетическое, сменилось достаточно критическим. Собственно, указанные сдвиги «работают» на общий рост демократических тенденций в современном мире.

Проблема элиты — важный аспект проблемы субъекта исторического процесса. На вопрос, кто является субъектом истории, может быть дан

самый общий ответ — люди. Но он нас не удовлетворит именно в силу этой общности. Ведь на деле этот субъект весьма дифференцирован. Не все люди одинаково «субъектны»: некоторые пассивны, некоторые выступают не двигателем, а тормозом социального прогресса. Это относится и к различным классам и социальным группам. Разные люди, разные сегменты общества обладают разным уровнем пассионарности.

Как уже отмечалось, проблема элиты тесно связана с проблемой разделения труда в обществе, элементом которой является дифференциация руководителей (их всегда меньшинство) и руководимых. Это в определенной степени коррелируется с биологическими, психологическими и иными различиями между людьми, из которых отнюдь не все могут быть руководителями, организаторами. Психологи считают, что таковых всего несколько процентов. Казалось бы, проблема решаема естественным образом, гармонично. Однако зададим вопрос — какие социальные последствия влечет такое разделение труда, когда оно приобретает характер привилегий для руководящего меньшинства и, при определенных условиях, эксплуатации меньшинством большинства.

Таким образом, достаточно тривиальная констатация того, что люди не равны по своим психофизическим данным, что только небольшой процент их имеет способности и склонности к организаторской деятельности, что разделение труда приводит к выделению на роли организаторов меньшинство, а на роли исполнителей — большинство населения, — представляется ключом к оптимальной социальной организации. Однако тут возникает слишком много «но». Прежде всего люди, занимающие руководящие общественные позиции, как правило, требуют для себя привилегированного положения. Кроме того, они склонны к стремлению захватить по возможности больше власти, уйти от контроля масс и лишить последних субъектности или хотя бы минимизировать их роль в управлении обществом, что представляет опасность едва ли не большую, чем отсутствие руководящего меньшинства, опасность анархии. Значит, подлинное решение указанной проблемы — оптимизация отношений элиты и масс. Разумная политика может быть в самом общем виде определена как направленность на уменьшение энтропии в обществе. Кто является субъектом и инициатором такой политики? Можно предположить, что им являются народные массы, объективно заинтересованные в такой политике. Однако вряд ли возможно представить себе, что оптимальная политика, направленная на прогрессивные социальные преобразования, например на модернизацию общества, будет выработана непосредственно народными массами. Хорошая идея не может прийти в голову сразу миллионам людей. Сначала она приходит одному или немногим людям и только потом, при благоприятных обстоятельствах, может овладеть умами миллионов людей. Таким образом, инициатором подобной политики обычно является элита — либо стоящая у власти, либо, чаще, потенциальная элита (контрэлита). В этом — ее роль как

важнейшего элемента в структуре субъекта социально-политического процесса. Понимание этого особенно важно в свете исторического опыта XX века, который показал, что массы часто оказываются носителями политических процессов, которым больше подходит понятие энтропийных. Они порой оказываются участниками движений отнюдь не демократических, зачастую тоталитарных (большевизм, фашизм, маккартизм, пужадизм, перонизм и т. п.).

Изучение элиты сталкивается с рядом трудностей объективного и субъективного порядка. Прежде всего сама элита далеко не всегда была заинтересована в объективной научной расшифровке ее деятельности, раскрытии тайны ее господства. Многие представители элиты разных поколений, причем такие совершенно разные, как Цезарь и Марк Аврелий, Наполеон и Гитлер, де Голль и Хомейни полагали, что если масса будет считать государственное управление делом не просто чрезвычайно сложным, но даже и таинственным, мистическим, трансцендентным, это может послужить стабильности социально-политической системы. Напротив, если всякий покров таинственности сбросить, деятельность лидирующего слоя будет демистифицирована, расшифрована, даже алгоритмизирована, согласно современной терминологии, станет достоянием всех, исчезнет его харизма в глазах масс, ослабеет его авторитет.

Как видим, для правящих классов (особенно в прошлом) как раз характерна заинтересованность в покрове тайны над деятельностью власти имущих, в мистификации господства меньшинства над большинством, в его идеологизации. Им необходимо идеологическое оправдание и обоснование самого существования этого социального слоя, осуществляющего государственное управление и обладающего законными привилегиями. И, напротив, интерес широкой общественности требует демистификации власти элиты, выявления и расшифровки механизмов осуществления ею этой власти с тем, чтобы либо поставить под сомнение легитимность существования авторитарной элитной группы, либо оптимизировать процесс принятия властных решений в интересах всего общества, иначе говоря, заставить элитную группу в ее политике выражать не ее интересы, а всего общества.

Даже при всем желании представителей некоторых господствующих классов ограничить знания об элите лишь узким кругом непосредственно заинтересованных лиц, сделать его эзотерическим, не представлялось возможным. Но, если это невозможно было в прошлом, то стало совсем нереально в эпоху мощных средств массовой информации, в эпоху всеобщего образования, в эпоху гласности. Вместе с тем и сами потребности правящего класса требовали разработки теоретических оснований и практических рекомендаций для успешной деятельности правящих групп. И поэтому вполне естественно и закономерно появление теоретических трудов, анализирующих и обобщающих деятельность людей, стоящих у руля политического руководства обществом.

Отрасль социального знания (в будущем — отрасль социологии и политологии), рассматривающая деятельность властных групп, формировалась на протяжении многих столетий. Ее развивали предшественники современной элитологии. Мы сконцентрируем внимание на рассмотрении трудов наиболее выдающихся из этих предшественников, внесших большой вклад в разработку рассматриваемой нами проблематики, в значительной степени повлиявших на современную элитологию. Это прежде всего Платон, Макиавелли, Карлейль, Ницше. Важное место среди этих мыслителей занимает З. Фрейд. Впрочем, Фрейд — это уже современник основоположников элитологии, что дает нам основание рассмотреть его взгляды на интересующую нас проблему в последующих главах.

Предыстория элитологии. Если собственно элитология как самостоятельная научная дисциплина — продукт XX века, то ее корни, как мы видели, уходят в глубь веков. Наш экскурс в историю социально-политической мысли будет по необходимости кратким и фрагментарным. Мы ограничимся наиболее интересными для нас и, как нам представляется, яркими фрагментами. Первые дошедшие до нас источники, свидетельствующие о серьезной рефлексии по поводу роли правителей и содержании и задачах их деятельности, относятся к I тыс. до н. э. К. Ясперс не случайно назвал время между 800 и 200 годами до н. э. «осевой эпохой» всемирной истории, когда в Китае, Индии, Ближнем Востоке, античной Греции и Риме сформировался тип человека, который существует и поныне, когда осуществился прорыв мифологического мировоззрения, составлявшего духовную основу «доосевых культур», когда возникают рефлексия, недоверие к непосредственному опыту, на ниве которых произрастает философское знание.

Пристальное внимание уделяли власть предержащим древнекитайские мыслители, которые пытались сконструировать нормативную модель правителя. Гуань Чжун (ум. в 645 г. до н. э.), один из основателей легизма, ставил закон выше правителей. Все люди должны быть равны перед законом, должны существовать универсальные принципы управления, одинаковые для всех. И все же, по мнению ряда легистов, существует одно исключение: это сам правитель, творец законов. Идеи Гуань Чжуна об отношении верхов и низов общества опередили политическую мысль на тысячелетия. Они поражают своей глубиной и проницательностью: «Правитель и чиновники, высшие и низшие, знатные и подлые — все должны следовать закону. Это и называется великим искусством управления».

Древнекитайские мудрецы полагали, что целостность, процветание империй или, напротив, их упадок и распад зависят прежде всего от качества правителей. Необыкновенной глубиной отличаются суждения одного из величайших древнекитайских мудрецов Лао Цзы (род., по преданию, в 604 г. до н. э.): «Лучший правитель, о котором знают, что он есть,

и все (т. е. он правит тактично, не навязывая свои решения, как бы стимулируя подданных принимать самим правильные решения, мудрый правитель предпочитает оставаться в тени. — Г. А.). Которого любят и почитают, тот похуже. Еще хуже тот, которого народ боится. Хуже всех, над которым смеются»¹.

Но, бесспорно, наиболее известны взгляды великого китайского мыслителя Конфуция (551 — 479 гг. до н. э.). По Конфуцию, управлять государством призваны благородные мужи во главе с государем (сыном неба), причем управлять на принципах добродетели. Благородный муж является таковым не в силу происхождения, но благодаря воспитанию в себе высоких моральных качеств. Перед простолюдином, по системе Конфуция, открывается определенная возможность социальной мобильности, возможность стать высокопоставленным чиновником, если он обнаружит высокие способности, будет усердно учиться, проявит себя как добродетельный человек. То есть система, утверждавшаяся Конфуцием, была более прогрессивной, чем кастовая система почти с нулевой мобильностью, которая существовала в тот же исторический период в древнеиндийской цивилизации, хотя и Конфуций утверждал разные нормы поведения людей — одни для «благородных», призванных повелевать, другие — для «низких», призванных к смирению. У Конфуция «благородный муж» отличается прежде всего хорошим воспитанием, «он, в частности, не может быть грубым»². Хотя Конфуций являлся сторонником словно-иерархического деления, особое внимание он уделял возможности выдвижения на руководящие посты людей, обладающих знаниями. По существу через сферу образования провозглашался принцип равных возможностей.

Интересны модели идеальных правителей у китайских мыслителей. Для Гуань Чжуна совершенный правитель считает улучшение жизни народа своим важнейшим делом: «... верхи добросовестно заботятся о низах, а низы должны честно служить верхам», — таково оптимальное отношение верхов и низов, при котором «правитель не теряет авторитета, низы не относятся небрежно к своим трудовым занятиям». По Конфуцию, идеальный правитель должен быть добродетелен. Его высокие моральные качества дают ему право властвовать над народом. Согласно Конфуцию, правитель следуя почитать пять «прекрасных качеств»: «благородный муж в доброте не расточителен; принуждая к труду, не вызывает гнева; в желаниях не алчен; в величии не горд; вызывая почтение, не жесток». И искоренять «четыре отвратительные качества»: «если (народ) не поучать, а убивать, это называется жестокостью. Если (народ) не предупредить, а затем выразить недовольство; увидев результаты (труда), это называется грубостью. Если настаивать на быстром окончании (работы), прежде дав указание не спешить, это называется разбоем, если обещать награду, но

¹ Лап Цзы. Дао Дэцзин. Дубна. 1994. С. 17.

² Семененко И. И. Афоризмы Конфуция. М., 1987. С. 278.

поскупиться ее выдать, это называется жадностью¹. Если народ «упрямо не желает следовать (правителю), тот должен быть твердым; если же он послушен, правитель должен уметь быть мягким».

Проповедь элитарной исключительности характерна для древнекитайской культуры. Для Конфуция установленный порядок вещей — Ли — включает в себя различия между верхами и низами, правителями и управляемыми. По конфуцианскому канону народ ни в коем случае нельзя предоставлять самому себе, оставлять без морального воздействия правителей, чтобы он не «испортился»².

Если культура древнего Китая допускала определенную ступень мобильности из низших страт общества в высшие, то в древней Индии такой переход был максимально затруднен, если не закрыт полностью. В древнеиндийской философии Браhma, «образующий реальное и нереальное», определяет и «род деятельности (карму) и особое положение «человека»³. Жесткая кастовая система в древней Индии как бы «естественно» порождала элитарное миропонимание, которое и являлось идеологизацией существовавших социальных отношений. Именно представители высшей касты — брахманы — выступали носителями и толкователями ведической мудрости. В ведической мифологии Пуруша — прародитель космоса и человечества с его «естественной» иерархией: изо рта Пуруши возникли брахманы, из рук — воинское сословие (кшатрии), из бедер — торговцы (вайшья), из ступней — шудры (низшая каста).

Близкая мифология характерна и для древнейших стран Ближнего Востока, где мы встречаем учение о разделении людей на золотых, серебряных и бронзовых — учение, в определенной степени развитое Платоном (впрочем, без ссылки на источник).

Именно Платоном было, пожалуй, наиболее полно сформулировано в античной философии элитарное мировоззрение. Идеолог афинской аристократии, он решительно выступал против допущения демоса к участию в политической жизни, в государственном управлении, пренебрежительно именуя его толпой, враждебной мудрости, руководствующейся не знаниями, а мнениями, далекими от истины. Государственные функции, по Платону, могут успешно выполняться лишь аристократами, получившими специальное воспитание; ремесленники и крестьяне должны быть отстранены от управления обществом и других занятий «благородных людей» и обречены на выполнение «чернолой работы»; рабов Платон вообще не считал за членов общества.

¹ См.: *Проблемы человека в трудах китайских ученых*. М., 1983; *Маявин В. В. Человек в культуре раннеимператорского Китая*. М., 1989; *Бурлацкий Ф. М. Мао Цзедун*. М., 1976. С. 360.

² См.: *Лунь Юй. Древнекитайская философия. Т. I*. М., 1972; *T. II*. М., 1973.

³ *Законы Ману*. М., 1960. С. 22. 23.

Свои реакционные политические устремления Плагон пытался обосновать учением о душе, согласно которому она состоит из трех частей: разумной, волевой (аффективной) и чувственной (пожелательной). Первые две более высокие формы душевной деятельности присущи «немногим избранным» — аристократии, что дает ей право управлять государством. В соответствии с этим он делит общество на философов-правителей — в их деятельности воплощена разумная часть души, воинов-стражей, «надзорателей над народом», призванных поддерживать порядок, реализуется волевая часть души. Низшая — вожделеющая сторона души — проявляется, по Платону, в деятельности простолюдинов; от них требуются соблюдение установленных порядков, трудолюбие, бдропотное повиновение правителям и стражам. К. Маркс не без оснований заметил, что эта теория «представляет собой афинскую идеализацию египетского кастового строя¹», и уж во всяком случае восхваление спартанской политической системы в противоположность афинской демократии.

«Нет надежды избавиться от зол государству, — писал Платон, — ... кроме как посредством личного союза между политической властью и философией... Либо философы должны стать царями наших государств, либо люди, которых сегодня называют царями, должны искренне и серьезно заняться философией². И далее: «... ни для государства, ни для граждан не будет конца несчастьям, пока владыкой государства не станет племя философов³. Одно дело считать, что Платон просто требует мудрости от правителей; но если бы правителями действительно стали философы, скорее можно было бы ожидать наибольших социальных потрясений. Концепция Плагона — типичная утопия (переходящая в антиутопию). А. Гойнби справедливо писал, что сделать утопию философа пригодной для реальной жизни можно только через механизм социального мимезиса, особой формы социальной тренировки, сопровождаемой насилием⁴. Действительно, не случайно Платон защищает право управлять «то убеждением, то силой⁵. Становясь царем, философ перестает быть философом. Опять-таки прав Гойнби в том, что философ самоуничтожается, как только он вступает в поле безжалостного действия царя, а царь самоуничтожает себя, входя в философское поле отвлеченных размышлений⁶.

Плагон в своих диалогах постоянно изображает себя последователем, учеником Сократа. Но в действительности позиция Сократа по вопросу о взаимоотношениях носителей власти и философов была принципиально иная: философ не должен требовать престола, позиция Сократа — позиция

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 383.

² Платон. Государство. Соч. Т. 3. Ч. I. 473 д, 501 Е.

³ Там же. 502 А.

⁴ Тойнби А. Постижение истории. М., 1991 г. С. 486.

⁵ Платон. Цит. соч. 548 Л.

⁶ Тойнби А. Цит. соч. С. 469.

подлинного интеллигента, который как интеллигент не царь, а теоретик и критик власти. И прав К. Поппер, подчеркивающий контраст между учениями Сократа и Платона, говоря о ничтожестве идеи философа-правителя. «Какой контраст она составляет с простотой и человечностью Сократа, предостерегавшего политика против опасности ослепления собственной властью»¹. Правитель как философ должен почитать истину выше всего на свете, но именно как правитель он должен нередко прибегать ко лжи и обману, разумеется, ради пользы тех, кто ему подвластен, спешит оправдаться Платон.

Платон любит ссылаться на миф (истоки которого, как отмечалось, можно обнаружить в древневосточных преданиях) о том, что «бог в тех из нас, кто способен править, примешал при рождении золота, и потому они наиболее ценны, в помощников их — серебро, железа же и меди — в земледельцев и разных ремесленников»². Чуть ниже, впрочем, Платон выражает готовность пойти на небольшую уступку: если в низших сословиях «родится кто-нибудь с примесью золота или серебра, это надо ценить и с почетом переводить его в стражи»³, однако упор он делает на то, что из высших классов следует исключать «носителей любых примесей к основному металлу»⁴, — т. е. подчеркивается именно возможность движения вниз.

Поппер справедливо замечает, что забота о чистоте сословия (т. е. расизм) занимает важное место в платоновской теории⁵. Такова его установка на запрет смешанных браков, во всяком случае, требование, чтобы ребенка, родившегося в смешанном браке, причисляли к касте того из родителей, который ниже по своему статусу⁶.

Трагедия общества, по Платону, — когда правящий класс оказывается разделенным. Эта разъединенность порождается честолюбием, и тогда тимократия вырождается в олигархию («всякая власть разрушается разве не самими ее носителями?» — не без оснований спрашивает Платон, хотя и тут можно отметить, что этому обычно предшествует объективное ухудшение исторической ситуации, ослабление политической системы и т. д.). Гармонизировать классовые отношения, по Платону, следует не через их уравнивание, а через подавляющее превосходство господствующего класса. В любом случае главное — сохранить единство правителей. Как этого достичь? Во-первых, через подавление экономических интересов, связанных с частной собственностью, отсюда требование отмены частной собственности правителей. Во-вторых, через единое государственное

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. I. М., 1992. С. 198.

² Платон. Цит. соч. 415 А.

³ Там же. 415 С.

⁴ Там же. 546 А.

⁵ Поппер К. Цит. соч. С. 190.

⁶ См.: Платон. Законы. 930 Д.

обучение их. Еще раз отметим расистские аргументы Платона, который сетует на то, что люди тщательно производят селекцию скота и пренебрегают этим в отношении человеческого рода¹.

Итак, идеальная модель государства у Платона включает в себя: строгое разделение на классы; абсолютное превосходство господствующего класса, для чего он обладает монополией на образование и другими привилегиями; наконец, отождествление судьбы государства с судьбой правящего класса. Классы, а лучше сказать касты, отделены друг от друга жесткими социальными перегородками, правители не смешиваются с управляемыми, даже живут обособленно. Тем не менее, как мы видели, Платон допускает как исключение перевод неспособных потомков правителей и стражей в низшие касты и, наоборот, детей, обладающих редкими талантами, из низших каст в высшие. Ссылаясь на это положение Платона, американские исследователи элитарных теорий К. Прюит и А. Стоун называют Платона предшественником теории циркуляции элит.

Свое «идеальное государство» Платон противопоставлял демократии, в которой осуществляется власть «сильного зверя» — черни, демоса. Он особенно опасался, что демос — те, кто трудится своими руками, «всего многочисленнее и при демократическом строе всего влиятельнее»². Различая три основных формы правления — монархию аристократию и демократию, он делил каждую еще на подтипы: монархия может быть законной или насильтвенной (тиранней), аристократия как власть немногих может быть владычеством лучших (аристократия) или худших (олигархия), однако, острее всего его критика демократии, вырождающейся в охлопратию. В его «идеальном государстве», как и в олигархии, властвуют немногие, но, в отличие от олигархии, этими немногими являются «достойнейшие», действительно способные управлять государством в силу природных задатков и многолетней тренировки, поэтому «идеальное государство» — воплощение справедливости, разумеется, справедливости с точки зрения касты правителей).

Мы более подробно остановились на концепции Платона не только потому, что она достаточно рельефно обнажает идеалы элитаризма, но и потому, что она оказала огромное влияние на элитаристов XX века. Сошлемся на американского политолога Г. Меджида, воспроизведшего схему социально-политической структуры общества Платона. По Меджиду, говорить о том, что демократическое общество способно функционировать без элиты, можно только в целях политической демагогии; на деле общества различаются лишь составом, мобильностью элиты и принципами ее пополнения. Меджид предлагает целую систему элитарного воспитания, которое увековечивало бы дистанцию между элитой и массами. Общество он делит на три части: массу, элиту и философскую сверхэлиту.

¹ Платон. Государство. 459 Б, С.

² Там же. Соч. Т. 3. Ч. I. С. 383.

Для каждой из этих страт уровень образования должен быть различным, как и объем информации, который они получают. Отношение между уровнями образования этих категорий должно быть примерно таким, каково отношение между уровнями водителя автомашины, механика и инженера. Первый уровень — для масс — уровень водителя, которому объяснили, какую кнопку или педаль нажимать в том или ином случае. Второй уровень — для элиты — уровень механика, который понимает сущность действия машины, принципы работы мотора, взаимодействия частей и т. д. И третий уровень — для философской сверхэлиты уровень инженера-конструктора, который может конструировать машины, изменять их. Первый уровень должен включать «обучение на основе тщательно написанной истории, рассказов о героях путем примера или принудительного ритуала». Главное здесь — воспитание в массах лояльности существующей системе, причем эту лояльность нужно воспитывать с действа, прежде чем молодежь достигнет уровня интеллектуальной зрелости и умения критиковать. Второй уровень — воспитание элиты или лидерства (для Меджиды это «демократическая формулировка одного и того же понятия»). Тут надо выйти за пределы мифов и стереотипов — элита должна знать политическую «кухню», закулисную сторону государственного механизма. Воспитание элиты должно быть «реалистичным», ее надо избавить от «политической болтовни», годной лишь для оболванивания масс, и научить искусству командовать массами. Третий уровень — воспитание философской сверхэлиты, которая вырабатывает истинное и полное понимание социальной жизни. На этом уровне достигается «истина о политических проблемах, истина об основах политической жизни как нормативных, так и действительных»¹. Не правда ли, все это весьма напоминает рецепты Плагона?

Большую известность приобрела аристотелевская классификация форм правления по числу лиц, которым вручена власть: власть одного, монарха, и ее деградировавшая форма — гиранция; аристократия — власть немногих, лучших (основное качество их — достоинство) и ее деградировавшая форма — олигархия (среди ее характеристик Аристотель на первое место ставит богатство); власть большинства — полития (республика), власть в ней основана на законе, правительственные должности достаются и бедным, лишь бы они были достойны; ее негативной формой является демократия, где власть находится в руках неуправляемой толпы². Аристотель разделяет власть господскую и политическую. Душа властвует над телом, как господин, а разум — над нашими стремлениями, как государственный муж³. Характерно высказывание Аристотеля о том, что «только те государственные устройства, которые имеют в виду общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными: имеющие же в виду только благо правящих — все ошибочны и представляют

¹ *The Journal of Philosophy*, 1995, № 2. Р. 32—39.

² Аристотель. Политика. Соч. Т. 4. С. 457, 458.

³ Там же. С. 383.

собой отклонения от правильных; они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей¹!. Можно сказать, что взгляды Аристотеля более прогрессивны по сравнению со взглядами Платона.

В средние века учение церкви о небесной и земной иерархии оправдывало крепостнические, сословные порядки: безропотное повинование масс феодальным правителям утверждалось церковью как безусловная добродетель. Иоанн Солсберийский отождествлял государство с человеческим организмом, утверждая, что в этом «теле» духовенство — душа, правители — голова, крестьяне — ноги (кстати, эта мысль близка приведенному выше положению ведической мифологии). Другой средневековый богослов — Фома Аквинский, канонизированный католической церковью, проповедовал, что подданные должны безропотно нести «свой крест», подчиняясь «богоизбранным» правителям. При этом он добавлял, что подчиняться им следует лишь в телесных действиях. Во внутренних же движениях души следует «повиноваться лишь богу». Все это весьма устраивало феодальных правителей. Весь мир Аквинац представлял по образцу феодальной системы в виде иерархической лестницы «люди — ангелы — святые — бог».

Если обратиться к идеологам Возрождения, наиболее ярки и оригинальны, безусловно, работы Никколо Макиавелли. Его взгляды на проблему отношений правителей и подданных отличаются противоречивостью. С одной стороны, он выступал против феодалов, тормозивших объединение Италии, с другой, он более всего опасался бунта вышедших из повиновения масс: «Не существует ничего более ужасного, чем разнужденные, лишенные вождя массы, и вместе с тем, нет ничего более беспомощного². Он ищет оптимальное соотношение между правителями и народом и видит его в сильной власти. В то же время Макиавелли осуждает тираническую власть, развращающую правителей и массу, которая, привыкнув терпеть тирана, становится «холуйской, лицемерной». Хотя личность политического вождя оказывается в центре внимания Макиавелли, он, в отличие от своих предшественников, не сводит политический процесс только к действиям героев, в его представлении он весьма многокрасочен. Макиавелли различает активных и пассивных участников исторической драмы: это и монах, и дворянство, и простолюдин, выходящий на городскую площадь и поддерживающий государя, или бунтующий против него офицер, участвующий в военном столкновении, ростовщик, субсидирующий политика, церковный деятель и т. д. Он рисует яркие психологические портреты лидеров; их действия стимулируются главным образом дурными страстями, врожденными, исконно присущими людям. Они «неблагодарны, изменчивы, лицемерны, трусливы перед опасностью, жадны до наживы». Макиавелли готов оправдать аморальные средства, при помощи которых правители достигают власти. При этом власть — не только

¹ Аристотель. Политика. Соч. Т. 4. С. 456.

² Макиавелли Н. Избр. соч., М., 1982. С. 436

ценность в себе, но средство для достижения определенных политических целей. Чтобы властвовать, правители должны знать главные стимулы человеческой деятельности (а это, по Макиавелли, жажда власти и обладание имуществом), изучать и использовать в своих интересах вкусы, наклонности, слабости толпы и благодаря этому господствовать над ней. Подданные должны бояться правителей, платить налоги, поставлять рекрутов.

Интересна типология методов правления, предлагаемая Макиавелли, которые обеспечивают эффективность власти: это — «львы» — решительные правители, опирающиеся на силу, и «лисы» — гибкие политики, для которых характерны ловкость, притворство, хитрость, это мастера переговоров и закулисных интриг. Решая дилемму, на кого государю делать ставку из двух борющихся сил — на народ или на знать, Макиавелли однозначно выбирает народ. Он пишет: «...нельзя честно, не ущемляя других, удовлетворить притязания знати, но можно — требования народа, так как у народа более честная цель, чем у знати: знать желает угнетать народ, а народ не желает быть угнетенным»¹. Государю надлежит быть в дружбе с народом, иначе в трудное время он будет свергнут: «он никогда не обманется в народе и убедится в прочности подобной опоры»².

Хотелось бы обратить внимание еще на одну глубокую, не оцененную до конца мысль Макиавелли, последовательное развитие которой приводит к выводу о том, что власть предпочтительнее доверять тому, кто к ней менее рвется, доверять не явно выраженным честолюбцам, но тем, кто отчасти этой властью тяготится. Поскольку в каждой республике, рассуждает Макиавелли, есть люди знатные и народ, интересы которых обычно противостоят друг другу, возникает вопрос, кому лучше доверять власть: «...охрану какой-либо вещи надлежит поручать тому, кто бы менее жаждал завладеть ей. А если мы посмотрим на цели людей благородных и худородных, то, несомненно, обнаружим, что благородные изо всех сил стремятся к господству, а худородные желают лишь не быть порабощенными и, следовательно, гораздо больше, чем гранды, любят свободную жизнь, имея меньше надежд, чем они, узурпировать общественную свободу»³. Макиавелли делает вывод о том, что интересы народа гораздо больше совпадают с интересами государства. Он отнюдь не идеализирует народ, который, как и государь, и аристократия, подвержен влиянию обстоятельств, хотя и в меньшей степени, чем первые. Он утверждает, что «народ, который долго и смиленно терпит тиранию власти или иностранное иго, — это развращенный народ, утративший драгоценный дар богов — свободолюбие, независимость, честность, смелость»⁴.

¹ Макиавелли Н. Избр. соч., М., 1982. С. 329.

² Там же. С. 330.

³ Там же. С. 391.

⁴ Там же. С. 411.

Хотелось бы обратить внимание на односторонность многих политологов и политиков, подчеркивающих только одну сторону творческого наследия Макиавелли, которая связана с обоснованием сильной власти, а также политического аморализма¹, оставляя в тени то обстоятельство, что описываемые им методы достижения власти были для него прежде всего средством достижения цели, бывшей, несомненно, прогрессивной — объединения Италии. Раздираемая феодальными распрями, таможенными перегородками, беззаконием феодальных правителей, беззащитная перед вторжением иностранцев, страна не могла нормально развиваться. И ради преодоления этой феодальной раздробленности Макиавелли допускал любые, в том числе жестокие, аморальные средства. Кстати, несвободна от подобного одностороннего подхода к наследию Макиавелли и «макиавеллиевская» школа элитаризма и один из ее лидеров — профессор Нью-Йоркского университета Джеймс Бернхэм².

Большое влияние на развитие политической философии оказали взгляды идеологов Просвещения, прежде всего договорная теория государства, развивавшаяся Гоббсом, Локком, Монтескье, Руссо. В работах идеологов нарождавшейся буржуазии пробивала дорогу идея народного суверенитета, неприемлемая для последовательных элитаристов. Английский поэт Дж. Миль顿 (XVII в.) доказывал, что народ — единственный суверен, что власть правителей должна им контролироваться. По Дж. Локку, государство должно действовать по воле большинства (подразумевалось большинство в буржуазном парламенте). Он развивал учение о разделении властей как средство предотвращения злоупотребления властью правителями. В концепции Монтескье общественный договор представляет собой не сделку, а вручение народом власти правителю, которому народ делегирует свои полномочия. Причем интересы государства и его граждан выше интересов правителей. Монтескье существенно дополнил классическую, идущую еще от Аристотеля классификацию форм правления. В его учении формы правления делятся не по числу лиц, которым вручена власть, а по характеру политических и иных отношений между правителями и управляемыми, причем важное место принадлежит правовому оформлению этих отношений. Монтескье — сторонник конституционных государств, ибо сама природа деспотических государств ведет к произволу, злоупотреблениям властью со стороны правителей по отношению к подданным. Сторонник «умеренных» государств, он считал, что аристократическое правление сохраняет стабильность, если действует в соответствии с законами. Гибель аристократии он увязывал с утратой легитимности, когда власть становится произвольной, а государство деспотическим.

¹ Отметим как исторический парадокс, что в юные годы будущий прусский король Фридрих II написал книгу «Антимакиавелли», в которой атчил автора за политический аморализм. Но, став королем, он использовал худшие из описанных Макиавелли методов борьбы за власть.

² См.: Burnham J. *The Machiavellians — defenders of freedom*. NY, 1943.

Французские просветители XVIII в. гневно осуждали тиранию и деспотизм, считали, что интересы народа грубо попраны, что феодальные правители лишили народ его естественных прав. Гельвеций писал, что «аристократия узурпирует все формы власти» по праву рождения, не обладая талантами и заслугами, и закабаляет народ. Великие французские материалисты XVIII в. провозглашали право народа на восстание против тиранических правителей. «Всякий народ, стонущий под игом самовластия, вправе сбросить его»¹. Однако этот вывод не проводился ими последовательно. Они опасались крайностей революции, не верили в способность народных масс самостоятельно руководить общественной жизнью. По их мнению, массы должны следовать за просвещенными лидерами из образованных классов. Хотя французские просветители беспощадно разоблачали феодальных правителей как тиранов, порабощавших народ, в их понимании народные массы не являются субъектом социального процесса. Занимая в целом идеалистическую позицию в интерпретации общественной жизни, они приходили к выводу, что творцы истории — «мудрые законодатели», «просвещенные правители».

Идеи народовластия развивал и выдающийся американский демократ Т. Джефферсон. «Вопрос о том, должна ли принадлежать власть народу или высшему сословию, служил причиной непрерывных смут, раздиравших в древности Грецию и Рим, точно также, как теперь он вызывает раскол в каждом народе, если только клят деспотизма не лишает его возможности мыслить и говорить», — провозглашал он².

Джефферсон писал: «Массы человеческие не рождены с седлами на спинах, чтобы немногие привилегированные, пришпоривая, управляли ими с помощью закона и милостью божьей³. Противоположные мысли, более близкие современным элитаристам, высказывал идеолог консервативного крыла отцов-основателей США А. Гамильтон: «В обществе есть немногие и многие. Первые богаты, у них хорошее происхождение. Вторые — массы народа. Говорят: глас народа — глас божий. Но это не так. Народ переменчив, подвержен волнениям, он редко судит правильно»⁴. Обосновывая невозможность и нежелательность правления народа, Гамильтон говорил: «Дайте волю им, и они будут подавлять немногих»⁵.

Элитаризм критиковался сторонниками народного суверенитета и демократии, а также сторонниками эгалитарств. Классические теории

¹ Гельвеций К. А. *О человеке, его умственных способностях и его воспитании*. М., 1938. С. 396.

² На что, между прочим, он получил от своего оппонента А. Гамильтона реплику: «Сударь, ваш народ — скот».

³ Jefferson N. *Memories, Correspondence and Private Papers*. V. IV, N. Y, 1965. P. 452.

⁴ Цит. по: Dye T. *Whos Running America*, New Jersey, 1978. P. 20.

⁵ Цит. по: Mints, M., Cohen J. *Power, ins.* N. Y, 1976. P. 4.

демократии были, как правило, не антиэлитаризмом, а умеренным компромиссом между народоправием и элитаризмом. Причем главным оппонентом элитаризма выступал эгалитаризм, пропагандировавший идеи уравнительности как основы организации социальной жизни, включая имущественное равенство. Идеи эгалитаризма зародились еще в условиях рабовладельческого строя как ностальгическая тоска по принципам первобытного равенства. Они проявились уже в античной Греции и Риме, в проповедях некоторых библейских пророков, в евангельской проповеди, в движении ранних христиан, некоторых монашеских и сектантских общин, в крестьянских движениях в средние века, в движении английских левеллеров. Жан-Жак Руссо разрабатывал теории равенства с сохранением мелкой частной собственности (этот идеал пыталась осуществить якобинская диктатура). Руссо сформулировал основные атрибуты, власти народа: ее неотчуждаемость, неделимость, неограниченность. Суверенитет народа является осуществлением общей воли. Причем, по Руссо, у общей воли нет иных целей, кроме общего блага, а главным ее стремлением является стремление к равенству. Наиболее радикальный эгалитаризм проповедовали Бабеф и бабувисты, требовавшие уравнительного распределения общественного богатства на основе общности имущества. Утопический социализм и коммунизм проповедовал всеобщую уравнительность и аскетизм; наиболее крайнее выражение он получил в казарменном коммунизме.

Казалось бы, эгалитаризм наиболее близок демократии и является ее более последовательным проведением. Но это скорее только видимость. Сторонники казарменного коммунизма (напр., Г. Пломбани), понимая, что в условиях всеобщей уравнительности люди утрачивают стимулы к труду, выступали с требованиями системы жесткого контроля и принудительных механизмов, регламентации сверху труда и быта людей, что прямо противоположно идеалам демократии, причем это право на насилие берет на себя определенная группа, которая и выполняет функции тоталитарной элиты. Иначе говоря, теоретики казарменного коммунизма предвосхитили политику и идеологию Пола Пота.

Но в этом курсе нас интересует идеология не эгалитаризма, но элитаризма. Поэтому наш краткий исторический экскурс мы можем закончить, рассмотрев идеи непосредственного предшественника элитаризма XX века, каким, безусловно, является Ф. Ницше.

Первоосновой мирового процесса Ницше объявлял волю к власти; движущая сила истории — «ненасытное стремление к проявлению власти, и применение власти, пользование властью как творческий инстинкт»¹. Мораль, по его убеждению, играет разлагающую роль, это — «оружие слабых», «инстинкт толпы», который преодолевают «сверхчеловеки». По Ницше, «жизнь по самой своей сущности есть присвоение себе чужого, оскорблечение другого, завладение тем, что нам не принадлежит и что слабее

¹ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. IX. М., 1909. С. 298.

нас, притеснение, безжалостное отношение, насильственное введение собственных форм ... есть стремление к власти¹. Консервативное крыло современных элитаристов восприняло концепции Ницше о «господах Земли», о «высшей расе — аристократии», попирающей массы, о том, что народ должен быть удержан в рабстве всеми средствами — насилием, религией, рабской моралью².

Ницше осмысливает процесс и причины упадка элит. «Если, например, аристократия, как это было во Франции в начале революции, отрекается от своих привилегий и приносит себя в жертву распущенности своего морального чувства... Но в хорошей и здоровой аристократии существенно то, что она чувствует себя не функцией (все равно, королевской власти или общества), а смыслом и высшим оправданием существующего строя, поэтому она со спокойной совестью принимает жертвы огромного количества людей, которые должны быть подавлены и принижены ради нее до степени людей неполнценных, до степени рабов и орудий»³.

Главная мишень критики Ницше — революционные силы, восставшие против господства элиты: «Нет ничего страшнее варварского сословия рабов, научившихся смотреть на свое существование как на некоторую несправедливость и принимающих меры к тому, чтобы отомстить за себя и за все предыдущие поколения⁴. Ницше страшится активности и организованности масс, видя задачу в том, чтобы задержать поток «повидимому неизбежной революции».

Ницше — критик буржуазной демократии справа, его политический идеал — сильная власть аристократии над народом. Возвышение человека — «дело аристократического общества как общества, которое верит в длинную вереницу рангов и в разноценность людей и которому в некотором смысле нужно рабство. Без пафоса дистанции, порождаемого воплощенным различием сословий, постоянной привычкой господствующей касты смотреть испытывающие и свысока на подданных, служащих им орудием, и столь же постоянным упражнением ее в повиновении и повелевании, в порабощении и умении держать подчиненных на почтительном расстоянии, совершенно не мог бы иметь места другой, более таинственный пафос — стремление к увеличению дистанции в самой душе, достижение все более возвышенных, более редких, более отдаленных, более напряженных и широких состояний»⁵.

Если для Протагора человек есть мера всех вещей, то для Ницше эта мера — аристократия. «Люди знатной породы чувствуют себя мерилом ценностей, они не нуждаются в одобрении, они говорят: «Что вредно для

¹ Ницше Ф. *По ту сторону добра и зла. Соч. Т. 2. М., 1990. § 259.*

² Там же. § 257, § 260.

³ Там же. § 258.

⁴ Ницше Ф. Полн. собр. соч. Т. IX. С. 126.

⁵ Ницше. *По ту сторону добра и зла. Соч. Т. 2. § 257.*

меня, то вредно само по себе», они сознают себя тем, что вообще только и дает достоинство вещам, они созидают ценности. Они чтут все, что знают о себе, такая мораль есть самопроявления¹. Это, пожалуй, наиболее откровенная формулировка элитаризма. «Есть мораль господ и мораль рабов», — утверждает Ницше. Господствующая каста «с удовлетворением сознает свое отличие от подвластных ей людей... Знатный человек отделяет себя от существ, выражавших собой нечто противоположное, таким возвышенным, гордым состояниям: он презирает их². И далее: «Есть инстинкт распознавания ранга, который более всего является признаком высокого ранга, есть наслаждение, доставляемое нюансами почитания, и оно указывает на знатное происхождение и связанные с ним привычки³. Ницше определяет признаки знатности: «Не иметь желания передавать кому-нибудь собственную ответственность, не иметь желания делиться ею; свои преимущества и пользование ими причислять к своим обязанностям»⁴.

Так цинично формулируется кредо элитаризма — сильная власть аристократии, которая «должна твердо верить, что существует не для общества, но что оно (общество) — не более как фундамент и подмостки, на которых высоко стоят какие-то высшие существа»⁵. Эта формулировка элитаристского идеала в XX веке будет модернизироваться, ей будут стараться придать более «пристойный» вид в глазах буржуазно-демократических кругов, но сущность ее не изменится.

Основоположники и классики элитологии. До сих пор речь шла о предшественниках элитологии. Теперь речь пойдет о формировании собственно элитологии, т. е. о периоде, охватывающем последние сто лет. Признанными основателями элитологии и ее патриархами являются итальянские социологи Г. Моска и В. Парето. Симптоматично, что еще один патриарх элитаризма — Роберт Михельс — по национальности немец, уроженец Германии, переехал в Италию, где получил профессорскую кафедру и принял итальянское гражданство (его и звали в Италии Роберто Михельс). К представителям первого поколения элитологов, творчество которых приходится на конец XIX — первую треть XX века, относятся также французский политолог Ж. Сорель, выдающийся немецкий социолог М. Вебер, знаменитый австрийский психиатр, психолог, культуролог З. Фрейд.

Они сформулировали азбуку доктрины, и последующие элитаристы развивали, переосмысливали отдельные положения, но фундаментальные основания оставались незыблемыми. Это — элитарная структура

¹ Там же. § 260.

² Там же.

³ Там же. § 263.

⁴ Там же. § 272.

⁵ Там же. § 258.

общества как необходимость и как норматив¹. Именно они сделали элиту предметом своего исследования, попытались дать ей дефиницию, раскрыть ее структуру, законы ее функционирования, роль элит в социальной и политической системе, мобильность в элиту представителей других страт общества, закономерности смены элит.

Пальма первенства в формулировании современных теорий элиты принадлежит Гаэтано Моске и Вильфредо Парето. Причем между этими авторами и их последователями шел и продолжается спор о приоритете. В. Парето стал знаменит, пользовался европейской известностью задолго до известности Моски. Но целостную концепцию правящего класса, его роли в социально-политическом процессе (в первых трудах Моски термин «элита» отсутствует, зато его широко использует Парето) впервые выдвинул именно Моска. Позднее Моска обвинял Парето (не без некоторых оснований) в принижении его заслуг в разработке теории политической элиты, сетовал на то, что тот не сослался должным образом на его работы, которые знал и в значительной мере использовал. Во всяком случае, и Моска, и Парето высказали ряд сходных идей.

Концепция правящего класса как субъекта политического процесса была сформулирована Г. Моской в книге «Основы политической науки», вышедшей в 1896 г. и получившей широкую известность после второго переработанного и расширенного издания в 1923 г. Но особенно возросла популярность Моски после перевода его книги на английский язык под названием «Правящий класс». Обратимся к этой книге — классике элитологии.

Исходный пункт концепции Моски — деление общества на господствующее меньшинство и политически зависимое большинство (массу). Вот как формулирует Моска свое кредо: «Одно становится очевидным даже при самом поверхностном взгляде (обратим внимание на эту мысль, которой обычно не придают значения и в которой, может быть, больше смысла, чем первоначально вкладывал в нее автор: элитарист фиксирует то, что очевидно уже для обыденного сознания — наличие в обществе управляющих и управляемых, т. е. обыденному сознанию, которому не ясны причина деления общества на классы, сущность социально-политических отношений, уже очевидна эта в общем тривиальная истина — есть власть имущие и есть безвластные, некая констатация, которую еще предстоит интерпретировать на уровне научного понимания). Во всех обществах, начиная с едва приближающихся к цивилизации и кончая современными передовыми и мощными обществами, всегда возникают два класса людей — класс, который правит, и класс, которым правят. Первый класс, всегда менее многочисленный, выполняет все политические

¹ Выше отмечалось, что понятие «элитолог» шире, чем «элитарист»: оно включает и тех политологов, которые, признавая особую роль элит в политическом процессе, не считают элитарную структуру общества необходимой и желательной, но, более того, противоречащей демократии.

функции, монополизирует власть, в то время как другой, более многочисленный класс, управляет и контролируется первым, причем таким способом, который обеспечивает функционирование политического организма... В реальной жизни мы все признаем существование этого правящего (или политического) класса¹. Эту цитату приводят большинство исследователей элитаризма как «классическую» формулировку основ теории политической элиты.

Но поскольку управление общественными делами всегда «находится в руках меньшинства влиятельных людей», с которыми сознательно или бессознательно считается большинство, Москва ставит под сомнение сам термин «демократия». «То, что Аристотель называл демократией, было просто-напросто аристократией для довольно большого числа членов общества». Он считает демократию камуфляжем той же власти меньшинства, плутократической демократией, признавая, что именно в отвержении демократической теории «заключается в основном задача инной работы»².

Причем власть меньшинства над большинством в той или иной степени легитимизируется, т. е. осуществляется с согласия большинства (иначе ситуация была бы обратной, т. е. большинство управляло бы меньшинством). Как же объяснить этот феномен? Прежде всего, это связано с тем, что правящее меньшинство всегда является организованным меньшинством — во всяком случае, по сравнению с неорганизованной массой («суверенная власть организованного меньшинства над неорганизованным большинством неизбежна. Власть всякого меньшинства непреодолима для любого представителя большинства, который противостоит тотальности организованного меньшинства»³). Однако есть и еще одно обстоятельство, легитимизирующее эту власть меньшинства: «Оно так обычно сформировано, что составляющие его индивиды отличаются от массы управляемых качествами, которые обеспечивают им материальное, интеллектуальное и даже моральное превосходство... Другими словами, представители правящего меньшинства неизменно обладают свойствами, реальными или кажущимися, которые глубоко почитаются в обществе, в котором они живут»⁴. (Это — обоснование ценностного

¹ Отметим, что такое отождествление не точно, и в дальнейшем Москва был вынужден внести определенные корректировки. Действительно, понятие «правящий класс», с одной стороны, более широкое, чем понятие «политический класс» (это отмечает, в частности, исследователь творчества Москви Э. Альбертони): в первое понятие входят и другие, неполитические структурные элементы (экономическая, культурная элиты и т. д.). Однако в другом отношении понятие «политический класс» является более широким, чем понятие «правящий класс»: он включает не только властующую группу, но и оппозицию.

² Москва Г. Правящий класс. Социс. 1994. № 10. С. 187.

³ Там же. С. 188.

⁴ Там же. С. 189.

подхода к элите, который в будущем будут оспаривать сторонники функционального подхода).

Более убедителен тезис Моски не о «моральном превосходстве» власти имущих и не о «военной доблести» их (на чем он — настаивает применительно к ранним стадиям развития общества, но это имеет немаловажное значение и в обществах, отличающихся высоким уровнем цивилизации), а о связи управленческого меньшинства с богатством: «Доминирующей чертой правящего класса стало в большей степени богатство, нежели воинская доблесть; правящие скорее богаты, чем храбры». И далее: «В обществе, достигшем определенной стадии зрелости, где личная власть спероживается властью общественной, власть имущие, как правило, богаче, а быть богатым — значит быть могущественным. И действительно, когда борьба с бронированным кулаком запрещена, в то время как борьба фунтов и пенсов разрешается, лучшие посты неизменно достаются тем, кто лучше обеспечен денежными средствами»¹. По Моске, связь тут двусторонняя: богатство создает политическую власть, точно так же, как политическая власть создает богатство.

Тем не менее Моска, в отличие К. Маркса, утверждал, что фундаментом общественного развития служит не экономика, а политика. Правящий или политический класс концентрирует руководство политической жизнью в своих руках, так как объединяет индивидов, обладающих «политическим сознанием» и влиянием. С переходом от одной исторической эпохи к другой изменяется состав правящего класса, его структура, требования к его членам, но как таковой этот класс всегда существует, более того, он определяет исторический процесс. А раз так, то задача политической науки состоит в исследовании условий существования политического класса, удержания им власти, взаимоотношений с массами. Моска различает авторитарный и либеральный принципы организованного меньшинства в зависимости от характера политической ситуации и критикует концепции народного суверенитета и представительного правления. На вопрос о том, какой тип политической организации является лучшим, Моска отвечает: «Год, который дает всем элементам, обладающим какой-либо политической ценностью (т. е. элите. — Г. А.), возможность развиваться, подвергаться взаимному контролю и соблюдать принцип индивидуальной ответственности»². Власть элиты он ставит в зависимость от того, в какой степени качества его членов соответствуют потребностям эпохи; правящее меньшинство рекрутируется различными способами, но главным критерием являются способности, желательные для политического управления в определенную эпоху. Важнейшей задачей политологии Моска считал анализ состава, организации правящего класса. Изменения в структуре общества, полагал он, можно суммировать изменениями в составе элиты. Итальянский социолог Э. Альбертони отмечает, что для

¹ Моска Г. Правящий класс. Социс. 1994. № 10. С. 191.

² 49 Mosca G. Elementi di scienza politica. Bari, 1953. P. 212.

Моска политический класс — не сила, грубо господствующая над массой, но то организованное меньшинство, которое обладает «моральным превосходством перед пассивным большинством»¹, и поэтому его власть «оправдана».

По Моске, правящее меньшинство всегда более или менее консолидируется, имеет тенденцию превратиться в закрытый класс. «Все правящие классы стремятся стать наследственными, если не по закону, то фактически»². В этой фразе — большая доля истины, относящаяся к элитам самых разных политических систем — от восточной деспотии до партноменклатуры «реального социализма». Впрочем, Моска справедливо отмечает тенденцию перехода от более закрытых правящих классов к менее закрытым, от наследственных привилегированных каст, где элита или, как предпочитает писать Моска, правящий класс явно ограничен числом семейств, и рождение является единственным критерием принадлежности к нему, — к более открытому обществу, где, в частности, образование открывает путь к правительстенным постам. Однако и тут господствующий класс обнаруживает тенденцию монополизировать обучение (думается, что было бы точнее сузить это положение до монополизации именно элитного обучения), и «тем самым отнюдь не устраняется то особое преимущество для определенных индивидов, которое французы называли преимуществом *positions déjà* уже занятого положения»³.

Для Моски определенный приток в элиту новых людей — залог здоровья общества. Впрочем, Моска оговаривается, что это только при условии преобладания стабилизирующей общество консервативной тенденции, сохранения преемственности и обновления элит за счет лучших выходцев из масс. Таким образом, Моске явно ближе концепция трансформации, а не смены элит.

Можно упрекнуть Моску в принижении роли народных масс в истории, в нигилистическом отношении к демократии (хотя это не совсем так: в своих последних работах его отношение к демократии несколько меняется, о чем речь пойдет ниже). Моска отметил две тенденции в правящем классе — аристократическую и демократическую. Первая ведет к окостенелости, отсутствию мобильности в элиту и к вырождению общества (что особенно подчеркивал Парето), вторая имеет место главным образом в периоды социальных изменений, когда происходит пополнение правящего класса наиболее динамичными и способными представителями социальных низов. Завершая обзор взглядов Моски, отметим, что для него правление элиты — идея, с помощью которой правящее меньшинство стремится оправдать свою власть, старается убедить большинство в ее легитимности.

¹ См.: Albertoni E. *Gaetano Mosca e la teoria della classe politica*. Firenze, 1974. P. 9.

² Социс. 1994, № 10. С. 193.

³ Там же. С. 193.

Другим основателем элитологии считается Вильфредо Парето — один из виднейших представителей позитивистской социологии конца XIX — начала XX века, заявлявший, что его цель создать «исключительно экспериментальную социологию», подобно химии и физике; он способствовал широкому проникновению в социологию математических и статистических методов исследования. Но, как и другие социологи-позитивисты, претендовавшие на строгую научность и беспартийность своей теоретической системы, он сплошь и рядом заимствовал догмы и предрассудки того социального слоя, к которому принадлежал и интересы которого отстаивал. На творчество Парето оказали влияние, с одной стороны, либеральные установки позитивистов Кона, Д. Милля, с другой — индивидуалистические и «аристократические» установки Ницше. Общество Парето рассматривал как целостность, а его части — как функциональные элементы целого (отметим, что ведущий социолог школы американского структурного функционализма Т. Парсонс считал его одним из предшественников функциональной теории). Парето исходит из того, что фундаментальным социальным законом является закон «социальной гетерогенности», внутренней дифференцированности, сердцевиной которого является противопоставление массы управляемых индивидов небольшому числу управляющих, которых он и называет элитой. Социальная система, по Парето, стремится к равновесию, причем это равновесие не статичное, а динамичное, и динамика социальной структуры инициируется и даже детерминируется элитой — правящим меньшинством.

Вычленение элиты — исходный пункт социального анализа Парето: «Не упоминая об исключениях, немногих и недолговечных, повсюду мы имеем исключительный правящий класс, удерживающийся у власти частично с помощью силы, частично с согласия управляемого класса, более многочисленного»¹.

Для выявления того, кто может быть отнесен к элите, Парето предлагает статистический метод: «Допустим, что во всех областях человеческой деятельности индивиду даётся индекс, являющийся как бы оценкой его способностей, подобно тому, как ставят оценки на экзаменах по разным предметам в школе. Дадим, например, тому, кто превосходно делает свое дело, индекс 10. А тому, чьи успехи сводятся только к наличию единственного клиента, — индекс 1, так, чтобы можно было поставить 0 креtinу. Тому, кто сумел заработать миллионы (неважно, честным или бесчестным путем), мы поставим 10; человеку, зарабатывающему тысячи франков, — балл 6, тем, кто едва избежал дома для бедных — 1, оставив 0 тем, кто туда попал... Совокупность людей, каждый из которых получил в своей области деятельности самую высокую оценку, назовем элитой. Для цели, которой мы задаемся, подошло бы любое другое название или даже простая буква алфавита»².

¹ Pareto V. *Traité de sociologie générale*, Florence, 1916, v. I. P. 317.

² Pareto V. *Mind and Society*, N. Y. 1935, v. IV. P. 2027— 2031.

Итак, богатые образуют вершину социальной пирамиды, бедные — ее основание. Впрочем, классифицировать общество можно, по мнению Парето, и по иным основаниям, к примеру, по способностям в любой области деятельности. «Дадим, например, крупнейшему юристу балл 10; тому, кто не заполучил ни одного клиента — 1, резервируя 0 для идиота. Ловкому жулику, который обманывает людей и не попадается под уголовный кодекс, мы поставим 8, 9 или 10 в зависимости от числа простофиль, которых он заманил в свои сети, или количества денег, которые он у них выманил. Нищему мелкому жулику, крадущему столовые предметы у трактирщика и вдобавок схваченному за шиворот жандармами, мы поставим 1... Шахматистам можно присваивать более точные индексы, основываясь на количестве и качестве выигранных партий. И так далее для всех сфер деятельности... »¹. Таким образом, подход Парето нейтрален в ценностном отношении, в его понятии элиты не следует искать моральный или метафизический смысл, а лишь попытку объективного постижения социальной дифференциации. Элиту составляют те, кто оказывается наверху в реальной борьбе за существование.

Графики иерархического деления людей по разным показателям (авторитет, умение, образование) будут частично совпадать с графиком распределения богатства, и все же последний оказывается «осевым». Неизбежность деления общества на элиту и массу Парето выводил из неравенства индивидуальных способностей людей, проявляющегося во всех сферах социальной жизни. Индивиды, обладающие большим влиянием, богатством, образуют «высшую страту общества, элиту». К ней Парето относит прежде всего коммерческую, политическую, военную, религиозную верхушку. Причем не имеет смысла задаваться вопросом о том, подлинна или не подлинна элита и имеет ли она право на данное название, это элита де-факто.

Как видим, это предельно широкая трактовка элиты. Но мы встречаем у Парето и понимание элиты в узком смысле. Это та часть элиты, которая играет определяющую роль в политике, являясь правящей элитой (т. е. элита в узком смысле слова оказывается аналогом политического класса Г. Моски). Итак, не все члены элиты входят в элиту в узком смысле слова, т. е. в правящую элиту, некоторые из них образуют неправящую элиту. Так, выдающиеся ученые входят в элиту, но не оказывают значительного влияния на правительство. Социальная структура, по Парето, приобретает следующий вид: высший слой — элита, которая разделяется на правящую и неправящую, и нижний слой — масса.

Материальные и духовные ценности распределяются в обществе в высшей степени неравномерно, и особенно власть, богатства, почести. «Неравенство в распределении богатства, по-видимому, зависит гораздо больше от самой природы человека, чем от экономической организации

¹ Ibid. P. 2031.

общества¹; неравное распределение богатства есть неточное отражение социальной гетерогенности, т. е. неравного распределения евгенических свойств, поскольку адекватному соответствию препятствуют социальные перегородки (жаль, что Парето при этом не добавляет, что в них в первую очередь заинтересована как раз элита. — Г. А.). Указанная неравномерность связана с тем, что меньшинство управляет большинством, прибегая к силе и хитрости, причем оно стремится легитимизировать свою власть, внушая управляемым, что она выражает интересы общества, что долг массы — подчиняться элите.

Для объяснения социальной динамики Парето формулирует свою известную теорию «циркуляции элит»: социальная система стремится к равновесию и при выводе ее из равновесия с течением времени возвращается к нему; процесс колебания системы и прихода ее к «нормальному состоянию» равновесия образует социальный цикл; течение цикла зависит от характера циркуляции элит. Парето стремится представить исторический процесс в виде вечной циркуляции основных типов элит. Схема этой циркуляции имеет мало общего с историческим подходом к общественному развитию, весьма спекулятивна в своих претензиях на универсальность: «Элиты возникают из низших слоев общества и в ходе борьбы поднимаются в высшие, там расцветают и в конце концов вырождаются, уничтожаются и исчезают... Этот кругооборот элит является универсальным законом истории². История для Парето — это история преемственности привилегированных меньшинств, которые формируются, борются, достигают власти, наслаждаются властью, приходят в упадок, заменяются другим привилегированным меньшинством.

Почему происходит смена элит, а их господство, как правило, неустойчиво и непродолжительно? Во-первых, потому, что многие аристократии являются преимущественно военными (во всяком случае опирающимися на военную силу), и они истребляются в бесконечных войнах. А самое главное, через несколько поколений аристократия становится изнеженной, теряет жизнестойкость и решительность в использовании силы. Качества, обеспечивающие элите господство, меняются в ходе цикла социального развития; отсюда меняются и типы элит, а история оказывается кладбищем аристократии.

По Парето, существует два главных типа элит, которые последовательно сменяют друг друга. Первый тип — «львы» (Парето, как видим, использует терминологию Макиавелли), для них характерен крайний консерватизм, грубые, «силовые» методы правления. Второй тип — «лисы», мастера обмана, политических комбинаций, интриг. Стабильная политическая система характеризуется преобладанием элиты «львов». Напротив, неустойчивость состояния политической системы требует pragmatically мыслящих энергичных деятелей, новаторов, комбинаторов. Каждой элите

¹ Pareto V. *Trattato...* P. 1012.

² Pareto V. *Les systemes socialistes.* P. 60—61.

свойственен один из двух основных методов управления: элите «лис» — манипулятивный, включающий компромиссы, социальную демагогию, и элите «львов» — метод грубого подавления. Постоянная смена одной элиты другой является результатом того, что каждый тип элит обладает определенными преимуществами, которые, однако, с течением времени перестают соответствовать потребностям руководства обществом. Поэтому сохранение равновесия социальной системы требует постоянного процесса замены одной элиты другой по мере того, как перед элитами возникают иные, но в общем-то повторяющиеся ситуации. Общество, где преобладает элита «львов», представляет собой общество ретроградов, оно неподвижно, застойно. Напротив, элита «лис» динамична. Представители первой любят спокойствие, вкладывают свои капиталы в ренту, представители второй извлекают прибыль из любых колебаний рыночной конъюнктуры. Механизм социального равновесия функционирует нормально, когда обеспечен, в соответствии с требованиями ситуации, пропорциональный приток в элиту людей первой и второй ориентации. А прекращение циркуляции приводит к вырождению властующей элиты, революционной ломке системы, выделению новой элиты с преобладанием в ней элементов с качествами «лис», которые с течением времени вырождаются во «львов», сторонников жесткой реакции, и соответствующий «цикл» повторяется снова.

При этом, предупреждал Парето, не следует смешивать силу элиты с насилием, которое часто есть спутник слабости. «Пока французские правящие классы в конце XVIII века занимались развитием своей «чувствительности», затачивался нож гильотины¹». Революции, по Парето, всего лишь смена и борьба элит: правящей элиты и потенциальной элиты (контрэлиты), которая, правда, маскируется тем, что говорит якобы от имени народа, но это лишь обман для непосвященных. Парето отмечает, что высшая и низшая страты (элита и массы) неоднородны. В низшей имеются люди, обладающие способностями к управлению обществом. В элите же постоянно накапливаются элементы, не обладающие качествами, необходимыми для управления, и прибегающие к насилию, террору. «Аристократия переживает не только количественный, но и качественный упадок». Вместе с тем история — не только кладбище аристократии, но и преемственность аристократии. «Правящий класс пополняется семьями, происходящими из низших классов². Элита, борясь с контрэлитой, может использовать один из двух способов (или оба сразу): либо уничтожить ее, либо абсорбировать, причем последний способ — не только более гуманный, но и наиболее эффективный, поскольку дает возможность избежать революций.

Следует сказать, что английская элита оказалась, пожалуй, наиболее преуспевшей в абсорбции потенциальных контрэлит: несколько веков она

¹ *Ibid. P. 6.*

² *Pareto V. Mind and Society, v III. P. 1423, 1430.*

держит открытыми (или лучше сказать, приоткрытыми) двери для наиболее мобильных представителей непривилегированных классов. Значительно ниже социальная мобильность в элиту в Испании, Португалии, странах Латинской Америки. Всякое общество чревато нестабильностью. Закрытость элит рано или поздно приводит к старению общества и его закату.

Интересен анализ Парето нелогических (алогических) поступков людей, когда объективная последовательность событий, совершаемых людьми, не соответствует их субъективным намерениям. Известный французский социолог и политолог Р. Арон, иллюстрируя мысль Парето, пишет: «Так, революционеры-большевики скажут, что они хотят взять власть, чтобы обеспечить свободу народа. Совершив насилиственным путем революцию, они самим непреодолимым ходом вещей вовлекаются в установление авторитарного режима»¹.

Демократические режимы Парето называл плутодемократическими, считая их властью элиты «лис», предпочитающих хитрость и изворотливость голому насилию и поддерживающих свою власть пропагандой и политическими комбинациями и маневрированием.

В своем фундаментальном труде «Социалистические системы» Парето соглашается с Марксом в том, что классовая борьба — важнейшее явление мировой истории, но утверждает, что неверно полагать, что классовая борьба порождается экономическими причинами, вытекающими из отношений собственности на средства производства. Он считает, что борьба за политическую власть может быть первопричиной как столкновения элиты и масс, так и соперничества правящей и неправящей элит. Следствием классовой борьбы в современную эпоху будет не установление диктатуры пролетариата, как утверждал Маркс, а господство тех, кто выступает от имени пролетариата, т. е. опять-таки привилегированной элиты (сходную мысль сформулировал в свое время М. Бакунин). Отметим, между прочим, что первой женой В. Парето была Александра Михайловна Бакунина). «В наше время социалисты отлично усвоили, что революции конца XVIII века просто поставили у власти буржуазию на место прежней элиты... но они искренне считают, будто новая элита политиков будет крепче держать свои обещания, чем те, которые сменяли друг друга до сих пор. Впрочем, все революционеры последовательно провозглашают, что прошлые революции в конце концов заканчивались только надувательством народа, что подлинной станет та революция, которую готовят они. «Все до сих пор происходившие движения, — говорится в «Манифесте Коммунистической партии» были движениями меньшинства или совершились в интересах меньшинства. Пролетарское движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах огромного большинства». К сожалению, эта подлинная революция, которая должна принести людям безоблачное счастье, есть лишь вводящий в заблуждение

¹ Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993. С. 405.

мираж, никогда не становящийся реальностью. Она похожа на золотой век, о котором мечтали тысячелетиями¹. Что ж, можно поздравить Парето почти через столетие за его проницательность.

Сравнимы взгляды Моски и Парето. Мы убедились в том, что они достаточно близки. Но и при жизни обоих основателей элитологии, и ныне, в среде их последователей, продолжается спор о приоритете. Некоторые авторы относят этот спор к курьезам, подобно спору Бобчинского и Добчинского о том, кто первым сказал «э», другие относятся к нему более серьезно. Р. Арон изложил суть этого спора следующим образом: «Использовал ли Парето идеи Моски в большей степени, чем требовало приличие, ссылаясь на него несколько меньше, чем требовала справедливость»². Моска начал разработку своей теории правящей элиты (в книге «Геория управления и парламентское правление», Турин 1884 г.) раньше чем на десятилетие основных трудов Парето по этой проблематике. Причем Парето отказался признать требование Моски подтвердить его приоритет, ссылаясь на «банальность» положений Моски, изложенных ранее Берком, Тэном и другими политическими мыслителями.

Наряду со сходством исходных положений Парето и Моски можно отметить и их различия. Если Парето делал упор на замене одного типа элит другим, то Моска подчеркивал постепенное проникновение в элиту «лучших» представителей массы. Если Моска абсолютизирует действие политического фактора, то Парето объясняет динамику элит во многом психологически: элита господствует над массой, насаждая политическую мифологию, сама же она возвышается над обыденным сознанием. Для Моски элита — политический класс, у Парето понимание элиты шире, оно более антропологично.

Многие крупные современные политологи критиковали определенные стороны концепции Парето. Р. Арон писал, что его теории перегружены ценностными суждениями. Виднейший английский элитолог Т. Боттомор писал о том, что из работ Парето не ясно, относится ли понятие «циркуляция элит» к процессу динамики неэлит в элиты или же к замене одной элиты другой. Действительно, обе интерпретации присутствуют у Парето, и он часто пишет о том, что наиболее способные индивидуумы рекрутируются из низшей страты в высшую, а отдельные элементы элиты деградируют, опускаясь на дно общества. Но и тот, и другой политологи свободны от недооценки вклада Парето в теорию элитологии.

Перечисление основоположников элитологии было бы неполным, если бы мы не остановились на трудах Р. Михельса. Немецкий политолог, он во многом примыкает к итальянской школе основоположников элитологии. В зрелом возрасте он переезжает в Италию, получает итальянское гражданство, работает профессором политических наук в Турине. В контексте элитологии нас больше всего будет интересовать главный труд

¹ Pareto V. *Les systemes socialistes*. P. 60—62.

² Арон Р. Цит. соч. С. 455.

Р. Михельса «Социология политических партий в условиях демократии», изданная в Лейпциге в 1911 году. Мы находим здесь уже знакомые нам положения о том, что «общество не может существовать без господствующего, или политического класса, хотя элементы его подвергаются обновлению», и что наличие такого класса — «постоянно действующий фактор социальной эволюции»¹. Известность Михельса связана главным образом со сформулированным им «железным законом олигархических тенденций». Суть этого закона состоит в том, что «демократия, чтобы сохранить себя и достичь известной стабильности», вынуждена создавать организацию, а это связано с выделением элиты — активного меньшинства, которому массе приходится доверяться ввиду невозможности ее прямого контроля над этим меньшинством. Поэтому демократия неизбежно превращается в олигархию, и люди, совершая социальный переворот, убегают от Сциллы, чтобы попасть к Харибде. Таким образом, демократия сталкивается с «неразрешимым противоречием»: во-первых, она «чужда человеческой природе» и, во-вторых, неизбежно содержит олигархическое ядро².

Нужно сказать, что первоначально Михельс отличался руссоистско-синдикалистским максимализмом, утверждая, что подлинная демократия — непосредственная, прямая; демократия представительная несет в себе зародыш олигархичности. Затем Михельс приходит к выводу о том, что олигархия — неизбежная форма жизни крупных социальных структур. Основная работа Михельса посвящена главным образом анализу деятельности социалистических и социал-демократических партий стран Западной Европы. Михельс показывал, что власть в этих партиях принадлежит фактически узкому кругу лиц, находящихся на верхних ступенях партийной иерархии. Необходимость управления организацией требует создания аппарата, состоящего из профессионалов, и партийная власть неизбежно концентрируется в их руках («причина образования олигархии в демократических партиях лежит в технической невозможности обойтись без лидеров»).

У Михельса мы встречаем элементы исторического подхода к демократии. «На нижней ступени человеческой культуры господствовала тирания. Демократия могла возникнуть только на более поздней и высокоразвитой стадии общественной жизни». Однако олигархичность присуща самой природе человеческого общества: «...замечашь, что по мере развития демократия вновь обращается вспять... Институт вождей был известен во всех прежних эпохах. И когда сегодня, особенно среди ортодоксальной социал-демократии, приходится слышать, что в социал-демократии нет вождей, а есть лишь чиновники... это ведет к усилиению вождизма,

¹ Nichels R. *Political Parties. A Sosioiological Study of the Oligarchical Tendencies of Modern Democracy.* N. Y. 1962. P. 340.

² Ibid. P. 6.

поскольку, отрицая его, не позволяет массам разглядеть действительную опасность¹. Партийная элита обладает преимуществами перед рядовыми членами — имеет больший доступ к информации, возможности оказывать давление на массы. «Чем более расширяется и разветвляется официальный аппарат, чем больше членов входит в организацию... тем больше в ней вытесняется демократия, заменяемая всесилием исполнительных органов. Формируется строго обособленная бюрократия со множеством инстанций. Таким образом, нет сомнения в том, что бюрократизм олигархической партийной организации вытекает из практической формальной необходимости... демократия — всего лишь форма. Но форму нельзя ставить выше содержания»².

Михельс с сочувствием цитирует мысль Руссо о том, что масса, делегируя свой суверенитет, перестает быть суверенной, для него представлять — значит выдавать единичную волю за массовую. «Масса вообще никогда не готова к господству, но каждый входящий в нее индивид способен на это, если он обладает необходимыми для этого положительными или отрицательными качествами, чтобы подняться над нею и выдвинуться вождем»³. Причем партийная элита оказалась подверженной всем соблазнам обладания властью и настроенной «использовать массы в качестве трамплина для достижения своих целей и планов». Особое внимание Михельс уделяет борьбе элит за позиции власти. «Редко борьба между старыми и новыми вождями заканчивается полным устраниением первых. Заключительный акт этого процесса состоит не столько в смене элит, сколько в их реорганизации. Происходит их слияние»⁴.

Невозможность демократии существовать без организации, управляемого аппарата и профессиональной элиты неизбежно ведет к закреплению постов и привилегий, к отрыву от масс, фактической несменяемости лидеров. «Вожди, как правило, невысоко ставят массы. Вожди делают ставку на безмолвие масс, когда устраняют их от дел. Представитель... превращается из слуги народа в господина над ним. Вожди, являясь первоначально творением масс, постепенно становятся их властелинами. Одновременно с образованием вождизма, обусловленного длительными сроками занятия постов, начинается его оформление в касту»⁵.

Михельс доказывает «формально-техническую невозможность прямого господства масс». Невозможность прямой демократии вытекает прежде всего «из численности». Гигантские митинги стремятся без подсчета голосов и учета различных мнений принимать резолюции целиком, не вникая

¹ Р. Михельс. Социология политической партии в условиях демократии. Диалог. 1990, № 3. С. 58, 59.

² Там же. С. 59.

³ Диалог. 1990, № 7. С. 76.

⁴ Там же. С. 77.

⁵ Диалог. 1990, № 5. С. 84—85.

в детали. Толпы заменяют и вытесняют индивида. Причем харизматических лидеров, поднимающих массы к активной деятельности, сменяют бюрократы, а революционеров и энтузиастов — консерваторы и приспособленцы. Руководящая группа становится все более изолированной и замкнутой, защищает, прежде всего, свои привилегии и в перспективе превращается в интегральную часть правящей элиты. Профессиональные функционеры профсоюзов, социалистических и левых партий, особенно ставшие членами парламента, меняют свой социальный статус, становятся членами правящей элиты. Таким образом, лидеры масс, став частью элиты, начинают защищать ее интересы и тем самым свое собственное привилегированное положение. Но интересы масс не совпадают с интересами бюрократических лидеров массовых организаций. Поэтому партийная элита склонна проводить консервативную политику, не выражющую интересы масс, хотя она и действует от их имени, конкурируя с другими фракциями политической элиты, а именно с элитой аристократии, менеджеров и т. д. Жизнь лидеров социал-демократических партий становится буржуазной или мелкобуржуазной, и они защищают свое новое положение.

Итак, поскольку элита «организуется и консолидируется, управляя массой», Михельс считает неизбежным элитарную структуру любой общественной организации. «Формальная специализация, являющаяся необходимым следствием любой организации», порождает необходимость профессионального руководства. А это приводит к тому, что «вожди становятся независимыми, освобождаясь от влияния масс». Сущность любой организации (партии, профсоюза и т. д.) содержит в себе «глубоко аристократические черты... Отношение вождя к массам они превращают в свою противоположность. Организация завершает окончательное разделение партии или профсоюза на руководящее меньшинство и руководимое большинство»¹. Причем руководящее меньшинство — отнюдь не лучшие, высокоморальные люди, а чаще всего честолюбцы и демагоги. «Демагоги, эти льстецы массовой воли, вместо того, чтобы поднимать массу, опускаются до ее самого низкого уровня, но опять лишь для того, чтобы ложным, искусно изобретенным прикрытием... надеть на них ярмо и господствовать от их имени»². Как видим, Михельсу нельзя отказать во многих тонких наблюдениях и обобщениях. Но можно разглядеть и «белые пятна» в его концепции. Описывая действительную трансформацию лидеров социал-демократии, он абсолютизирует этот феномен, выводя его из «вечных» механизмов управления, с неизбежностью выливающихся в олигархическое правление. Главный довод Михельса заключается в том, что неолигархическое управление большими организациями невозможно технически. Но ведь технические препятствия рано или поздно могут быть преодолены. Михельс не был знаком с возможностями современных (и

¹ Диалог. № 3. С. 58.

² Диалог. № 7. С. 76.

будущих) ЭВМ. Возможна ли демократия и неолигархическое управление большими организациями, если технические препятствия для этого преодолены, если существует развитая система прямой и обратной связи между руководителями и членами больших организаций — проблема, которая еще ждет своего решения.

К элитологам первого поколения западные историки политической науки не без оснований относят и Жоржа Сореля, французского теоретика анархо-синдикализма, критика буржуазной демократии, которую он называл «расем для финансистов». Сорель с большим темпераментом доказывал, что демократия (буржуазная) — обман, что теория власти народа и капиталистическая практика разительно противоречат друг другу, что подобная политическая система, именуемая ее апологетами демократией, в действительности есть олигархия финансовых тузов¹. При этом неизбежно возникает вопрос, с каких позиций критикуется буржуазная демократия — слева, с марксистских позиций, или справа, с позиций правого радикализма и фашизма. Сорель же, которого Ленин называл «известным путаником², с его политической неуравновешенностью, все более склонялся к критикам справа (отметим, что Муссолини называл именно Сореля своим «духовным отцом»). Сорель писал, что в «век масс» углубляется противоречие между утопией (идеологией элиты) и «популярными мифами» (идеологией масс). Первая апеллирует к умам с высокоразвитой способностью к рассуждениям (специфическое качество элиты)³. Напротив, воздействие «популярных мифов» основано на внушении, на гипнотизировании масс; чем глубже они воздействуют на «массовые инстинкты», чем больше щекочут нервы толпы, чем активнее провоцируют слепое, стихийное начало, тем они действеннее⁴. Сорель во многом следует за концепцией массовой психологии Г. Лебона⁵. В свою очередь, ряд идей

¹ См.: Сорель Ж. Размышления о насилии, М., 1907.

² См.: Ленин В. И. ПСС. Т. 18. С. 310.

³ Отметим близость взглядов М. Шелера, одного из основателей социологии знания, который также считал, что именно элита определяет ценностную ориентацию человеческих коллективов; масса принимает идеологические установки, выработанные элитой. Причем, поскольку идеология, по Шелеру, искаженное понимание мира, то «освобождение человеческого сознания» можно ожидать только от «новой элиты», способной противостоять стихийно складывающимся предрассудкам масс.

⁴ Близких взглядов придерживаются ряд современных политологов. Сошлемся на американского политолога Ч. Макнейла, который гипертрофирует роль мифа до главной движущей силы истории. Он пишет: «Миф лежит в основе человеческого общества». *Foreign Affairs*, 1982, № 1. Р. 1.

⁵ См. подробнее: Г. Ашин. Доктрина «массового общества». М., 1971; см.: Шестopal А. В. Миражи Эльдорадо в XX века. Критические очерки буржуазной социологии в Латинской Америке. М., 1974; его же: Леворадикальная социология в Латинской Америке. М., 1981. Об элитологии развивающихся стран Африки и Азии; см.: Старостин Б. С. Социальное обновление: схемы и реальность. М., 1981; Чешков М. А. Критика представлений о правящих группах развивающихся стран. М., 1979.

Сореля развил К. Маннгейм в своей известной книге «Идеология и утопия». «Известный путаник» Сорель совершил ряд сальто-мортале в своей идеино-политической эволюции. С одной стороны, он развивал идеи анархо-синдикализма, с другой — оказался одним из идейных предшественников фашизма (что ряд политологов считает одним из свидетельств близости ультралевых позиций с ультраправыми). Однако вопрос о том, можно ли проследить связь между основоположниками элитаризма и фашизмом, мы рассмотрим ниже.

Большой вклад в элитологию внесли крупнейшие социальные мыслители конца XIX — первых десятилетий XX века М. Вебер и З. Фрейд. Однако их взгляды также будут рассмотрены нами особо в связи с проблемой бюрократии, классическую разработку которой дал М. Вебер, и социально-психологическим обоснованием элитаризма, оригинальная трактовка которого дана Фрейдом.

Еще раз отметим, что заслуга основателей элитологии в том, что они вычленили объект и предмет науки, систематизировали накопленные знания о правящих меньшинствах, попытались сформулировать законы структуры, функционирования, развития и смены элит. При этом они могли, увлекшись, что вполне естественно, предметом своего исследования, гипертрофировать роль элит в историческом процессе, недооценить роль неэлит, прежде всего роль народных масс.

ЛИТЕРАТУРА

Лао Цзы, Дао Дэнзин. Дубна, 1994.

Селяненко И. И. Афоризмы Конфуция. М., 1987.

Лунь Юй. Древнекитайская философия. Т. I. М., 1972; Т. II. М., 1973.

Платон. Государство. Законы. Соч. Т. 3. Ч. I. М., 1972.

Аристотель. Политика. Соч. Т. 4. М., 1970.

Макиавелли Н. Избр. соч. М., 1982.

Ницше Ф. По ту сторону добра и зла. М., 1990.

Моска Г. Правящий класс //Социологические исследования. 1994, № 10.

Михельс Р. Социология политической партии в условиях демократии. //Диалог. 1990, № 3.

Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1993.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Каковы рациональные основания элитистского и эгалитаристского подходов к обществу и его политическому устройству?

2. Каковы аргументы древнекитайских мыслителей (Лао Цзы, Конфуций) в обосновании элит?

3. Какую модель идеального общества предлагал Платон и за что его критиковал Аристотель?

4. В чем вы видите рациональные моменты в идее Н. Макиавелли о «элите лис» и «элите львов»?

5. Какого типа элитизм просматривается в концепции Ф. Ницше: сословный, классовый, антропологический?

6. В чем состоял принципиально новый подход к рассмотрению политических элит в трудах В. Парето и Г. Моска?

Глава 2. ТЕОРИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ТРУДАХ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ

2. 1. Истоки деления общества на управляющих и управляемых

Анализ эволюции взглядов отечественных мыслителей предоставляет большой материал в области элитологии.

По мнению российских авторов, в разделении общества на управляющих и управляемых участвуют две движущие силы: божественная воля и «естественный закон», т. е. общественные отношения, основанные на высоких нравственных нормах. В различные исторические периоды их количество (одна или две) и характер взаимосвязи варьируются. Можно выделить три таких периода:

1. Это разделение рассматривается исключительно как акт божественного творения: конец XVII — начало XVIII вв.

2. Оно идет по-прежнему от Бога, но уже через «естественный закон», причем, все чаще эти две силы действуют параллельно — XVIII в. — век Просвещения.

3. На первое место выходит «естественный закон». Божественное же участие в этом процессе теперь уже или полностью отсутствует или уходит на второй план: конец XVIII в. — начало XIX в.

Рассмотрим эти периоды более подробно.

Первый период. В «Слове о законе и благодати» Иллариона (XI в.) — первого Киевского митрополита русского происхождения, первого ближайшего сподвижника Ярослава Мудрого — подчеркивается, что христианская вера — опора единовластия¹, что разделение общества на управляющих и управляемых — дело рук божьих, причем под управляющими имеется в виду, в основном, князь; советники его рассматриваются лишь как производное княжеской власти. В Моисеевом законе (Ветхий Завет), подчеркивает Илларион, подчинение верховной власти идет по принуждению, а в христианской вере — по свободе; подданные подчиняются верховной власти добровольно, сознательно.

Монах Псковского Елиазарова монастыря Филофей (конец XV — начало XVI вв.), автор теории: «Москва — Третий Рим», утверждал, что царь является наместником Бога на земле, поэтому имеет неограниченную

¹ Азаркин Н. Н., Левченко В. Н., Мартышин О. В. История политических учений. М., 1944. С. 122.

власть!. Теория божественного происхождения верховной власти просуществовала до конца XVII в.

Второй период. Проблему возникновения общественного разделения на управляемых и управляющих Татищев В. Н., выдающийся политический и научный деятель петровских времен, начинает рассматривать с самого элементарного и естественного сообщества — первичной семьи Адама и Евы. Управляющим в этом простейшем сотворенном им сообществе Бог определил Адама по следующим причинам:

1. В плане генезиса Адам имеет приоритет: Ева сотворена из его ребра.
2. В материальном плане — Адаму завещано в поте лица добывать хлеб своей насущный, он отвечает за жизнеобеспечение семьи, за ее материальное благосостояние.
3. Адама Бог наделил задатками управляющего и предначертал ему быть «властелином и главою жены».

Все последующие и более сложные сообщества, вплоть до государства, опираются, как на фундамент, на супружеское устройство властных отношений: «И сие правило на все прочие договоры простирается. В договоре же супружеском хотя не все должности и обессчания, кроме искренней любви, ни о начальстве и власти не воспоминают, но яко из древности веденный обычай за известный всем оставляется; однако ж должно, так разуметь, что никакое сообщество, малое или великое, без начальства и власти быть не может. Начальство же и власть даются по преимуществству, яко по старейшинству, разуму и способности; способность же состоит в проворстве, искусстве и силе или можности. И как муж от естества большею частию способности одарен, того ради и письмо святое мужа властелином и главою жены, а жену помосчицею и телом имянет².

По В. Н. Татищеву, потребность в общении, в элементарном сообществе, из которого, как из яйца, «вылупляется» впоследствии разделение на управляющих и управляемых, соответствует и «мудрости гражданской, естеству», и заповеди господней: «Не токмо правила мудрости гражданской, но самое естество нас учит, что человек единственный совершивший себе пользу, удовольствие и спокойность приобрести недостаточен, ниже приобретенное сохранить способен, в чем нас письмо святое утверждает. Всевышний творец, создав человека, рек: «Недобро человеку единому быта и сотворил ему помосчину, жену³.

Феофан Прокопович, видный церковный и политический деятель, так же, как и Татищев, член «ученой дружины» Петра I, при рассмотрении вопроса о происхождении деления общества на управляющих и управляемых, отталкивается от «естественного закона», которому он дает

¹ Азаркин Н. Н., Левченко В. Н., Мартышин О. В. История политических учений. М., 1944. С. 122.

² Татищев В. Н. Собр. соч. Т. I. История российская. Ч. I, М., 1994. С. 359.

³ Там же.

следующее определение: «Таковыя законы суть в сердцы всякого человека: любити и боятися бога, хранити свое житие, желати неоскудевающего наследия роду человеческому, не творити другому, еще себе не хощеши, почитати отца и матери. Таковых же звонов и учитель и свидетель есть совесть наша»¹.

Этому «естественному закону» противостоит злоба людская, она хуже хищного зверя: «сытый зверь не нападает, а человек ненасытен в своих страстиах и потому всегда опасен для окружающих, и человечество больше теряет не от молнии, бурь и болезней, а от военных сражений, мятежей и бунтов, грабителей и хищников»².

В столкновении этих двух противоположных начал: «естественному закона» и людской злобы, рождается державная власть: «И се всех законов главизна. Ибо понеже с стороны одной велит нам естество любити себе и другому не творити, что нам не любо, а со другой стороны злоба рода растленного разоряти закон сей не сумнится, всегда и везде желательн был страж и защитник, и сильный поборник закона, и то есть державная власть»³.

Режиссером же этого взаимодействия противоположностей является Бог, ибо «естественный закон» является его детищем: «Власть верховная от самого естества начало и вину приемлет. Аще от естества, то от самого Бога, создателя естества»⁴.

Третий период. У Пестеля П. И. (1799 — 1826 гг.), одного из лидеров декабристского движения, в «Русской правде» второй параграф носит следующее название: «Разделение членов общества на повелевающих и повинующихся». В нем Пестель доказывает, что такое разделение, во-первых, существует всегда и везде; во-вторых, оно необходимо, ибо происходит от «природы человеческой», которой если такого разделения нет, присущи вечные распри, раздоры, усобицы, поэтому люди осознали необходимость такого разделения ради процветания общества. Пестель подчеркивает, что в любом обществе «разделяются члены общества на повелевающих и повинующихся. Сие разделение неизбежно потому, что происходит от природы человеческой; а следовательно, везде существует и существовать должно. На естественном сене разделении основано различие в обязанностях и правах тех и других»⁵.

Как мы видим, в акте разделения людей на управляющих и управляемых, по Пестелю, Бог участия вообще не принимает, все происходит

¹ Феофан Прокопович. Слово о власти и чести царской (Феофан Прокопович. Соч. М.-Л. 1961. С. 81).

² Петров Л. А. Социологические взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. Иркутск, 1958. С. 14.

³ Феофан Прокопович. Указ. соч. С. 82.

⁴ Там же. С. 82—83.

⁵ Пестель П. И. Русская правда //Антология мировой философии. Т. 4. М., 1972. С. 60.

исключительно «от природы человеческой», это разделение несет «естественный» характер.

Взгляд на происхождение деления на управляемых и управляющих славянофила К. С. Аксакова (1817 — 1860) интересен тем, что в нем проявляется русский менталитет, русская национальная специфика. Инициатором деления на управляющих и управляемых является, по К. С. Аксакову, русский народ. Это народ «негосударственный», «неполитический», он «не желает заниматься политикой, не желает участвовать в качестве активного звена во властных отношениях, он ищет свободы нравственной, свободы духа: «Это народ негосударственный, не ищущий участия в правлении, не желающий условиями ограничивать правительенную власть, не имеющий, одним словом, в себе никакого политического элемента ... отделив от себя правление государственное, народ русский оставил себе общественную жизнь и поручил государству добавить ему (народу) возможность жить этой общественной жизнью. Не желая править, народ наш желает жить, разумеется, не в одном животном смысле, а в смысле человеческом. Не ища свободы политической, он ищет свободы нравственной; свободы духа, свободы общественной — народной жизни внутри себя»¹.

Бог в разделении на управляющих и управляемых, по К. С. Аксакову, вообще не принимает никакого участия, как мы видели это ранее у Пестеля. Но «естественный закон» у него приобретает специфически национальные черты, выливаясь в волю русского народа, который, отдавая власть, ставит одно единственное условие: не мешать его нравственному самосовершенствованию, углубленной и всесторонней духовной жизни.

Широко известный не только у нас в стране, но и за рубежом философ и социолог Н. А. Бердяев (1874 — 1948) считал, что с сотворения мира всегда правило, правит и будет править организованное меньшинство. Это верно для всех форм и типов правления, для монархии и демократии, эпох реакционных и революционных. Из управления меньшинства нет выхода и все демократические попытки создать царство большинства в сущности являются лишь жалким самообманом. Такова сущность «естественнego закона» по Бердяеву. Бог принимает участие в разделении на управляющих и управляемых, формируя аристократический тип личности, без которой невозможно осуществлять правление меньшинства. Бердяев твердо убежден в том, что «возможен только лишь природный, прирожденный аристократизм, аристократизм от Бога»².

Таким образом, правление организованного меньшинства, деление на управляющих и управляемых, по Бердяеву — это объективный социологический закон, он является первичным в данном процессе. Роль же

¹ Ранние славянофилы. Вып IV. Историко-литературная библиотека. М., 1910. С. 72 — 74.

² Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990. С. 127.

Бога, как поставщика кадров для этого процесса, отходит на второй план; тем более, что не только Бог, но и общество принимает участие в подборе и расстановке правящих кадров.

2. 2. Направленность властных отношений

В рассмотрении этого вопроса у русских авторов наметились три тенденции:

1. Власть идет только «сверху». Любая власть от Бога, поэтому ей нужно беспрекословно подчиняться, даже если она управляемым не в радость.

2. Власть идет только «снизу» — народ не терпит над собой никакой власти «сверху», ибо любая власть «сверху» есть несвобода. Это ведет к анархии, разрушению всех форм государственности.

3. Движение власти «сверху вниз» и «снизу вверх» уравновешивается, в результате чего достигается стабильность в развитии общества, ускоряется социальный прогресс.

Рассмотрим эти тенденции по порядку.

Первая тенденция отчетливо просматривается в «Слове о власти и чести царской» Феофана Прокоповича. Автор выделяет из властных отношений следующие аспекты:

— направленность властных отношений строго однозначна «сверху вниз»: Бог — царь — народ;

— поскольку любая власть от Бога, властям нужно подчиняться людям: «не точию добрым, но и строптивым и неверным властем повиноватся велит писание. Ведомо бы всякому оное Петра святого слово: «Бога бойтесь, царя чтите. Рабы, повинуйтесь во всяком страсе владыкам, не точию благим и кротким, но и строптивым»¹;

— любая власть дана людям на их же собственное благо, поэтому подчиняться ей нужно добровольно и осознанно, а не по принуждению: «не ради страха, но и за совесть повиноватися долженствуем и яко не покоряйся властем богу противится... »²;

— властям безоговорочно должны подчиняться все без исключения подданные, в том числе и духовные иерархи самого высокого ранга.

Вторая тенденция ярко выражена в творческом наследии классика анархизма М. А. Бакунина. Направленность властных отношений у него однозначна: «снизу — вверх». От внутренней свободы личности, рассматриваемой им как «право человека располагать самим собою и действовать сообразно своим собственным взглядам и убеждениям»³, — к разрушению традиционных форм государственности — к формированию

¹ Феофан Прокопович. Указ. соч. С. 86.

² Там же. С. 84.

Материалы для биографии М. Бакунина. Бакунин в Первом Интернационале. Под. ред. Полонского В.: В 3 т. Т. 3. М.-Л., 1928. С. 121—122.

ассоциации равноправных, свободных индивидов, основанной на самоуправлении.

Там, где есть государство, есть господство, а значит рабство, открытое или замаскированное. Форма правления не имеет никакого значения: «Между монархию и самою демократическою республикою существенное различие: в первой чиновный мир притесняет и грабит народ для вящей пользы привилегированных, имущих классов, а также и своих собственных карманов, во имя монарха; в республике же он будет точно так же теснить и грабить народ для тех же карманов и классов, только уже во имя народной воли. В республике мнимый народ, народ легальный, будто бы представляемый государством, душит и будет душить народ живой и действительный. Но народу отнюдь не будет легче, если палка, которой его будут бить, будет называться палкою народной»¹.

Вот почему «необходима реорганизация общества снизу вверх путем свободного основания ассоциаций и федераций производственных и сельскохозяйственных, научных и художественных ... »².

Третья тенденция ярко выражена в трудах одного из основоположников русского либерализма Б. Н. Чичерина (1828 — 1904). Он выскazывает идею о необходимости слияния в единый организм управления государственного и общественного элементов, чтобы уравновесить движение властных отношений «снизу вверх» и «сверху вниз». Недостатки государственного элемента — чиновничество — таковы: нерасторопность, взяточничество, пренебрежение общественными интересами в угоду своим узокорпоративным интересом. Недостаток общественного элемента — дворянства и университетов — таков: отсутствие той организованности, которой обладает чиновничество. Нужно уравновесить эти два элемента и тогда они взаимно уничтожат недостатки друг друга. Монарху останется лишь одно: следить, чтобы равновесие между государственным и общественным элементами не нарушалось³. В связи с отсутствием в России правового государства и третьего его сословия, другого выхода в деле оздоровления властных отношений Чичерин не видит.

2. 3. Формы правления

Изначально русские мыслители речь вели о единственной приемлемой для Руси форме правления — абсолютной монархии. В XVI в. главный идейный противник Ивана Грозного, князь Курбский, выдвинул идею о том, что лучшим вариантом организации государственной власти является словно-представительная монархия, в которой выборный орган привлекался бы для решения всех наиважнейших дел. В XVIII в. большое внимание проблеме форм правления уделяли В. Н. Татищев и Феофан Прокопович.

¹ Бакунин М. А. Избр. соч.: В 5 т. Т. 1. М., 1919—1921. С. 83.

² Материалы для биографии М. Бакунина. Т. 3. М.-Л., 1928. С. 310—311.

³ Чичерин Б. Н. Несколько современных вопросов. М., 1862. С. 170.

Татищев выделяет три формы правления: демократию, аристократию и монархию, а также различные сочетания из этих форм: «1) из монархии и аристократии, 2) из монархии и демократии, 3) из всех трех, 4) из аристократии и демократии»¹.

Татищев основательно занимался географией, и это наложило свой отпечаток на его понимание зависимости формы правления от географического расположения страны: «... В единственных градах и малых областях полития или демократия удобно пользу и спокойность сохранить может. В величайших, но от нападений не весьма опасных, яко окружены морем или непроходимыми горами, особенно где народ науками довольно просвящен, аристократия довольно способна быть может, как нам Англия и Швеция видимые примеры представляют. Великие же области, открытые границы, а наипаче где народ учением и разумом не просвящен и более за страх, нежели от собственного благонравия, в должности содержитя, оба первые не годятся, но нужно быть монархии»². Россия как раз подпадает под последние параметры: территория ее велика, границы открыты, народ недостаточно просвещен, следовательно, наиболее предпочтительной для нее формой правления является монархия.

Феофан Прокопович подходит к обоснованию необходимости для России монархической формы правления с другого конца: россияне, мол, — истинно христианский народ, склонный не только к единой власти духовной, но и к единой власти светской: «Русский народ таков есть от природы своей, что только самодержавным владетельством храним быть может»³.

Феофан Прокопович и В. Н. Татищев сходятся во мнении о том, что при любой форме правления должно соблюдаться главное условие — забота об общем благе. Если со стороны государства это условие не выполняется, любая форма правления превращается в свою негативную противоположность: демократия — в охлократию, аристократия — в олигархию, монархия — в тиерию. Эту мысль развивал впоследствии и Н. А. Бердяев: «Вопрос в реальной действительности идет лишь об одном: восторжествует ли хорошее меньшинство — аристократия или плохое меньшинство — охлократия»⁴.

Положение о том, что важна не только форма правления, но и то конкретно-историческое содержание, которое вкладывается в эту форму, чрезвычайно актуально для нашего времени. Так, современная Великобритания по своему официальному статусу монархия, рассматриваемая большинством современников как исторический анахронизм. Но это никак

¹ Татищев В. Н. История российская. Ч. I. С. 362 (Татищев В. Н. Сообр. соч.: В 8 т. Т. I. М., 1994).

² Там же.

³ Смирнов В. Феофан Прокопович. Приложение. М., 1994. С. 210.

⁴ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990. С. 127.

не мешает Великобритании входить в число наиболее демократически развитых стран с высоким уровнем материального благосостояния трудящихся и защищенности и гражданских прав и свобод.

Н. А. Бердяев резко выступал против такой формы правления, как диктатура пролетариата: «Господство черни создает свое избранное меньшинство, свой подбор лучших и сильнейших в хамстве, первых из хамов, князей и магнатов хамского царства»¹.

Пролетарская психология — это плебейская психология и, будучи таковой, является психологией обиды, претензии. Аристократична, т. е. достойна для управляющего, психология вины свободных детей Божьих. Аристократу более свойственно чувствовать себя виновным, чем обиженным. Христианское сознание сынов Божьих, а не рабов мира, детей свободы, а не детей необходимости, — аристократическое сознание. Те же, кто чувствуют себя пасынками, обиженными судьбой, теряют благородные, аристократические черты. Аристократ должен чувствовать, что все, что возвышает его, получено от Бога, а все, что унижает, — результат его собственной вины. Это прямо противоположно той плебейской, неблагородной психологии, которая все возвышающее чувствует благоприобретенным, а все унижающее — обидой и виной других. Тип аристократа прямо противоположен типу раба, это — разные душевые расы.

Маркс, — утверждает Бердяев, — ошибочно учил, что в зле от зла должно рождаться новое общество и что воспитание самых темных и уродливых человеческих чувств — это единственный путь к нему. Душевный тип пролетария Маркс противопоставлял душевному типу аристократа как явление более высокого качественного уровня. На самом же деле пролетарий — это тот, кто не хочет знать своего происхождения и не почитает своих предков, для которого не существует ни рода, ни племени, ни самой Родины. Пролетарское сознание вводит обиду, зависть, месть в добродетели грядущего человека. Оно видит освобождение в том бунте, восстании, которое есть страшное рабство души, плененной внешними вещами, материальным миром².

2. 4. Понятие «правящего класса».

Требования, предъявляемые к нему

Термином «элита» русские мыслители не пользовались, более того, и термин «правящий класс» использовал, в основном, лишь В. О. Ключевский. Тем не менее об элите в содержательном смысле этого слова написано немало и, что особенно ценно, — с учетом русской национальной специфики.

Начиная с древнейших летописей, у русских мыслителей культивируется идея важной роли управленческого окружения князя в государственных делах. Главным критерием отбора в это окружение они считали

¹ Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990. С. 127.

² Там же. С. 139.

государственную мудрость, в основе которой лежит забота об общественном благе и соблюдении законности. С хорошими управленцами князь, как правило, успешно справляется с государственными делами, без них наступает нестабильность, нередко ведущая к расколу и смуте.

Власть князя, по Даниилу Заточнику, безгранична, но если ее не умерять мудростью, она может послужить беззаконию, особенно если князь находится в руках «лукавых» советников: «Не корабль топит человека, но ветр; также и ты, княже, не сам владеешь, в печаль введут тя думцы твои»¹. Вот почему в советники князь должен выбирать мужей мудрых: «Мужа мудра брат глаголи к нему и к тому прилепи сердце свое»². При подборе управленческих кадров главным критерием является не возраст, а ум и мудрость: «Советники князя должны быть умны, мудры, не допускать в своих действиях беззакония. Не обязательно брать старых и опытных, ибо дело не в опыте, а в душе»³.

Мудрый управленец выгодно отличается от глупого тем, что дав такому самые общие указания, князь может быть спокоен — все детали будут обдуманы самостоятельно, дело будет сделано качественно и своевременно. Работу же глупого управленца князю, как правило, приходится дублировать, перепроверять, а иногда и выполнять самому: «Мужа мудра на путь послав, мало ему накажи, а, безумного послав, сам не обленися пойти»⁴.

Он считал, что на начальном этапе правления Ивана Грозного, когда царская власть была ограничена «мудрым советом» Избранной Рады, управление государством шло успешно. После падения правительства Адашева царская власть, искушенная дьяволом, впала в «безбожие и беззаконие», в результате чего:

- купцы и земледельцы пострадали от непомерных налогов и казнокрадства;
- многие крестьяне разорились и покинули свои земли; некоторые свободные люди продали своих детей в рабство или покончили жизнь самоубийством;
- воинство пришло в упадок из-за репрессий;
- высокие чиновничьи посты заняли не достойные иуважаемые люди, а клеветники и доносчики.

Большой вклад в развитие учения об элите внес князь А. М. Курбский. Царь, по его мнению, должен править государством «не токмо по совету всех синглитов, но и всенародно»⁵.

¹ Хрестоматия по древней русской литературе. Сост. Н. К. Гудзий. 8-е изд. М., 1979. С. 153.

² Там же. С. 143.

³ Азаркин Н. Н., Левченко В. Н., Мартышин О. В. История политических учений. М., 1994. С. 122.

⁴ Указ, хрестоматия. С. 143.

⁵ Сочинения князя Курбского. Т. 1. Русская историческая библиотека. СПб., 1914. Т. 31. С. 211.

И в основном, считает Курбский, все это стало возможным из-за «злых советников», опричнины с ее беззаконием и нравственным беспрепределом. Гарантией от произвола, по Курбскому, должен был служить Совет при царе, состоящий не только из знати, но и простых людей, сохранивших свое «свободное естество человеческое».

Определенный интерес представляет собой перечень требований, которые, по мнению просветителя И. П. Пинина (1773 – 1805), общество должно предъявлять прегентентам на высокие государственные должности. По Пинину, — это человек, «который общим избранием возведен будучи на почтительную степень достоинства, свято исполняет все должности, на него возложенные. Пользуясь доверенностью своих сограждан, он не щадит ничего, жертвуя всем, что ни есть для него драгоценнейшего, своему отечеству, трудится и живет единственно только для доставления благополучия великому семейству, коего есть поверенный. Столь же беспристрастный судия, как закон, которого он есть орудие и которого справедливые решения никогда не причиняли слез угнетенной невинности, — он есть тот человек, который, всегда следя по стезе добродетели, посвящает себя совершенно всем полезным должностям: то полагая узду закона на беспорядки, общество возмущающие, то возбуждая трудолюбие, поощряя торговлю, ободряя все художества, отдаляя, предупреждая бдительностию свою несчастия, которые непредвиденис или заблуждение могли бы некогда навлечь на соотечественников его. Он есть хранитель государственного сокровища, который, зная, что залог, попечениям его вверенный, часто бывает плод грудолюбия, предпочитает богатству, на грабительстве и злодействе основанному, славу честного и бескорыстного человека. Он есть тог воин, который, подобно Курцио, ввергается в бездну, у ног его развернутую. Наконец, он есть тот, когорый, будучи добрым отцом, нежным супругом, почтительным сыном, искренним и верным другом, являет всем почтением своим к законам и нравам живой пример гражданских добродетелей»¹.

Крупный административный деятель, ученый и писатель К. А. Скальковский, подчеркивал, что государство, проявляя заботу о своих полномочных представителях, обязано, вместе с тем, предъявлять к ним самые высокие требования, так как речь идет о доверии народа к государственной власти, о ее легитимности, в которой заключена главная ее сила. Вот почему необходимо, чтобы «они служили достойными ее представителями, чтобы своими знаниями, бескорыстием и благоразумною твердостью они все больше и больше увеличивали уважение к ней общества. Не только на службе, но и вне службы, в частной жизни, чиновники должны держать себя таким образом, чтобы не умалять достоинства государственной власти, ибо в истинном уважении поданных к этой власти и заключаются ее основные силы»².

¹ Пин И. Классики революционной мысли домарковского периода. Т. 3. 1994. С. 175 – 176.

² Скальковский К. А. Современная Россия. Очерки нашей государственной и общественной жизни. СПб, 1889. С. 40

К. А. Скальковский как положительный момент отмечал наличие в странах Запада особого «правительственного класса»: «В Англии сложился годами особый правительственный класс людей, который в молодости готовится к занятию высших государственных должностей, вращается постоянно в особой политической атмосфере и невольно приобретает массу сведений и практический взгляд, вырабатывающийся у других долгим опытом»¹.

Россия же, по мнению К. А. Скальковского, сильно отстала в этом отношении: «В России история не выработала особого правительственно-го класса. Создать из Александровского лицея питомник будущих государственных людей также была попыткою неудачною, так как лицеисты по окончании курса обращались в обыкновенных чиновников, только с большею протекцией»².

Главным качеством руководителя высшего ранга должна быть компетентность — подчеркивает К. А. Скальковский. Это хорошо поняли на Западе, поэтому там сложилась жесткая система экзаменов при приеме на государственную службу. В России же ничего подобного нет. Существующая в ней сословная система, когда государственный чин составляет отличительное свойство принадлежности к привилегированному сословию — дворянству, способствует привлечению на государственную службу лиц, для службы неспособных или желающих служить лишь потому, что без чина жить предосудительно. В связи с этим Скальковский выступал за немедленное упразднение табели о рангах, личного дворянства, почетного гражданства, сдерживающих прогрессивную постановку системы государственной власти в России.

Он высоко ценил управленческую деятельность, утверждая, что без чиновников «никакое государство обойтись не может, и каждое государство для обеспечения законности и направления к общему благу правительской деятельности должно заботиться о правильной постановке государственной службы. От того, каково образование чиновников, каково их материальное положение, каковы их иерархические отношения между собой и отношения к публике, какова их ответственность, — от всего этого в значительной мере зависит спокойствие и благосостояние как отдельных лиц, так и всего государства»³.

В наиболее развернутом виде учение о «правящем классе» мы находим у выдающегося русского историка В. О. Ключевского: «Я говорю о боярстве в условном смысле верхнего слоя многочисленного военно-служилого класса в Московском государстве»⁴. Этот верхний слой, представляющий собой

¹ Скальковский К. А. *Наши государственные и общественные деятели*. СПб., 1891. С. 4—5.

² Там же. С. 5—6.

³ Скальковский К. А. *Современная Россия*. Спб., 1891. С. 40.

⁴ Ключевский В. О. *Курс русской истории. Соч.: В 9 т. Т. 2. М., 1987. С. 136.*

титулованное боярство, занял все ключевые посты в системе государственного управления. Постепенно в титулованном боярстве укрепился взгляд на свое правительственные значение как на наследственное право по происхождению, в отличие от остальной массы боярства, считавшими себя «вольными и переходными служами князя по договору». Это продолжалось до второй половины XVIII века, когда «современники чутко отметили час исторической смерти боярства как правящего класса»¹.

На смену титулованному боярству пришел новый правящий класс — высшее дворянство, в основном столичного происхождения: «Руководящая роль в управлении вместе с более обеспеченным материальным положением развивала в столичном дворянстве привычку к власти, знакомство с общественными делами, сноровку в общении с людьми. Государственную службу оно считало своим сословным призванием, единственным своим общественным назначением. Живя постоянно в столице, редко по краткосрочным отпускам заглядывая в глушь своих разбросанных по Руси поместий и вотчин, оно привыкло чувствовать себя во главе общества, в потоке важнейших дел, видело близко иноземные сношения правительства и лучше других классов знакомо было с иноземным миром, с которым соприкасалось государство»².

Расцвет дворянства как правящей элиты общества падает на петровские времена и поистине золотой для него век правления «матушки-императрицы» Екатерины II и последующих правителей: «Руководящим классом и во второй половине XVIII в. оставалось дворянство»³.

И лишь со второй половины XIX в., особенно после отмены крепостного права в 1861 г., начинается кризис дворянства как правящего класса.

Большое внимание в своем учении об эlite Ключевский уделял тому, что Москва впоследствии называл «юридической защитой». Это в России самое слабое звено из всей системы властных отношений, — с горечью констатировал он. Вопрос о юридической защите всегда стоял на Руси остро, начиная от тиунов боярских времен, призванных к соблюдению правовых норм на местах, но фактически являвшихся главными нарушителями этих норм, до настоящего времени (конец XIX — начало XX вв.). Русский народ по-прежнему убежден: «где суд, там и неправда».

Западным властям путем построения правового государства удалось сбалансировать интересы управляемых и управляющих, в России же этого сделано не было. В результате, управляемые на Западе вправе требовать от управляющих: «Правьте нами так, чтобы нам удобно жилось». В России же-ton задает бюрократия: «Вы живите так, чтобы нам удобно было управлять вами, и даже платите нам хорошее жалованье, чтобы нам весело

¹ Скальковский К. А. *Наши государственные и общественные деятели. СПб, 1891. С. 65.*

² Там же. С. 68.

³ Там же.

было управлять вами; если же вы чувствуете себя неловко, то в этом виноваты вы, а не мы, потому что не умеете приспособиться к нашему управлению и потому что ваши потребности несовместимы с образом правления, которому мы служим органами»¹.

Россияне, — сетует Ключевский, — в отличие от западноевропейских народов, «не умеют стоять за закон», потому что они — нация созерцателей, а не социального действия: «Мы музыканты, отвыкшие играть вследствие привычки размышлять о музыке»².

Реалии наших дней подтверждают правильность этой критической оценки Ключевского: мы по-прежнему страдаем социальной пассивностью и не научились «стоять за закон», хотя в официальной прессе постоянно заявляем, что строим правовое государство.

2. 5. Теория циркуляции элит

Как уже было сказано в предыдущих темах (в частности — в 4-й теме), еще князь А. М. Курбскийставил вопрос о том, что в Совет при царе должна входить не только знать, но и выходцы из низов общества, не потерявшие своего «свободного естества, человеческого». Совет, по мнению Курбского, только выигрывает, если при обсуждении важных государственных вопросов прорывается «голос народа». Это помогает Совету держать правильный политический курс, направленный на благо всего общества, а не отдельной его части.

Большое внимание вопросу ротации управленческих кадров, особенно высшего звена, уделял А. К. Скальковский. К этому вопросу он призывал подходитьзвешенно, обдуманно, не торопясь. С одной стороны, относительно быстрая ротация имеет положительные стороны «ввиду нынешнего быстрого движения идей, мнений, взглядов и возникновения новых интересов. В этом случае новое лицо, чуждое административной рутине, будет очень кстати»³. Но, «с другой стороны, опытность во всяком роде деле играет важную роль. Если в ничтожном ремесле только известная практика позволяет человеку осваиваться с делом и придумывать необходимые улучшения, то тем более труда требует изучение такого сложного дела, как государственное управление. С виду кажется, пожалуй, что при честном взгляде и хороших докладчиках каждый умный человек может взять в руки какой угодно портфель, но подобное самообольщение быстро исчезает, когда новый человек с первого раза запутывается в тысяче специальных тонкостей и растрачивает свою энергию на мелочи, не заслуживающие внимания опятного дельца»⁴. В вопросе ротации кадров, приходит к выводу Скальковский, нужно найти «золотую середину»,

¹ Скальковский К. А. *Наши государственные и общественные деятели*. Т. 9. С. 427.

² Там же. С. 444.

³ Скальковский К. А. *Наши государственные и общественные деятели*. СПб, 1891. С. 4.

⁴ Там же.

позволяющую соединить указанные выше подходы, каждый из которых имеет свое рациональное зерно.

У В. О. Ключевского учение о циркуляции элит вырастает из учения о сословиях. Он подчеркивает, что у различных сословий существует резко отличающееся друг от друга соотношение прав и обязанностей. Обладая различными правами, классы общества могут нести одинаковые государственные обязанности, но если на них возложены неодинаковые обязанности, то они не могут обладать равными правами. А это, в свою очередь, приводит к следующему: «Отсутствие у одного класса прав, которыми обладают другие, не увеличивает количества его обязанностей; напротив, свобода одного класса от обязанности, падающей на другие, даст ему лишнее, хотя и отрицательное, право в сравнении с другими. Притом, государственные обязанности отличаются неодинаковой тяжестью, и если они разделены между классами, а не падают все одинаково, на всех, то их удельный вес даст преимущество менее обремененным классам, позволяя им в потоке юридических отношений держаться выше других»¹.

Большое внимание Ключевский уделяет сравнительному анализу политических и гражданских сословных прав и его значению для самих сословий. Если сословные гражданские права приносят прямую, осязаемую выгоду каждому члену сословия, связанную с владением землей и крепостными людьми, то права политические, «доставляя всему сословию власть и влияние на управление, имеют интерес для отдельных лиц не сами по себе, а потому, что обыкновенно служат средством расширения и обеспечения прав гражданских. Значит, гражданские права для сословий важнее политических; они — наиболее энергичный мотив сословного неравенства, настоящая цель, к которой стремятся высшие сословия, добиваясь этого неравенства или отстаивая его»².

Политические элиты, основанные на сословных привилегиях, не могут выражать интересы всего общества, поэтому социальный прогресс шаг за шагом подводит общество к необходимости уравнивания сословий и усиления демократических тенденций политического развития.

Развитие «политического общежития», по Ключевскому, проходит следующие этапы:

1. На уровне досословных отношений родоплеменного характера существовали «естественные союзы», завязанные кровным родством. «В этих союзах не было равенства, но не было и сословий; их место занимали возрасты: старшие составляли правящий класс; младшие — управляемое общество»³.

2. С появлением сословного деления общества роли управляющих и управляемых распределяются по сословному признаку.

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 6. С. 226.

² Там же. С. 232.

³ Там же. С. 241.

3. «В современном государстве... нет сословий, их место занимают изменчивые экономические состояния. Наиболее платящие государству, т. е. наиболее состоятельные, волей-неволей подчиняются этому руководству»¹. Ключевский проводит параллель с акционерной компанией, в которой политический вес участников зависит от количества голосов; оно, в свою очередь — от количества акций; а последнее — от размера капитала, потраченного на их приобретение. Короче говоря, чем больше денег, тем больше власти.

4. Экстраполируя рассматриваемую тенденцию на распределение властных отношений в обществе Будущего, он выстраивает следующую цепочку: власть старших — власть сословий — власть капитала — власть знаний. «Может быть, — размышляет он, — и капитал утратит политический вес, уступив свое место другой силе, например, науке, знанию; по крайней мере о возможности управлять обществом посредством этой силы давно мечтали многие, мечтают и теперь. В государственном механизме, который будет приводиться в движение этой силой, также не будет ни равенства, ни сословий; их место займут учёные степени, и в законодательных собраниях депутаты с цензом очистят скамьи для делегатов учёных обществ с дипломами»².

Итак, в схеме развития властных отношений в обществе изменению, по Ключевскому, подвергается лишь форма, связи между управляющими и управляемыми; содержательная же сторона, т. е. само это деление на властующих и подчиняющихся, остается неизменным.

Если «основанием каждого последующего деления общества становились последствия, вытекающие из деления предыдущего», то фундаментом, первоосновой этого деления, его связующим звеном всегда было «первоначальное политическое деление на управителей и управляемых»³.

Существенный интерес представляет теория «головастиков» П. А. Сорокина (1889 — 1968). «Головастики» — это отпрыски угнетенной части населения, часть которых рождается с качествами «прирожденных» правителей.

Если власть передается по наследству, без учета присутствия или полного отсутствия таланта управления у тех, кто наследует власть, а «головастики» низших классов так за всю свою жизнь и не могут прорваться к рычагам управления, то социальный баланс нарушается. Когда аристократия сильна и талантлива, то никакие искусственные барьеры не нужны для защиты ее от посягательства со стороны «выскочек». Но когда она бесталанна, то в искусственных препонах оказывается такая же необходимость, как в костыле для инвалида.

¹ Ключевский В. О. Курс русской истории. Т. 6. С. 241.

² Ключевский В. О. Указ. соч. Т. 6. С. 241.

³ Там же. С. 391. Более подробно концепция элит В. О. Ключевского излагается в работе: А. В. Понеделков. Сравнительный анализ взглядов Г. Москса и В. О. Ключевского на элиту. В кн.: «Государственная и муниципальная служба. Методология, теория, технология, зарубежный опыт». Ростов-на-Дону, 1997. С. 45 — 52.

В периоды застоя вырожденцы правящего класса прибегают к искусственным средствам для предотвращения случаев проникновения в их среду «головастиков» из низов в целях монополизации власти. Так, накануне революции 1905 г. правящий класс России упорно тормозил процесс выдвижения талантливых самородков из низших слоев, не желая урезать себя во властных правах.

Нетрудно догадаться, что благодаря подобным мерам на вершине общества аккумулируются бездарные правители, а «головастиков» у основания пирамиды становится все больше и больше. Давление правящих, возводящих все новые и новые барьеры для сохранения за собой высоких общественных позиций, становится все сильнее, а соответственно — возрастает чувство подавленности «внизу». Напряжение в обществе растет, оно подходит к стадии открытого взрыва, конфликта.

«Когда же наступает революционный взрыв, — пишет Сорокин, — то все барьеры и препоны на пути свободной циркуляции разрушаются одним ударом.

Безжалостная революционная метла начисто выметает социальный мусор, не задумываясь при этом, кто виноват, а кто — нет. В мгновение ока «привилегированные» оказываются сброшенными с высот социальной пирамиды, а низы выходят из своих «социальных подвалов»¹.

В «сите» селекции образуется огромная щель, сквозь которую могут проникать все индивиды безо всякой дискриминации. Но на второй стадии революции возникает новое «сито». «Головастики», достигшие вершин, сливаются с остатками неразложившейся дореволюционной аристократии, идет процесс формирования новой элиты. И пока она не дошла до паразитизма, разложения, общество развивается мирным путем, без революций. Если «головастиков» у основания общественного конуса недостаточно или же они вовсе отсутствуют, т. е. нет реальной замены возрождающейся власти, общество впадает в глубокую депрессию. Этот круговорот Сорокин рассматривает как продукт векового приспособления человечества к окружающей среде.

2. 6. Политическая партия — власть-элита

Выше мы останавливались на позициях разных мыслителей, имеющих отношение к изучаемой теме. В рамках данного раздела имеет смысл остановиться на взглядах лишь одного из них — М. Я. Острогорского (1854 — 1919). Его теоретического наследия для освещения означенной темы, пожалуй, будет вполне достаточно, ибо «наряду с Вебером и Михельсоном он признан одним из основателей современной политической социологии, прежде всего такой ее специфической области, как учение о политических партиях»².

¹ Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992. С. 292.

² Медушевский А. Н. История русской социологии. М., 1993. С. 226.

Еще на рубеже XIX — XX вв. он предсказал, что в развитии демократической формы правления наступает период «партийной демократии» и поэтому проблемы взаимосвязи политической партии, власти и элиты следует уделить самое пристальное внимание.

Начинает свой анализ М. Я. Острогорский с ядра административной организации, которое он называет «кокус». Одни считают, что этот термин берет свое начало от слова североамериканских индейцев «совет», другие ищут его смысл в измененном английском слове «клуб». Так или иначе, это слово прочно вошло в западный политический лексикон.

Изначально кокус возник как специализированный орган, обеспечивающий связь парламентских партий с массами избирателей. Но затем в его функции стала входить мобилизация масс в поддержку партийной программы, координация всей партийно-массовой работы, подбор и расстановка кадров партийных функционеров, осуществление пропаганды партийной идеологии. В отличие от официальных властей, кокус не только не афиширует, но, наоборот, тщательно камуфлирует свое влияние в обществе и партии. Если сказать коротко, «кокус представляет собой механизм, позволяющий небольшому числу людей контролировать и направлять поведение масс»¹.

Кокус постепенно становится тем коллективным неформальным лидером, который предопределяет исход собраний, дискуссий, выборных кампаний. Он руководит ходом политических кампаний в обществе, прессе, парламенте, оказывает определяющее влияние на формирование общественного мнения. Процесс концентрации власти и бюрократизации усиливается, образуется «кокус в кокусе»: «Обычно исполнительный комитет и сам чересчур многочисленен, чтобы действовать. Поэтому в его среде образуется «интимный кружок», который концентрирует всю власть. В кокусе есть два лица, которые являются столпами храма: генеральный секретарь и президент ассоциации»².

Но столпы эти при ближайшем рассмотрении оказываются далеко не равнозначными. Если президент — скорее декоративная фигура, то генсек — вполне реальная, вся власть партии скапливается у него и того «интимного кружка», о котором говорит Острогорский. Генсек направляет работу нижестоящих секретарей и контролирует их деятельность, организует демонстрации, собрания и митинги, получает информацию, проводит инструктажи, регулирует работу партийных комитетов.

В составе партийной элиты начинают выделяться активисты из числа доверенных лиц секретаря и его ближайшего окружения. Этих людей Острогорский называет «кнутами». Они неотступно следят за исполнителями главных ролей в партии, чтобы каждый был на своем месте и играл именно свою, а не чужую роль. «Кнуты» следят за настроением умов и информируют партийных лидеров об этом для принятия соответствующих мер.

¹ Медушевский А. Н. История русской социологии. М., 1993. С. 223.

² Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. Т. I. М., 1927. С. 144.

Круг деятельности «кнотов» очень широк — вплоть до санкционированных аплодисментов на митингах.

Вместе с бюрократизацией и концентрацией власти начинается процесс сакрализации. Кокус создает для лидеров соответствующую харизму, окружает партийную власть ореолом святости. У рядовых членов партии изымается право на истину, ею может обладать только партийный лидер, как в церкви — священник. Камуфлируются же все эти действия «мнением большинства». Кокус устанавливает обязанность для «верующих партии следовать за директивами большинства со всеми их колебаниями, под страхом осуждения за моральное нарушение»¹.

Если партия находится у власти, то решение, теперь уже не только чисто внутрипартийных, но и парламентских вопросов, предопределяет кокус. Если вопрос одобрен кокусом, можно заранее сказать, что он будет одобрен парламентом.

По мере укрепления бюрократизации и централизации, на первое место выдвигается задача сохранения единства партии, борьба за чистоту ее идеиных основ. Инакомыслие для членов партии запрещается. Партийная догматика канонизируется, вырабатывается «генеральная линия», выступление против которой расценивается кокусом как ересь, несовместимая с высоким званием члена партии. Сухие ветви ереси отсекаются от вечно зеленеющего древа партийной ортодоксии. Закладываются основы «двойной» морали: одна для «своих», т. е. для кокуса; другая для рядовых членов партии, а если она у власти, — для рядовых граждан.

В итоге — «при наличии равного избирательного права основная масса населения вытесняется тем не менее из активной политической жизни, становится объектом манипуляции со стороны кокуса»². Особенно опасными в этой ситуации Острогорский считает «отчуждение общества от политической жизни, разрыв между политикой и моралью, формирование конформистского сознания и гражданской индифферентности»³.

Встает традиционно русский вопрос: «Что делать?» На него М. Я. Острогорский отвечает следующим образом:

I. Следует преодолеть сложившийся стереотип рассмотрения общества как расколотого на две конфликтующие стороны, когда вопрос ставится однозначно: «кто кого?», а борьба за власть превращается в самодель. Политические партии старого типа и особенно их кокусы спекулируют именно этим. В реальном же обществе существует не две, а множество конфликтующих сторон, сталкиваются самые разнообразные интересы, возникают самые различные противоречия.

В связи с этим на место старых политических партий с их жесткой бюрократической организацией должны быть поставлены свободные

¹ Острогорский М. Я. *Демократия и политические партии*. Т. I. М., 1927. С. 233.

² Там же. С. 144.

³ Там же. С. 249.

общественные ассоциации, движения, лиги и т. п.», которые ставили бы перед собой задачи не глобальной перекрошки всей сложившейся социальной системы, а конкретные, вполне выполнимые, жизненные задачи, понятные каждому рядовому гражданину. Участие в одном из таких движений не должно исключать участия в других, это не должно рассматриваться как измена партийным интересам. «Участие в таких подвижных политических организациях, — заключает М. Я. Острогорский, — должно явиться мощным стимулом для подъема общественного сознания и индивидуальной ответственности граждан, роста их моральной свободы»¹.

2. Очень важным М. Я. Острогорский считает переосмысление теории Руссо об «общей идее» или суверенитете народа как простом большинстве. Следствием практической реализации этой теории стал страх отдельного человека перед магией большинства голосов; осознание невозможности противопоставить этому большинству свое индивидуальное мнение. А это — прямая дорога к конформизму, стадности мышления, нивелировке личности, т. е. явлениям, противоречащим идеалам демократии. «Общая воля, подчеркивает М. Я. Острогорский, — не должна рассматриваться как нечто единое и постоянное, существующее вне времени и пространства. Мнение народа есть живое воплощение реальных, меняющихся, высказываемых по разным поводам позиций»². Вот почему так необходим плюрализм мнений, уважительное отношение к мнению каждого, каким бы странным оно ни казалось под углом зрения сложившихся стереотипов.

3. Централизация власти и бюрократизация в партиях старого типа приводят к запрограммированности поведения депутатов определенной фракции в парламенте, которые выражают интересы партии, а точнее — интересы кокуса партии, но ни в коем случае не интересы избирателей, интересы народа. Поэтому Остроградский категорически возражает против выдвижения кандидатов в депутаты по принципу партийной принадлежности с последующими выборами «списком».

4. Указанная выше проблема имеет и другой аспект: в случае потери партией своего ведущего положения отстраняются от работы те министры, которые вполне профессионально выполняли свои обязанности и единственной «виной» которых является принадлежность к потерявшей доверие партии. Это не государственный подход к кадровой политике. Нужно отказаться от коллективной партийной ответственности и заменить ее индивидуальной ответственностью министров и депутатов. «Это тем более важно, считает он, — потому, что личная компетентность, профессионализм, принципиальность и другие индивидуальные качества играют в сфере управления огромную роль»³.

¹ Острогорский М. Я. *Демократия и политические партии*. Т. I. М., 1927. С. 238.

² Там же.

³ Там же. С. 239.

Острогорский подчеркивает, что от предрассудка — будто первый встречный может управлять страной — нужно решительно освобождаться.

5. М. Я. Острогорский считает, что не только Россия, но и Германия находятся на более низкой ступени политического прогресса, чем демократически развитые западноевропейские страны, поэтому перед ними стоят специфические задачи. Но вместе с тем он видит общее направление политического прогресса в гражданском просвещении, развитии общественной жизни, правовой культуры населения. «Задача, которую нужно выполнить, — говорит он, — колоссальна: надо вернуть гражданину власть над государством и восстановить действительные цели этого государства; надо уничтожить разделение между обществом и политической жизнью и аннулировать разрыв между политикой и моралью; нужно, чтобы гражданская неэффективность уступила место бодрому и бдительному общественному сознанию, нужно, чтобы сознание гражданина было освобождено от формализма, который его поработил, чтобы избиратели и высшие обладатели власти подчинили свою политическую деятельность существу дела, а не условности фраз; нужно, чтобы превосходство характера и ума, иначе говоря, истинное управление лидеров, вытесненное политическим машинизмом, было восстановлено в своем праве возглавлять собою управление республики, в политическом обществе необходимо восстановить авторитет так же, как и свободу, узурпированную людьми, которые торгают общественным благом под флагом партии и именем демократии»¹.

ЛИТЕРАТУРА

- Прокопович Ф. Слово о власти и чести царской. Соч. М.-Л., 1961.
Пестель П. И. Русская правда. Антология мировой философии. М., 1972.
Бердяев Н. А. Философия неравенства. М., 1990.
Ключевский В. О. Курс русской истории. Соч. Т. 2, 6. М., 1987.
Сорокин П. А. Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
Медушевский А. Н. История русской социологии. М., 1993.
История России в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону, 1999. С. 151 — 153, 169 — 171, 295 — 297.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Каковы основные периоды в развитии взглядов русских мыслителей на происхождение общественного разделения на управляющих и управляемых?
2. Какая из основных тенденций направленности властных отношений в трудах русских мыслителей является на ваш взгляд более рациональной и почему?
3. Какую форму правления русские исследователи социально-политических процессов считали наиболее приемлемой для России и почему?

¹ Острогорский М. Я. Указ. соч. Т. 2. М., 1930. С. 274.

4. В чем сущность учений К. А. Скальковского о «правительственном классе» и В. О. Ключевского о «правящем классе»?
5. В чем актуальность теории «головастиков» П. А. Сорокина для нашего времени?
6. В чем вы видите позитивные стороны программы М. Я. Острогорского?

Глава 3. ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛИТОЛОГИИ И ЕЕ ТИПОЛОГИЯ

Возможности типологизации элитаризма. Творчество основателей элитологии (а все они, как мы видим, были и элитистами) приходится, главным образом, на первую четверть XX века. В дальнейшем элитология претерпевает сложную, временами весьма причудливую эволюцию и в настоящее время представляет собой весьма пестрый конгломерат различных направлений и течений, порой остро полемизирующих друг с другом. Поэтому систематизация, классификация, типологизация этих направлений представляет собой сложную научную проблему.

Типологизацию можно проводить по разным основаниям. Одним из них может быть хронология, позволяющая вычленить следующие этапы развития элитологии:

- 1) конец XIX — первые три десятилетия XX века — творчество отцов-основателей элитологии, которое мы уже отчасти рассмотрели;
- 2) вторая половина 20-х — первая половина 40-х годов — формируется фашистский вариант элитаризма и одновременно консервативно-аристократический. Вместе с тем в конце 30-х — 40-х годов делаются первые попытки реконструкции элитизма в плане совмещения его с ценностями буржуазной демократии (которые получат наибольшее развитие в послевоенный период);
- 3) вторая половина 40-х — конец 60-х годов — наибольшее влияние получает либерально-демократическая трактовка элитизма, теории элитного плюрализма. Вместе с тем возникает радикально-демократический вариант элитологии, пафосом которого является страстное обличение недемократичности, элитарности политических систем западных демократий, прежде всего политсистемы США;
- 4) 70-е — 90-е годы. Продолжающемуся господству политического плюрализма (в частности, теориям элитного плюрализма и полиархии) бросает вызов неэлитизм, утверждающий элитарную структуру политической системы США и других западных стран (равно как и недемократических политсистем, что, собственно, само собой разумеется), причем атаки на плюрализм ведутся не только радикал-демократами, но и рядом консервативных политологов.

Однако приведенная нами классификация по хронологическому принципу страдает многими существенными недостатками. Руководствоваться

этим принципом при написании книги — значило бы обречь себя на неминуемые повторы, поскольку одни и те же или близкие методологические установки элитаристов продолжают существовать из десятилетия в десятилетие, лишь несколько модифицируясь в различные исторические периоды.

Возможна классификация элитологических теорий и по иному основанию, например, по способам обоснования элитаризма (и тогда нужно вычленить биологическое, психологическое, технологическое и другие типы аргументации), по методологическим установкам и принципам построения элитологических концепций (и вычленить прежде всего ценностную и структурно-функциональную модели элиты).

Представляется оправданным и деление элитологов по политическим ориентациям и приверженостям. И тут мы увидим (порой не без некоторого удивления), что в элитологии представлены практически все направления и оценки современного политического спектра. Попытаемся перечислить их (справа налево): фашистский вариант элитаризма, консервативно-аристократический, либерально-демократический, леворадикальный (иногда переходящий в антиэлитаризм, иногда — стыдливо прячущий свой элитаристский авангардизм), коммунистический элитаризм. Последний еще более тщательно, чем это делают левые радикалы, маскирует свой элитаризм и поэтому по праву может быть назван скрытым элитаризмом: он уверяет, что при «реальном социализме» элиты не существует и существовать не может, тогда как на деле номенклатурная элита обладает полнотой власти и институциональными привилегиями.

Наконец, возможно деление элитологии и по географическому, точнее, по региональному признаку. Здесь можно вычленить Западную Европу как колыбель элитологии, затем элитологию США, куда после второй мировой войны смещается центр разработки элитологии. Своими особенностями обладает элитология развивающихся стран, где в центре исследований находятся традиционные элиты и элиты модернизации. И несомненной спецификой обладает элитология в России. В условиях тоталитаризма и строжайших идеологических запретов она могла быть только подпольно-диссидентской или эмигрантской — во всяком случае в отношении исследования советских элит — а ныне, выйдя из подполья, она лишь набирает темпы, пытаясь компенсировать потерянные в тоталитарные времена возможности.

Представляет интерес сравнительный политологический анализ западноевропейской и североамериканской элитологических школ. Если для европейской элитологии в большей мере характерен ценностный подход, то для североамериканской — структурно-функциональный. Говоря об элитологии развивающихся стран, необходимо подчеркнуть особую роль латиноамериканской элитологии как наиболее продвинутой и развитой¹.

¹ Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961. С. 802.

Так какое же основание для классификации элитологических направлений следует предпочесть? Увы, ни одно из делений по одному из указанных оснований не будет полным и исчерпывающим. И поэтому как бы ни заманчиво было осуществить деление по какому-либо одному, это не представляется возможным, точнее, такое деление страдало бы неполнотой и односторонностью. Поэтому целесообразно проводить деление по нескольким основаниям. Мы понимаем, что это делает рисуемую нами панораму направлений элитологии более пестрой и менее стройной, но зато более полно отражает реальную картину.

Таким образом, классификация направлений элитологии оказывается многомерной, т. е. осуществленной по нескольким основаниям, исходя из разных критериев. При этом мы отдаём себе отчет в том, что проведение классификации по разным основаниям делает ее более громоздкой и приводит к тому, что вычленяемые нами направления частично перекрециваются. Итак, предлагаемое нами деление оказывается многоизмеримым, точнее, отталкиваясь от хронологического принципа, мы будем дополнять его иными критериями, прежде всего, исходными методологическими установками того или иного направления элитологии, а также политическими ориентациями.

3.1. Фашистский вариант элитаризма. Расизм и элитология

Прежде чем мы перейдем к описанию фашистской интерпретации элитаризма, следует выяснить вопрос о связи теорий Моски, Парето, Михельса, Сореля с фашистской идеологией. Вот уже полстолетия этот вопрос обсуждается в западной политологической литературе. При этом выявились не только различные, но и противоположные точки зрения — от утверждений о прямой связи между элитаризмом и фашизмом до полного отрицания какой-либо связи между ними. Последняя точка зрения представляется нам наименее убедительной.

Приведем мнение сторонников первой точки зрения. Известный итальянский политолог Ф. Ферраратти пишет: «Идеи Моски, подобно идеям Парето и Михельса... оказались в области политики пригодными для оправдания фашизма, независимо от отличных позиций этих авторов»¹. Еще более определенно пишет американский социолог Цандер, утверждая, что фашизм — «это осуществление идей Парето на практике»². Не менее определенным является суждение американского леворадикального социолога Р. Баркли, который писал: «Генеалогия теорий элиты такова: от Платона и Ницше к Парето и Моске и далее — к фашизму, а в послевоенный период — к неоконсерватизму»³. В этих суждениях есть своя доля истины, правда, выраженная слишком прямошлифованно, категорично, а потому и несколько односторонне.

¹ *The American Journal of Economics and Sociology*. 1960. № 4. P. 404.

² Там же. С. 412.

³ Barkly R. *The Theory of Elite and the Mythology of Power. Science and Society*. 1955. Spring. P. 97.

Теперь приведем аргументы другой стороны. Известный американский политолог Дж. Сартори высказывается весьма категорично по этому поводу: теории элиты «либо верны, либо неверны, но, с моей точки зрения, бессмысленно спорить, являются ли они фашистскими или антифашистскими»¹. Еще более известный французский политолог Р. Арон решительно возражает против наличия связи между теориями Мюсси и Парето — и фашизмом, ссылаясь на то, что Парето «колебался между авторитаризмом и интеллектуальным либерализмом». Арон считал, что любые политические режимы олигархичны, только фашистский — явно, открыто, в наибольшей степени, а конституционно-плюралистические режимы — в меньшей степени².

В конце 70-х годов в английском журнале «Политик стадиз» развернулась характерная дискуссия по вопросу о взаимосвязи элитизма и фашизма. Ее открыли две статьи Д. Битхэма³, в которых автор достаточно аргументированно утверждал, что симпатии Михельса к фашизму в 20-х годах не случайны, что они прямо связаны с его теоретическими концепциями, развернутыми в знакомой нам книге «Политические партии». Битхэму возражал Р. Беннет, который утверждал, что «эволюция Михельса от социализма (имеются в виду его симпатии в раннем возрасте к социал-демократии) к фашизму является фактом его индивидуальной биографии»⁴, а не следствием логической связи его концепций с фашизмом. По Беннету, «нет необходимой связи» между теориями элиты и фашистской идеологией. «Главный вопрос, поднимаемый элитарными теориями, — делает вывод Беннет, — это вопрос не о том, являются ли они просто тщательно разработанным прикрытием для фашистской идеологии, но о том, совместимы ли современные индустриальные общества и политические партии с целями демократии». Беннет придерживается той точки зрения, что теории элиты политически нейтральны, что они «не указывают определенно на какое-либо политическое направление»⁵. Подведем итог приведенной выше полемике. Имеется ли какая-либо связь между трудами основоположников элитаризма и фашизма или же она полностью отсутствует? Думается, определенная связь существует, вопрос скорее можно поставить так: прямая эта связь или непрямая? И справедливым будет последний ответ.

Теперь мы можем непосредственно перейти к фашистскому варианту элитаризма. В писаниях теоретиков фашизма элитаризм принял наиболее уродливые, человеконенавистнические формы. Многие современные

¹ Sartory G. *Democratic Theory*. Westpoint. 1976. P. 41.

² Арон Р. *Демократия и тоталитаризм*. М., 1993. С. 121.

³ Beetham D. *From Socialism to Fascism*. Political Studies. 1978. Vol. XXV. Part I. P. 3—27; part II. P. 161—181.

⁴ Bennet D. *The Elite Theory as Fascist Ideology. A Reply to Beetham's Critique of R. Michels*. — *Political Studies*. 1978. Vol. XXVI. P. 474, 475, 487.

⁵ Там же.

элитологи объявляют фашистскую доктрину «вульгарным» вариантом элитаризма, пишут о фашизме как «плебейском искажении подлинного элитаризма», занимая при этом консервативно-аристократическую позицию (ссылаясь, в частности, на то, что при фашистском режиме в Германии работы теоретика «аристократического» варианта элитаризма Ортеги и Гассета находились под запретом). Отметим, что ряд элитологов часто нарочито игнорируют фашистский вариант, стыдливо замалчивают его. Подавляющее большинство современных теоретиков элиты стараются по возможности либерализировать элитаризм. Теоретик современного «демократического элитизма» П. Бахрах сетует на то, что термин «элитаризм» непопулярен в демократических странах, поскольку «фашизм и другие антидемократические движения» придали ему «специфический оттенок»¹. Мы не можем игнорировать фашистский вариант элитаризма не только потому, что «из песни слова не выкинешь», но и потому, что попытки регенерировать эти концепции имеют место в ряде стран, в том числе, к сожалению, и в России.

Многие объективные исследователи теорий элиты (тот же Д. Битхэм) констатируют, что элитаризм составляет сердцевину фашистской идеологии. Доктрина фашизма прямо опирается на принцип элитарной структуры общества, принцип фюрерства, предполагающий неконтролируемую власть правителей и абсолютное бесправие управляемых. Гитлер в «Майн Кампф», наиболее циничном выражении расистского элитаризма, проповедывал, что «историю мира творят только меньшинство»², обосновывал социальное неравенство в первую очередь расовыми различиями. Яростно нападая на принцип подчинения меньшинства большинству, называя этот принцип «еврейским», он по существу перефразировал основную установку элитаризма: «Принцип принятия решений большинством, отрицая авторитет личности и ставя на ее место толпу, грешит против основной идеи, заложенной в природе, — идеи аристократии». И далее: «Марксизм есть не что иное, как политика евреев, заключающаяся в том, чтобы добиться систематического уничтожения роли личности во всех областях общественной жизни и заменить ее ролью «большинства». Действительным благодетелем рода человеческого было немногочисленное творческое меньшинство. Обеспечить решающее влияние за этими головами... будет в интересах всего общества... Лучшей формой государства, лучшим государственным устройством будет то, которое естественно и неизбежно будет выдвигать на самые высокие места самых выдающихся сынов и будет обеспечивать им бесспорное руководящее влияние»³. Большинство — это «толпа бездарностей», меньшинство — «сверхчеловеки». Элита вправе попирать волю этого «неисторического» большинства. Мнение Гитлера о психологии толпы свидетельствует о том, что он читал Лебона и ненавидимого им

¹ *Elites in a Democracy. Ed. By P. Bachrach. 1991. P. 14.*

² Гитлер А. *Моя борьба. Ашхабад, 1992. С. 374—376.*

³ Там же. С. 239—242.

«еврея Фрейда». Для Гиглера «масса — нетерпима, но послушна авторитету, требует от своих героев силы, даже насилия». Гитлер признавал: «Масса, народ — для меня это как женщина. Любой, кто не понимает присущего массе женского характера, никогда не станет фюрером. Что хочет женщина от мужчины? Ясности, решимости, силы, действия. Ради этого она пойдет на любую жертву... ». Элитаризм Гитлера тесно переплетен с расизмом. «Более сильный должен властвовать над более слабым, а вовсе не спариваться с более слабым и жертвовать таким образом своей силой... Все, чему мы изумляемся в этом мире — наука и искусство, техника и открытия — все это только продукт творчества немногих народов, а первоначально, быть может, только одной расы»¹.

Фашистские теоретики Розенберг, Конер, Леман противопоставляли «неполноценную» массу арийской элите, пытаясь обосновать «аристократический принцип» социальной структуры. А. Розенберг обвинял французскую революцию в том, что она провозгласила право большинства господствовать в обществе, «разлагая народы этим безответственным парламентаризмом».

Расизм (не только в его фашистском варианте) обычно тесно связан с элитаризмом. В литературе расизм обычно характеризуется в качестве идеологического обоснования угнетения и ограбления империализмом народов Азии, Африки, Латинской Америки. Но это касается только одной стороны расизма — внешнеполитической. У расизма есть и внутривнутренний аспект. Расисты обычно утверждают связь расовой принадлежности людей с социально-классовой структурой общества. Представители расово-антропологической школы О. Аммон, Ж. Ляпуж утверждали прямую зависимость между классовой принадлежностью индивида и его расовыми характеристиками. Обычно расисты утверждают, что на вершине социальной пирамиды должны находиться лучшие представители расы, наиболее «чистые» в расовом отношении. Чтобы подтвердить этот тезис, достаточно обратиться к такому «авторитету», как А. Гитлер, который писал: «Раз мы объявляем непримиримую войну марксистскому принципу «человек равен человеку», раз мы оцениваем человека с точки зрения принадлежности его к определенной расе, то мы должны уметь сделать из этого все необходимые логические выводы до самого конца. Раз мы исходим из того, что решающее значение имеет раса, то есть степень чистоты крови, то мы должны этот критерий приложить и к каждомуциальному человеку. Как мы подразделяем целые народы в зависимости от того, к какой расе они принадлежат, так приходится подразделять и отдельных людей внутри каждого народа... это значит, что не каждый человек равен другому человеку... ибо и тут ту же роль играет степень чистоты крови»².

Обычно расисты изображают представителей господствующего класса как наиболее ценные в расовом отношении элементы. Двигателем

¹ Гитлер А. Моя борьба. Ашхабад, 1992. С. 370.

² Цит по: Attack! 1993, № 57. Р. 3, 4.

истории они объявляют «цвет расы» — элиту, третируя народные массы как «бесцветных личностей». Смешивая биopsихические и социальные различия людей, расисты наделяют расу, эту биологическую категорию, несвойственными ей социальными чертами и, напротив, биологизируют такие социальные категории, как класс. Еще в конце XIX — начале XX века Ц. Ламброзо, М. Нордшай и др. выступали с теориями о биологической природе господствующего класса. В. Ляпуж утверждал генетическую детерминированность элиты, которая формируется из долицефалов (длинноголовых), прежде всего, представителей арийской расы, тогда как брахицефалы (короткоголовые) образуют низшие слои общества. Двигателем истории он объявлял «евгенические элементы» нации.

Расистский вариант элитаризма пропагандируют ультраправые организации в США и западноевропейских странах. В одной из американских ультраправых газет «Эттэк!»¹ помещен доклад ее главного редактора У. Пирса под названием «Элитаризм или расизм?», сделанный на собрании членов «Национального альянса» — откровенной расистской организации. Пирс заявил, что в американских университетах, на страницах научных изданий идет дискуссия по расовым проблемам. Вот какова, по Пирсу, расстановка сил: на одной стороне — «подлинные биологи, антропологи, обосновывающие расовое неравенство»; на другой — «псевдоученые», приверженцы «либеральной догмы» о равенстве людей. «Либеральная ложь» проникла в среду преподавателей и студентов вузов, телевизионных обозревателей и журналистов, а через них — отправляет сознание широких масс, подтасчивая «расовую чистоту». Пирс оговаривается, что ничего не имеет против негров, чиканос (иммигрантов из стран Латинской Америки) и прочих представителей «низших рас», при условии, что те «знают свое место». Но беда в том, что представители этих рас рвутся в элиту общества и делают это при пособничестве тех, кто забыл о «чистоте расы».

Пирс критикует сторонников «космополитического элитаризма», всех тех, для кого важен прежде всего социальный статус человека, уровень его достижений, а не то, какой он расы. Подобные люди — о ужас! — выбрали бы в качестве соседа скорее негра — рок-звезду, чем белого мусорщика. (Пирс провел социологический опрос среди белого населения крупных американских городов. В его опросном листе был, в частности, такой вопрос: «Кого бы Вы выбрали в качестве своего соседа:

- 1) белого мусорщика,
- 2) еврея-нейрохирурга,
- 3) негра — рок-звезды».

Ответы были для Пирса обескураживающими. Респонденты выбрали в своем большинстве второй и третий варианты, обнаружив себя «предателями белой расы». «Космополитический элитаризм» относит к эlite выдающихся людей, отвлекаясь от их расовой принадлежности, для него «элита — открытый клуб». Но ведь так, опасается Пирс, в элиту могут

¹ Цит по: *Attack!* 1993, № 57. Р. 3, 4.

лопасть евреи или негры. Пирс отнюдь не против элитаризма, это — «естественная и здоровая идея», разумная альтернатива эгалитаризму. Но «подлинная элита» для него — это элита лилейно-белая, а не космополитическая.

Корни и пороки «космополитического элитаризма» Пирс видит, во-первых, в индивидуализме, принимающем в расчет только достижения индивидуума, а не его социальную и этническую принадлежность (весьма вольная интерпретация индивидуализма); во-вторых, в принципе мери-тократии, который должен применяться только в «расово-гомогенном обществе». А для расово-гетерогенного общества это кратчайшая дорога в ад, ибо с неизбежностью ведет к утере «чистоты расы». Он заключает: «Мы должны предпочесть белого мусорщика черному знаменитому рок-музыканту или еврею-профессору психологии. Мы должны быть, иными словами, расистами в большей мере, чем элитаристами¹.

Элитаризм желателен только «после того, как мы разрешим наши расовые проблемы». «Подлинной элитой» оказывается элита расово-сегрегированного общества, такого, какое было в ЮАР во времена господства расистов.

Справедливости ради заметим, что наряду с белым расизмом существует и «черный расизм», или расизм наоборот — теории негритянской исключительности, восхваляющие негритянскую элиту, доказывающие, что по типу психobiологической организации негр выше представителей других рас. Существует также сионистский элитаризм, утверждающий «богоизбранность» еврейства. Называя элитой «тех, кто обладает превосходящим талантом к лидерству», американский социолог Н. Вейл в книге «Творческие элиты в Америке» пишет о значительных различиях в этом таланте у лиц разных национальностей и рас. Он пытается с помощью многочисленных статистических выкладок доказать, что состав творческой элиты США не соответствует национальной и расовой структуре страны: одни группы вносят в развитие американской культуры непропорционально большой вклад, другие — малый или нулевой. Исследуя научную, художественную, политическую элиту США, Вейл утверждает, что «выдающимся элементом интеллектуальной элиты США являются евреи». Как видим, расизм и шовинизм многоголики. И любая их разновидность прямо или косвенно связана с элитаризмом.

Аргументы «от биологии». С самого начала XX века распространенным способом обоснования элитаризма являлись ссылки на законы биологии. В 30-е — 40-е годы биологический подход оказался скомпрометированным его фашистскими проповедниками и к середине века утратил бы популярность. Однако в последние годы «биологический элитаризм» в несколько модифицированном виде стремится обрести «второе дыхание». Опираясь на успехи генной инженерии, он усиленно рекламируется в ряде стран, прежде всего Европы и Америки. Английский социолог С. Дарлингтон считает, что различие между массой и элитой носит генетический характер

¹ Цит по: *Attack!* 1993, № 57. Р. 3, 4.

и детерминируется в конечном счете «прочным материалом наследственности», причем ход истории определяется «объединенным генофондом» людей с лучшей наследственностью, т. е. элитой. Американский социолог Р. Уильямс также полагает, что различия между творческим меньшинством и нетворческим большинством обусловлены генетически; от рождения предопределено, в элиту или массу попадет человек (разумеется, с поправкой на статистический разброс).

Но было бы грубой ошибкой зачислять в расисты всех тех элитологов, которые используют аргументы для доказательства вечности и естественности элитизма. А эти аргументы становятся в последние годы все более распространенными. Хотелось бы сослаться при этом на книгу В. М. Кайтукова «Эволюция диктата». Опыт психофизиологии истории, интересно освещающую ряд вопросов о соотношении законов биологии и социальной жизни, и вместе с тем содержащую ряд положений, вызывающих возражения. Прежде всего, автор демонстрирует неисторический подход к феномену социальной структуры, считая, что во все времена неизбежно выделение властвующего меньшинства и угнетенного большинства, пишет о необходимости системы диктата. Иерархия внутри социума, включающая существование немногих власть имущих и множество подчиненных, представляется ему инвариантом в историческом процессе, что определяется психофизическим генотипом подавляющей части людей, конформистски ориентированных. Выделение властвующего меньшинства — «глобальный закон живого, осуществляемый в природе с помощью естественного отбора, в мире гуманного социума превращается в жизнь с помощью социально-сексуального стимулирования: поощрения сильнейших... любовью лучших женщин и не только качественно, но и количественно... Неравенство заложено в биологической основе человека»¹.

Ссылки на биологические законы стали обычными на Западе при обосновании элитаризма, и ими пользуются не только социологи, но и журналисты и политики. Так, бывший президент Франции В. Жискар д'Эстен, обосновывая социальное неравенство и иерархическую структуру западного общества, ссылается на то, что «среди животных существует иерархия». Впрочем, он тут же пишет, что Франция движется к большей социальной однородности².

Биологический элитаризм прочно перекочевал и в научно-фантастическую литературу. Прежде всего хотелось бы назвать знаменитую антиутопию английского писателя О. Хаксли «Бравый новый мир», который сатирически изобразил возможные социальные последствия биологического элитизма. В этом романе люди разделены на касты; низшие касты, исполняющие примитивную работу, даже не нуждаются в принуждении —

¹ Кайтукова В. М. Эволюция диктата. Опыт психофизиологии истории. М., 1991. С. 6, 76.

² См.: Giscard d'Estaing V. Democratie Francaise. Paris. 1976. P. 145.

им на генетическом уровне запрограммировали любовь к рабству. Массы манипулируются элитой при помощи «гипнopedии» (гипнотическое внушение людям мыслей о том, что они счастливы, удовлетворены своим положением) и «сомы» — напитка счастья. Хаксли обнаруживает движение к «бравому новому миру» уже в современной действительности. Это — усовершенствованная техника внушения, развитие науки о социальных различиях, которая дает возможность правительственные чиновникам находить для определенного индивида соответствующее ему место в системе социальной и политической иерархии, евгеника, направленная на выведение элитных человеческих особей и стандартизацию остальных человеческих существ, чтобы облегчить правительенным чиновникам их задачи.

Любопытно описание Хаксли процесса искусственного выведения различных каст людей («процесс Бакановского»). Для этого производится облучение эмбриона рентгеновскими лучами и регулирование продолжительности воздействия кислородом на эмбрион. Чем ниже каста, тем короче воздействие кислородом. В эпсилонах — низшей касте — человеческий интеллект вообще не нужен. Так осуществляется промышленное получение миллионов идентичных близнецов. Это принцип массового производства, примененный в биологии. При этом важно внушить людям мысль о неизбежности их социальной судьбы, более того, сделать так, чтобы их предназначение им нравилось. Для этого используется «гипнедия». Представителям каждой касты внушается, что они довольны своим положением и счастливы. Вот образец внушения детям из касты бета: «Дети гамма носят одежду цвета хаки. О, нет, я не хочу играть с детьми гамма. А эпсилоны еще хуже, они слишком глупы, не умеют ни читать, ни писать. Я так рада, что я бета. А дети альфа носят серую одежду. Их работа тяжелей моей, потом они так пугающе умны. Я искренне рада, что я — бета, потому что я не хочу так тяжело работать. И к тому же мы значительно лучше, чем гамма и дельта, а эпсилоны еще хуже...» Элитной кастой является альфа. Впрочем, даже не все альфа знают правду о мире и, если знают больше, чем коллеги, не смеют делиться с ними — это опасно для системы. «Правда — велика, но еще более великим является, с практической точки зрения, молчание о правде»¹. Таков «бравый новый мир», тенденции к которому Хаксли видит в настоящем. Недаром летоисчисление в этом мире ведется со времени запуска Фордом конвейера.

Есть и «ослабленные» варианты антиутопий об элитарном обществе. В романе Ф. Корсака «Бегство Земли» человечество делится на два класса: текнов и триглов. Текны, составляющие ничтожное меньшинство населения, — это ученые, инженеры, исследователи. Это не наследственная каста.

Каждый ребенок, в зависимости от его способностей и наклонностей, к 16 годам получал звание текна или тригла. Считалось, что «тайны науки» ни в коем случае нельзя доверять людям сомнительной нравственности.

¹ Huxley A. *Brave New World*. L. 1980. P. 4. 18. XII.

Каждые юноша и девушка, отнесенные к текнам, должны были торжественно поклясться, что они никогда никому не откроют научных знаний, кроме тех, которые можно распространять. Зато внутри класса текнов никаких ограничений не существовало¹.

Вариацией на близкую тему является антиутопия Курта Воннегута «Механическое пианино». Город Илиум распадается на две части — грязный поселок для рабочих и роскошные кварталы менеджеров и инженеров. Преодолеть барьер между ними можно только при условии успешной сдачи экзаменов, на которых проверялись умственные способности людей. Удачливые могли перейти в элиту. Внешне все выглядело демократично; экзамен проводится по шкале «безошибочных показателей», не было никаких социальных перегородок Но экзамены почему-то выдерживали только выходцы из элиты, лишь у них обнаруживались способности стать менеджерами, инженерами... Антиутопии эти интересны тем, что дают наглядное представление о будущем, которое хотели бы подготовить человечеству сторонники биологического и технократического элитаризма.

Обшим для биологического элитаризма является абсолютизация деления общества на высшие и низшие классы на том основании, что различия между людьми носят «генетический характер», что элита — люди, обладающие «более ценным генным капиталом», что «благо человечества требует селективно-элитарного подхода к воспитанию людей» (обычно разного для элиты и масс). Оговоримся, что мы отнюдь не считаем биологический элитаризм чистью или формой фашистской или расистской идеологии. Мы не имеем возможности вынести эту проблему в отдельный параграф прежде всего потому, что она требует специальных знаний и специальных исследований, выходящих за пределы политологии. Коснемся, однако, разных точек зрения на данную проблематику. Вот одна из них. «Социальная биология» подменяет общественные законы биологическими и поэтому неспособна раскрыть сущность первых. Академик Н. П. Дубинин отмечает, что социобиология, механически перенося на человека законы генетики животных, неспособна объяснить феномен человека. Нет сомнения в том, что генетическая наследственность играет важнейшую роль в жизни человека, но она проявляется как бы в «снятом» виде, как подсистема в системе более высокого порядка. Становление индивида осуществляется под определяющим воздействием социальной, а не генетической программы. Человек обретает свою сущность, впитывая в себя социальные отношения, пропуская их через себя, активно участвуя в них; именно в процессе социализации личности развиваются (и формируются) ее человеческие свойства и качества; социальная позиция и поведение личности определяются не генетической программой, но социальными условиями его жизни. Н. П. Дубинин пишет: «Социальное содержание... не записано в генетической программе человека. Мозг обладает безграничными возможностями для восприятия разносторонней социальной про-

¹ Корсак Ф. Бегство Земли. М., 1972. С. 219.

граммами, обеспечивающей универсальную готовность новорожденного подключаться к общественной форме движения материи». В условиях изменчивой социальной среды мозг обнаруживает пластичность, лабильность. Попытки доказать, что различия нормальных людей по интеллекту зависят от «генов интеллектуальности», не нашли убедительных подтверждений. Поэтому Н. П. Дубинин делает вывод о том, что «элитизм есть не что иное, как дискриминация путем намеренного развития одних людей за счет других»¹, это классовая позиция идеологов эксплуататорского меньшинства.

Многие социологи отвергают аргументы социобиологии, обвиняя ее в непонимании специфики общественных законов, игнорировании роли культуры. Биологический редукционизм в трактовке социальных процессов, односторонний натуралистический подход к человеку и обществу, безусловно, слабое место в социобиологии. Тем не менее вопрос о социобиологии решается не столь однозначно. В социобиологии есть моменты, которые «работают» при объяснении некоторых социальных феноменов (если не сказать сильнее: являются эвристическими при их объяснении). Многие ученые считают плодотворной идею синтеза биологических и общественных наук, считая, что описываемые ими закономерности поведения животных проясняют генезис поведения человека. Они стараются объяснить ряд явлений коллективного поведения животных, прежде всего, явлений альтруизма, которые генетически наследуются и способствуют выживанию данной популяции (см., в частности, работы акад. В. П. Эфраимсона).

Нас прежде всего интересует проблема воспроизведения элиты (известно, кстати, что сам этот термин, начиная с середины XIX века, широко используется в генетике, семеноводстве для обозначения лучших, отборных семян, растений, животных, полученных в результате селекции для дальнейшего разведения), нет ли тут общих — в биологии и социологии — закономерностей. В этом плане определенный интерес представляет гипотеза А. Ефимова о механизмах формирования и функционирования элиты, которая, по его утверждению, основана на учении академика Н. И. Вавилова и представляет собой социальную интерпретацию биологического «закона элитного ряда»: многие виды растений и животных существуют и успешно развиваются лишь при условии выделения у них элитных групп, как бы обеспечивающих жизнь популяции². В случае же гибели или вырождения этих элитных групп и особей деградирует, а порой и исчезает вся популяция. А. Ефимов считает, что с учетом специфики общественных явлений этот закон можно приложить и к обществу. Можно согласиться с тем, что если в том или ином обществе уничтожаются, «выбиваются» элитные группы

¹ Дубинин Н. П. *Наследование биологическое и социальное*. М., Коммунист, 1980, № 11. С. 67.

² См.: А. Ефимов. *Элитные группы, их возникновение и эволюция*. М., Знание — сила, 1988, № 1. С. 56 — 64.

и особи, происходит и деградация всего данного общества, прежде всего его культуры. Достаточно вспомнить, что когда после Октябрьской революции (которая нанесла огромный ущерб генофонду нашего народа) на наиболее квалифицированных, выдающихся представителей российской интеллигенции были обрушены страшные репрессии, они были частично высланы из страны или вынуждены были эмигрировать, это неминуемо привело к деградации культуры, науки (особенно общественных наук). А интеллигенция, из которой выбираются лучшие элементы, неизбежно деградирует, на место подлинной культурной элиты приходят клики; группировки, которые формируются по принципу семейственности, протекционизма, угодничества перед властью имущими.

Можно упрекнуть представителей социобиологии в возрождении евгеники, которую расисты пытались использовать для обоснования своих построений. Но, с другой стороны, та или иная теория и ее авторы не могут считаться ответственными за неадекватную интерпретацию их концепции. В понятие и предмет евгеники можно вложить и иное, гуманное содержание в плане борьбы с наследственными заболеваниями, с улучшением наследственного, в том числе и психического здоровья человечества. Однако, повторяя, все эти проблемы — весьма дискуссионные, требующие специальных исследований.

Но вернемся к проблеме фашистского и расистского элитизма, которую мы ни в коем случае не отождествляем с социобиологией. Хотелось бы завершить эту тему словами выдающегося русского социолога П. А. Сорокина: «...теория чистых рас оказалась мифом, их нет... В наше время чистота крови сохраняется разве только на конных заводах, да в хлевах йоркширских свиней, да и там, кажется, не этим «расовым» признаком обеспечивается «симпатия» одного коня к другому»¹.

«Аристократический» и консервативный варианты элитизма. Начиная с конца 20-х годов, развивался и ряд альтернативных фашизму трактовок элитаризма. И с разгромом фашизма элитизм не умер. Фашизм убедительно продемонстрировал миру, во что на практике может вылиться осуществление идей расистского элитизма. Уже во второй половине 40-х — начале 50-х годов в Европе, в том числе и в Германии, стал популярен тезис о том, что с разгромом фашизма потерпел крах не элитизм как таковой, а лишь его тоталитарный вариант. Немецкий социолог Э. Ракк объявляет проблему элиты «наиболее насущной германской и европейской проблемой», Г. Драйцель — «центральной проблемой индустриального общества»². Ярым сторонником элитизма выступил бывший министр обороны ФРГ, один из лидеров опоры немецкого консерватизма — ХДС Г. Шредер. В 1955 г. он писал: «Ни общие социальные рассуждения, ни страшные деяния национал-социалистической элиты не могут увести нас на ложный путь и заставить придать понятию «элита» только

¹ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество М., 1992. С. 245.

² Driezel H. Elitebegriff und Sozialstruktur. Stuttgart. 1962. Р. 8.

негативное значение». Для Шредера элита — это «меньшинство, которое чувствует себя объединенным общей социальной ответственностью и способно на действия высшего порядка»¹.

Еще ранее сформировался так называемый «аристократический» вариант элитаризма, представленный наиболее полно и ярко знаменитым испанским философом, социологом и культурологом Хосе Ортегой-и-Гассетом. Генетически этот вариант восходит к Ницше с его критикой «вульгарной массы», Буркхарду, Шпенглеру. В своей известной книге «Восстание масс» Ортега утверждал, что «человеческое общество по самой сути своей всегда аристократично, хочет оно того или нет: оно лишь постольку общество, поскольку аристократично, и перестает быть обществом, когда перестает быть аристократичным». Собственно, всякое общество представляет собой динамичное единство двух факторов — меньшинства и массы. «Меньшинство — личности особой квалификации. Масса — это собрание средних, заурядных людей... Это люди без индивидуальности, представляющие собой обезличенный «общий тип». Общество, управляемое элитой, и масса, «знаявшая свое место», — условия «нормального» функционирования общества. Но этой нормы общество придерживалось в прошлом, когда «каждый специальный род деятельности (искусство, политика) выполнялся квалифицированным меньшинством». Масса не претендовала на участие, «она знала, что ей для этого не хватает квалификации, знала свою роль в нормальной динамике социальных сил». Но вот XX век взорвал эту норму, массы вышли из повиновения элите, восстали против нее. «... Вся власть в обществе перешла к массам. Так как массы, по определению, не хотят и не могут управлять даже собственной судьбой, не говоря уже об обществе, из этого следует, что Европа переживает сейчас самый тяжелый кризис, какой только может постигнуть народ, нацию, культуру»². Массы вытеснили элиты из традиционных сфер ее деятельности, они «вторглись в изысканные уголки нашей культуры», ранее доступные только ничтожному меньшинству. Ранее массы занимали «задний план социальной сцены, теперь они вышли на авансцену к самой рампе, на место главных действующих лиц. Герои исчезли, остался хор»³.

Та консервативная идиллия, которая, по представлению Ортеги, имела место в прошлом, окончилась. Законное место избранных занимают варвары, чтобы насладиться тем, что было достоянием лишь немногих. «Масса захватывает место меньшинства. Сегодня мы присутствуем при триумфе супердемократии, когда массы действуют непосредственно, помимо закона, навязывая всему обществу свою волю и свои вкусы при помощи материального давления. Масса, вообразившая себя элитой, несет разрушение». Ибо в обществе есть сферы деятельности, которые «по самой природе своей требуют специальных качеств, дарований, талантов. Таковы

¹ См.: *Schriftenreihe der Bundeszentrale für Heimatdienst. 1955. Heft 12. S. 6, 9.*

² Х. Ортега-и-Гассет. *Восстание масс. Вопросы философии. 1989. № 3. С. 119.*

³ Там же. С. 120.

государственное управление, судопроизводство, искусство, политика». Упадок элит — трагедия XX века. Книга Ортеги — это изложение одного из вариантов доктрины «массового общества»¹.

Ортега жалуется на то, что сам смысл термина элиты опошлен. «Когда речь заходит об «избранном меньшинстве», лицемеры сознательно искажают смысл этого выражения, притворяясь будто они не знают, что «избранный» — вовсе не «важный», т. е. тот, кто считает себя выше остальных, а человек, который к самому себе требовательней, чем к другим... деление общества на массы и избранное меньшинство — деление не на социальные классы, а на типы людей; это совсем не то, что иерархическое различие «высших» и «низших». Конечно, среди «высших» классов, если они и впрямь высшие, гораздо больше вероятности встретить людей «великого пути», тогда как «низшие классы» обычно состоят из индивидов без особых достоинств. Но, строго говоря, в каждом классе можно встретить и «массу», и настоящее «избранное меньшинство»². Таким образом, дихотомия элита — масса — норматив социальной жизни, нарушение этого норматива, вторжение масс в сферы творческой деятельности — сферы элиты — трагедия общества; «когда масса претендует на самочинную деятельность, она тем самым восстает против собственной судьбы, против своего назначения... я и говорю о восстании масс»³.

Если попытаться квалифицировать Ортегу по политической ориентации, то правильнее всего было бы охарактеризовать его позицию как либерально-консервативную. Было бы естественным предположить, что к его взглядам на соотношение элиты и масс ближе всего — современные консерваторы. Но это не совсем так. Прежде всего дело в том, что современная консервативная идеология не представляет собой нечто единое. Следует различать праворадикальный консерватизм, традиционный консерватизм, неоконсерватизм.

Что касается консерватизма праворадикального, он достаточно далек от рафинированного интеллектуализма Ортеги. Его воинствующий элитаризм достаточно примитивен, его политическая программа — твердая власть, сильная элита, способная расправиться с экстремистами и прочими «смутьянами», не очень связывая себя рамками демократических процедур, поставить «на место» иммигрантов, негров, цветных, а также «ленивую чернь». Они бичуют либеральную элиту, которая, как они утверждают, узурпировала политическую власть в странах Запада, контролирует государство и перераспределяет национальные богатства в свою пользу, в то же время бросая подачки низам, как в древнем Риме патриции подкармливали «клиентов»; которая делает «неоправданные уступки расовым, национальным и социальным меньшинствам в ущерб «великому среднему классу». Они за «честную конкуренцию» для вхождения в

¹ См. подробнее: Г. К. Ашин. Доктрина «массового общества». М., 1971.

² Цит. соч.: Х. Ортега-и-Гассет. С. 121.

³ Х. Ортега-и-Гассет. Вопросы философии. 1989, № 4. С. 122.

элиту (а пока больше шансов у выпускников закрытых частных школ и престижных университетов). Лидеры праворадикальных организаций могут позволить себе осуждать элиту «большого бизнеса», разоряющего не-монополизированную буржуазию, элиту владельцев средств массовых коммуникаций — «медиакратию» (тут проявляется и антиинтеллектуальная традиция ультраправых). Некоторые ультраправые выступают за то, чтобы «достойная элита» сломала «санитарный кордон» демократии¹, которая не более, чем «один из мифов XX в.»².

Гораздо респектабельнее элитаризм консерваторов. Американские социологи П. Вирек, Ф. Уилсон утверждают, что основа социальной справедливости — неравное вознаграждение за неравные социальные функции. Элита, таким образом, должна быть вознаграждена в достаточной мере как меритократия — элита заслуг. Очень близки к этим рассуждениям взгляды Д. Белла, Н. Глязера, выступавших против того, что они называли «чрезмерным эгалитаризмом» современного общества, т. е. необоснованных, с их точки зрения, притязаний масс на равенство с элитой. Этот эгалитаризм, утверждают они, мешает элите эффективно функционировать, и от этого страдает все общество³. Опасность массовых эгалитаристских движений видится в том, что их участники требуют равенства результатов, а не удовлетворяются равенством возможностей, провозглашаемым западными демократиями. Власть элиты заслуг представляется им воплощением идеи «справедливого равенства». Консервативный западногерманский социолог Г. Шельский выступает за традиционную элиту «как хранителя порядка и вечных ценностей» против «либеральных новых элит»⁴. Близкие идеи развивает французский консервативный социолог М. Алле, который утверждает: «Элита — группа людей выдающихся способностей, обеспечивающих прогресс». Неравенство, утверждает он,ично, но «несчастье» в том, что «массы, ослепленные демагогами, увлекаются стремлением добиться тех же прав, что и элиты»⁵. Один из лидеров французских «новых правых» Л. Повель выступает в защиту сильной элиты и строгой социальной иерархии, которые только и могут обеспечить «устойчивый порядок». В своем романе — консервативной утопии «Блюмрок великолепный, или завтрак сверхчеловека» он пишет о том, что судьбы человечества направляются «высшими существами, одаренными космической мудростью и напрямую связанными с бесконечным вселенским разумом»; они-то и образуют элиту. По Повелю, неравенство предопределено природой: элитарность и гениальность передаются по наследству и

¹ Позиция неофашистской партии Итальянское социальное движение (см.: *Rinascita*. 1979. № 24. Р. 6).

² Слова неофашиста из ФРГ А. Эрхарда, по существу, повторяющего фашистского идеолога А. Розенберга (см.: *Nation Europa*. 1966. Mai 5. S. 3).

³ См.: Bell D. *The Cultural Contradictions of Capitalism*. N. Y. 1976. P. 223.

⁴ См.: Schelsky H. *Die Arberrun die Anderen. Oplagen*. 1975.

⁵ Allias M. *Classes sociales et civilisations. Economies et societes*. T. 8. P. 1974. P. 285, 377.

никакая революция не может поколебать элитарную структуру общества; а равенство — это несправедливость по отношению к способным, к элите, ее преступная недооценка. В другой своей работе Повель утверждает: «Именно меритократия, основанная на отборе лучших, была бы наиболее совершенной социальной формой... Никакое человеческое общество не жило без элиты».

Откровенный элитаризм демонстрировала в США неоконсервативная администрация Р. Рейгана и Дж. Буша. «Рейганомика» была нацелена на сокращение налоговообложения состоятельных граждан, прежде всего экономической элиты, урезывание социальных программ помощи малоимущим, сворачивание контроля над элитой крупного бизнеса. Близкую внутреннюю политику проводил кабинет М. Тэтчер, которая неоднократно предупреждала против «противоестественного равенства», выступая за «здоровый элитаризм»¹.

Леворадикальный американский социолог И. Горовиц связывает консерватизм с элитаризмом, поскольку тот «стремится утвердить элитаризм как основной социальный закон... Элитаризм, отстаиваемый неоконсерватизмом, лишь количественно отличается от биологической стратификации, пропагандируемой фашизмом... Большая часть населения удобно исключается из политики, право управления естественно выпадает на долю уже правящих классов. Схема элитаризма становится тщательно разработанным оправданием существующего положения вещей»².

3.2. Либеральный, леворадикальный элитаризм. Марксизм и элитаризм

Поскольку среди элитаристов мы находим практически все оттенки современного политического спектра — и ультраправых, и консерваторов, и либералов, и левых радикалов, и социалистов, коммунистов, троцкистов и маоистов, сам термин «элитист» порой искусственно объединяет совершенно разнородных авторов. Но в отношении к проблеме элиты у них часто обнаруживается много общего.

В послевоенный период в западной социологии либерально-демократическая трактовка элитаризма стала наиболее влиятельной и распространенной. Для нее характерно реформирование элитаризма в сторону сближения его с классической демократической теорией. Собственно, начало этого реформирования относится еще к предвоенному периоду. Его инициаторами были эмигрировавший из Германии К. Маннгейм и эмигрировавший в США Дж. Шумпетер. Именно им удалось показать, что элитаризм и демократия при известных условиях совместимы.

Здесь, вероятно, уместно сказать о некоторых изменениях в географии элитологии. Если до второй мировой войны центр элитологических исследований находился в Европе, а США были ее периферией (труды

¹ См.: Murray P. Margaret Thatcher. L. 1980. P. 12.

² Science and Society. 1956. Vol. XX. № 1. P. 11, 15.

Моски, Парето, Михельса начали переводиться там только в 30-е годы, они и послужили стимулом развития элитологии на американском континенте), то после войны положение изменилось: этот центр прочно переместился в США. Там сложилось несколько школ элитизма: «макиавеллиевская», возглавлявшаяся профессором Нью-Йоркского университета Дж. Бернхэмом, и либеральная, возглавленная крупнейшим американским политологом Г. Лассуэллом, ядро которой составили профессора Стэнфордского университета. Последняя оказала наибольшее влияние на развитие современной американской элитологии, из нее вышли многие политологи, и ныне задающие тон в американской элитологии. Эта школа выступила с идеями элитного плюрализма, который она рассматривала как синоним современной демократической теории. К 60-м годам в США сложился структурно-функциональный вариант элитаризма (С. Келлер и др., в 70-х – 80-х годах так называемый неоэлитизм). Среди либеральных элитаристов мы также находим большую пестроту точек зрения и позиций. Среди них есть и последовательные монетаристы, рыночники, считающие, что рынок естественно формирует элиту победителей в честной конкурентной борьбе. Однако элитаризм характерен и для неолибералов, сторонников государственного регулирования экономики, которую может спасти от кризисов элита квалифицированных менеджеров и чиновников, способных стабилизировать сложившиеся социальные и политические отношения и институты. Все современные либеральные и большая часть консервативных трактовок элитизма исходят из того, что существование элиты совместимо с демократией, и последняя зависит скорее от качества элиты, прежде всего ее открытости и доступности. Поскольку именно Лассуэлл и его школа, объединившая виднейших послевоенных американских элитологов, опубликовавших серию трудов о политических элитах США, об элитном плюрализме и демократическом элитизме, наиболее влиятельна в американской политологии, мы будем ниже специально анализировать эти концепции. Здесь же мы хотели бы обратить внимание на некоторые, так сказать, «периферийные» для элитологии течения — леворадикальный и марксистский варианты элитаризма.

Казалось бы, представители правого политического спектра — это наиболее рьяные элитаристы, а левого и особенно крайне левого — антиэлитаристы. Но эта точка зрения поверхностна, она принимает видимость за реальность; в действительности же все значительно сложнее и запутаннее.

Часто левые и ультралевые, которые охотно выдают себя за антиэлитаристов и сделали себе имидж на критике элитаризма, в действительности являются скрытыми элитаристами (и в этом отношении не уступают многим либеральным демократам). Возьмем таких признанных идеологов левых, как Сартр, Маркузе, Фонтан, Илич, Роззак. Они охотно мечут громы и молнии против истеблишмента, против привилегий властвующей элиты, которая, обладая собственностью на средства массовых коммуникаций, манипулирует миллионными народными массами, обуржуазивая

их сознание. Все это так. Вопрос только в том, кто будет субъектом предполагаемых ими радикальных революционных преобразований? Обуржуазившиеся массы, квалифицированные рабочие, многочисленный средний класс? Нет, массы консервативны, они «вписались» в существующий социальный строй и «безнадежны». Как носители революционных изменений. Этим субъектом оказывается ничтожное меньшинство общества, радикальная интеллигенция, которая поведет за собой всех угнетенных «обществом потребления» — люмпен-пролетариат, дискриминируемые наименьшинства, студенчество, не вписавшееся в истеблишмент, одним словом, аутсайдеров этого общества. Но разве это не новый элитаризм, а, может быть, достаточно старый элитаризм, являющийся идеологией новой элиты или контэрэлиты «потребительского общества».

Специфика леворадикального элитаризма, таким образом, заключается прежде всего в том, что это — замаскированный элитаризм, ибо пафосом его является протест против капиталистического истеблишмента. Западные социологи стали писать даже об «антиэлитарном элитаризме», имея в виду, в частности, «новых левых». Известно, что критический заряд «новых левых» направлен против потребительских идеалов, мещанского «довольного сознания», таких черт современного капитализма, как бюрократизация, манипулирование массовым сознанием, бездуховность. Они критикуют правящую элиту капиталистических стран и социально-политическую систему, обрекающие массы на пассивность. Но закономерен вопрос, с каких позиций ведется эта критика?

И социологическая расшифровка оппозиционности «новых левых» дает любопытный результат: это критика с позиций тех слоев интеллигенции, которые разочарованы утратой своего былого привилегированного положения, былой элитарности.

Идеология «новых левых» возникла под воздействием таких социальных процессов, порожденных научно-технической революцией, как огромный количественный рост интеллигенции, ее «массовизация», ее все большее расслоение, причем верхушечный слой интеллигенции становится частью правящей элиты, тогда как подавляющее большинство ее все более сближается с рабочим классом. Функции, которые раньше были окружены ореолом исключительности, стали массовидными со всеми вытекающими отсюда последствиями — утратой их носителями былых привилегий (достаточно указать, что заработка плата некоторых крупных групп интеллигенции, например, учителей, значительно уступает плате квалифицированных рабочих). Интеллигенция пролетаризируется, лишается былой автономии, оказывается подчиненной иерархической организации монополистического капитализма. В работах многих представителей левой интеллигенции отчетливо звучат мотивы ностальгии по утере былой эзотеричности, исключительности интеллектуала, протесты против его «омасковления». И левый радикализм в значительной мере проявляется себя в качестве идеологии «технократии без власти», элиты аутсайдеров, элиты

оппозиционных слоев общества. Ее представители рассматривают народные массы как отсталые, косные, инертные, порой отзываются о них с элитарным презрением, считают, что борьбу с системой, с истеблишментом ведет лишь «критически мыслящий авангард». Не случайно в леворадикальной идеологии двигателем социального прогресса оказывается «активное меньшинство», противостоящее «интегрированной массе» (эта точка зрения характерна для Г. Маркузе, Ж.-П. Сартра, Д. Кон-Бендита, Р. Дебре¹).

До эпохи НТР интеллигенция в целом не была включена непосредственно в процесс производства прибавочной стоимости и в значительной мере состояла из лиц «свободных профессий»; с этим было связано осознание ею себя как политически «неангажированного» слоя (отсюда и психология элитарной исключительности). В условиях НТР буржуазная интеллигенция претерпевает серьезнейшую трансформацию: бывший «свободный художник», гордившийся своей исключительностью, превращается в винтик поточного производства. Омассовление интеллектуального труда, ведущее к утере былых материальных привилегий (в сравнении с рабочим классом в первую очередь), вызывает недовольство широких слоев интеллигенции, будущей интеллигенции — студенчества, перспективы которого, прежде всего в периоды экономического спада и перепроизводства лиц интеллектуальных профессий, особенно неясны.

Леворадикальные мыслители фиксируют процесс концентрации экономической, политической, военной власти в руках властвующей элиты, превращающей народ в объект манипуляций, и протестуют против него. Мелкая буржуазия, интересы которой они в значительной мере выражают, недовольна государственно-монополистическим капитализмом, разоряющим многие ее слои и урезывающим демократию (центр принятия политических решений переходит от парламента, где вес мелкой буржуазии значителен, к исполнительным органам, где ведущая роль принадлежит финансовой олигархии и обслуживающей ее технократии). Противоречивость этого идеологического течения заключается в том, что оно, с одной стороны, борется с истеблишментом, допускающим лишь «прирученную оппозицию», функциональную по отношению к системе и снижающую реальную угрозу системе, с другой стороны, ему присущ элитаризм, презрение к «отсталой массе», вера в то, что лишь бунтарский авангард осуществит ломку системы, не останавливаясь перед насилием и по отношению к массам.

Отметим, что левый радикализм порой тесно смыкается с правоконсервативным элитаризмом и переходит в последний. Не случайно некоторые леворадикальные теоретики эволюционируют в сторону консерватизма, как это произошло с так называемыми «новыми философами» во Франции, эволюционировавшими от крикливого антиэлитаризма к достаточно традиционному элитаризму. Один из них, Б. А. Леви, в традициях

¹ Marcuse H. *An Essay on Liberation*. Boston. P. 52—64; Debray R. *La critique des armes*. P. 1974.

классического элитаризма утверждает, что политическая власть — не настройка, а основа общества и что поэтому власть элиты вечна. Другой «новый философ», А. Глюксман, воспроизводит знакомую нам концепцию о том, что власть элиты опирается прежде всего на идеологию, которую она выработала и в которую слепо уверовала масса.

Марксистские социологи обычно считают, что теории элиты — идеология эксплуататорских классов. Более конкретно высказался Е. Готтшлинг: «Элитарные теории — идеологическое выражение господства крупной монополистической буржуазии¹». Думается, что их социальная база значительно шире: питательной почвой для них может явиться и мелкая буржуазия, и определенные слои интеллигенции, и шовинистически настроенные «социальные низы», и «рабочая аристократия». Так, некоторые мелкобуржуазные слои и представители среднего класса рассматривают свое положение как привилегированное по сравнению с «низшими слоями» и вырабатывают мировоззрение, которое можно охарактеризовать не столько как элитарное, сколько полуэлитарное или субэлитарное². Ряд представителей этих социальных слоев с завистью смотрят на элитарное положение «верхов» и с презрением на «социальные низы». Из этих социальных слоев правящая элита вербует свою социальную опору.

Мы рассмотрели с позиций элитологии взгляды «новых левых». Но в политическом плане важнее позиция «старых левых», социалистов, социал-демократов на проблему элиты. Эта позиция неоднозначна. Некоторые социал-демократы критикуют элитаризм как недемократическую теорию. Но гораздо больше социал-демократов признают, что реалии сегодняшнего дня требуют наличия политической элиты, и что разумная позиция социал-демократов — формирование из своей среды политических лидеров, которые могут и должны войти в состав политической элиты. Ряд лидеров социал-демократии, в частности СДПГ, отмечали близость своих взглядов со взглядами одного из выдающихся философов XX века К. Поппера. Нужно сказать, что последний подчеркивал важность контроля общества над элитой. Он писал, что «проблема контроля за контролерами, за опасной концентрацией власти» в государстве в руках элиты — фундаментальная проблема политики, претендующей на демократизм, критикуя при этом марксистов, которые «так и не осознали всего значения демократии как единственного хорошо известного средства осуществления такого контроля³. И этим словам не откажешь в справедливости.

Проблема отношения марксизма и особенно коммунистов к идеологии элитаризма требует специального исследования. С одной стороны, коммунисты прокламировали свой антиэлитаризм. Собственно, их идеология и

¹ Gotschling E. Herrschaft der Elite? Gegen eine reaktionare Theorie. B. 1958. S. 10—11.

² Этот термин использует американский социолог А. Сингхем (См.: *The Hero and Crowd in a Colonial Policy*. New Haven-L. 1968).

³ К. Поппер. Открытое общество и его враги. Т. II. М., 1992. С. 151.

была направлена против капиталистической элиты. Но, как не раз утверждали российские и западные элитологи, это была идеология контрэлиты, которая в борьбе за власть делала ставку на поддержку рабочего класса. Действительно, этот антиэлитаризм был на уровне пропагандистских лозунгов. В отношении к проблеме элиты особенно явно был виден разрыв между словом и делом, пропасть между «высокой георией» и «низкой» практикой, между провозглашенными нормативами и действительностью. Поэтому нам придется жестко развести эти элементы «реального социализма».

В официальной пропагандистской литературе советского периода картина рисовалась следующим образом: элита (причем сам термин находился под подозрением, предпочитались эвфемизмы) — часть господствующего эксплуататорского класса. Следовательно, она существует лишь в классово-антагонистических обществах. Социализм — общество без эксплуататорских классов, следовательно, общество без элиты. Для существования элиты нет и не может быть социальной базы. Государственные и партийные руководители — это подлинные выразители воли народа, его слуги, они пользуются беззаветной поддержкой масс. Получалось все очень идиллично и супердемократично. Беда лишь в том, что эти построения разительно отличались от действительности. Эта «социалистическая» действительность заключалась в отчуждении народа от политики, которая вершилась номенклатурной элитой, обладавшей огромными привилегиями и фактически бесконтрольно распоряжавшейся судьбами миллионов людей. Итак, в теории — отсутствие эксплуататорской элиты, на практике — тотальная власть партийно-государственной бюрократической элиты, престиж которой в глазах народа катастрофически падал, особенно в 80-х — начале 90-х годов (потому-то в августе 1991 г. никто не встал на защиту разгоняемых чиновников ЦК КПСС и других номенклатурных структур).

Правда, марксистские теоретики признавали, что при социализме — первой фазе коммунистической формации — еще не преодолено социальное разделение труда, что отрицательно влияет на личность, включенную в социальный процесс прежде всего через выполнение своих производственных функций; эта односторонность должна компенсироваться другими формами социальной деятельности — участием в управлении производством и другими социальными институтами. Но в перспективе, с вступлением общества в стадию полного коммунизма отчуждение масс от политики преодолевается, происходит переход к коммунистическому самоуправлению. Эти положения — в лучшем случае лишь норматив, устремленный в члекое будущее, и его приложение к близкой перспективе — типичное мышление «не в масштабе», а в худшем случае — всего лишь камуфляж всевластия тоталитарной элиты.

Парадоксальность ситуации заключается еще и в том, что хотя концепции элиты возникли и широко распространились в современной западной политологии, дихотомия элита — масса как раз не может

раскрыть сложную социально-классовую структуру этих стран, она неминуемо симплифицирует ее, не раскрывает глубину переходов, оттенков. В то же время социальная структура стран так называемого «реального социализма», идеологии которого, как мы видели, отрицали применимость к себе категории «элита», как раз была наиболее приближена к схеме элита — массы.

Еще одно уточнение. Сказать, что официальной советской идеологии чужд элитаризм, который существовал лишь де-факто, было бы по меньшей мере неточным. И не случайны вполне элитарные откровения Ленина о «тончайшем слове» партийных лидеров и Сталина о партийных руководителях как об «ордене меченосцев». Теоретической основой нового элитаризма было ленинское учение о партии нового типа, где существует ядро: профессиональные революционеры, партийные лидеры (Джордж Оруэлл назовет затем в своей антиутопии «1984» их внутренней партией) и руководимые ими рядовые члены, большинство («внешняя партия», по Оруэллу). В своей работе «Что делать?», заложившей теоретический и организационный фундамент партии нового типа, Ленин упрекает в наивном «демократизме» тех, кто «подчеркивает не необходимость строжайшей конспирации... а «широкий демократический принцип! Это называется попасть пальцем в небо»¹.

Далее Ленин продолжал: «...организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть: строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть налицо эти качества — обеспечено и нечто большее, чем «демократизм»². Вспомним, что в этой же работе Ленин развивал вполне элитаристский тезис о том, что рабочий сам по себе не может подняться выше пред-юнионистского уровня сознания, что социалистическая идеология должна быть привнесена в рабочий класс извне, и внести ее могут только партия и ее теоретики. И стоит ли удивляться, что в партии «нового типа» в полном соответствии с известным законом Р. Михельса сформировался элитный слой руководителей. А когда партия пришла к власти, элитарная партийная структура была воспроизведена в масштабе огромной страны.

Прав был М. Джилас, который видел именно в слое профессиональных революционеров, лидеров партии, зародыш и ядро нового класса партийно-номенклатурной элиты³. Впрочем, позже М. Восленский утверждал, что изобретение номенклатуры профессионального аппарата для управления страной — «заслуга» Сталина, который и превратил его в орудие неограниченной власти. Так или иначе, но генетическая преемственность тут явно прослеживается.

¹ Ленин В. И. ПСС. Т. 6. С. 138—139.

² Ленин В. И. ПСС. Т. 6. С. 141.

³ См.: Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.

Номенклатурно-бюрократическая элита «реального социализма» носила полузакрытый характер, рекрутирование ее осуществлялось прежде всего в соответствии с критерием верности руководителю и директивам, «генеральной линии» партии и лишь после этого в соответствии с профессионализмом и компетентностью (т. е. по принципу формирования «клика»). Итак, те, кто прокламировал непримиримую борьбу с элитой вплоть до ее полного уничтожения, сами воссоздавали элиту, причем в ее худшем, тоталитарном варианте, косвенно подтверждая тезис элитаристов о невозможности общества без элиты.

ЛИТЕРАТУРА

- Х. Орtega-и-Гассет.* Восстание масс // Вопросы философии. 1989, № 4.
- К. Поппер.* Открытое общество и его враги. Т. I. И. М., 1992.
- П. Сорокин.* Человек, цивилизация, общество. М., 1992.
- Р. Арон.* Демократия и тоталитаризм. М., 1993.
- М. Джилас.* Лицо тоталитаризма. М., 1992.
- Г. Беккер, А. Босков.* Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961.
- А. Ефимов.* Элитные группы, их возникновение и эволюция // Знание — сила. 1988, № 1.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Назовите наиболее известные типологии элитологических представителей, сложившиеся в истории и теории общественной мысли?
2. Какова связь между основными политическими идеологиями и типами элитизма?
3. Элитистский подход критиковался и отвергался в марксистской литературе. Но просматриваются ли на деле элитистские взгляды в марксистской теории?
4. Можно ли утверждать о существовании в советском обществе элитных групп? Аргументируйте ответ.

Глава 4. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ЭЛИТИЗМА

В анализе элит — политической, экономической, военной, административной и других — мы должны основываться на определенных методологических принципах и инструментальных подходах к их выявлению, типологизации, описанию, рассмотрению механизмов генезиса и воспроизведения.

В данной главе, прежде всего, сделан обзор именно этих методологических принципов и оснований.

В первую очередь среди методологических принципов выделим принцип *социальной детерминации элит*. В многовековом споре о том, кому принадлежит ведущая роль в социальном развитии — отдельным личностям, элите или массам, — сформировались многочисленные элитаристские и эгалитаристские подходы. В работах сторонников социального равенства, отрицающих общественную роль элит или постулирующих их паразитическую природу, зачастую проблемы участия масс в политическом управлении идеализируются и рассматриваются с позиций долженствования. Самоуправленческие начала постулируются в качестве атрибута современного общества. Между тем, удельный вес самоуправленческих начал в современном обществе не слишком велик не только в силу «элитарного паразитирования», но и по чисто объективным причинам. Система объективных обстоятельств, обуславливающих дальнейшее развитие и рост элитных факторов в социальном развитии, и составляет содержание принципа социальной детерминации элит. К ним относятся:

- 1) антропологическое неравенство — неодинаковые способности и склонности людей к управленческой, в том числе и политико-управленческой деятельности, объективная дифференциация кратического поведения;
- 2) продолжающаяся в процессе цивилизационного развития професионализация управленческого труда, обусловливающая нарастающие требования к управленческой культуре и компетентности в сфере разных секторов управления (в том числе — и в политическом);
- 3) неснижающаяся социальная значимость управленческой деятельности, обусловливающая соответствующую стратификацию и стимулирование этой деятельности (и использование управленцами возможностей своего положения, вплоть до «оборотивания» соотношения интересов групповых и общесоциальных);
- 4) асимметричное (ввиду положения управленцев) разделение распорядительных и контрольных функций в социальном управлении, доминирование первых над вторыми (и, порой, подавление последних);
- 5) узко избирательные формы политической активности широких масс населения (электоральное поведение, акции протеста) и преобладание их политической и управленческой пассивности.

Перечисленные факторы имеют хотя и долговременную, но изменяющуюся значимость. Со временем значимость политического управления среди других видов и секторов социального управления может измениться. В информационном обществе изменяются формы проявления и удельные веса 4-го и 5-го факторов. Однако в настоящее время следует исходить из объективного статус-кво перечисленных факторов. Исходя из принципа объективной социальной детерминации, разрабатывались те или иные критерии элитности. Так, Н. А. Бердяевым в свое время на основе анализа опыта различных государств был выведен коэффициент элиты как отношения высококультуральной части населения к общему числу грамотных.

Как только этот коэффициент опускался до значения ниже 1 %, империя начинала разваливаться, в обществе наблюдался застой. Сама же элита превращалась в касту, жречество. По этим подсчетам в России 1913 г. коэффициент элиты составлял порядка 6 %. Для современного общества, в котором характерно выделение высшей и средней элиты, в состав первой входит примерно один человек из 20 тысяч населения¹, а во вторую — порядка 5 % населения.

Второй принцип, действие которого существенно сказывается на исследовании элит, назовем принципом цивилизационного своеобразия элитаобразующего процесса. Суть его состоит в специфике механизмов рекрутования элит и контрэлит, особенностях критического поведения элит, социально-культурных (семиотика и семантика политического поведения, механизмы управленческого воздействия, ценностные ориентации и др.) их характеристиках и соотношений различных видов социального управления (прежде всего — политического и экономического).

В одной из работ, посвященных анализу форм кратического поведения², высказана мысль, что в процессе предцивилизационного и цивилизационного развития кратическое поведение эволюционирует от «силовой модели» (элементарная модель кратического поведения) к институциональной «рыночной модели» (по Дж. Кетлингу, «политическая арена становится рынком власти») и «игровой модели» (Ф. Знанецкий, «политический мир как театр, поле игры»).

Возможно и движение в рамках веберовской типологии власти и политических лидеров, выделяющей традиционный, харизматический и рационально-легальный (бюрократический) типы и соответствующие их сочетания.

Учет принципа цивилизационного своеобразия, к примеру, позволяет, с одной стороны, соотносить развитие и смену элит России с особенностями ее исторического развития и политического управления, традициями и ментальными и ценностными архетипами. С другой стороны, не искать «черного кота в темной комнате, где его нет» — не переносить схемы и наработки западного элитизма автоматически на российские реалии. Западный элитизм развивался в ином цивилизационном русле, имея в качестве стержня взаимосвязь структур гражданского общества и государства, богатый опыт и традиции демократических институтов; наличие различных центров политической активности и власти. Российский опыт не включает развитые традиции гражданского общества. В российской

¹ Западногерманские социологи Р. Вильденман и Р. Дарнедорф в своих исследованиях высшей правящей элиты ФРГ определили ее численный состав примерно в 2 тыс. человек. Ж. Мейно нашел, что численность правящей элиты Италии составляет 4—5 тыс. человек.

² Харитонов Е. М. Кратическое поведение: социальный анализ. //Автореф. канд. диссерт. Ростов н/Д, 1995. С. 12—13.

истории цементирующую общество роль всегда играло государство, а политическое управление доминировало над экономическим. Традиционно довлеющими были позиции административно-политической элиты. Цивилизационная и geopolитическая специфика России в наше время разрушает все попытки перенесения на ее почву западно-ориентированных схем и механизмов социального развития и управления.

Третий принцип в анализе элит российского общества, который следует выделить, — это принцип идеалов и норм научной рациональности. Прежде всего, он означает признание равноправия (и отсюда — плюрализма) различных моделей элит. Естественно, что эти модели конкурируют между собой, однако результатом длительного диалога между представителями разных моделей является, скорее всего, не «поражение» одной и утверждение в качестве «единственно верной» другой, а взаимная дополнительность или конвергенция.

В этом плане натянутой выглядит такая, к примеру, позиция: «Как правило, элита (в концепциях макиавелистов. — Авт.) выступает как вневременная категория, не зависящая или почти не зависящая от социальных процессов. При этом различие в общественных системах полностью игнорируется. Элита рабовладельческого общества становится предельно похожей на элиту феодальную, феодальная — на капиталистическую»¹.

Первым признаком научной теории является наличие в ней исходных абстракций, «не схожих» с исторической или современной феноменологией. Для исходных абстракций в самом деле имеет место «сущностное безразличие». По мере восхождения от абстрактного к конкретному, включения исходных абстракций в поле других понятий приобретается и историческое, и цивилизационное своеобразие. Это справедливо как для марксистской, так и для макиавелистской или бихевиористской моделей.

В любой научной области, а в междисциплинарной (к которой принадлежит элитология) в особенности, к методологическим основаниям следует отнести не только принципы, но и развивающие их методологические установки. Остановимся на них более детально.

Психологические установки. Аргументы «от психологии» являются одним из самых распространенных объяснений элитаризма. Эти аргументы можно условно разделить на три группы: инстинктивистские, фрейдистские (близкие к первым, но учитывающие одновременно роль социальной среды на формирование личности ребенка) и бихевиористские (которые обычно рассматривают как альтернативную позицию, поскольку их сторонники считают, что внешняя среда, прежде всего социальная, определяет поведение людей). Впрочем, у всех этих трех групп психологов можно обнаружить общие черты. Их, в частности, отмечает Э. Фромм. Если у инстинктивистов человек живет прошлым своего рода, то у бихевиористов — сегодняшним днем. Если для первых человек — это машина, унаследовавшая модели прошлого, запрограммированная на образцы поведения,

¹ Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный левиафан. М., 1985. С. 126—127.

в которых существуют множество поколений *homo sapiens*, то для вторых человек — это машина, способная воспроизвести только социальные модели современности. В обоих случаях человек, в сущности, марионетка, которой управляют либо инстинкты, запрограммированные в его генетическом коде, либо же воспитатели-манипуляторы.

Позицию инстинктивистов (У. Макдаугалл, К. Лоренц) по нашей проблематике можно суммировать следующим образом. Деление общества на элиту и массу — следствие врожденных черт личности, следствие генетически запрограммированных инстинктов. Большинству людей присущи инстинкты стадности, конформизма, послушания, а меньшинству — импульсивная, причем неумеренная жажда власти, стремление командовать. Именно между такими людьми и происходит борьба за элитные позиции в обществе.

Дж. Джиттлер пишет о «врожденных психических качествах», определяющих принадлежность индивида к эlite или массе. Элиту он определяет как «группу людей, обладающих определенными привилегиями, обязанностями и властью, которыми они располагают в связи с тем, что им присущи качества, которые рассматриваются как ценности в данную эпоху развития культуры¹. Положение личности в обществе оказывается функцией от ее врожденных свойств, отсюда — психологическая пропасть между элитой (обладающей психическим превосходством) и массой.

Один из тривиальных приемов защиты статус-кво состоит в утверждении, что элита образуется из наиболее одаренных, способных людей, пригодных для выполнения функций руководства обществом. М. Гинзберг и многие другие социологи обосновывают элитаризм ссылками на различия индивидуальных способностей людей, на жажду большинства людей иметь лидеров. У этого большинства имеется якобы инстинктивная потребность в подчинении, тогда как у меньшинства — врожденная жажда господствовать. Эти импульсы и определяют принадлежность людей к элите или массе. Итак, деление на элиту и массу соответствует, по Гинсбергу, самой природе человека. При подобном подходе в тени остаются социальные основы экономического и политического неравенства в обществе, которые выдаются за «естественную норму». Подобная концепция объективно прививает массам психологию неполноты.

Воспроизводя теорию подражания французского психолога второй половины XIX — начала XX века Г. Тарда, социологи этого направления утверждают, что «масса подражает немногим, добившимся успеха», что подражание масс элите — «сердцевина социальной жизни». Не менее популярен среди современных элитаристов современник и соотечественник Тарда Густав Лебон, который считал, что в массе люди теряют способность мыслить, полностью подчиняются вождю или лидирующей группе; в толпе люди побуждаются к действиям не разумом, а эмоциями и инстинктами.

¹ Gittler J. Social Dynamics. N. Y., 1952. P. 148.

Элитаристы консервативной ориентации обычно объявляют предпринимательство основой «человеческой природы». Богатство — доказательство выдающихся способностей человека и одновременно награда за них. Только таким людям и можно доверить управление обществом. Бедные же бедны потому, что у них от природы плохая генетическая наследственность, низкий уровень способностей, да и условия жизни не способствуют их развитию. Так что следовать за элитой, великодушно согласившейся указывать им путь, — лучше для них самих. Итак, правящий класс, по мнению многих элитаристов, выделяется в процессе конкурентной борьбы, в которой побеждают наиболее способные, мобильные люди, обладающие наивысшим интеллектом и волей к власти. Такой вывод часто подкрепляется математическими выкладками. А. Фриш установил, что в соответствии со статистическими данными из тысячи индивидов не более десяти способны к творческой деятельности (а следовательно, занять элитные позиции). А. Коулмен построил даже математическую модель распределения богатства, доказывая, что это распределение «склоняется к индивидуумам с высокими способностями» (может быть, этот автор «склоняется» к апологетике исследуемой им социальной структуры?). Таким образом, способности людей «пропорциональны обладанию собственностью». Поэтому социальный строй, основанный на неравенстве с присущим ему элитаризмом, — вечный и «естественный» строй. Элита победила в «честном соперничестве», она наиболее пригодна для управления обществом. Чтобы оправдать и обосновать столь вольную конструкцию, многие психологи широко применяют, специально разрабатывают тесты для определения умственных способностей. Сами по себе эти тесты могут сыграть большую позитивную роль для оптимального рекрутования элит. Но при одном условии — чтобы все члены общества имели при этом равные возможности, а именно это условие и отсутствует — мы повсюду сталкиваемся с системой привилегий, преференций, отражающих стратифицированность общества. Это справедливо (правда, в разной степени) по отношению ко всем социальным структурам современности — от западных демократий до развивающихся стран, в том числе и по отношению к России — как в период «социалистического эксперимента», так и постсоветской.

Бессспорно, люди одарены неодинаково, но следует ли отсюда, что одни должны эксплуатировать других или что более способные составляют привилегированный класс? Отнюдь не это обстоятельство играет решающую роль в социально-классовой дифференциации. Принадлежность к привилегированной верхушке, к элите общества, в том числе и в современных демократических странах, определяется прежде всего не умственными способностями, а размерами капитала, социальными связями, происхождением. Утверждения о том, что западные демократии открывают «равные возможности» для всех, хороши лишь как пропагандистский лозунг.

Распространенным психологическим обоснованием элитаризма является вульгаризаторская интерпретация тестов определения умственных способностей «коэффициента интеллектуальности (IQ)». Обычно доказывается, что элита обладает (или должна обладать) наивысшим коэффициентом. Подобные исследования обычно направлены на то, чтобы обосновать право элиты на привилегированное положение именно на том основании, что ее IQ выше среднего. Однако при этом обычно игнорируется тот факт, что вне элиты оказываются люди с коэффициентом выше, чем IQ элиты. А главное — до сих пор ни в одной стране мира не было осуществлено полномасштабное, репрезентативное исследование умственных способностей элиты в соотношении с умственными способностями всего населения и «социальных низов» (может быть, потому, что вряд ли представители элиты заинтересованы в таком эксперименте, который может дать для них нежелательный результат и привести к конфузу).

В исследованиях умственных способностей часто произвольно постулируется, что IQ представляет собой постоянную, генетически обусловленную величину. В действительности, это величина переменная, изменяющаяся на протяжении жизни человека; на нее влияют социальные условия, уровень культуры, образования. IQ элиты, если этот показатель в какой-то стране действительно выше среднего (что, разумеется, весьма вероятно), есть не нечто данное природой, но результат того, что представители элиты находятся в условиях, более благоприятных для развития интеллектуальных способностей (в большинстве своем это выходцы из более обеспеченных и более образованных семей). Утверждения ряда психологов об абсолютной генетической детерминированности умственных способностей человека крайне односторонни; речь может идти лишь о сложном диалектическом взаимодействии природных и социальных факторов в процессе формирования и развития умственных способностей человека (вероятнее всего, при определяющем влиянии социальных факторов). Далее, многие психологические интерпретаторы элитаризма исходят из неверного тезиса о том, что IQ — единый показатель умственных способностей человека, который включает в себя способность к такой стороне умственной деятельности, как управление социальной жизнью. Но структура умственных способностей весьма сложна и дифференцирована; особенности личности, способствующие ее успехам, скажем, в области естественных наук, отнюдь не гарантируют ей успехов на поприще управления большими группами людей. Психологи, о которых идет речь, в полном соответствии со стереотипами буржуазного обыденного сознания изображают дело таким образом, что люди с высоким IQ добились успеха, стали элитой общества, и это естественно и справедливо. Однако такой признанный специалист в вопросах тестирования, как американский психолог Дж. Кронбач, не без оснований считает, что подобные

утверждения не более чем «иллюзия, результат игнорирования социальных условий»¹.

Коротко о бихевиористской трактовке рассматриваемой нами проблемы. Один из основателей бихевиоризма Дж. Уотсон утверждал, что предметом исследования психологии вместо неопределенного термина «сознание» должно быть поведение — то, что поддается верификации; психологию следует превратить в науку, способную управлять поведением; манипулируя внешними раздражителями, можно воспитать человека с заданными константами поведения.

Итак, в противоположность интуитивизму бихевиоризм исходит из того, что внешняя среда, прежде всего социальная, определяет поведение людей, и стремление человека в элиту — следствие не врожденной генетической программы, а социальных потребностей, социальных стимулов. Человеческое поведение формируется под воздействием социального окружения, определяется не врожденными, генетически запрограммированными свойствами, а социальными и культурными факторами (которые и мотивируют стремление человека попасть в элиту). Поэтому психология призвана заниматься прежде всего изучением того, какие механизмы стимулируют поведение человека. Происходит переориентация с изучения инстинктов на изучение поведения и возможностей его изменения, изучение того, какие механизмы могут быть использованы для достижения максимальных результатов (максимальных для манипулятора). Таким образом, для психологии, выступающей как наука о манипулировании поведением, целью становится обнаружение механизмов стимулирования, помогающих обеспечить необходимое заказчику (а этим заказчиком не случайно особенно часто оказывается элита) поведение (прежде всего, поведение масс). Бихевиористы и видят свою задачу в изучении того, какие механизмы стимулируют человека в его деятельности и как они могут быть эффективно использованы в программировании поведения людей (заметим, поведения, нужного заказчику, прежде всего правящей элите). Впрочем, бихевиористы по понятным причинам не признают открыто, что выполняют социальный заказ элиты. И уж во всяком случае они не хотели бы, как правило, выступать в роли пособников насилиственного, диктаторского правления. Ведущий теоретик необихевиоризма Б. Скиннер писал: «Я уверен, что никто не хочет развития новой системы отношений типа «хозяин-слуга», никто не хочет искать новых деспотических методов подавления воли народа власть имущими. Это образцы управления, которые были пригодны лишь в том мире, в котором еще не было науки». Впрочем, автора этих слов Э. Фромм резонно упрекает в наивности. «Спрашивается, в какую эпоху живет профессор Скиннер? Разве сейчас нет стран с эффективной диктаторской системой подавления воли народа? И разве похоже, что диктатура возможна лишь в культурах «без науки»?.. На самом деле ни один политический лидер и ни

¹ См.: Cronbach J. *Essentials of Psychological N. Y. 1966.*

одно правительство никогда не признаются в своих намерениях подавить волю народа¹. Сам Скиннер в другом месте откровенно признает, что «... нам приходится иметь дело с волей к власти или параноидальными заблуждениями лидеров»². Тем не менее, школа Скиннера усиленно работает над решением проблем контроля и управления массовым поведением, заказы на которые явно поступают от правящей элиты. Причем Скиннер выражал сожаление по поводу того, что «поведенческой технологии, сопоставимой по мощи и точности с физической и биологической, не существует»³.

Однако инстинктивизм и антиинстинктивизм — крайние позиции, между которыми лежат компромиссы, переходы и допущения. Даже сам Б. Скиннер, подчеркивая определяющую роль социокультурных факторов, не отбрасывает полностью роли генетических предпосылок. Отметим, что широко распространенное отождествление фрейдизма с инстинктивизмом не вполне правомерно. С одной стороны, по Фрейду, определяющие жизнь человека влечения сводятся к инстинкту самосохранения и инстинкту сексуальности (в более поздних своих работах Фрейд пишет о борьбе Эроса и Танатоса). С другой стороны, по Фрейду, личность формируется в раннем детском возрасте прежде всего в результате влияния среды, непосредственного окружения, семьи, где определяющая роль обычно принадлежит авторитарному отцу семейства. Все большее число психологов приходят к выводу: утверждения о детерминации поведения либо наследственностью, либо обучением страдают односторонностью. Поведение — результат большого числа переменных, среди которых только две детерминируются либо генами, либо воспитанием.

Среди психологических трактовок элитаризма наибольшее распространение получило толкование этой проблемы фрейдизмом. З. Фрейд полагал, что дифференциация общества на элиту и массу выросла из родовых форм авторитета. Он особенно подчеркивал усвоенную с детства потребность человека в защите его отцом, вытекающую из «инфантальной беспомощности» человека. Тираническая власть отца над детьми приводит к восстанию взрослых сыновей и убийству отца. Но дети испытывают госку по отцу и раскаяние. Этот психологический конфликт разрешается посредством идеализации убитого отца и замещения его другим. Этим отцом-заместителем оказывается обычно авторитарный лидер, авторитарная элита. К ним он испытывает те же амбивалентные чувства — любви и страха, уважения и ненависти, которые ранее пробуждал у них отец. Власть элиты представляется Фрейду неотвратимой. «Как нельзя обойтись без принуждения к культурной работе, так же нельзя обойтись и без господства меньшинства над массами, потому что массы косны и недальновидны, они не любят отказываться от влечений, не слушают аргументов в

¹ Цит. по: Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М., 1994. С. 50.

² Американская социологическая мысль. М., 1994. С. 35.

³ Там же. С. 32.

пользу неизбежности такого отказа, и индивидуальные представители массы поощряют друг в друге вседозволенность и распущенность. Лишь благодаря влиянию образцовых индивидов, признаваемых ими в качестве своих вождей, они дают склонить себя к напряженному труду и самоотречению, от чего зависит состояние культуры. Все это хорошо, если вождями становятся личности с незаурядным пониманием жизненной необходимости, сумевшие добиться господства над собственными влечениями. Но для них существует опасность, что, не желая утрачивать своего влияния, они начнут уступать массе больше, чем та им, и потому представляется необходимым, чтобы они были независимы от массы как распорядители средств власти»¹.

Потребность в авторитете, по Фрейду, живет в «массовом человеке» прежде всего как выражение «госки по отцу»; элита и старается использовать эту потребность массы, чтобы вести ее за собой. Авторитарный лидер и авторитарная элита трактуются Фрейдом как «заместители отца». Механизм принятой массой авторитета элиты описывается Фрейдом следующим образом: ребенок, сформировавшийся под гнетом отца-тирана, защищает себя, развив механизмы повиновения, становящиеся источником мазохистского удовлетворения. Жизнь взрослого человека продолжает определяться защитными механизмами, сформировавшимися в детстве в результате реакций на отца, выступавшего по отношению к ребенку как социальный агент, часто враждебный. Став взрослым, человек получает удовлетворение, подчиняясь лидеру, элите, становясь конформистом, винтиком бюрократической машины.

Масса и ее психология рассматриваются Фрейдом (вслед за Г. Лебоном) как «ретрессия человека к первобытной орде», а также к детской психологии, «ретрессия к более ранней ступени, которую мы привыкли видеть у дикарей и детей». «Мы уже знаем, что пугающее ощущение детской беспомощности пробудило потребность в защите — любящей защите, — и эту потребность помог удовлетворить отец; сознание, что та же беспомощность продолжается в течение всей жизни, вызывает веру в существование какого-то теперь уже более могущественного отца»². Подчинение масс элите Фрейд, как и Лебон, связывает с феноменом массовой психологии, оно вызывается не разумом, не пониманием целесообразности этого подчинения, а инстинктами и эмоциями. «Следует ожидать, что угнетенные классы будут испытывать зависимость к преимуществам привилегированных... Вполне понятно, что у этих угнетенных развивается интенсивная враждебность против культуры, которую они укрепляют своей работой, но от плодов которой имеют лишь ничтожную долю»³. Противоречия элиты и массы рассматриваются Фрейдом — и в этом обнаруживается ограниченность его концепции — не как выражение

¹ Фрейд З. Будущность одной иллюзии. «Сумерки богов». М., 1989. С. 97.

² Там же. С. 118.

³ См.: FARED s. *Aufgewalte Schriften*. B. 1969. S. 120—129, 191—192, 264.

объективного социального конфликта, но как прежде всего конфликт во внутреннем мире человека, его психическая драма.

Среди многочисленных последователей и реформаторов фрейдизма отметим А. Адлера. Согласно его теории, люди, рвущиеся в элиту, компенсируют комплекс неполноценности (хотя они обычно не догадываются об этом) тем, что ведут ожесточенную борьбу за власть. Близкие идеи высказывал Г. Лассуэлл, развивавший фрейдистские идеи применительно к сфере политических отношений. Для него стремление непременно попасть в элиту — преодоление собственной неполноценности, обладание властью как бы «исправляет» заниженные оценки собственной личности. Это — «психопатология политики». Лассуэлл писал: «Может показаться странной мысль о применении психоанализа к исследованию политики. Психоанализ возник как отрасль психиатрии и был первоначально ориентирован на терапию душевнобольных». Но по мере роста популярности фрейдизма политологи стали применять методы психоанализа по отношению к исследованиям политических элит и добились интересных результатов. Психопатологические личности, обуреваемые страстью к власти, — наиболее частые персонажи среди стремящихся во что бы то ни стало попасть в элиту. Они подвизаются в политике или в бизнесе, даже в организованной преступности, — «всюду, где они могут надеяться на то, что будут господствовать над другими»¹. Им безразлично, где утвердиться, лишь бы обладать властью над людьми.

Проблема элиты занимает важное место в неофрейдизме. Его виднейший представитель Э. Фромм претендует на преодоление слабостей Фрейда, прежде всего его пансексуализма. Он справедливо критикует Фрейда за биологизм, недооценку социальных факторов при анализе поведения людей. Фромм показывает, что «наклонности человека не вытекают из фиксированной, биологически обусловленной человеческой природы, а возникают в результате социального процесса формирования личности»². Он совершенно правильно отмечает: «Для апологетов элитной системы социального контроля (когда все контролируется элитным слоем общества) очень удобно считать, что социальная структура возникла как следствие врожденной потребности человека и потому она неизбежна. Однако эгалитарное общество первобытных народов свидетельствует, что дело обстоит совсем иначе»³. В эксплуататорских обществах власть опирается на силу, страх и подчинение; господствующая идеология этого общества утверждает, что «все и вся должно быть управляемо — человек и природа — и каждый имеет отношение к власти: одни ее осуществляют, другие — боятся. Чтобы управление было эффективным, люди должны научиться послушанию (подчиняться). А чтобы подчиняться, они должны

¹ Losswell H. *Power and Personality*, N. Y. 1948. P. 170, 303.

² Фромм Э. *Бегство от свободы*. М., 1990. С. 21.

³ Фромм Э. *Анатомия человеческой деструктивности*. М., 1994. С. 127.

поверить в превосходство своих правителей, каким бы оно ни было — физическим или магическим»¹.

Неофрейдисты полагают, что основными психологическими механизмами, порождающими элитарную социальную структуру, являются садистско-мазохистские. Фрейд пытался объяснить их как явления сексуальные, по преимуществу либидозные. Фромм (а еще раньше Адлер) попытался дать несексуальную интерпретацию этих механизмов. По Фромму, садистские и мазохистские тенденции обнаруживаются всегда вместе, это — единство противоположностей. Садистские ориентации преобладают в элите, мазохистские — в массе²; они и объясняют бегство миллионов людей от свободы к авторитарным диктатурам, готовность подчиняться властивущей элите и даже получить мазохистское удовлетворение от этого подчинения, которое оказывается тем большим, чем более полным является это подчинение. Фромм тонко замечает: «... в психологическом плане жажда власти коренится не в силе, а в слабости... Это отчаянная попытка приобрести заменитель силы, когда подлинной силы не хватает... «власть» и «сила» — это совершенно разные вещи».

Фромм описывает три садистских тенденции, которые и являются основой для элитарных ориентаций личности:

- 1) стремление человека сделать других людей зависимыми от себя и господствовать над ними, превратить их в свои орудия, «лепить, как глину»;
- 2) стремление не только иметь абсолютную власть над другими, но и эксплуатировать их, использовать и обкрадывать;
- 3) стремление заставить других людей страдать физически и нравственно.

Целью стремления может быть как активное причинение страдания — унизить, запугать другого, так и пассивное созерцание чьей-то униженностии и запуганности. Нетрудно видеть, что ориентации эти глубоко безнравственны и патологичны. Поэтому их носители пытаются оправдаться в собственных глазах и глазах других людей. Вот типичный образчик их объяснений и оправданий, «рационализации» их стремлений. «Я руковожу, поскольку я знаю, что лучше для интересов руководимых, и поэтому они должны следовать за мной». Или: «Я такой выдающийся, уникальный, что вправе ожидать, что другие люди будут зависеть от меня».

Фромму не откажешь в тончайших психологических наблюдениях. Он замечает, что садист — это не просто человек, который сознательно наносит ущерб, мучает, убивает свою жертву. Иной садист по-своему любит жертву, он зависит от нее в известной мере (это как раз относится ко

¹ Там же. С. 146.

² Точнее, формулировки Фромма более осторожны: «По-видимому, садистские и мазохистские черты можно обнаружить в каждом человеке. На одном полюсе существуют индивиды, в личности которых эти черты преобладают, на другом — те, для кого они вовсе не характерны. О садистско-мазохистском характере можно говорить лишь в отношении первых».

многим политическим лидерам). Жертва нужна ему, чтобы ее эксплуатировать, тиранически, поэтому он заинтересован в том, чтобы она жила и боялась его, — так феодал заинтересован в том, чтобы крепостной имел определенный достаток и чтобы он трепетал перед ним, почитал его. Он часто демонстрирует свою «любовь» к тем, кого он угнетает. Он по-своему и в самом деле «любит» их. Элита нуждается в массе и «любит» ее, стремясь «благодетельствовать» массу, ибо она «лучше знает», что надо для ее блага. «В чем сущность садистских побуждений? Желание причинить другим людям боль в этом случае не главное. Все наблюдаемые формы садизма можно свести к одному основному стремлению: полностью овладеть другим человеком, превратить его в беспомощный объект своей воли, стать его абсолютным повелителем, его богом, делать с ним все, что угодно... Сущность садизма составляет наслаждение своим полным господством над другим человеком¹.

Более сложным явлением Фромм называет мазохизм (характерный для масс, подчиняющихся элите). Известно, что у Фрейда мазохизм — проявление «инстинкта смерти». Фромм объясняет мазохизм, как один из защитных механизмов, помогающих людям избежать изоляции, отчуждения (пусть даже деструктивным путем — подчиняясь авторитарной элите и в какой-то мере разрушая себя) и избавиться от «ремени свободы», от индивидуальности, раствориться в массе. В Германии между мировыми войнами деморализованные, разобщенные миллионы людей «вместо того, чтобы стремиться к свободе, стремились к бегству от нее». Подчинившись фашистской элите, они обрели «безопасность» (пусть обманчивую, иллюзорную, укрывшись под сурковое крыло тоталитарной диктатуры), единение с другими людьми, разделяющими их чувства. Элита существует, поскольку большинство людей преклоняются перед властью, не являются независимыми, разумными, а нуждаются в мифах и идолах. Именно в характеристиках этого типа нашла живейший отклик идеология нацизма. «Но поскольку термин «садистско-мазохистский» ассоциируется с извращениями и неврозами, мы предпочитаем говорить не о садистско-мазохистском, а об «авторитарном» характере, особенно когда речь идет не о невротиках, а о нормальных людях. Этот термин вполне оправдан, потому что садистско-мазохистская личность всегда характеризуется особым отношением к власти. Такой человек восхищается властью и хочет подчиняться, но в то же время он хочет сам быть властью, чтобы другие подчинились ему². Из таких людей и рекрутировалась фашистская элита.

В «Анатомии человеческой деструктивности» Фромм показал сомнительность версии, ставшей штампом буржуазной социологии, о том, что социальная иерархия и элита необходимы для любого общества, что они базируются на генетической природе человека. «Анализ истории общества за последние пять-шесть тысяч лет эксплуатации большинства правящим

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. С. 136.

² Там же. С. 141 — 142.

меньшинством показывает весьма ясно, что психология господства-подчинения представляет собой адаптацию к социальной системе, а не ее причину». Как видим, Фромм придерживается принципа историзма при анализе проблемы элиты и социального неравенства. Приведенные выше положения Фромма позволяют нам с уверенностью сказать, что он, в отличие от Фрейда, не элитарист, а скорее наоборот, антиэлитарист. Во всяком случае, поскольку для Фромма исследование элит находится в фокусе его научных интересов, отнесем его с уверенностью к уже известной нам более широкой категории элитологов.

Отметим также позицию других последователей Фрейда — В. Рейха и Э. Эрикsona. По Рейху, характер человека формируется в раннем детстве, в кругу семьи с ее нормами и установками, а поскольку ее структура носит, как правило, авторитарный характер, этот авторитаризм порождает социальную структуру с властвующей элитой и послушной ей массой. По Эриксону, участие взрослого человека в общественной жизни, в решении социальных конфликтов есть всего лишь средство решения внутренних конфликтов, коренящихся в особенностях формирования личности в детском возрасте, вылившихся в невротические реакции. Объяснения факта проникновения того или иного человека в элиту он, как и другие фрейдисты, предлагает искать в психоанализе его личности.

Как видим, психосоциологи подменяют вопрос о причинах социального неравенства, существования правящей элиты и массы вопросов о том, каковы психологические особенности и психологические ориентации людей, которые способствуют их проникновению в элиту. Являются ли они генетически закодированными или же следствием особых условий, существующих в классово-дифференцированных структурах, которые и вырабатывают стремление во что бы то ни стало «пробиться на верх», обрести богатство, влияние, известность, овладеть командными позициями? Являются ли они «нормальными» или патологическими? Эти фундаментальные вопросы остаются без ответа в рамках психосоциологии. И не случайно, что именно Фромм, который выходит за пределы традиционной психологической проблематики, наиболее глубоко из перечисленных авторов освещает эту проблему.

Чисто психологическая трактовка элиты представляется односторонней. Ибо за ее пределами остается социально-политическая сущность элиты. Причины выделения элиты не психологические (вернее, не психологические в первую очередь), они порождены определенными социальными причинами (процессом разделения труда, политическими и иными процессами). Иное дело, что при этом было бы неправильным игнорировать социально-психологические механизмы, через посредство которых реализуется эта объективная социальная потребность.

Цивилизационный подход к элите. Интересным и плодотворным во многих отношениях представляется цивилизационный подход к элите. В конце прошлого века его развивал Н. Я. Данилевский, сформулировавший

общую теорию типологии культур, вскрывший односторонность европоцентризма («ни одна цивилизация не может гордиться тем, что она представляет высшую точку развития»¹ — насколько это глубже теории «конца истории» Фукуямы...) и во многом предвосхитивший культурологические концепции XX века, в частности Шпенглера и Тойнби.

Для О. Шпенглера цивилизация — заключительная стадия развития любой культуры, эпоха упадка («...у каждой культуры есть своя собственная цивилизация... оба слова... понимаются здесь в периодическом смысле, как выражение строгой и необходимой органической последовательности. Цивилизация — неизбежная судьба культуры»²), омассовления и варваризации общества, когда на смену «сросшегося с землей народа» приходит «новый кочевник, паразит, обитатель большого города», оторванный от традиций, иррелигиозный и бесплодный. Эта безликая, лишенная корней масса — варвары; только элита сберегает ростки культуры.

Но особенно развернуто элитаризм сформулирован в цивилизационной концепции А. Тойнби, опиравшегося на труды Н. Данилевского, О. Шпенглера, А. Бергсона. Ему близка мысль Бергсона о том, что стимул и толчок социальному развитию дают «редкие сверхлюди, способные разрушить круг примитивной жизни и спровоцировать акт творения». По Тойнби, «акты социального творчества — прерогатива либо творцов-одиночек, либо творческого меньшинства». Это творческое меньшинство — элита; цивилизация развивается, когда элита динамична, и вырождается, когда иссякает ее творческие потенции. А с течением времени творческий потенциал элиты иссякает, и она превращается в тормоз прогресса, пытаясь блокировать новую творческую элиту (контрэлиту). Иссякание творческой энергии элиты — причина, в частности, гибели Римской империи. Творческое меньшинство в современном западном мире также находится перед опасностью регресса. Западный индустриализм возник «из глубин творческого меньшинства, и это меньшинство стоит сейчас перед вопросом, способно ли оно руководить и управлять гигантской энергией высвобождающихся сил»³. Именно наличие элиты обуславливает развитие цивилизации, «подтягивание нетворческого большинства общества до уровня творческих пионеров, без чего невозможно поступательное движение вперед... Большинство дрессируется руководящим меньшинством и подражает ему»⁴.

Мимесис возникает как результат успехов элиты, когда же иссякает творческий потенциал элиты, успехи сменяются провалами, наступает надлом цивилизации. «Надлом означает исчезновение с исторической арене творческого меньшинства, вызывавшего доверие и добровольное жела-

¹ Данилевский Н. Я. *Россия и Европа*. М., 1991. С. 109.

² Шпенглер О. *Закат Европы. Очерки мифологии мировой истории*. 1993. Т. I. С. 163.

³ Тойнби А. *Постижение истории*. М., 1991. С. 259.

⁴ Там же. С. 260, 303.

ние подражать ему, следовать за ним. Постепенно ему на смену приходит правящее меньшинство, которое пытается узурпировать наследство, ему не принадлежащее. Доверие к себе оно пытается сохранить с помощью силы, все еще находящейся в его распоряжении¹.

Итак, упадок элиты означает неотвратимый упадок общества. «Различие в руководстве обществом, когда оно растет и когда оно распадается, сводится к различию между способностью к творчеству и отсутствием такой. Ибо ... одним из симптомов социального распада и причиной социального раскола является вырождение меньшинства, ранее способного руководить благодаря своим творческим потенциям, но теперь сохранившего власть лишь благодаря грубой силе»².

Цивилизационный подход к элите характерен для выдающегося российского социолога П. А. Сорокина, автора классических трудов по социальной стратификации, которая «находит выражение в существовании высших и низших слоев. Ее основа и сущность — в неравномерном распределении прав и привилегий, ответственности и обязанности...»³. Он утверждал: «Любая организованная группа всегда социально стратифицирована. Не существует ни одной постоянной социальной группы, которая была бы «плоской» и в которой все ее члены были бы равными». Это — «миф, так и не ставший реальностью за всю историю человечества»⁴. Пирамида стратификации прочна, когда элита состоит из наиболее способных, талантливых; когда же элита становится закрытой, мобильной, не допускает к управлению наиболее талантливых представителей социальных низов, общество обречено. Так было в России, когда «вырождающийся правящий класс упорно отказывал в соучастии талантливым самородкам из других слоев ... благодаря подобным мерам на вершине общества аккумулируются «бездарные правители», а «головастиков» у основания пирамиды власти становится все больше. Когда наступает революция, все барьера и препоны на пути свободной циркуляции разрушаются одним ударом. «Привилегированные» оказываются сброшенными с высот социальной пирамиды, а низы выходят из своих «социальных подвалов»... Безжалостная революционная метла начисто выметает социальный мусор, не задумываясь при этом, кто виновен, а кто нет... Но на второй стадии революция устраниет свои же собственные ошибки, воздвигая новое « сито », и циркуляция обретает обратное движение. Именно так, а не иначе развивались все революции»⁵.

В заключение хотелось бы отметить весьма своеобразную модификацию цивилизационного подхода к роли элит в работах Л. Н. Гумилева.

¹ Тойнби А. Постижение истории. М., 1991. С. 355.

² Там же. С. 450.

³ Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 302.

⁴ Там же. С. 304.

⁵ Там же. С. 292.

Развитие и рост цивилизаций он связывает с качеством их пассионарности, активности, творческого взлета, которые в наибольшей степени проявляются у элит; он называет их даже «вирусами пассионарности». Причем вероятность отбора в элиту самых талантливых людей наиболее велика в периоды подъема пассионарности в поведении этноса. И, наоборот, когда этнос переживает снижение пассионарности, система отбора в элиту стремительно деградирует. На место выбывающих членов элиты приходят претенденты со сниженными качествами, порой просто злобные ничтожества¹.

Бюрократия как элита. Практически все элитологи согласны с тем, что элита управляет делами общества. Тогда, естественно, необходимо выяснить соотношение элиты и слоя людей, профессионально занимающихся управленческой деятельностью — бюрократии (собственно, низшее и среднее звенья бюрократии вряд ли можно отнести к элите; тогда естественно предположить, что элита — это высшее звено бюрократии). И не будут ли теории бюрократии эвристическими при анализе элиты?

И не случайно, что концепция бюрократии знаменитого немецкого социолога и политолога Макса Вебера рассматривается как важный вклад в элитологию, как одно из важнейших обоснований элитаризма. Именно Вебер заложил основы наиболее распространенной и влиятельной в современной социологии теории бюрократии, интерпретации места и роли бюрократии в обществе. Характерно, что многие социологи делят взгляды на бюрократию на две части: довеберовские, характерные и поныне для обыденного сознания (бюрократ — тот, кто затягивает решение вопросов или теряет нужный документ), и веберовские, или научные (в идеальной модели бюрократии, в идеальном типе, по терминологии Вебера, не теряется ни один документ, это — оптимальное прохождение документов, а главное, это оптимальная система разделения труда в сфере управления). По Веберу, бюрократическая элита пришла на смену аристократической. Власть волонтиаристская, основанная на прихоти, чувствах, предубеждениях ее носителей, и потому власть непредсказуемая сменяется правлением экспертов, принимающих оптимальные решения, действия которых предсказуемы, сменяются властью, основанной на бесстрастных формальных правилах и процедурах, подкреплены жесткой дисциплиной, иными словами, иррациональная администрация сменяется рациональной. Ее особенности следующие. Во-первых, власть смещается от личной к имперсональной. Во-вторых, власть бюрократов (частично следствие их монопольного положения, частично их способности сохранять свои профессиональные знания как официальные секреты). В-третьих, бюрократия приобретает значительно большую степень живучести, и поэтому идея ликвидации этих организаций становится все более утопичной. В бюрократической системе чиновники лично свободны и подчиняются только деловому служебному долгу; имеют устойчивую служебную иерархию.

¹ См.: Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. Л., 1989.

имеют твердо определенную служебную компетенцию; работают в силу контракта, следовательно, на основе свободного выбора; в соответствии со специальной классификацией; вознаграждаются постоянными денежными окладами; рассматривают свою службу как главную профессию; делают свою карьеру в соответствии со старшинством по службе или в соответствии со способностями, не могут присвоить себе свои служебные места; подчиняются строгой единой служебной дисциплине¹.

Эта концепция Вебера связана с его типологией оснований легитимности политического господства. Первый тип: традиционное господство, как его осуществляли патриарх или патримониальный князь старого типа, авторитет «вечно вчерашнего», авторитет нравов, освященных исконной значимостью и привычной ориентацией на их соблюдение. Второй тип: харизматическое господство, авторитет внеобыденного личного дара, полная личная преданность и личное доверие, вызываемое наличием качеств вождя — у какого-то человека. Третьим типом господства является рационально-легальное (оно же бюрократическое), «господство в силу «легальности», в силу обязательности легального установления и деловой «компетентности», обоснованной рационально созданными правилами, т. е. ориентации на подчинение при выполнении установленных правил — господство в том виде, в котором его осуществляет современный «государственный служащий»².

Если первая модель преобладала в прошлом, в традиционном обществе, то вторая — в современном, «рационально-легальном». Бюрократическое управление максимально имперсонально, максимально свободно от субъективизма. И бюрократическая элита предпочтительна по отношению к традиционной аристократической элите, а также харизматической элите, возникающей вокруг харизматического лидера, обычно в периоды революций, коренной ломки социальных отношений.

Вебер отводит решающую роль в бюрократии профессионалам, техническим специалистам, опирается на научные методы управления, считая, что бюрократическое управление оказывается наиболее эффективным, максимально лишенным субъективизма, подкрепленным единообразием правил и инструкций, которыми руководствуются чиновники независимо от своих личных симпатий, они выступают как функция системы³. Начиная с Вебера, теоретики и исследователи бюрократии Р. Мerton, Бендикс, С. Липсет и др. считают процесс бюрократизации проявлением более широкого процесса рационализации, имманентно присущей капиталистическому обществу; это движение от традиционного общества, где власть передается по наследству (отсюда «элита крови») в руки людей, обладающих знанием (к «элите знания»).

¹ См.: Max Webers *Theory of Organisation*. Ed. by A. Henderson and T. Parsons, N. Y. 1947.

² Гайденко П. П., Даудов Ю. Н. *История и рациональность. Социология М. Вебера и веберовский ренессанс*. М., 1991. С. 83.

³ Вебер М. Избр. произв. М., 1990. С. 646—647.

Как видим, Вебер позитивно интерпретирует феномен бюрократии; что, вообще говоря, достаточно необычно не только для предшественников Вебера, но и для современных социологов и особенно для самих субъектов бюрократического управления.

«Термины «бюрократ», «бюрократический» и «бюрократия» это, конечно, бранные слова, — не без оснований пишет известный социолог Людвиг фон Мизес. — Никто не называет себя бюрократом или свои методы бюрократическими. Эти слова всегда употребляются в оскорбительном смысле. Они всегда подразумевают уничтожительную критику людей, институтов или процедур. Никто не сомневается в том, что бюрократия глубоко порочна и что она не должна существовать в совершенном мире»¹. А кто только не критиковал и не критикует бюрократию! И громче всех сами бюрократы, желающие иметь своеобразное алиби. Критика бюрократии раздается и слева, и справа. Острую критику бюрократии мы находим у Маркса, причем особенно у молодого Маркса (что имеет свое объяснение: когда Маркс стал писать о государстве диктатуры пролетариата, М. Бакунин не без оснований упрекал его в том, что это будет государством, руководимым пролетарскими чиновниками, новым видом бюрократии, новым привилегированным меньшинством²).

Как известно, Маркс исходил из понимания бюрократии как власти, отчужденной от народа, выражающей интересы эксплуататорских классов. Он связывал ее с потерей организацией содержательных задач своей деятельности, с главенством формы над содержанием (бюрократия «выдает формальное за содержание, а содержание за нечто формальное»³). Бюрократия есть «государственный формализм». «Бюрократия считает самое себя конечной целью государства... Бюрократия есть круг, из которого никто не может выскочить. Ее иерархия есть иерархия знания. Верхи полагаются на низы во всем, что касается знания частностей; низшие круги же доверяют верхам во всем, что касается понимания всеобщего, и, таким образом, они взаимно вводят друг друга в заблуждение»⁴. Для бюрократа характерен взгляд, «будто начальство все лучше знает»⁵.

Бюрократия, по существу, владеет государством, «это есть ее частная собственность. Всеобщий дух бюрократии есть тайна, таинство. Соблюдение этого таинства обеспечивается в ее собственной среде ее иерархической организацией, а по отношению к внешнему миру — ее замкнутым корпоративным характером»⁶. Ленин соглашается с мыслями Маркса, который писал: «Тот особый слой, в руках которого находится власть в современном

¹ Л. фон Мизес. *Бюрократия. Запланированный хаос. Антиkapitalистическая ментальность*. М., 1993. С. 9.

² См.: Бакунин М. *Философия. Социология. Политика*. М., 1989. С. 483.

³ Маркс К. И Энгельс Ф. *Соч. Т. I. С. 271.*

⁴ Там же. С. 271—272.

⁵ Там же. С. 272.

⁶ Там же. С. 201.

обществе, это — бюрократия. Непосредственная и теснейшая связь этого органа с господствующим в современном обществе классом буржуазии существует... из самих условий образования и комплектования этого класса¹. Ленин подчеркивал: «Бюрократическая система в конечном счете ведет к возникновению привилегированного слоя, оторванного от масс и стоящего над ними»². Что ж, в этих словах много правды, даже больше, чем вкладывал в них сам вождь революции, ибо «социалистическая» бюрократия и привела к возникновению нового эксплуататорского слоя, новой элиты.

Известно, что марксизм ставит в качестве задачи слом бюрократической государственной машины, переход к общественному самоуправлению. Правда, подавляющее большинство политологов считает, что сложное современное общество, обходящееся без бюрократического аппарата, основанное на непосредственном самоуправлении народа, — не более чем социальная утопия (причем подтверждением этой точки зрения оказывается и тоталитарная власть бюрократической элиты «реального социализма»). Л. фон Мизес пишет, что социалисты, «прогрессисты» в своей критике бюрократии присоединяются к тем, кого во всех других отношениях с презрением называют «реакционерами», утверждая, что бюрократические методы «не составляют существа той утопии, к которой они сами стремятся. Бюрократия, говорят они, это, скорее, неудачный способ, каким капиталистическая система пытается справиться с неумолимой тенденцией к своему собственному исчезновению. Неизбежный конечный триумф социализма упразднит не только капитализм, но и бюрократию. В счастливом мире завтрашнего дня, в благословленном раю всестороннего планирования больше не будет никаких бюрократов»³. Увы, практика «реального социализма» мало соответствовала этому нормативу...

Конечно, концепция бюрократии Вебера уязвима для критики. Для Вебера бюрократия — наиболее рациональная организация управления. Но это предельная рациональность в средствах, которые обесцениваются и превращаются в свою противоположность — иррациональность целей. Это блестяще показывает Ф. Кафка в «Процессе». Чиновник рационально ведет дела в своей узкой области, но не понимает общей цели системы, которая оказывается иррациональной. Бюрократическое управление, которое Вебер считает рациональным, оказывается комбинацией частичной рациональности и глобальной иррациональности. Тем не менее, Вебер трактует бюрократию позитивно, как имперсональное управление, основанное на компетентности, в отличие от управленческой деятельности в традиционном обществе, которое носит персональный характер, соответствующий личностному характеру власти в этом обществе, а управленческие решения субъективны. Поэтому элита бюрократии (собственно, Вебер избегал пользоваться термином «элита», зато им широко

¹ Маркс К. И Энгельс Ф. Соч. Т. I. С. 272.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. I. С. 439.

³ Л. фон Мизес. Цит. соч. С. 9.

пользуются продолжатели его социологической традиции С. Липсет, Р. Мертон, Ф. Селзник и др.) является оптимальным управленческим слоем. Рациональность, эффективность, строгая регламентация, разделение управленческого труда, безличность рассматриваются как идеал организационной деятельности. Это «идеальный тип» бюрократии. Вебер подчеркивал, что это господство закона, а не людей, что бюрократическая администрация означает осуществление контроля на основе знания, что делает ее специфически рациональной.

Продолжим рассмотрение аргументов против модели «идеальной бюрократии» Вебера. Еще Т. Парсонс, автор предисловия к американскому изданию трудов Вебера, указал на некоторые его слабости. Так, правление, основанное на компетенции, и правление, основанное на дисциплине, не всегда совпадают, вступают в конфликт друг с другом. Можно было бы сформулировать этот тезис более остро. В идеальной модели бюрократии Вебера карьера чиновника напрямую связана с его компетентностью: предполагается, что вышестоящий чиновник более компетентен, чем нижестоящий. Но реальность разительно противоречит этой идеальной модели. В частности, российский опыт свидетельствует о том, что норматив Вебера действует «с точностью до наоборот». Сплошь и рядом вышестоящий бюрократ отнюдь не компетентнее нижестоящего, но командует последним *ex officio*. Тут работает известная формула: «Ты начальник — я дурак, я начальник — ты дурак». Если, по Веберу, бюрократия — воплощенная рациональность, то рационально ли слепое повиновение приказам вышестоящего начальника? В модели Вебера существует наследие традиций прусской абсолютистской бюрократии.

Сошлемся еще на два возражения по поводу рациональности и эффективности бюрократии, которые хотя и сделаны в полушутиловом гротескном жанре, отнюдь не становятся от этого менее весомыми. И, прежде всего, на «закон Паркинсона» (закон самовозрастания бюрократии). Как показал Н. Паркинсон, бюрократия разрастается, как раковая опухоль, независимо от объекта управления, причем эффективность этого управления непрерывно снижается. Остроумное объяснение неэффективности бюрократии дает и «принцип Питера». Если начинающий бюрократ успешно справляется со своей работой, доказывая свою компетентность, его ждет награда — повышение в должности. Если он вновь доказывает свою компетентность, справляясь с должностными обязанностями, он зновь получает повышение и т. д. Но вот он доходит до ступени, где не может добиться успехов, и тогда он не получает повышения, застревая на этой должности. И тогда может получиться, что все бюрократические должности заняты людьми, достигшими своего «уровня некомпетентности». Что ж, в этой шутке большая доля правды. Модель Вебера далека от ее эмпирической верификации. Впрочем, Вебер отчетливо понимал это. Он прямо отмечал, что его идеальный тип — не результат эмпирического обобщения материала, но именно идеальное конструирование модели,

которая может быть эвристической при построении теории, объясняющей социальный процесс. В модели Вебера элита бюрократии — это элита компетентности. Увы, слишком часто она оказывается «элитой» некомпетентности.

Прислушаемся еще к одному возражению, высказанному М. Мейером, У. Стивенсоном, С. Уэбстером в работе «Пределы бюрократического роста»: бюрократия, как правило, генерирует «суббюрократию», над которой первая (элита бюрократии) теряет контроль: последние становятся как бы «антителами» в первоначальной бюрократической системе¹. Существенно и замечание известного американо-израильского социолога А. Этциони о роли бюрократии в бизнесе, о том, что в современном капиталистическом обществе получение прибыли выше компетентности и «логики администрации». Интересы бюрократов государственных и частных учреждений не могут быть выше интересов класса капиталистов, «элиты, олицетворяющие цели производства и прибыли, должны быть более могущественны, чем те, которые представляют профессиональные ценности. Эффективной элитарной иерархией является такая, при которой структура элит и иерархия целей гармонично дополняют друг друга»².

Особый интерес представляет для нас вопрос о соотношении элиты и бюрократии. Некоторые политологи отождествляют эти понятия: бюрократия и выступает как элита. Но в этом случае необходимо было бы уточнить, что имеется в виду не вся иерархия бюрократии, а лишь ее верхушка. Кроме того, следует отметить, что данное отождествление не вполне корректно и потому, что в элите, в том числе политической, есть и такие члены, которые не могут классифицироваться как бюрократы. Другие политологи исходят из того, что бюрократия — административный аппарат элиты. Но эти разногласия носят в большей мере терминологический характер, речь идет о более широком (в первом случае) или менее широком понимании бюрократии. Интересна в этом плане трактовка бюрократии в СССР. Некоторые политологи считали, что элита — это верхушка бюрократической номенклатуры СССР, другие (в том числе М. Восленский) — что элита социальный слой, из которого черпается номенклатура. Опять-таки разногласия носят больше терминологический характер. Представляется достаточно взвешенной следующая формулировка: «Политическая воля элит реализуется главным образом через бюрократический аппарат, постоянно занимающийся государственными делами. Элита намечает главные цели и магистральные линии деятельности государства, а бюрократический аппарат их реализует (последний может саботировать выполнение их.

¹ Мандл Э. *Власть и деньги. Общая теория бюрократии*. М., 1992. С. 156.

² Там же. С. 161.

Сильная бюрократия может навязать свою волю, частично превращаясь в политическую элиту¹.

Технологический детерминизм и элитология. Если биологические и психологические интерпретации элитаризма выливаются в попытку доказать, что входжение в элиту — следствие особенностей генотипа или психологических особенностей человека, то наиболее распространенные ныне варианты элитизма поднимают проблему на надиндивидуальный уровень, интерпретируя элиту как функцию социальных отношений, как удовлетворение потребностей общества в управлении. Такая потребность действительно существует, вопрос, однако, в том, должна ли она обязательно вести к власти элиты. Нельзя исключить, что элитаристы, ссылаясь на реальную потребность в управлении, гипертрофируют особую форму управления, связанную с узурпацией этой функции господствующим эксплуататорским классом, превращением ее в привилегию для узкого слоя представителей этого класса.

Обосновывая свою позицию, элитаристы обычно отмечают, что социальная организация порождает иерархию и элиту, функционирующую в интересах общества (а может быть, господствующего класса?). Элитаристы исходят из необходимости разделения труда в обществе и утверждают, что оно коррелируется с неравными способностями людей. При этом необходимость разделения труда на определенном этапе человеческой истории «незаметно» превращается у них в необходимость антагонистического разделения труда. Можно согласиться с американским социологом Ф. Селзником в том, что управление социальной жизнью означает наибольшую вовлеченность человека в деятельность группы. Но отсюда он делает вывод, что те, кто наиболее вовлечен в деятельность группы, оказываются ее элитой, и ссылается на социологические исследования корпорации «Дженерал электрик». Но вот почему эта вовлеченность ограничена, как признает последователь Селзника Ч. Пирроу, «немногими наверху»²? Наконец, почему эти немногие получают огромные привилегии, которые тщательно оберегают? Мы видели, что еще Вебер фиксировал функциональный дуализм «идеальной организации» между управляющими и управляемыми. Власть бюрократической элиты, по Веберу, основана на компетентности. Однако сразу возникает вопрос, который вынуждены задать и сами последователи Вебера (например, Т. Парсонс): не смешивает ли Вебер два типа власти — основанный на компетентности и базирующийся на формальном положении в учреждении? Разве не типична фигура высокопоставленного чиновника, менее компетентного, чем некоторые из его подчиненных, которыми он тем не менее управляет в силу своего положения?

Широко распространенная ныне организаторская теория элиты (ее называют также функциональной, или технологической) нашла свое

¹ Санстебан Л. Основы политической науки. М., 1992. С. 32.

² Perrow Ch. Complex Organizations. L., 1972. P. 192.

выражение в работах Дж. Бернхэма, А. Фриша, К. Боулдинга и их последователей, считающих, что формирование элиты зависит от тех функций, которые в определенную эпоху играют в обществе главенствующую роль. Если в XIX веке на первый план выдвигалась предпринимательская инициатива, то в XX веке решающими стали организаторские способности. Бернхэм писал, что с изменением характера современного производства функция управления стала решающей, сделав тех, кто ее осуществляет, элитой общества.

Технологический элитаризм за свою почти вековую историю значительно эволюционировал. На первом этапе его представляли технократические теории. Их основатель Т. Веблен считал, что главную роль в современном производстве играет инженерно-техническая интеллигенция, она и должна быть элитой общества. Эти взгляды носили печать утопизма; во время «великой депрессии» 1929 — 1932 годов перепуганная буржуазия относила Веблена, Скотта и их сторонников к «розовым», поскольку те выступали с идеей заставить капиталистов под угрозой «забастовки инженеров» передать им бразды правления.

Второе поколение сторонников технологического детерминизма возглавил Дж. Бернхэм, который в своем программном произведении «Менеджерская революция» утверждал, что на смену капитализму придет не социализм, а «менеджеризм»; менеджерская революция приведет к власти новый правящий класс — элиту управляющих. Если Веблен призывал инженеров и техников оттеснить бизнесменов и взять в свои руки руководство индустрией и социальной жизнью в целом, поскольку они действуют с позиций производственной целесообразности, что совпадает с общественной пользой, то Бернхэм считал неправомерным относить к элите рядовых инженеров и техников, которых именует просто «квалифицированными исполнителями». К элите менеджеров он относит директоров, председателей советов, президентов крупнейших корпораций, тех, кто «фактически управляет процессом производства, независимо от юридической и финансовой формы индивидуальной, корпоративной, правительственный». Прообраз класса менеджеров как новой элиты он видел в иерархии директоров американских корпораций «Дженерал Моторс», «Ю. С. Стил». Ссылаясь на концепцию американских экономистов Берли и Минза о разделении собственности и контроля, Бернхэм утверждал, что в индустриально развитых странах произошло «отчуждение» функции управления от функции собственности и что первая приобрела решающее значение; подлинной элитой оказываются уже не капиталисты, а управляющие и высшее звено администрации. Если во времена А. Смита капиталист был одновременно и управляющим своим предприятием, отмечал Бернхэм, то теперь он утрачивает функцию управления. При этом Бернхэм проводит аналогию с тем, как в средневековой Франции короли династии Меровингов утратили контроль над страной, который захватили реально правящие мажордомы династии Каролингов. Он

выдает менеджеров за «новый класс», не связанный с капиталистами, а рекрутируемый из всех классов общества, вбирающий в себя наиболее способных людей. «Положение, роль и функции менеджеров ни в коей мере не зависят от сохранения капиталистической собственности», они связаны с расширением государственного регулирования экономики. Государственно-монополистические тенденции Бернхэм выдает за подрыв капитализма. «Когда основные средства производства перейдут в собственность или под контроль государства... переход от капиталистического общества к господству менеджеров будет в основном завершен». К «новой элите» Бернхэм относит помимо управляющих промышленными корпорациями руководителей правительственные учреждений. Он пишет, что в менеджерском обществе происходит политизация всех сторон жизни. В капиталистическом обществе политика и экономика — отдельные сферы социальной жизни, в «менеджерском» это различие исчезает, равно как и границы между политиками и «капитанами индустрии»; менеджеры управляют обществом. Капиталисты контролируют государство косвенно, менеджеры — непосредственно. Если в капиталистическом обществе власть сосредоточена в парламентах, то в менеджерском — в административных органах.

Нетрудно видеть, что идеал общественного устройства Мернхэм видит в государственно-монополистическом капитализме, при котором элита менеджеров эксплуатирует массы. Он цинично признает, что пропагандируемая им социально-политическая система может быть названа «типом корпоративной эксплуатации... Менеджерская группа эксплуатирует остальное общество¹». Менеджерская элита контролирует средства производства и имеет привилегии в распределении продуктов труда, государство оказывается «собственностью менеджеров». В будущем М. Джилас использует идеи Бернхэма для объяснения социальных процессов в странах «реального социализма». Бернхэм не скрывает, что «общество управляющих» будет классовым обществом, в котором есть привилегированные и угнетенные, короче, это — государственно-монополистический капитализм. Причем выступления против «общества управляющих» Дж. Бернхэм, А. Берли, Д. Элеско изображают как «бессмысленные» и «утопические», ибо они направлены против «квалифицированной элиты».

Утверждения теоретиков «элиты управляющих» о том, что место капиталистов занимает «новый класс менеджеров», малоубедительны. Реальный процесс отделения собственности на капитал от приложения капитала не означает перехода власти от капиталистов к менеджерам. Президенты и директора монополистических объединений являются, по существу, функционирующими капиталистами (в отличие от капиталистов-собственников). И вербуется элита менеджеров отнюдь не из всех классов общества, как хотелось бы представить дело сторонникам «функционального» обоснования элитаризма. Исследования западных социологов

¹ Burnham J. *Managerial Revolution*. M. Y. 1941. P. 80—125.

показывают, что большинство высших менеджеров являются выходцами из привилегированных слоев общества. Еще Р. Миллс в 50-х годах показал, что только 8 % управляющих американскими корпорациями были «выходцами из более низких слоев населения». С тех пор положение мало изменилось. Как свидетельствовал Т. Дай в 70-х годах, большинство американских менеджеров происходит из «высшего или высшего среднего класса». Аналогичную статистику приводят американские социологи в 90-х годах. Как писал Миллс, «ведущие администраторы и крупнейшие богачи из мира корпораций не представляют собой двух отличных друг от друга и четко обособленных групп. Они весьма основательно переплетаются между собой в мире корпоративной собственности и привилегий»¹.

Можно допустить, что элитаристы нарочито подчеркивают сложность административного управления, возводя его в некое мистическое искусство, доступное лишь избранным. Ими «по счастливой случайности» оказываются представители господствующих классов. Но так ли таинственно искусство управления, что доступно лишь «избранным», причем главным образом из привилегированных слоев общества? Совершенно ясен апологетический смысл утверждений о «врожденных талантах» к управлению у власти имущих. Еще один аргумент — ссылка на то, что руководство общественной жизнью требует профессиональной подготовки; народ же не осведомлен, не подготовлен к такой сложной деятельности. Следовательно, ее надо предоставить специально подготовленной управленческой элите. Тезис бесспорный, но при условии равных для всех членов общества возможностях получить такое образование. В действительности, в стратифицированном обществе эти условия оказываются далеко не равными. Американские социологи У. Уорнер и Дж. Эблеген называют «королевской дорогой» в элиту хорошее образование. Однако американская статистика показывает, что число студентов из семей рабочих и фермеров в несколько раз ниже, чем из семей «высшего» и «высшего среднего» классов.

Отметим, что в последние четверть века меняются акценты в обоснованиях элитаризма с позиций технологического детерминизма. Причина этой трансформации — социальные последствия научно-технической революции, ведущие к росту влияния и статуса бюрократии и определенных слоев интеллигенции, в том числе гуманитарной, принимающей участие в управлении различными сторонами социальной жизни. Для обозначения именно этих слоев применяется термин «новая элита» (менеджеры, верхушка чиновничества и упомянутые выше слои интеллигенции), которая в отличие от «старой элиты» («элиты крови» и «элиты богатства») рассматривается как важнейший агент создания новых форм постиндустриальной социальной структуры. Много пишется о том, что НГР возносит на гребень власти и влияния эти социальные

¹ Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959. С. 162—163.

группы; западные футурологи (в том числе Д. Белл, Г. Кан, А. Винер) отводят им в будущем роль важнейших составных частей правящей элиты.

Современные западные социологи все больше отказываются от малоубедительных и легковесных восторгов по поводу «гениальности» высших слоев и ставят проблему элиты в прямую зависимость от бюрократизации общества, используя этот термин при анализе высших страт в бюрократической системе. «Новая элита», состоящая из должностных лиц «западных правительственные организаций и частного предпринимательства», объявляется продуктом «западных образовательных институтов». Эта элита вырабатывает «свою идеологию (технократический либерализм), свою систему рекрутования (университеты, элитарные учебные заведения)¹. Вырабатывая свою идеологию, бюрократическая элита исходит из понимания общества как системы бюрократических институтов, эффективно руководимых квалифицированными менеджерами, из ведущей роли «новых элит», которые научными средствами регулируют социальные отношения, а «бесклассовое» рекрутование элит приводит к оптимальному соотношению между элитами и массами, минимизируя или снимая социальную напряженность.

Такой подход учитывает то, что НТР приводит к росту влияния научно-технической и гуманитарной интеллигенции: правящая элита вынуждена обращаться к ней не только по технологическим, но и по политическим, а также социальным вопросам. Теоретики неотехнократии утверждают, что развитие НТР ведет к установлению власти интеллектуальной элиты. Однако более осторожные представители этого направления резонно замечают, что интеллектуалы в лучшем случае решают вопрос о способах, а не о целях жизнедеятельности общества. Хотя правящая элита может абсорбировать отдельных представителей верхушки интеллигенции и менеджеров, не они определяют политику.

В современных неотехнократических теориях проблема элиты занимает одно из центральных мест. У Дж. Гэлбрейта современная технология с неизбежностью порождает элиту, представляющую собой «техноструктуру», образуемую иерархией специалистов во главе с менеджерами. Причем техноструктура — это не совокупность личностей, но институт. Не индивид, не отдельный лидер, «а целый комплекс ученых, инженеров и техников, работников сбыта и рекламы, экспертов, бюрократов, координаторов... становится руководящим разумом деятельности фирмы. Это и есть техноструктура². Элита анонимна. Смерть и приход нового человека, продолжает Гэлбрейт, не оказывают ни малейшего влияния на «Дженерал Моторз» или «Континентал кэн». Люди чувствуют, что власть перешла к техноструктуре. Таким образом, «новая элита» не элита личностей, но корпоративная элита, функциональная по отношению к современной технологии. Такая же корпоративная элита специалистов управляет и

¹ См.: *Politics and Society*. 1980, № 3. Р. 353.

² *Gbraith J. Economics and the Public Purpose. Boston, 1973. P. 82.*

политикой. Техноструктура выступает как элита новаторов, руководствуясь не кратковременными интересами получения прибыли, а долговременными интересами увеличения мощи и престижа корпораций, которые совпадают с интересами общества в целом. По Гэлбрейту, власть ныне во все большей степени ассоциируется с доступом к знанию, информации, поэтому центр власти перемещается от элиты владельцев капитала к элите специалистов, носителей знания, «от капитала к организованному знанию». Кредо неотехнократов, как, впрочем, и всех технологических детерминистов, — «элита спасет мир», но только хорошая, квалифицированная элита. Но не является ли это всего лишь либеральной утопией, переходящей в концепциях Д. Белла, З. Бжезинского в утопию консервативную?

И Гэлбрейт, и Белл широко пользуются понятием «дефицит». В современных условиях такие факторы, как капитал, земля, труд, полагает Гэлбрейт, избыточны, тогда как знания дефицитны. Именно с изменением характера «дефицита», считает Белл, произойдет иерархизация элиты по новым критериям. Ссылаясь на объективный процесс возрастания роли ученых и специалистов, неотехнократы заявляют, что именно они — элита постиндустриального, информационного общества, ибо обладает научными знаниями, профессиональным опытом, умением руководить современными организациями. Эта элита не только более эффективна, но и более справедлива, ибо признает только одну ценность, одну заслугу — знание, это — элита заслуг, меритократия.

Проблема элиты стоит в центре концепции постиндустриального общества. Белл называет его основные черты: переход от производства товаров к экономике обслуживания; господствующее положение «класса» профессиональных и технических специалистов: централизация теоретических знаний как источник новаторства и формулирования политических принципов; контроль над технологией, создание новой, «интеллектуальной» технологии. «Осевым» принципом общества является наука, а его элита — те, кто представляют науку; происходит переход от «общества производящего» (индустриального общества) к информационному, от эмпирического знания к теоретическому как основному способу «проектирования мира». Отсюда — ведущая роль «интеллектуальной технологии» (особенно таких методов, как линейное программирование, системный анализ, кибернетика, теория игр, мощные современные ЭВМ, которые дали новые средства для экспериментов в области социальных отношений). На этом фоне и происходит рост значения научной элиты, которая выходит на авансцену постиндустриального общества. Она становится интегральной частью правящей элиты, отесняя элиту собственников. Если раньше доминирующими фигурами в элите были предприниматели, бизнесмены, то на смену им придут ученые — математики, экономисты, социологи, специалисты в области вычислительной техники. Если центром жизнедеятельности индустриального общества была капиталистическая корпорация

(и соответственно элитой общества была капиталистическая элита), то господствующими учреждениями информационного общества будут университеты, интеллектуальные институты типа «Рэнд Корпорейшн», именно там будут ставиться задачи, требующие наиболее ответственных творческих решений, туда будут стекаться наиболее талантливые люди, образующие элиту общества (не реализуется ли в новом варианте идеал платоновской элиты царей-философов?). Руководство обществом из рук капиталистов, финансовой олигархии и выражавших их интересы политиков перейдет в ведение исследовательских организаций, промышленных лабораторий университетов и соответственно менеджеров, организаторов науки.

Впрочем, как бы спохватившись, Белл старается несколько ослабить слишком радикальный вывод о том, что элита ученых будет управлять обществом. Он оговаривается, что не верит, чтобы технократы и ученые смогли реально добиться такой власти, ибо в современном обществе политика превалирует над всем. Но, поскольку элита политиков основывает свои решения на рекомендациях экспертов, их мнение все чаще оказывается определяющим. Раз крупнейшие институты постиндустриального общества будут носить интеллектуальный характер, производственные и иные решения будут подчинены контролю «интеллектуальных центров общественного влияния». Важнейшие решения будут приниматься элитой политиков, но базироваться они будут на исследованиях и рекомендациях элиты интеллектуалов; принятие решений будет носить все более технический характер. Выращивание талантов и распространение интеллектуальных учреждений станет основной заботой общества. Интеллектуальные и научные круги не только будут привлекать наиболее одаренных людей, но в конечном счете они же будут определять и престиж человека, и его положение в обществе. Интеллектуальная элита рассматривается как одна из правящих элит, хотя непосредственная власть «находится в руках правительственный элиты».

По прогнозам футурологов этого направления, будущее общество должно быть дифференцированным, стратифицированным: элите — противостоят непривилегированное большинство. В одном из прогнозов «Рэнд Корпорейшн» элита будущего (верхушка ученых, экспертов) должна держать в подчинении большинство, пользуясь методами психологического манипулирования. Слой интеллектуалов и специалистов также оказывается неоднородным. Белл различает три «класса»: «творческую элиту ученых и высшей профессиональной администрации», далее «средний класс» инженеров, научных сотрудников и «пролетариат умственного труда» — техников, ассистентов, младших сотрудников, лаборантов. В постиндустриальном обществе, пишет Белл, основным противоречием является не противоречие между рабочим классом и буржуазией, а между элитой специалистов и «простонародьем». Для последнего характерны стихийный протест, иррациональная реакция

на роль науки и научно-технической интеллигенции, все более упрочивающей свое доминирующее положение.

Итак, основное противоречие капиталистического общества — между пролетариатом и буржуазией — сменилось, по Беллу, противоречием между интеллектуальной элитой и массой, в том числе рабочим классом, который находится внизу его системы социальной стратификации. Он утверждает, что рабочий класс сокращается количественно (при этом он сужает понятие «рабочий класс», включая в него людей, занятых преимущественно неквалифицированным, тяжелым физическим трудом) и делает вывод о том, что «рабочий вопрос» перестал быть центральным, уступив место противоречию между квалифицированной элитой и неквалифицированной массой. «Решающее разделение в современном обществе пролегает не между теми, кто владеет средствами производства и недифференцированным пролетариатом, — пишет Белл. Оно пролегает по линии бюрократических и властных отношений: между теми, кто обладает властью принимать решения, и теми, кто не обладает ею»¹. Таким образом, перед нами вариант традиционной элитаристской дилеммы, хотя и с учетом социальных изменений современной эпохи. И субъектом социальных изменений оказываются не народные массы, а элита, выступающая носителем научно-технического прогресса.

Возьмем «новой элиты» многие американские социологи называют важнейшим элементом социальных изменений последних десятилетий. Эти положения стали настолько популярны, что перешли из узко-социологических трактатов на страницы широкой прессы. Так, журнал «Ю. С. ньюз энд уорлд рипорт» поместил за последние полтора десятилетия целый ряд статей, посвященных этой проблеме. Первая из них носит характерный заголовок: «Наша новая элита. Лучше или хуже?». «Э. Янг, бывший представитель США в ООН, карикатурист К. Трюдо, губернатор Дж. Браун, бывший государственный секретарь Г. Киссинджер... Что общего у этих людей?» — задает вопрос журнал и отвечает: все они принадлежат к растущему новому «классу профессионалов», «новой элите», власть которой исходит не от собственности на средства производства, а «от манипулирования словами, символами и идеями». Эти люди становятся все более могущественными «в лабиринтах коридоров правительственные учреждений», где эксперты трудятся над различными проблемами от экологии до юношеской преступности. «Бизнес и промышленность зависят от профессионалов». Журнал, впрочем, признает, что остаются дискуссионными фундаментальные вопросы: являются ли эти люди новым классом? Правят ли они уже нынешней Америкой или будут править ею в ближайшее время? И будет ли это благом для общества? Американский социолог М. Новак изображает появление новой элиты как прогресс, как выдвижение на позиции власти одаренных и

¹ Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society. A Venture in Social Forecasting*. N. Y., 1973. P. 14, 52, 119, 165—266, 339—368.

образованных людей; с их приходом в элиту социальная структура становится более справедливой и демократичной по сравнению с обществом, где господствовала «старая элита», включавшая в себя менее 1 % населения. Можно согласиться с тем, что социальные группы, объединяемые понятием «новая элита», относительно демократичнее, чем элита земельной аристократии или финансовой олигархии. Однако демократизм этих слоев не стоит переоценивать. Выше уже отмечалось, что большинство членов этих групп — выходцы из высших и «высших средних» классов.

Большинство социологов, соглашаясь с тем, что «новой элите» принадлежит все возрастающая роль в управлении социальной жизнью, оговаривается, что это относится к верхушке интеллектуалов и менеджеров — «элите профессионалов», а не ко всей интеллигенции, численность которой быстро возрастает. Они признают, что среди интеллигенции западных стран, претендующих на то, что они вошли в постиндустриальное общество, растет внутренняя дифференциация, что социальный статус и жизненный уровень широких кругов интеллигенции падает. Констатируя, что в США наблюдается «перепроизводство интеллектуалов», М. Новак отмечает: проникнуть в «новую элиту» удается лишь тем, кто обладает такими преимуществами (лучше, если всеми сразу): «качественное» (элитное) образование, высокий доход и статус¹.

Известный американский социолог Э. Гоффлер пишет, что социально-политическое развитие передовых в экономическом отношении стран в последние годы все больше заставляет многих западных политологов отказаться от лозунгов правления большинства, характерных для эпохи индустриализма (или «второй волны», по его собственной терминологии), и открыто признать, что эпоха «сверхиндустриализма» («третьей волны») — это правление квалифицированного меньшинства. Он пишет, что «третья волна» бросает вызов «привилегиям и прерогативам нынешних элит». Ход истории будет во многом зависеть от «гибкости и ума нынешних элит, субэлит и сверхэлит». Если эти группы окажутся близорукими и у них будет отсутствовать воображение, как у большинства правящих групп в прошлом, они будут сопротивляться третьей волне и... лишь увеличат риск своего собственного уничтожения².

Нетрудно видеть, что концепции «новой элиты» — это определенная модификация знакомых нам технократических теорий. Вряд ли можно всерьез принимать попытки представить «новую элиту» равно заботящейся о всех классах и слоях общества. Будучи привилегированной группой, она защищает свои специфические интересы и, вместе с тем, защищает социальную систему, которая и обеспечивает ее привилегированное положение. Ее «технократическое» сознание ориентировано на то, чтобы представить социально-политические проблемы как чисто технические,

¹ *US News and World Report. 1980. Febr. 25. P. 65, 69.*

² *The Third Wave. N. Y. 1981. P. 10, 419, 441*

решаемые средствами современной науки; она предпочитает уходить от вопросов о целях и ценностях жизни, перенося центр тяжести на поиски наиболее эффективных средств их достижения. Однако претензии «новой элиты» (точнее, ее идеологов) на политическую и идеологическую нейтральность и неангажированность вряд ли можно принять. Политические проблемы отнюдь не редуцируются до уровня технических, решаемых средствами науки; в этом случае они утратили бы характер проблем политических.

Не случайно, что в докладе Римскому клубу Дж. Боткина, М. Элмендиры, М. Малитца «Нет пределов обучаемости» осуждается взгляд на то, что массы инертны и не информированы и потому решение, социальных проблем лучше предоставить элите экспертов, и выражается сожаление по поводу того, что широкие научные круги стоят в этом вопросе на стороне элиты¹. Та же мысль содержится в докладе Римскому клубу М. Зибкера и И. Кайя «К глобальному видению мировых проблем»: «Будущее человечества является проблемой, которую нельзя предоставлять только узким кругам»².

Еще в одном докладе «Микроэлектроника: к лучшему или худшему?» говорится об опасности появления всемогущей технократической элиты, отмечается, что развитие новейшей технологии создает технические предпосылки бюрократизации политической власти. «Микроэлектроника делает возможными всевидящие мониторы для тайного надзора элиты, оторванной от народа и противостоящей ему, за образом бытия и мыслей людей, создает широчайшие возможности для манипулирования их сознанием»³.

«Симптоматично, что мы все чаще наблюдаем острую критику концепций «экспертократии», предлагаемой неотехнократами»⁴.

Итак, основываясь на методологических принципах и установках, мы выявили различия внутри единой элитистской парадигмы и вместе с тем основные черты этой парадигмы: признание необходимости и неизбежности элиты для любой социальной системы, институциональных привилегий этой социальной страты, дихотомии элита — масса как важнейшей характеристики политсистемы. Этой парадигме противостоит эгалитаристская парадигма, антиэлитизм. Однако и в истории политической мысли, и в настоящее время элитистская парадигма является превалирующей. Ряд исследователей считают, что в постсоветский период в российской политологии, как и в российском массовом сознании, элитистская па-

¹ Botkin J., Elmandjira M., Malitza M. *No Limits of Learning*, N. Y. 1979. P. 61, 112.

² Siebker, Kaya Y. *Toward a Global Vision of Human Problem. Technological Forecasting and Social Change*. 1974. P. 231—232.

³ Friedrichs G. And Schaff F. *Miroelectronics and Society: for Better or for Worse*. Oxford, 1982. P. 305.

⁴ Эти идеи развивает, в частности, японский социолог И. Масуда; См.: Masuda J. *The Information Society as Postindustrial Society*. Tokyo. 1980.

дигма вытеснила эгалитаристскую. Думается, однако, что дело обстоит сложнее: и в российском массовом сознании указанные парадигмы продолжают сосуществовать, и поиск оптимальной политической системы идет в условиях борьбы и взаимодействия, а отчасти и взаимопроникновения обеих парадигм. Так что положение о том, что элитистская парадигма вытеснила эгалитарную, представляется нам не вполне обоснованным. Об укоренности в российском менталитете эгалитаристской парадигмы свидетельствуют, в частности, результаты выборов последних лет: в Государственную Думу, президентских, многочисленных региональных и муниципальных. Важно при этом и то обстоятельство, что в полной мере проявили действие методологические принципы и установки как элитистской, так и эгалитаристской парадигмы.

ЛИТЕРАТУРА

- Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. М., 1992.
Бакунин М. Философия. Социология. Политика. М., 1989.
Вебер М. Избр. произв. М., 1990.
Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.
Мануэл Э. Власть и деньги. Общая теория бюрократии. М., 1992.
Санистебан Л. Основы политической науки. М., 1992.
Гумилев Л. Н. Ритмы Евразии. Эпохи и цивилизации. М., 1993.
Тойнби А. Постижение истории. Сборник. М., 1991.
Малькова Е. П., Фролова М. А. Массы. Элита. Лидер. М., 1992.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПРОВЕРКИ

1. Каковы основные методологические принципы элитологии и их содержание?
2. В чем сущность психологического подхода к обоснованию теории элит?
3. Попробуйте сформулировать основные установки эгалитаризма по аналогии с принципами и установками элитизма.
4. Сформулируйте кратко существо бихевиористской и психоаналитической установок в элитологии.
5. Как трансформируются принципы и установки элитологии применительно к условиям постиндустриального общества?
6. Как соотносится концепция бюрократии с теорией элит?

Глава 5. СПОР О ТЕРМИНЕ. ЭЛИТА И ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС

Понятие элиты. Рассмотрев генезис элитарных концепций и попытавшись их типологизировать, мы может перейти к основному — их содержательному анализу и выделению общезначимых для ряда направлений элитизма положений. И начать анализ концепций лучше всего с выявления содержания термина, являющегося для нее центральным — термина «элиты» (хотя мы и не склонны преувеличивать значения дефиниций, понимая, что они — только моменты, узлы теории). И тут мы сразу же столкнемся с острыми дискуссиями, которые вращаются вокруг двух главных проблем: во-первых, с пониманием этого термина, с дефиницией, с законностью его употребления и, во-вторых, с вопросом о соотношении элиты с другими категориями, раскрывающими социальную структуру и динамику общества — понятиями массы, класса, страты, лидерства и, прежде всего, с соотношением элиты и господствующего класса. Причем мы обнаружим целый калейдоскоп самых различных толкований этого термина.

На XIX Всемирном философском конгрессе в секции политической и социальной философии, где в числе других вопросов обсуждалась и проблема политической элиты, справедливо отмечалось, что все говорящие и пишущие об элите интуитивно понимают, о чем идет речь, но как только пытаются эксплицировать это понимание, так неминуемо возникают разногласия, обнаруживается огромный разброс мнений и точек зрения, порой диаметрально противоположных.

В XX веке понятие элиты прочно вошло в социологические и политологические словари. Вошло, несмотря на многочисленные возражения со стороны некоторых социологов, целого ряда направлений социально-политической и социологической мысли. Прежде всего, это возражения со стороны марксистов, многие из которых избегают употреблять этот термин, считая, что он не «стыкуется» с марксовой теорией классов и классовой борьбы (кстати, эта точка зрения, на наш взгляд, ошибочна), не говоря уже о том, убеждении, что, если какая-то теория не совпадает с теорией марксизма, она не верна, явно догматична. Однако другие возражения марксистских социологов против употребления этого термина более весомы: если он обозначает господствующий эксплуататорский класс, то не несет никакого нового содержания, значит, и не нужен (в полном соответствии с учением У. Оккама о том, что не следует умножать сущности); если же с его помощью классовая дифференциация общества подменяется дихотомическим

делением элита — масса, то он ненаучен¹. Однако подобная постановка вопроса, ведущая к элиминированию элитологической проблематики, неминуемо ведет к обеднению анализа политических систем.

Но возражения против правомерности этого термина раздаются не только со стороны марксистов, но и среди части сторонников теории политического плюрализма, полагающих, что термин «элита», годный для характеристики примитивных политических систем, неприменим при анализе современных демократических структур. Правда, и они при анализе современных политсистем считают возможным использование этого термина при анализе тоталитаризма, когда дилемма элита — массы может оказаться эвристической, как, в частности, полагают английские политологи С. Мор и Б. Хендри, не без основания утверждающие, что теории элиты приложимы к коммунистическим политсистемам, где власть сосредоточена в руках руководства компартий, образующих авторитарную элиту, контролирующую все стороны социальной жизни².

Наконец, против этого термина высказываются радикальные демократы, считающие, что наличие в обществе элиты означает узурпацию ею власти у народа (или хотя бы части этой власти): они полагают, что уже само делегирование народом власти лишает его части суверенитета (с собственно, эту мысль высказывал еще Руссо, считавший, что, делегируя суверенитет, народ лишается его). Однако неминуемо возникает вопрос о технической возможности управлять обществом без элиты (выше мы видели, какой ответ давал на него Р. Михельс).

Есть и чисто терминологические возражения, касающиеся того, что неправильно и даже аморально применять термин «элита», этимология которого не допускает сомнений в том, что имеются в виду лучшие, наиболее достойные люди по отношению к власти имущим, среди которых мы чаще видим людей циничных, неразборчивых в средствах, жестоких; недаром Ф. Хайек писал в «Дороге к рабству», что «у власти оказываются худшие»³.

Но хотя все эти возражения имеют определенные основания, отказ от термина, который отражает определенную социально-политическую реальность, определенное социальное отношение, сам по себе неконструктивен. Раз существует конкретное явление — особая роль правящего меньшинства в социально-политическом процессе, значит, нужен и

¹ Так, в частности, ставил вопрос автор настоящего труда в своих работах конца 50-х — 60-х годов (см.: Г. Ашин. Социология человеконенавистничества. М., 1957; его же: Миф об элите и массовом обществе. М., 1966). В работах 70-х — 80-х годов позиция автора меняется, происходит переход к признанию правомерности и необходимости термина при анализе политических систем и решается вопрос о совместимости его с классовым анализом общества (см.: Элита и господствующий класс. Вопросы философии. М., 1982, № 2; Современные теории элиты. М., 1985).

² Moore S. And Hendry B/ Sociology/ Suffolk, 1982. P. 146.

³ Хайек Ф. Дорога к рабству. Новый мир. 1991, №. 8. С. 187.

соответствующий термин, фиксирующий его. Иное дело, что Парето ввел не самый удачный термин, но поиск ему замены на другой — «правящая верхушка», «господствующий класс», «правящее меньшинство», «господствующие слои», «контролирующее меньшинство» и т. д. мало что дает — ведь это будет спором о словах. В этой связи вспоминаются слова Б. Рассела, который, ссылаясь на Ф. Бэкона, говорил о том, что достаточно уточнить термины, чтобы элиминировать большинство споров, которые и ведутся из-за разного понимания слов. Итак, бессмысленно вести спор о словах, гораздо плодотворнее дискуссии не терминологические, а содержательные, прежде всего, о месте и роли элиты в социальной структуре общества, о том, определяет ли она социальный процесс, является ли внеклассовой социальной группой, выражающей интересы общества в целом, как настаивает ряд авторов, или же это верхушка господствующего эксплуататорского класса, осуществляющая государственное руководство во имя поддержания социальной системы, которая ставит этот класс в привилегированное положение, позволяя эксплуатировать народные массы.

Термин «элита» ведет свое происхождение от латинского *elegere* — выбирать; непосредственно получил широкое хождение, будучи взятым из французского *elite* — лучший, отборный, избранный. Начиная с XVII века, он употреблялся (купцами, в частности) для обозначения товаров наивысшего качества¹. В XVIII веке его употребление расширилось², он начинает употребляться для именования «избранных людей, прежде всего, высшей знати, а также отборных («элитных») воинских частей³.

Понятие это стали использовать также в генетике, селекции, семеноводстве для обозначения лучших семян, растений, животных — с целью их дальнейшего разведения. В Англии, как свидетельствует Оксфордский словарь 1823 года, этот термин стал применяться к высшим социальным группам в системе социальной иерархии. Тем не менее отметим, что понятие элиты не применялось широко в общественных науках вплоть до конца XIX — начала XX века (т. е. до появления работ В. Парето), а в США — даже до 30-х годов нашего столетия. Однако вряд ли можно сомневаться в том, что этимология может иметь сугубо вспомогательное значение при определении содержания понятия, которое выступает как момент, узловой пункт, а отчасти и результат определенной социальной концепции. Что же такое «элита»? Выше уже отмечалось, что при ответе на этот вопрос в построениях элитаристов мы не только не обнаружим единодушия, но, напротив, натолкнемся на целый ряд суждений, порой опровергающих одно другое. Похоже на то, что элитаристы сходятся только в одном — в постулировании необходимости элиты для общества. Во всех других аспектах между ними больше разногласий, чем согласия.

¹ *Elites in Latin America. Ed. By S. Lipset and A. Salary. Oxford Univ. Press. 1967. P. VII.*

² *Keller S. Beyond the Ruling Class, N. Y., 1963. P. 25.*

³ См.: Bottomore T., *op. Cit.*; Ippolito D., Walker T., Kolson K. *Public Opinion and Responsible Democracy. New Jersey, 1976. P. 122.*

Если суммировать основные значения, в которых этот термин употребляется социологами и политологами, то получится весьма пестрая картина. Начнем с определения Парето, который, собственно, и ввел это понятие: это лица, получившие наивысший индекс в своей области деятельности, достигшие высшего уровня компетентности («Трактат всеобщей социологии»). В другой своей работе Парето пишет, что эти «люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния и политического и социального могущества»... «так называемые высшие классы» и составляют элиту, «аристократию» (в этимологическом значении слова: *aristos* — лучший)... большинство тех, кто в нее входит, как представляется, в незаурядной степени обладают определенными качествами — неважно, хорошими или дурными, — которые обеспечивают власть¹.

Среди других определений отметим следующие: наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на власть, организованное меньшинство, осуществляющее управление неорганизованным большинством (Моска); люди, обладающие высоким положением в обществе и благодаря этому влияющие на социальный процесс (Дюпре): «высший господствующий класс»; лица, пользующиеся в обществе наибольшим престижем, статусом, богатством; лица, обладающие наибольшей властью (Г. Лассуэлл); люди, обладающие интеллектуальным или моральным превосходством над массой безотносительно к своему статусу (Л. Бодэн), наивысшим чувством ответственности (Орtega-и-Гассет); лица, обладающие позициями власти (А. Этциони), формальной властью в организациях и институтах, определяющих социальную жизнь (Т. Дай); меньшинство, осуществляющее наиболее важные функции в обществе, имеющее наибольший вес и влияние (С. Келлер); «боговодохновленные» личности, которые откликнулись на «высший призыв», услышали «зов» и почувствовали себя способными к лидерству (Л. Фройнд), харизматические личности (Вебер), творческое меньшинство общества, противостоящее нетворческому большинству (А. Тойнби); сравнительно небольшие группы, которые состоят из лиц, занимающих ведущее положение в политической, экономической, культурной жизни общества (соответственно политическая, экономическая, культурная элиты) — В. Гэттсмен и другие теоретики элитного плюрализма; наиболее квалифицированные специалисты, прежде всего из научной и технической интелигенции, менеджеров и высших служащих в системе бюрократического управления (представители технологического детерминизма), люди, обладающие качествами, которые воспринимаются в данном обществе как наивысшие ценности (сторонники ценностной интерпретации элиты); лица, осуществляющие в государстве власть, принимающие важнейшие решения и контролирующие их выполнение посредством бюрократического аппарата (Л. Санистебан)², руководящий слой в любых социальных группах —

¹ См.: Полис. 1993, № 2. С. 82 — 83.

² Л. Санистебан. Основы политической науки. М., 1992. С. 36.

профессиональных, этнических, локальных (например, элита провинциального города); лучшие, наиболее квалифицированные представители определенной социальной группы (элита летчиков, шахматистов или даже воров и проституток — Л. Боден)¹. В любом случае дихотомия элита — масса является ведущим методологическим принципом анализа социальной структуры.

Сравним эти определения. Сразу же бросается в глаза смешение терминов: некоторые под элитой имеют в виду только политическую элиту, у других трактовка элиты более всеобъемлющая. Дж. Сартори справедливо пишет не только о множестве смыслов термина, но и о переизбыточности терминов: политический класс, правящий (господствующий) класс, элита (элиты), властвующая элита, правящая элита, руководящее меньшинство и т. п.² А подобная переизбыточность ведет только к путанице. Прав А. Цукерман, отмечающий в этой связи: «Различными названиями пользуются для обозначения одного и того же концепта, и различные концепты обозначаются одним и тем же названием»³. Поэтому задача видится не в том, чтобы ввести еще один термин, а чтобы четко определить понятие, ставшее наиболее распространенным, понятие элиты, ввести его со строгим, однозначным содержанием.

Существующие в политологии дефиниции различаются между собой и с точки зрения широты понятия элиты. Сторонники более узкого определения относят к элите только высший эшелон государственной власти, сторонники более широкого — всю иерархию управленцев, выделяя высшее звено власти, принимающее решения, жизненно важные для всей страны, среднее звено, принимающее решения, значимые для отдельных регионов, отдельных сфер социальной деятельности, наконец, разветвленный бюрократический аппарат. Чтобы иерархизировать структурные элементы элиты, С. Келлер вводит понятие «стратегических элит»⁴. Появился и термин «суперэлита» или элита в системе элит⁵. По отношению к низшим структурным уровням элиты предлагается термин «субэлиты», региональные элиты и т. д. Наконец, в самой политической элите следует различать правящую элиту и оппозиционную (если это — «системная» оппозиция, борющаяся за власть в рамках данной политической системы) и контр-элиту, имеющей целью изменение всей политической системы.

Попутно сделаем еще некоторые уточнения. Отмечая наличие разных точек зрения на содержание термина «элита», нельзя пройти мимо своеобразной позиции американского социолога Р. Миллса, бывшего одним

¹ См.: *Reading H&A Dictionary of the Social Sciences*, L. P. 74; *Safire W. Political Dictionary*. N. Y., 1978. P. 200.

² Сартори Дж. Вертикальная демократия. Полис. 1993, № 2. С. 80.

³ Там же.

⁴ *International Encyclopedia of the Social Sciences*, V., The Macmillan Co and the Free Press. P. 26.

⁵ См.: *Benoist F. De Les idées*. P. 1979.

из лидеров «новых левых». Большинство западных политологов считают его элитаристом и сторонником институционального подхода к эlite (определенные основания для последнего утверждения у них имеются). Однако они склонны игнорировать специфику позиции Миллса. Он признавал деление современного американского общества на элиту и массу, но это признание оборачивалось у него страстным обличием элитарности политической системы. И когда американские политологи, в частности, Д. Гилберт и И. Кал называют Р. Миллса и Ф. Хантера теоретиками элиты, в противоположность теоретикам плюрализма¹, тут нельзя не возразить. В связи с этим возникает закономерный вопрос: насколько правомерно употребление американскими и западноевропейскими политологами термина «элитарист» в отношении всех исследователей, принимающих схему элита — масса. Следует различать аналитический и нормативный подходы к делению общества на элиту и массу и применять термин «элитарист» лишь к тем, кто (подобно Ортеге-и-Гассету) видит свой идеал в элитарной общественной структуре. Миллс же, признавая элитарность американской социально-политической системы, критикует ее как недемократическую (или, скажем мягче, недостаточно демократическую). Нетрудно видеть, что его идеал далек от элитаризма. Здесь мы еще раз видим преимущества более нейтрального термина «элитолог» — им Миллс безусловно являлся.

Как мы убедились, подходы социологов и политологов различных направлений и ориентаций отличаются большой пестротой. Но если все же попытаться сгруппировать все эти различные определения, то выявятся два главных подхода к данной проблеме: ценностный и структурно-функциональный. Сторонники первого подхода объясняют существование элиты «превосходством» (прежде всего интеллектуальным, моральным и т. д.) одних людей над другими; второго подхода — исключительной важности функций управления для общества, которые детерминируют исключительность роли людей, выполняющих эти функции (причем выполнение данных функций с необходимостью осуществляется меньшинством). Однако обе эти главные интерпретации элитизма страдают существенными пороками. Один — ценностный — может легко вылиться в мистицизм и примитивную апологию власти имущих, другой — функциональный — в тавтологию и опять-таки апологетику. Этого не могли не заметить многие исследователи политических элит, такие, например, как Т. Боттомор, С. Келлер, У. Рансимен. Последний довольно уместно пишет по поводу подобных дефиниций: «Если правящая элита определяется как совокупность лучших правителей, подобно тому, как элита шахматистов — это лучшие игроки, то сказать, что элита должна состоять из лучших правителей — не более, чем тавтология. Если, с другой стороны, элита включает тех, кому удалось занять правящие позиции, то тогда говорить, что они управляют потому, что обладают соответствующими качествами, — почти полностью неправда»².

¹ Gilbert D. And Kahl J. *The American Class Structure*. Belmont, 1992. P. 191.

² Punciman W/ *Social Science and Political Theory*. Cambridge, 1969. P. 69.

В самом деле, на вопрос, кто обладает властью в том или ином обществе, элитарист функциональной ориентации обычно отвечает: тот, кто имеет власть, главным образом потому, что возглавляет определенные институты власти. А ведь подлинная проблема в том, чтобы объяснить, почему определенная элитная группа овладела властными позициями. Можно по-разному относиться к марксизму, но как раз в этом отношении он четко сформулировал проблему, попытавшись выявить, как экономически господствующий класс, владеющий средствами производства, оказывается и политически господствующим классом, т. е. классом, осуществляющим политическую власть. Что же касается тесно связанного с функционализмом институционального подхода, широко распространенного в политологии и социологии, трактующего элиту как группу лиц, которые занимают руководящие позиции в важнейших социальных и политических институтах — правительственные, экономических, военных, культурных¹, то он грешит абсолютизацией формального механизма власти, непониманием его социально-классовой природы.

Из многочисленных критериев для выделения элиты функционалисты подчеркивают один, причем действительно важнейший. Дж. Сартори называет его альтиметрическим; элитная группа является таковой потому, что располагается — по вертикальному разрезу строения общества «наверху». Итак, согласно альтиметрическому критерию, саркастически замечает Сартори, предполагается, что кто наверху, тот и властвует, — предположение, основывающееся на том мудром доводе, что власть возносит наверх, а обладающий властью потому и обладает ею, что находится наверху. Альтиметрический критерий сводит дело к оправданию фактического положения вещей². В связи с этим функциональный подход оказывается весьма уязвимым для критики с позиций тех социологов, которые отдают примат другому критерию выделения элиты — критерию достоинств, заслуг, согласно которому властвующая элита должна состоять из достойнейших, выдающихся, высокоморальных людей.

Однако ценностная интерпретация элиты страдает, на наш взгляд, еще большими недостатками, чем структурно-функциональная. На вопрос, кто правит обществом, элитарист ценностной ориентации может дать ответ: мудрые, дальновидные, достойнейшие. Однако любое эмпирическое исследование правящих групп в любых существующих ныне (и существовавших ранее) политических системах с легкостью опровергнет такое утверждение, ибо покажет, что слишком часто это — жестокие, циничные, коррумпированные, корыстолюбивые, властолюбивые, не брезгующие для достижения своей цели никакими средствами лица. Но если требования мудрости, добродетельности для элиты — норматив, который начисто опровергается действительностью, тогда пусть нас простят за каламбур — какова ценность ценностного подхода? Обычно элитарист

¹ Dye T. Op. Cit. P. 3.

² Сартори Дж. Цит. соч. С. 81.

консервативной ориентации прокламирует в качестве своего идеала совмещения этого норматива с действительностью (таков был и идеал Платона), и, как следствие этого, совмещения формального и неформального авторитетов. Однако идеал этот с самого начала отягощен рядом предрассудков и стереотипных установок, ибо добродетельных, мудрых он почти всегда ищет в представителях господствующих классов (как это, собственно, и делал Платон). К тому же стабильность социальной системы — действительный идеал консерваторов — требует преемственности элиты, а для наиболее откровенных реакционеров это — переход элитных позиций от отцов к детям с минимальными возможностями доступа к ним «аутсайдеров».

Стремление элитаристов представить элиту в социально-психологическом плане как людей, превосходящих других по уму, наделенных определенными способностями или моральными качествами, легко обрачивается открытой апологетикой элиты. Если подобные суждения можно простить мыслителям древности, то со временем Макиавелли они не могут не звучать наивно. Это особенно относится к современным исследователям элит, которые могут достаточно ясно видеть, сколь высок среди представителей элиты процент людей лживых, лицемерных, аморальных, ловких, изворотливых, беспринципных искателей власти. Можно задать сторонникам ценностного подхода к элите вопрос: почему среди правящей верхушки капиталистических стран процент выходцев из имущих классов во много раз превосходит процент выходцев из неимущих? Неужели среди меньшинства населения — богатейших людей, владельцев основных средств производства — и следует искать самых достойных, мудрых, способных? Права С. Келлер, которая пишет, что подобные взгляды «близки к мистицизму». Для того, чтобы считать, что именно представители эксплуататорского меньшинства являются наиболее достойными, высоко-моральными членами общества, нужно либо впасть в мистицизм, либо допустить, что классовая ограниченность порой перерастает в полное классовое ослепление.

Сторонники «морализаторского» подхода к определению элиты — Билен-Миллерон и другие — вынуждены различать «хорошую» и плохую» элиты. Естественно, «морализаторы» испытывают определенные неудобства от того, что правящая верхушка даже передовых демократических стран разительно отличается от рисуемого ими идеализированного портрета «благородной элиты». Недаром в свое время П. Сорокин и У. Ланден, сами не вполне свободные от подобного «морализаторского» подхода, исследуя элиты индустриального общества, сделали однозначный вывод об «аморальности верхов»¹.

Похоже на то, что ценностный, или меритократический, критерий выделения элиты оказывается чисто нормативным, не коррелирующимся с социологическими данными (таким образом, он оказывается в поле политической философии, а не политической социологии). И не случайно,

¹ Cf.: Sorokin P., Landon W. *Power and Morality*. Boston, 1959.

что Г. Лассуэллу, взявшему у Парето термин «элита», пришлось менять акценты. Если у Парето термин носил альтиметрический характер (элита — «высшие классы», «люди, занимающие высокое положение соответственно степени своего влияния, политического и социального могущества») и вместе с тем ценностный характер (элита — «наиболее квалифицированные» люди, «обладающие качествами, которые обеспечивают им власть»), то Лассуэлл очищает термин от ценностных критерииев, определяя элиту как людей, обладающих наибольшей властью. Но, избавившись, казалось бы, от одной трудности, Лассуэлл не только не избавился, а, напротив, усугубил другую трудность. Если мы ограничиваемся чисто альтиметрическим подходом, отвлекаясь от качеств правящих групп, то какое право мы имеем называть их элитой, т. е. лучшими, избранными? Как пишет Сартори, «почему надо говорить «элита», совершенно не имея в виду того, что этот термин значит, т. е. выражает в силу своей семантической значимости? Далее, если «элита» уже не указывает на качественные черты (способность, компетентность, талант), то какой же термин мы употребим, когда эти характеристики будут иметься в виду? Таким образом, семантическое искажение, описав круг, возвращается, чтобы породить, в свою очередь, искажение концептуальное. Если мы хотим дальнейшего усовершенствования концепции Парето с помощью Лассуэлла и, наоборот, если мы хотим подправить Лассуэлла с помощью Парето, тогда следует проводить различие как терминологически, так и концептуально, междуластной структурой и элитной структурой. Не все контролирующие группы являются по определению... «элитными меньшинствами»; они могут представлять собой просто «властные меньшинства»! Сам Сартори, обнаруживая недостатки и функционального, и ценностного подходов к элите и обсуждая проблему их синтеза, склоняется в целом ко второму.

Отметим при этом, что ценностный подход может вылиться не в апологетику, а, напротив, в критику элиты, в выявление несоответствия ее с нормативом и, таким образом, в программу повышения качества элиты. Поэтому многие политологи считают, что в этом — путь развития и даже путь спасения демократии. Как отмечает американский политолог В. Ки, решающим элементом, от которого зависит благополучие демократии, является компетентность политической элиты. «Если демократия проявляет неуверенность, клонится к упадку или катастрофе, то это именно идет отсюда»². Близкую мысль высказал Д. Белл: «Оценка способности общества со своими проблемами зависит от качества его руководства и характера народа»³.

Если принять ценностные критерии, мы будем вынуждены различать и даже противопоставлять друг другу «элиту де-факто» и «элиту в себе», и

¹ Сартори Дж. Цит. соч. С. 82.

² Цит по: Сартори Дж. Полис. 1993, № 2. С. 83.

³ Bell D. The Cultural /contradictions of Capitalism N. Y., 1976. P. 204.

тогда задача создания оптимальной политической системы превращается в задачу сделать «элиту в себе» «элитой де-факто». Как мы убедились, аксиологический подход к проблеме (элита — совокупность индивидов, обладающих преимуществами по определенной ценностной шкале) оказывается уязвимым: сами элитисты этого направления вынуждены признать, что часто это ценности с отрицательным знаком. Поэтому ныне большая часть элитологов склонна рассматривать элиту как группу лиц, стоящих у власти, безотносительно к моральным и иным качествам самих этих лиц. Таков, в частности, подход «макиавеллиевской» школы элитаристов, отождествляющих вслед за Москвой элиту с правящим классом. Но, вместо того, чтобы объяснить, как и почему экономически господствующий класс становится политически господствующим, они рассматривают политические отношения в качестве первичных, определяющих все другие общественные отношения. В результате причина и следствие у них меняются местами. Отметим также, что ряд элитаристов (Ф. Ницше, Орtega-и-Гассет, Н. А. Бердяев, Т. Адорно) в противоположность трактовке элиты как группы, находящейся у власти (это в их представлении обычно псевдоэлита или вульгарная элита — несамостоятельная, нуждающаяся в массе и потому подверженная массовым влияниям, развращенная массой), считают элиту ценностью в себе безотносительно к ее позициям власти. Более того, по их мнению, духовная, подлинная элита стремится отгородиться от масс, обособиться и тем сохранить свою независимость, уйти в своего рода «башню из слоновой кости», чтобы сохранить свои ценности от омассовления. Иллюстрацией подобных взглядов может служить известный роман Г. Гессе «Игра в бисер». Не менее интересна позиция Ч. Миллса, который, различая властвующую и интеллектуальную элиту, искал пути к достижению подотчетности первой по отношению ко второй¹.

Небезынтересно продолжить рассмотрение длящихся не одно десятилетие споров элитологов относительно содержания понятия элиты. Полемика по этому вопросу велась на ряде международных социологических и философских конгрессов, конгрессов политических наук, где отмечалась произвольность иррационалистической трактовки элиты (в том числе харизматической), попыток трактовать элиту как группу индивидуумов, обладающих определенными (превосходящими) психологическими характеристиками, «комплексом превосходств по уму, характеру, способностям» (Ля Валет). На IV Всемирном социологическом конгрессе отмечалось, что дихотомическое деление элита — масса слишком поверхностно отражает структуру социально-политических систем. В докладе Ж. Ляво на этом Конгрессе содержалось весьма примечательное признание: «Приходится удивляться тому, что социологическое исследование отталкивается от такого неточного, малообъективного и двусмысленного понятия, каким является понятие элиты. Добавление прилагательного «политическая»

¹ Mills Ch. W. *The Causes of the World War Tgree.* N. Y., 1976. P. 204.

не облегчает задачу. Вызывая в представлении гипотетическую общность людей, отличных от масс, термин «элита» имплицитно отсылает нас к многочисленным социальным философиям, стремящимся оправдать и распространить весьма неточную и «морализирующую» концепцию социальных различий». Тем не менее (и это характерно) — после столь уничтожающей критики докладчик призвал не отказываться все же от понятия «правящая элита», полезного, как он отметил, в качестве исследовательской гипотезы.

«Какова ценность этого мнимонаучного понятия? — задал вопрос другой докладчик, Дж. Мейсел. — Следует ли отнести теории элиты к области донаучных? Или же их следует рассматривать исключительно в духе сорелевского мифа?» Признавая консервативную ориентацию большинства элитистов, он заметил, что «понятие элиты поистине ниспослано самим господом Богом» всем тем, кто жаждет вступить в бой против гипердемократии и социализма, «этих утопий-близнецов». Дж. Кетлин в своем выступлении заметил, что «термин носит оценочный, а не научный характер». Собственно, подавляющее большинство участников дискуссии указывало на неопределенность термина «элита», но опять-таки не для того, чтобы от него отказаться, а чтобы внести необходимые уточнения. Дж. Сартори сделал это уточнение следующим образом: «В широком смысле элита — высшее руководство, т. е. все занимающие высокое положение и призванные к лидерству. Элита — синоним политической элиты. Ни одно понятие лучше, чем это, не подходит для определения правящего класса» (ниже мы постараемся доказать, что отождествление элиты и правящего класса неправомерно. — Авторы). Ю. Пеннати выразил согласие сразу с двумя дефинициями: Монзела (элита — «малая группа, которая в большой социальной группе считается способной к управлению и лидерству, которая обладает внешними атрибутами власти и утверждается в результате определенного выбора или общественной оценки») и Стеммера (элита — «квалифицированное меньшинство, правящий класс в иерархически организованном обществе»). Упоминавшийся выше Ж. Ляво заключил: «Строго говоря, слово «элита» может пониматься не абсолютно, а лишь относительно; это понятие означает совокупность избранных или выдающихся индивидуумов определенной социальной группы (например, элита дворянства). Хотя критерии этого отбора продолжают оставаться неопределенными, по-видимому, это высокие качества человека»¹.

Как видим, критика термина «элита» выливается всего-навсего в его уточнение, которое делается опять-таки либо в ценностном, либо в функциональном плане. Большинство элитологов решительно отстаивают правомерность употребления понятия элиты. Так, французский социолог Л. Боден считает, что «слово элита сохранило весь свой престиж... Элита представляет собой группу, совершенно отличную от других. Ее даже едва ли можно назвать классом. Элита — это качество, воля, мораль.

¹ *Transactions of the Fourth World Congress of Sociology, vol. 1, 2. L. 1959.*

Она выдвигает проблему, которая должна решаться в условиях любых социально-экономических режимов, и будущее человечества зависит от этого решения».

Из нашего краткого обзора споров о понятии элиты можно сделать вывод о том, что как ценностная, так и функциональная интерпретации этого понятия не свободны от серьезных недостатков. Признавая это, С. Келлер видит выход в том, чтобы примирить обе эти концепции, делая в высшей степени спорное допущение, что соединение двух неистинных концепций может дать одну истинную, во всяком случае, находящуюся ближе к истине, более полную. Келлер предлагает «анализировать властные функции элиты независимо от того, успешно или безуспешно выполняются эти функции¹», отвлекаясь от качеств их носителей, т. е. по существу воспроизводит в несколько модернизированном виде функциональную трактовку элиты. Напротив, Сартори, выявляя возможности синтезировать эти подходы, склоняется к ценностной, меритократической интерпретации. Он считает, что альтиметрическая (структурно-функциональная) характеристика элиты страдает недостатком «семантического свойства, искажая самый смысл первоначального понятия элиты, и если не провести разграничения терминов «властное меньшинство» и «элитное меньшинство» (первое — альтиметрическое, второе — меритократическое), то неизбежно окажутся перепутаны и оба явления².

Кто же прав? Ясно, что эклектическое соединение двух концепций оказывается нежизнеспособным паллиативом. И уж если бы пришлось выбирать одну из двух приведенных выше концепций, политолог, на наш взгляд, должен был бы предпочесть альтиметрическую модель. Попытаемся это обосновать. Будем иметь в виду, прежде всего, многозначность термина «элита», и, во-вторых, что существуют разные типы элит; причем критерии выделения этих элит могут быть различными. При выделении, например, культурной элиты «работает» ценностный критерий. Иное дело, когда мы вычленяем политическую элиту. Тут мы вынуждены обращаться к альтиметрическому критерию, ибо если будем руководствоваться критерием ценностным, элитология может... лишиться своего предмета! Ибо, что греха таить, реальные власти имущие — это далеко не образцы морали, далеко не всегда «лучшие». Так что если в соответствии с этимологией термина элитой считать лучших, избранных, высокоморальных, то в их состав вряд ли вообще попадут политические деятели, во всяком случае, подавляющее большинство их. Попадут, например А. Эйнштейн, А. Д. Сахаров, и не попадут реальные политические лидеры. Тогда в каком же смысле можно употреблять термин в политологии?

Наконец, мы говорили о том, что нужно различать в структуре политологии политическую философию и политическую социологию (наряду с другими политологическими дисциплинами, например, политической

¹ Keller S. Op. Cit. P. 5.

² Сартори Дж. Цит. соч. С. 82.

психологией, политической историей и т. д.). В рамках политической философии, поскольку она носит нормативный характер, следовало бы предпочесть ценностный, меритократический критерий, а в рамках политической социологии мы вынуждены, увы, ориентироваться главным образом на альтиметрический критерий.

Подход политического социолога отличается от культурологического. Культурологи обычно применяют термин «элита» к выдающимся деятелям культуры, иногда он выступает как синоним «аристократии духа». Для социолога политики элита — та часть общества (меньшинство его), которая имеет доступ к инструментам власти. Поэтому суждения о том, что мы в России семь с лишним десятилетий жили без элиты, ибо лучшие люди были уничтожены или томились в концлагерях, находились в эмиграции или «внутренней эмиграции», — суждения, которые можно часто встретить в литературе последних лет, — это суждения нравственные, аксиологические, но не политологические. Раз имел место властный процесс, он осуществлялся определенными институтами, определенными людьми; именно в этом — функциональном смысле (а не в морализаторском) — политолог употребляет этот термин (безотносительно к моральным, интеллектуальным и иным качествам элиты).

Закончить тему, связанную с понятием элиты, нам не удастся, если мы не спустимся с высот политологической теории к эмпириическим политологическим исследованиям элит. Иначе говоря, нам необходим переход с концептуального на операциональный уровень. А тут нас ждут возможные новые трудности, неувязки, противоречия. Тот же Сартори, ссылаясь на английского политолога А. Гидценса, пишет, что неумение усмотреть и четко различать концептуальный и эмпирический запросы, как и неумение заняться ими в должном порядке: прежде концептуальным, затем эмпирическим, — породило «невообразимую путаницу» в литературе об элитах¹.

Большинство политологов, ведущих эмпирические исследования элит, обращаются к альтиметрическому критерию. Профессор Мичиганского университета С. Элдерсфельд, стремясь приложить понятие элиты к эмпирическим исследованиям, пишет, что тут требуется понятие элиты в широком смысле, включающем не только лидеров, принадлежащих к высшему эшелону власти, но и тех политиков, которые пользуются влиянием в пределах города, округа, штата, а также активистов партий, деятелей местного масштаба. Собственно, против этого трудно возразить. Но, во-первых, этот подход мало приближает нас к эмпирическим исследованиям элит, во-вторых, он известен уже много десятилетий, по крайней мере со времени известных работ Ф. Хантера и Р. Даля (кстати, остро polemизировавших друг с другом), в третьих, если политолог исследует только высший эшелон власти, включающий общенациональных политических лидеров и администраторов, он использует более узкое понимание термина.

¹ Сартори Дж. Цит. соч. С. 81.

Да и сам Элдерсфельд проводит сравнительное исследование элит США, Англии, Швеции, Нидерландов, ФРГ, Италии, Франции, беря 1500 высших служащих государственного аппарата и парламентариев этих стран¹ (т. е. четко выраженный альтиметрический подход).

Видный американский политолог Т. Дай в книге «Кто управляет Америкой?», ставя перед собой задачу выработать операциональное определение элиты, считает, что в нее входят «индивидуы, занимающие высшие позиции в институциональной структуре США»². В другой книге, написанной им совместно с Х. Зиглером, говорится: «Власть в Америке организационно сосредоточена в основных социальных институтах — в корпорациях и правительственные учреждениях, в системе образования и военных кругах, в религиозных и профсоюзных сферах. Высокие посты в основных институтах американского общества являются источником власти. Хотя не вся власть держится на данных институтах и осуществляется через них и само руководство также не всегда использует их потенциальную власть, тем не менее должности в этих институтах являются важной базой власти»³.

В элиту США включаются высшие политические руководители, руководители промышленности, финансовых, владельцы средств массовых коммуникаций, в общем, «те, кто распределяет ценности внутри нашего общества и они же влияют на жизнь всех американцев»⁴. Ее численность — более трех тысяч человек. Критерий отнесения к эlite, как видим, также альтиметрический. Альтиметрический критерий использует и исследователь российских элит, накопившая большой эмпирический материал, О. Крыштановская. Политическая элита определяется ею «на основе позиционного подхода, т. е. в нее включаются те лица, которые занимают посты, предусматривающие принятие решений общегосударственного значения: депутаты Федерального Собрания РФ, правительство РФ, Президент РФ и его ближайшее окружение и др. Мы не называем здесь лидеров крупнейших политических партий страны и глав региональных администраций, так как эти две категории составляют большинство Российского парламента... Обозначим следующие «сквозные», функциональные группы элиты: правительство, парламент, партийная элита, высшее руководство, региональная элита, бизнес-элита»⁵.

¹ Элдерсфельд С. Политические элиты в современных обществах. Эмпирические исследования и демократия. М., ИИНОН, 1992. С. 3.

² Dye T. Who's Running America. 1976. P. 11, 12.

³ Dye T. And Zeigler H. The Irony of Democracy. Belmont, 1990. P. 91. В американскую элиту авторы включают высших политических лидеров, руководителей промышленности, финансовых, владельцев ведущих средств массовых коммуникаций, в общем, тех, кто «распределяет ценности внутри нашего общества».

⁴ Ibid. P. 91—92.

⁵ Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. Общественные науки и современность. 1995, № 1. С. 51.

Выражая в принципе согласие с этим альтиметрическим подходом (в рамках политической социологии), мы хотели бы сделать, однако, существенное, на наш взгляд, замечание. Подход, принятый Т. Даэм и другими политологами, относящими к элите лиц, возглавляющих важнейшие политические институты страны, несет в себе опасность принять за истину то, что лежит на поверхности, что формализовано в официальном статусе определенных лиц, опасность отождествить формальную и неформальную политические структуры. Составив список лиц, занимающих высшие руководящие должности в стране, элитолог альтиметрической ориентации может полагать, что политическая элита ему известна, и его задача состоит в том, чтобы определить ее характеристики. Но так ли это? Ведь вне этого списка официальных лиц могут оказаться люди, не занимающие официальных постов, но влияющие на принятие политических решений и на общественное мнение не меньше, а быть может, и больше, чем лица, попавшие в указанный список. Чтобы избежать этой ошибки (точнее, минимизировать ее), существует ряд методов, среди которых особенно важен метод экспертной оценки. Кстати, за последние годы российские политологи накопили опыт в этом отношении. Мы имеем в виду прежде всего списки наиболее влиятельных политиков России (по экспертному опросу), которые публиковались в течение нескольких лет «Независимой газетой», «Новой ежедневной газетой», «Кто есть кто» и некоторыми другими изданиями. Совмещая оба этих списка (официальных политических руководителей и список экспертной оценки наиболее влиятельных политиков), накладывая один на другой, мы можем внести соответствующие корректизы и уменьшить возможность ошибок. Есть и другие методы, позволяющие скорректировать недостатки формального альтиметрического подхода. Отработке этой методологии российские элитологи стали уделять серьезное внимание.

Очень интересны и поучительны сравнительные политологические исследования элит разных стран, различных политических систем. Результаты эмпирических исследований позволяют обнаружить как некоторые сходные процессы, происходящие в элитах различных стран, так и специфические для каждой страны. Например, Элдерсфельд, анализируя результаты своего эмпирического исследования, о котором речь шла выше, отмечает, что вызывает беспокойство тенденция к воспроизведству существующего типа элит, к медленному обновлению их состава. Но таковы же выводы из эмпирических исследований американских элит Р. Миллса, Ф. Хантера, Т. Даэя и многих других элитологов. А как обстоят дела в российской политической элите? Анализ списков наиболее влиятельных политиков России в их динамике в «Независимой газете» и других изданиях при всех их недостатках все же позволяет судить о том, что те же отрицательные тенденции характерны и для российских элит. Обновляемость этих списков за 1993 — 1998 годы не слишком велика, идет скорее «перетасовка карт» одной и той же колоды, т. е. рейтинги политиков, входящих в список, меняются, одни вырываются вперед, другие отстают, но это в

большинстве одни и те же люди; мал приток в политическую элиту новых людей. Однако, может быть, тут есть один позитивный момент: низкая мобильность элиты, как правило, есть вместе с тем индикатор стабильности политической системы. Однако Россию «аршином общим не измерить»: наша политическая элита одновременно и нестабильна (о чем свидетельствуют частые перемещения лиц на руководящих должностях), и медленно пополняется новыми людьми (т. е. ситуация одна из наихудших). Вывод может быть только один — нам следует стимулировать как раз противоположные процессы, а именно: во-первых, приток в элиту новых людей, высокообразованных и высокоморальных и, во-вторых, стабилизацию социально-политических отношений.

Однако анализ российских политических элит будет посвящен специальный раздел. Сейчас же вернемся к общетеоретическим вопросам элитологии.

Элита и правящий класс. Элитаристы функциональной школы, определяя понятие элиты, обычно, прежде всего, предупреждают против отождествления ее с правящим классом. Хотя теории Парето и Моски были явно направлены против марксизма, функционалисты часто пишут о «следах марксистского влияния» в трудах патриархов элитизма и призывают «до конца» освободиться от этого груза. Они не забывают, что Моска, подразумевая элиту, употреблял термин «правящий класс», а Парето одобрительно отзывался о теории классовой борьбы Маркса. Западногерманский социолог К. Клоцбах пишет, что необходимое «очищение» элитизма предпринял выдающийся немецкий социолог К. Маннгейм, который создал «более правильную теорию о том, что понятие элиты не тождественно понятию правящего класса¹». Отказ от классового подхода, отмечает видный английский социолог Т. Боттомор, требует отказа от видения социальной структуры «сквозь марксистскую классовую призму» и рассмотрения схемы элита-масса как идеального типа в духе Макса Вебера².

По Маннгейму, элита — меньшинство, обладающее монополией на власть, на принятие решений относительно содержания и распределения основных ценностей в обществе (он различал политическую, интеллектуальную, религиозную и другие типы элит). Он стремился доказать, что система элит стоит как бы над системой классов. Маннгейм утверждал, что развитие индустриального общества представляет собой движение от классовой системы к системе элит, от социальной иерархии, базировавшейся на наследственной собственности (что, по его мнению, есть главный признак класса), к иерархии, основанной на собственных достижениях и заслугах (в 70-х — 90-х годах этими положениями Маннгейма воспользовались теоретики меритократии). Таким образом, Маннгейм считал элиту индустриального общества «элитой способностей» (современные социологи обычно считают таковой элиту постиндустриального общества).

¹ Klotzbach K. Das Elitproblem in politischen Liberalismus. Keln, 1966. S. 3.

² Bottomore T. Op. cit. P. 38.

однако теория постиндустриального, информационного общества была сформулирована после смерти Маннгейма) в противовес «элите крови» и «элите богатства». Он видел свою задачу в элиминировании классового содержания, которое в скрытой форме еще просматривалось в ряде элитистских построений, стремился представить элиту чисто функциональной группой, выполняющей необходимые для каждого общества управленческие обязанности.

Значительно отличается подход к данной проблеме французского элитиста М. Алле. Прежде всего, он отмечает, что деление общества на элиту и массу условно, что это — схема, несколько упрощающая действительность (весьма здравое замечание. — Г. А.). На деле между ними нет резких границ. Эти категории соотносительны: группа людей может быть отнесена к элите только в сравнении с другими, менее способными, менее богатыми и т. д. Причем элита, как и масса, неоднородна. Алле различает правящую, потенциальную и мнимую элиты. Примыкая в основном к ценностной интерпретации понятия элиты, он рисует следующий механизм становления и функционирования элит. Общество делится на максимально достойных в умственном, нравственном и иных отношениях лиц (группа А) и людей со средними качествами и ниже (группа В); А — элита, В — масса. В силу законов генетики происходит дальнейшая дифференциация общества на более и менее способных людей. Подгруппу наиболее способных Алле обозначает соответственно А1 и В1, менее способных — А2 и В2. В группе А складывается ситуация борьбы А1 — потенциальной элиты с А2 — элитой де-факто, чье «среднее качество» ниже не только среднего качества группы А1, но и группы В1. Собственно, массу здесь представляют лишь группа А2, которую Алле вслед за А. Тойнби называет «внешним пролетариатом». Главная опасность для социальной системы исходит от группы В1 (являющейся элитой в группе В — «мнимой элитой», по Алле), поскольку она — конкурент группы А1 в борьбе за власть в обществе. Приход к власти «мнимой элиты» сулит «социальные бедствия» и упадок элит. Поэтому для «оптимального развития» социального процесса, делает вывод французский элитист, исключительно важно обеспечить условия для «прогрессивного выдвижения элит» и периодического превращения потенциальных элит в реальные¹.

Нетрудно заметить, что проблема соотношения понятий «элита» и «класс» стоит в центре полемики. Это признают и большинство современных западных политологов. Так, англичанин Р. Мартин пишет: «Исторически теории элиты развивались как реакция на марксистскую теорию классов», хотя при этом оговаривается, что впоследствии некоторые элитаристы стали «относиться к понятию класса с большей терпимостью». Еще более откровенно высказываются американские социологи К. Прюит и А. Стоун. «Элитарные теории находятся в конфликте с марксистской идеей классовой борьбы, — заявляют они. — Если «Манифест Коммунистической партии»

¹ Allais M. *Classes sociales et civilisations. — Economies et sociétés*, t. 8. P. 336—341.

проводглашает, что история до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов, то кредо элитаристов заключается в том, что история до сих пор существовавших обществ была историей борьбы элит... Нерэлиты являются пассивными наблюдателями в этой борьбе¹.

Элитаристы, отмечают американские социологи Дж. Корветарис и Б. Добрatz, «всеми силами стремятся опровергнуть марксистский тезис о том, что правящий класс — это владельцы средств производства, утверждая, что элита — это продукт чисто политических отношений»². Новозеландский социолог С. Энг полагает, что элиту следует определять «исключительно в терминах власти», отвлекаясь от экономических отношений³.

Возникает естественный вопрос: если понятие «элита» даже по признанию многих элитаристов малообъективно (Ляво) донаучно (Мейсел), если термин отягощен своей этимологией, заставляющей имплицитно предполагать наличие «лучших», «избранных» людей, которыми обычно и объявляются власть имущие, то не лучше ли вообще отказаться от этого термина, тем более что его часто трактуют как бесклассовое понятие, как альтернативу классовой дифференциации. Последний подход явно направлен на подмену деления общества на большие группы людей в зависимости от их отношения к средствам производства дилеммой элита — масса, основанной на различном доступе людей к власти — признаке производном, вытекающем из социально-классовой дифференциации, а отнюдь не порождающем ее. И все же не будем спешить с выводами. Попытаемся подойти к проблеме с другой стороны, а именно, выяснить, нельзя ли использовать понятие элиты не как альтернативу классовой дифференциации, а, напротив, для обозначения ее стороны и момента.

Вполне допустимо, что в определенных целях исследования социолог использует понятие элиты. При этом мы сталкиваемся с двумя случаями:

1) уровнем исследования, в котором еще не раскрыта классовая структура общества, но уже зафиксировано деление на «высших» и «низших», власть имущих и объект управления, правителей и исполнителей (ограничение этими представлениями, свойственными обыденному сознанию, может увести от понимания классовой дифференциации и ее причин);

2) использованием этого термина в отношении части класса, занимающего господствующие позиции в политическом управлении. В последнем случае необходимо уточнить это понятие, которое, по собственным признаниям многих элитаристов, представляется им неопределенным. Это уточнение необходимо потому, прежде всего, что многие элитаристы, ссылаясь на этимологию термина, относят к элите «лучших», «избранных». Поэтому нам и представляется предпочтительным структурно-функциональный подход к элите, ибо он свободен от фетишизации политических элит, признавая,

¹ Prewitt K., Stone A. *The Ruling Elites*. N. Y., 1973. P. 4.

² Kourvetatis G., Dobratz B. *Political Sociology*. New Brunswick — L., 1980. P. 5.

³ S. H. Ng. *The Social Psychology of Power*. N. Y. — L., 1980. P. 65.

что это не обязательно «лучшие», «избранные» люди прежде всего с точки зрения критериев морали, а также иных критериев (включая интеллект). Во-вторых, уточнение термина необходимо вследствие того, что этот термин часто используется для затушевывания подлинной основы социальной дифференциации (с ним связаны представления о том, что дихотомия элиты — масса имманентно присуща всем социальным системам, т. е. они неисторичны). В-третьих, необходимость уточнения связана с тем, что элитаристы, приписывая элите все достижения цивилизации, отрицают или призывают роль народных масс в историческом процессе.

Попытаемся соотнести феномен элиты с фактом социально-классовой дифференциации, таким образом введем нужный термин с качественно иным, чем у перечисленных выше элитаристов, содержанием: вместо того, чтобы противопоставлять его феномену классовой дифференциации или подменять последнюю, попытаемся определить его как существенный элемент этой дифференциации. Господствующий класс не есть нечто недифференцированное целое, нерасчлененное внутри себя, не есть некоторая абстрактная целостность, он включает в себя ряд слоев, роль которых в обеспечении власти этого класса различна. Господствующий класс не может осуществлять свое господство *in extenso* — в своей целостности, в своей совокупности. Его интерес как правящего класса осознается и выражается прежде всего наиболее активной его частью, авангардом, который опирается на определенную организацию — государственный аппарат, политическую партию и т. п. Ту часть господствующего класса, которая непосредственно осуществляет руководство обществом, держит руку на руле управления, и можно именовать политической элитой.

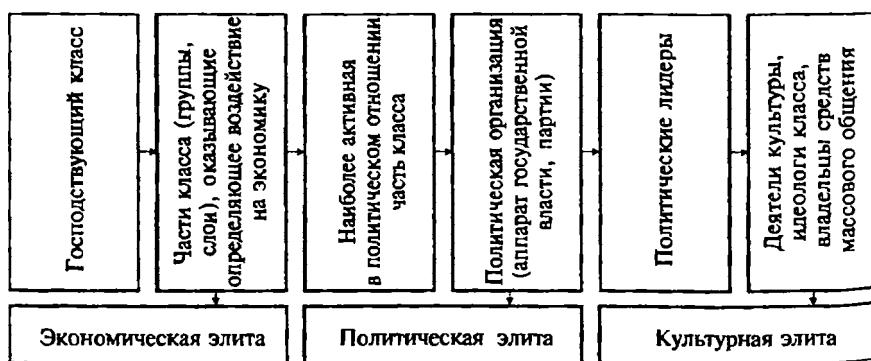
В структуре господствующего класса можно выделить определенные элементы (двигаясь от целого к частному с учетом уровня активности и степени воздействия его на целое): господствующий класс — политически активная часть класса (его авангард) — организация класса — лидеры. К политической элите и можно отнести наиболее авторитетных, влиятельных и политически активных членов правящего класса, включая слой политических функционеров этого класса, интеллектуалов, вырабатывающих политическую идеологию класса, лидеров этих организаций, т. е. людей, которые непосредственно принимают политические решения, выраждающие совокупную волю класса.

Вряд ли можно сомневаться в том, что при исследовании политического процесса нужен термин, обозначающий эту наиболее активную, организованную часть господствующего класса. Но очевидно и другое: если этим термином будет «элита», необходим ряд оговорок и уточнений, чтобы освободить его от того содержания, которое вкладывает в него большинство элитаристов, стремящихся фетишизировать слой лидеров, окружить их божественным ореолом, объявить самыми умными, достойными, компетентными, наиболее пригодными для руководства обществом людей, представить этот слой подлинным субъектом исторического процесса в

противоположность «нетворческой», «бесплодной массе». Выше уже говорилось о неадекватности Ценностной интерпретации элиты — в ценностном отношении ее качества могут быть и со знаком «минус». Говорилось и о недостатках функционального подхода, сторонники которого, как правило, трактуют элиту как бесклассовый слой. Как отмечает чешский социолог М. Нарта, «наиболее оправданным будет понимать под элитой специфические властно-политические группы, которые в условиях классово-антагонистического общества представляют исполнительную властно-политическую часть правящего класса»¹. Как видим, понятие «элита» не совпадает по объему с понятием «правящий класс»: первое оказывается функционально как бы управлением «исполнительным комитетом» второго. Эти понятия не совпадают полностью и по содержанию. Отметим, что к управляемой деятельности правящий класс обычно привлекает и наиболее способных представителей других классов и слоев населения, прежде всего, слоев, близких правящему классу. Таким образом, в составе элиты могут быть отдельные выходцы не из правящих классов (что отнюдь не означает внеклассности рекрутирования элиты, на чем настаивают многие элитаристы). Подобное положение вдвойне выгодно господствующему классу: во-первых, это обеспечивает ему приток «свежих умов», во-вторых, создает иллюзию большей социальной представительности элиты. В действительности же вошедшие в состав элиты выходцы из «социальных низов» по существу интегрируются господствующим классом. Элитологи вспоминают в этой связи невеселую шутку о том, что в сенате США заседают миллионеры — одни из них стали сенаторами, потому что были миллионерами, а другие стали миллионерами, сделавшись сенаторами. Можно сослаться и на то, что в составе американских высших менеджеров имеется лишь небольшой процент выходцев из «низов» (различные авторы называют цифры от 7 до 10 %) (табл. 1).

Таблица 1

Господствующий класс и элита

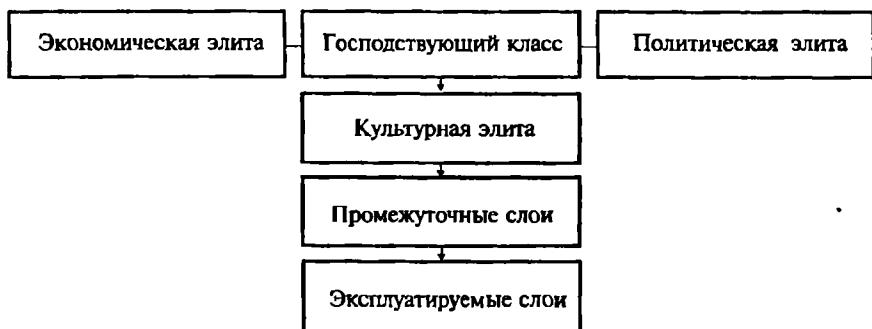

¹ Нарта М. Теория элит и политика. М., 1978. С. 144.

Хотя было бы ошибкой отождествлять элиту и правящий класс, еще большей ошибкой является отрижение связи между элитой и классом, что делают многие элитологи, в частности. П. Блау, считающий, что «нет границ между теми, кто принадлежит, и теми, кто не принадлежит к господствующему классу». Можно согласиться с западногерманским социологом С. Херкомером, считающим, что понятие элиты имеет смысл лишь в отношении к понятию «класс», и что слои — моменты внутреннего разделения классов¹. Р. Мартин считает, что большинство — элитаристов, начиная с Платона, отрицают деление общества на классы, некоторые, типа Бернхэм, пытаются сочетать концепцию классов и концепцию элит, и некоторые, например профессор Калифорнийского университета М. Цейтлин, оперируют понятием «класс», возражая против термина «элита»². Такое разделение в общем соответствует действительности (пожалуй, не очень удачен пример с Платоном). Действительно, по мнению Цейтлина, концепция классовой структуры общества несравненно глубже дилеммы элита — масса³. Абстрактно говоря, Цейтлин прав. Но ведь совсем не обязательно рассуждать по принципу или-или, гораздо правильнее найти пути сочетания этих концепций (табл. 2).

Таблица 2

Элита в классово-дифференциированном обществе

Наконец, вопрос о том, следует ли употреблять термин «элита», зависит от предмета исследования. Для того чтобы вскрыть сущность социально-экономических отношений, сущность способа производства, сущность и генезис классового господства, можно обойтись и без этого понятия. Настоятельная потребность в нем возникает тогда, когда мы переходим к анализу механизма классового господства, внутренней структурализации

¹ Die Krise in der Soziologie. Keln. 1959. S. 133, 136.

² Martin R. The Sociology of Power. L., 1977. P. 191.

³ Political Power and Social Theory. Ed. By M. Zeitlin, Greenwich, 1981. P. IX.

и дифференциации самого правящего класса. Господствующий класс рожден определенным способом производства материальных благ; правящая же элита — это порождение и элемент политической системы классово-дифференцированного общества. Известно, что господствующий класс создает механизм реализации своей политической власти. Только в этом случае его господство актуализируется. Важнейшим элементом создания этого механизма и является выделение правящей элиты, которая обладает навыками политического управления, интегрирует господствующий класс, выявляет и реализует его классовый интерес.

Широко распространенные в зарубежной и советской социологии утверждения о том, что марксизм и элитология альтернативны, несовместимы — ошибочны. Весьма далеки от истины суждения о том, что марксизм всю проблематику властно-политических отношений сводит к вопросу о том, какой класс господствует в данном обществе, игнорируя роль внутриклассовых слоев, промежуточных и межклассовых групп. Маркс отнюдь не ограничивался лишь констатацией того, какой класс является господствующим в определенной общественно-экономической формации, в определенной стране. Объектом марксистского классового анализа политической структуры общества является и распределение власти внутри господствующего класса. Важнейшим элементом этого анализа служит конкретно-историческое исследование процесса осуществления властных отношений в классово-антагонистическом обществе, роли правящей верхушки в реализации этих отношений.

К. Маркс в работе «К критике гегелевской философии права» писал о роли бюрократического слоя, создаваемого буржуазией для управления обществом, того слоя, который в современной элитологической литературе называется бюрократической элитой, который считает самое себя конечной целью государства¹ и выражает совокупный интерес господствующего эксплуататорского класса. Причем этот эгоистический интерес буржуазия стремится представить как «всеобщий интерес», защищая таким образом «мнимую всеобщность особого интереса»². Кстати, в немецких изданиях сочинений Маркса и Энгельса можно обнаружить присутствие термина «элита» (у Маркса — в одной из первоначально написанных глав «Капитала», у Энгельса — в его набросках об армии)³. К. Маркс и

¹ Представляет интерес анализ соотношения между концепциями элиты и правящего класса, проведенный американским леворадикальным социологом У. Донхффом, который пишет: «Понятие «правящий класс» относится к социальному высшему классу, который является собственником непропорционально большой доли общественного богатства и выдвигает непропорционально большое число претендентов на позиции лидерства. Правящая элита, с другой стороны, включает всех, кто находится на командных позициях в институтах, контролируемых членами высшего (правящего) класса. Какой-то член правящей элиты может и не быть членом правящего класса». Domhoff W. Who Rules America? New Jersey, 1967, p. 9—10.

² См.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 16. С. 271.

³ Там же. С. 270.

Ф. Энгельс писали: «Разделение труда... проявляется теперь также и в среде господствующего класса... так что внутри этого класса одна часть выступает в качестве мыслителей этого класса (это — его активные, способные к обобщениям идеологи, которые делают главным источником своего пропитания разработку иллюзий этого класса о самом себе), в то время как другие относятся к этим мыслям и иллюзиям более пассивно и с готовностью воспринять их, потому что в действительности эти-то представители данного класса и являются его активными членами и поэтому они имеют меньше времени для того, чтобы строить себе иллюзии и мысли о самих себе. Внутри этого класса такое расщепление может разрастись даже до некоторой противоположности и вражды между обеими частями, но эта вражда сама собой отпадает при всякой практической коллизии, когда опасность угрожает самому классу»¹.

Действительно, одно дело — признать, что элита выражает интересы господствующего класса, и совсем другое — отождествить эти категории. Это было бы отождествлением сущности процесса политического господства с механизмом его осуществления. Эксплуататорский класс не может обеспечить, хотя бы чисто технически, свое господство путем равномерного распределения функций политического руководства обществом среди всех своих членов; он может осуществить его через деятельность своего политического авангарда, наиболее политически активных его членов, которые непосредственно управляют организацией господствующего класса, прежде всего государственной машиной. Элита выступает представителем господствующего класса при выполнении этим классом функций руководства обществом; она выявляет и актуализирует интересы класса — как глубинные, так и непосредственные, — субординирует их; она «формирует» волю класса и непосредственно руководит ее претворением в жизнь.

Таким образом, на вопрос, кто осуществляет власть в классово-дифференцированном обществе, мы можем ответить: господствующий класс. Когда же нас интересует, как осуществляется эта власть, необходимо выявить механизм политического господства этого класса, одним из важнейших звеньев которого является выделение правящей элиты. Господствующий класс и элита различаются прежде всего по объему: элита — часть класса. Далее, если класс определяется по своему месту в исторически определенной системе общественного производства, по своему отношению к средствам производства, то элита — по отношению к своей роли в политическом руководстве обществом; она объединяет ту часть господствующего класса, которая обладает навыками профессиональной политической деятельности и непосредственно осуществляет государственное управление.

Привилегированные сословия (дворянство, духовенство) в феодальном обществе составляли немалую часть населения: в конце XVIII века, например, в таких странах, как Франция (25 миллионов жителей) или

¹ K. Marx, F. Engels. Band 23. Dietzverlag, Berlin, 1972, s. 741, Band 14. S. 8.

Россия (39 миллионов), они насчитывали многие сотни тысяч человек; в XX веке в крупной индустриальной стране класс капиталистов насчитывает не один миллион людей. Что же касается элиты, то речь может идти лишь о тысячах, иногда десятках тысяч людей, причем далеко не всегда представителей господствующего класса. Анализируя пути осуществления правящим классом различных функций в обществе, можно выделить разные типы элит: политическую, экономическую, культурно-идеологическую. Если господствующим классом капиталистического общества является буржуазия, то экономической элитой современного капиталистического общества выступает монополистическая буржуазия, финансовая олигархия, верхушка менеджеров. Идеологи класса, деятели культуры, создающие духовные ценности этого класса, владельцы средств массовых коммуникаций составляют культурную элиту, причем часть культурной элиты выходит за пределы господствующего класса. О содержании понятия политической элиты говорилось выше. Заметим только, что политическая элита — это и есть элита в узком смысле слова (когда речь идет об элите как таковой, без прилагательных «культурная», «экономическая» и т. д., как правило, имеется в виду именно политическая элита).

Итак, в классово-дифференциированном обществе класс, обладающий собственностью на основные средства производства, является господствующим классом. В условиях капиталистического способа производства это — класс буржуазии. Но далеко не каждый член правящего класса непосредственно занимается политическим управлением: не каждый хочет этим заниматься и не каждый из тех, кто хочет, может это делать. В правящем классе можно различить политически активную и политически пассивную части, роли которых в жизни общества и особенно в политическом управлении различны. Правящий класс реализует свое господство в обществе, создавая организации. Для политического управления обществом господствующий класс формирует государственную машину: он создает также политические партии и другие организации своего класса, формирует слой функционеров, лидеров, осуществляющих политическое руководство. Политическая власть гарантирует привилегированное положение господствующего класса, его контроль за средствами производства. Наконец, для укрепления и стабилизации своей власти господствующему классу нужна идеология, обосновывающая и оправдывающая это господство. И опять-таки не весь класс существует в выработке этой идеологии, а только его часть, которую можно назвать идеологической и культурной элитой.

Таким образом, отношения между элитой и правящим классом достаточно сложны и неоднозначны. Как отмечалось выше, элита выражает волю господствующего класса, причем эту волю нужно, во-первых, выявить и, во-вторых, реализовать. Осуществляя эти функции, элита не только играет особую роль в жизни общества, но и обретает относительную самостоятельность по отношению к своему классу. Для удержания своей власти правящий класс должен представить свой классовый интерес как интерес всего общества. Выдвигаемая им элита обретает определенную

автономию по отношению к этому классу и обычно воспринимается не как проводник узоклассового, но «всебобщего» интереса. Это, разумеется, не отменяет классовой природы элиты, но модифицирует и, в известной мере, маскирует его, что и дает основание многим политологам говорить о бесклассности элиты.

Чтобы понять подлинную роль элиты в осуществлении господства в обществе правящего класса, важно соотнести и субординировать интересы этого класса в целом с интересами отдельных его членов, интересами отдельных слоев и групп этого класса, в частности, специфическими интересами элиты. Важно, наконец, субординировать глубинные и стратегические интересы правящего класса, связанные с поддержанием системы, в рамках которой он и является господствующим классом, и непосредственные, связанные с увеличением его доли в распределении общественного богатства. Непосредственный интерес отдельного члена господствующего класса может противоречить интересам других его членов — его конкурентов. Это относится в первую очередь к интересам различных, особенно конкурирующих друг с другом группировок господствующего класса, например, военно-промышленного комплекса и слоев, связанных преимущественно с выпуском мирной продукции. Кто же реально осуществляет интеграцию и субординацию всех этих различных интересов и целей? В этом и состоят прежде всего функции политической элиты. Выделение политической элиты как бы актуализирует господство определенного эксплуататорского класса.

Как отмечает польский социолог В. Веселовский, элита капиталистического общества интегрирует многообразные интересы господствующего класса — экономические, политические, культурные — обеспечивает необходимые связи между бизнесом, политиками, военной верхушкой, владельцами средств массовых коммуникаций¹. В иерархии этих интересов примат принадлежит отношениям собственности на средства производства, которые фактически и делают данный класс господствующим и кровно заинтересованным в сохранении социальной стабильности.

Существование этой элиты способствует обеспечению господства монополистической буржуазии на определенном историческом этапе, независимо от того, какая из буржуазных или ориентирующихся на сохранение капиталистических отношений политическая партия находится у власти. Как пишут Т. Дай и другие американские политологи, власть в США «структурна», т. е. не зависит от персональных изменений и других преходящих факторов; она прочно удерживается в руках элиты. Известно, что внутриполитическая и внешнеполитическая стратегия Соединенных Штатов формируется не тем или иным резидентом (он реализует ее тем или иным способом), но той анонимной силой, которая представлена подлинной элитой, выражющей совокупный интерес господствующего класса и прежде всего того слоя, который является доминирующим в

¹ См.: Веселовский В. Классы, слои и власть. М., 1981. С. 103—117.

составе этого класса (например, монополистической буржуазии) и интересы которого могут вступать в противоречие с интересами других составных частей правящего класса.

Выше уже отмечалось, что властующая элита, конечно не только не противостоит правящему классу, но, напротив обеспечивает его господство. Однако это не исключает относительной самостоятельности элиты по отношению к классу в целом. Кстати, это в свое время отмечал К. Маркс.

Известно, что в статье «18 брюмера Луи Бонапарта» Маркс показал большую степень самостоятельности государственной власти, особенно в условиях определенного равновесия классовых сил. Значительная доля этой самостоятельности существует и при отсутствии такого равновесия. И именно подобная относительная самостоятельность государственной власти может создавать иллюзию того, что она стоит как бы над обществом (отсюда и иллюзия надклассовости элиты, хотя она выражает совокупный интерес правящего класса, в частности, класса буржуазии, куда лучше, чем это делал бы непосредственно тот или иной капиталист, осознающий лишь свой непосредственный, причем краткосрочный интерес).

Относительная самостоятельность элиты по отношению к господствующему классу связана с различием, а порой и противоположностью интересов элементов этого класса. У элиты есть возможность не только лавировать между интересами отдельных групп и слоев правящего класса, но порой даже принимать решения, против которых выступает большинство представителей этого класса. Так, «новый курс» Ф. Д. Рузелья встретил сопротивление большинства капиталистов, не сразу осознавших свой собственный глубинный интерес, защиты которого и служит государственное регулирование экономики, что и предлагал рузельтовский «мозговой трест». История показала, что рузельтовская политическая элита лучше поняла насущные и долгосрочные потребности господствующего класса, чем подавляющее большинство его членов.

И это понятно: капиталист заботится прежде всего о своей собственной, причем непосредственной выгоде; ему близки слова, приписываемые бывшему президенту «Дженерал Моторз» и бывшему министру обороны США Ч. Вильсону: «Что хорошо для «Дженерал Моторз», то хорошо и для страны» (сам Вильсон, впрочем, упорно отказывался от авторства этих слов). Для капиталиста, например, важно не поднимать заработную плату рабочим, а дело государства, правительства обеспечить стабильность, спокойствие в стране и условия для беспрепятственной эксплуатации трудящихся масс. Но правящая элита, как правило, видит дальше, она понимает, что создание этих условий невозможно без определенных уступок рабочему классу, мелкобуржуазным и иным слоям населения, и осуществляет определенные реформы, чтобы ослабить социальную напряженность в стране. И это в конечном счете отвечает интересам господствующего класса, ибо продлевает его господство. Причем элита стремится создать впечатление, будто она, принимая компромиссное решение,

«равно заботится» обо всех классах и слоях населения. А идеологи господствующего класса, выполняя свою функцию, помогают правящей элите замаскировать ее связь с господствующим классом.

Вопрос, являющийся в значительной мере дискуссионным для марксистских социологов, заключается в том, можно ли элиминировать проблему элитологии, свести ее к проблематике классов и классовой борьбы или же в ней имеется специфическое содержание, несводимое к последней. Второй подход, несомненно, представляется более предпочтительным, хотя вопрос о роли элиты в общественно-политическом процессе можно и должно рассматривать в связи с проблемой классов, классовых отношений, классовой борьбы.

Подведем некоторые итоги. За исключением Г. Моски и его последователей из «макиавелиевской» школы, отождествляющих элиту и правящий класс, и некоторых других политологов, исследующих отношение элиты и господствующего класса, подходом, наиболее типичным для западной элитологии, является рассмотрение правящей элиты в отрыве от классовой структуры общества и, более того, противопоставление дихотомии элита — масса марксистскому учению о классах и классовой борьбе. И если марксистских элитологов можно упрекнуть в гипертрофировании классового подхода, то большинство элитологов впадают в другую крайность, отрицают связь элиты с отношениями на средства производства и полагают, что элита — «лучшие», «наиболее способные» члены общества либо лица, обладающие формальными или реальными позициями власти (ценностная и структурно-функциональная концепции элиты).

В целом в современной американской и западноевропейской элитологии преобладает понимание элиты как группы людей в определенном обществе, принимающих важнейшие политические решения; но при этом часто не устанавливается связь этих решений с классовой структурой общества, с отношениями классов, с интересами господствующего класса (или классов), с сущностью социально-политической системы, что, несомненно, обедняет элитологический анализ. Стремление выхолостить из проблемы классовое содержание, представить ее как «вечную» проблему социального управления, не связанную с классами и классовыми отношениями, а элиту — как имманентный элемент социальной жизни, как выражателя интересов общества в целом, всех его социальных групп — это другая крайность по сравнению с марксистской позицией. Такой подход является неклассовым, внеисторическим, ибо в нем классовая дифференциация заменяется дихотомической схемой элита — масса.

Однако, справедливо критикуя неисторический, неклассовый подход к интерпретации роли элиты в обществе, ряд марксистских социологов, особенно в прошлом, на этом основании вообще отрицали необходимость понятия элиты для анализа социально-политической структуры общества. Вскрывая ошибку большинства элитаристов — отрижение классовой дифференциации общества, во всяком случае, непонимание ими

связи элиты с экономически господствующим классом, некоторые социологи на этом основании говорили о ложности и надуманности всей проблематики элитологии. В последнем случае по существу был воспринят тезис элитаристов о том, что понятие элиты альтернативно теории классов и классовой борьбы. В действительности же, как мы видели, возможно совмещение понятия «элита» с теорией классов. Поскольку анализ политических систем не исчерпывается выявлением того, какой класс является господствующим в данном обществе, а требует дальнейшей конкретизации властных отношений, понятие «элита» может служить делу уточнения и углубления такого анализа.

ЛИТЕРАТУРА

- Санистебан Л. Основы политической науки. М., 1992.
- Сартори Дж. Вертикальная демократия //Полис. 1993, № 2.
- Элдерсфельд С. Политические элиты в современных обществах. Эмпирические исследования и демократия. М., 1992.
- Веселовский В. Классы, слои и власть. М., 1981.
- Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.
- Самсонова Т. Н. Концепция «правящего класса» Г. Моски //Социологические исследования. 1994, № 10.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПРОВЕРКИ

1. В чем сходство и различие понятий «господствующий класс» и «элита»?
2. Соотнесите понятия «элита» и «политическая элита».
3. Сопоставьте этимологическое и научное толкование термина «элита». В чем вы видите ограниченность этимологического подхода?
4. Как вы полагаете: могут ли в какой-то мере совпадать элитистский и классовый подходы?
5. Кому могут принадлежать следующие определения «элиты»:
  - а) наиболее активные в политическом отношении люди, ориентированные на обладание властью;
  - б) творческое меньшинство общества, противопоставляемое нетворческому большинству;
  - в) люди, имеющие наивысшую степень общественного признания и авторитета в области своей профессиональной деятельности.

Глава 6. ЭЛИТИЗМ И ПЛЮРАЛИЗМ

Теории политического плюрализма и их критики. Поскольку элитология исследует проблему субъекта управления, естественно, что центральной проблемой для нее является ответ на вопрос: кто управляет обществом? Кто является этим самым субъектом управления?

Ответ на этот вопрос — предмет острой полемики современных политологов. Рассмотрим его на примере полемики о характере политической власти в США и других странах западной демократии. Недаром под сходными названиями: Кто правит? Кто управляет Америкой? — опубликовали свои исследования такие известные политологи, как Р. Даль, Т. Дай, П. Сузи. Интересно, что ответ на поставленные вопросы каждый из этих авторов дает не только различный, но и в значительной мере противоположный. Это относится и к другим политологам, пишущим на эти темы.

Если проанализировать весь спектр ответов на эти вопросы, можно вычленить следующие основные точки зрения:

1. Позицию элитаристов (иногда их концепцию называют функциональной теорией элиты): власть в обществе осуществляется элитой, т. е. организованным и более или менее сплоченным меньшинством, имеющим в своем распоряжении рычаги власти; причем такое положение веющей — социальная норма (точка зрения Т. Дая).

2. Позицию элитологов, согласно которой власть в обществе, в частности в современных Соединенных Штатах и других западных демократиях, осуществляют элитные группы, но это — нарушение демократических прав народа, вызов демократии, положение, обрекающее большинство населения на политическую пассивность, на превращение в объект манипуляции со стороны правящей элиты (точка зрения Р. Миллса; подобные взгляды называются также критическими теориями элиты).

3. Позицию сторонников классового подхода, которые считают дихотомию элита — масса альтернативной классовому подходу и потому отвергают его, полагая, что власть в обществе (обществе классово-антагонистическом, во всяком случае) осуществляется господствующим эксплуататорским классом, владельцем средств производства, что понятие элиты не является необходимым при анализе политической системы, поскольку совпадает с правящим классом. Конечно, сторонники этой точки зрения прежде всего политологи-марксисты, хотя сюда относятся и некоторые политологи-немарксисты, а также политологи, лишь частично испытавшие марксистское влияние (например, профессор Калифорнийского университета М. Цейтлин). Вспомним в этой связи, что сам Г. Моска отождествлял элиту и правящий класс.

4. Позицию политологов, которые считают понятие элиты совместимым с классовым анализом общества; элита выступает как «исполнительный комитет» господствующего класса (точка зрения польского политолога В. Веселовского).

5. Плюралистическую концепцию, согласно которой понятие элиты, применимое по отношению к недемократическим политическим системам, не «работает» при анализе современного демократического процесса, который представляет собой результат взаимодействия и конкуренции между «группами давления», выражаяющими интересы различных социальных слоев, и представляет собой определенный баланс интересов между

различными слоями населения и выражают интересы «групп давления» или «вето-групп» (Д. Рисмен). Эту позицию можно назвать «радикальным плюрализмом».

6. Наконец, среди плюралистов существует, так сказать, «ослабленный плюрализм», включающий в себя элементы элитизма, или «элитный плюрализм», когда политический процесс рассматривается как состязание и сотрудничество элит, выражающих интересы различных социальных групп (например, лидеры организаций рабочего класса, средних слоев, высшего класса), групп, играющих ведущую роль в основных сферах социальной жизни (политическая, экономическая, культурная и другие элиты; точка зрения В. Гэттсмена и многих других теоретиков элитного плюрализма).

Эту схему можно несколько упростить, объединив достаточно близкие между собой вторую и четвертую позиции, а также пятую и шестую. В этом случае конфликтующие позиции можно суммировать следующим образом, как это делает, в частности, американский политолог Г. Кербо (табл. 3):

Таблица 3

Три главных дискуссионных вопросы	Критические теории элиты	Функциональные теории элиты	Плюралистические теории
Нужны ли сильные независимые элиты в развитых индустриальных странах	Нет	Да	Нет
Выливается ли наличие сильных независимых элит в эксплуатацию (населения)	Да	Нет	Да
Управляются ли Соединенные Штаты элитой (элитами)	Да	Да	Нет

Однако эта полемика ведется в западной политологии, так сказать, не «на равных». Среди указанных точек зрения безусловно превалирует, во всяком случае количественно, плюралистическая концепция.

Теории политического плюрализма в последние десятилетия являются не просто широко распространенными, они практически безраздельно господствовали в американской и западноевропейской политологии, да и продолжают господствовать, оставаясь и поныне дежурным, наиболее распространенным объяснением существа западной демократии. Плюралистические теории способствовали внедрению в массовое

сознание образа справедливой демократической системы, учитывающей интересы всех групп населения. Этот образ, всемерно популяризирующийся западными средствами массовой информации, выполняет, как отмечают многие западные политологи, вполне определенные идеологические функции. Плюралистическая концепция как нельзя более импонирует и большинству американских и западноевропейских политиков, и теоретикам политологии академического плана: ее положения выглядят заманчиво либеральными, бесклассовыми, идеологизированными. Не случайно, плюрализм в современной западной политологии стал чуть ли не синонимом демократии.

Теоретики плюрализма — Д. Трумен, С. Липсет, Р. Даль и другие, менее известные, охотно ссылаются на то, что они — наследники демократических философских и политических традиций, связанных с именами Дж. Локка и Ш. Монтескье, отцов-основателей США, прежде всего Т. Джейферсона, идеологов либерализма XIX века Дж. Милля, А. де Токвилья. Кажется, ничто не предвещает заката эры торжества плюрализма. Однако некоторые симптомы этого заката уже начинают обозначаться.

Один из парадоксов концепции плюралистической демократии заключается в том, что ее безраздельное торжество в политической науке в США и Западной Европе, а теперь и в Восточной Европе, относится к периоду, когда объяснение политического процесса в этих странах с позиций политического плюрализма является более уязвимым, чем в предшествующий период. Но как раз в прошлом политический плюрализм активно оспаривался в западной политической науке. Ныне же, когда процессы концентрации политической и экономической власти в современном обществе подрывают ряд постулатов плюрализма, когда плюралистическая модель в гораздо меньшей степени коррелируется с действительностью, она оказалась превалирующей в современной политологии и пронизывающей официальные выступления политиков стран, считающих себя демократическими¹.

Теория политического плюрализма стала банальным общим местом современной политической науки, неким символом общей веры. Но веры без достаточных оснований. Она торжествует тогда, когда лишь отворачивающийся от действительности не видит превалирующей тенденции современных политических процессов, в том числе и в США, а также в странах Западной Европы — концентрации централизации власти, снижения роли представительных учреждений и традиционных буржуазно-демократических институтов. Вспоминается в этой связи мысль Н. А. Бердяева о том, что когда идеология находится в зените своего влияния и популярности, она почти наверняка утратила свои основания, а ее положения почти наверняка устарели.

Хотелось бы уточнить постановку вопроса о политическом (и идеологическом) плюрализме. Вопрос не стоит так: хорош или плох плюрализм,

¹ См.: Dye T., Zeigler H. Op. Cit. P. VII.

справедлив он или несправедлив. Да, он хорош, он справедлив. Но вопрос совсем в другом: соответствует ли этой модели современная политическая реальность, в частности, политическая система США.

Усиление исполнительной власти, невиданный рост государственно-бюрократической машины, определенное снижение роли представительных учреждений вызывают тревогу в широких кругах общественности, в том числе американской и западноевропейской. Эти процессы не могли не получить определенного отражения в американской и западноевропейской политологии, в которой отмечается пересмотр (причем отнюдь не безболезненный) ряда концепций и доктрин, популярных в 50-х — 70-х годах. Центральный вопрос этой полемики: является ли политическая система современных Соединенных Штатов образцом плюралистической демократии или же это элитарная структура? И в этом случае не является ли концепция политического плюрализма (как реальность в США) значительно насаждаемой иллюзией?

В модели плюралистической демократии ни один класс или группа населения не обладают монополией власти; организации, выражающие их интересы, выступают как «группы давления» на государственный механизм, который рассматривается как бесклассовый. В этой модели «диффузии власти» последняя рассредоточена между всеми социальными группами, но при этом остается в тени социально-классовая природа этих групп. Эта концепция отрицает классовую сущность политической власти, представляя государство в современных капиталистических странах с демократическим режимом как выражение воли всего населения.

Известно, что плюралистическая теория рисует социально-политический процесс в развитых капиталистических странах как конкуренцию и компромисс между множеством «заинтересованных групп», которые соперничают в разделе «сладкого пирога» благ и преимуществ, создаваемых системой индустриального и постиндустриального общества. Взаимная конкуренция этих групп, по мнению сторонников этих концепций, страхует общество против опасности того, что одна из групп станет «доминирующей элитой». Предполагается, что «заинтересованные группы» через свои организации могут влиять на политическую систему, участвовать в социальном контроле и управлении, причем не столько навязывая свою волю другим группам, сколько создавая коалиции, блокируя угрозы своим интересам, возникающие как со стороны государственных органов, так и со стороны других групп.

Модель плюралистической демократии претендует на целостное описание «демократического процесса» в современных развитых индустриальных странах, в которых по «техническим» (не по социальным) причинам не может быть осуществлена прямая демократия. Хотя индивидуум не участвует непосредственно в выработке государственной политики, предполагается, что он может вступить в формальную организацию, способную влиять на правительство в нужном ему направлении. Плюралисты

исходят из того, что дифференцированность современного общества, включающего большое число групп — профессиональных, религиозных, этнических, региональных и т. п., — создает потенциал для образования организаций, выражающих их дифференцированные интересы. Вопрос о классовых различиях и классовой борьбе тщательно обходится как «марксистские крайности» (кстати, на этом основании игнорируется и марксистская критика плюралистических теорий). Организации рабочего класса — профсоюзы, партии — рассматриваются не как организации для ведения классовой борьбы, а лишь как средство усиления определенных групповых позиций в системе капиталистических отношений, прежде всего, на рынке труда.

Классическими работами по проблемам плюралистической демократии являются труды Д. Трумэна, Д. Рисмена, Р. Даля. Так, Даляр пишет: «Основная аксиома в теории и практике американского плюрализма такова: вместо единого центра суверенной власти должно быть множество таких центров, ни один из которых не должен быть полностью суверенным». Он утверждает, что это дает возможность «гражданам и лидерам проявить свое искусство мирного улаживания конфликтов¹. Таким образом, структура политической власти США по Даля представляет полиархию, включающую множество центров власти. А подобная полиархия и представляет собой современную модель демократии².

Не следует понимать авторов учебника так, что они противники модели полиархии, модели плюралистической демократии. Напротив, модель заслуживает всяческого одобрения. Вопрос только в том, соответствует ли этой модели политическая система современных Соединенных Штатов. Ведь на этот счет существуют разные мнения. Вот описание структуры власти США известным леворадикальным политологом Ч. Рейчем. «Нация, — пишет он, — постепенно превращается в жесткую менеджерскую иерархию с небольшой элитой и огромной массой, лишенной гражданских прав. Демократия быстро теряет почву по мере того, как власть во все возрастающей степени захватывается гигантскими менеджерскими институтами и корпорациями; решения принимаются экспертами, специалистами и профессионалами, надежно изолированными от народа»³. Так какая же модель более соответствует американской действительности?

Вспомним при этом, что, по мнению Гегеля, истиной первого порядка является соответствие субъективного знания действительности и истиной более высокого порядка — соответствие объекта идеи объекта, его понятию, его нормативу. Тогда истины первого порядка — это истины политической социологии, а истины второго — истины политической философии. И если бы Р. Даляр писал книги по политической философии — дисциплине нормативной, — тогда можно было бы только солидаризоваться с

¹ Dahl R. *Pluralist Democracy in the United States*. Chi. 1967. P. 24.

² Dahl R. *Dilemmas of Pluralist Democracy: Autonomy vs. Control*. New Haven. 1982.

³ Reich Ch. *The Greening of America*. N. Y. 1970. P. 8.

ним. Но ведь Р. Даль претендует на то, что он пишет труды по политической социологии, описывает реальный политический процесс в современных Соединенных Штатах. А вот соответствует ли полиархическая модель политической реальности США — проблема, по которой мнения самих американских политологов расходятся, и расходятся кардинально. Является ли модель плюралистической демократии реализованной в современных Соединенных Штатах или же это — лишь норматив, лишь цель, лишь направление движения, по которому развивается политическая система США?

С вопросом о дисперсии власти, на который опираются теоретики политического плюрализма, связан вопрос о соотношении политики и экономики и, соответственно, политической и экономической элит: являются ли последние двумя независимыми центрами власти или же экономическая элита является ядром господствующего класса, а политическая элита — только исполнителем, высшим чиновничеством, лишь оформляющим важнейшие стратегические решения, принимаемые экономической элитой, и выражаяющим их глубинные интересы, проводящим в жизнь эти решения или, иначе говоря, является ли политическая элита исполнительным комитетом экономически господствующего класса.

Отметим, что мы далеки от мысли отрицать относительную самостоятельность государства и его институтов по отношению к экономически господствующему классу, особенно современного капиталистического государства, роль которого значительно возросла, а следовательно, возросла и роль тех, кто стоит во главе политических институтов, роль политической элиты. Но дело в том, что теоретики плюрализма зачастую абсолютизируют, преувеличивают эту роль. Можно вполне принять положение плюралистов о том, что различные группы господствующего класса проявляют неодинаковую заинтересованность в принятии тех или иных политических решений. Однако это отнюдь не дает оснований для того, чтобы рассматривать государство как орган бесклассовый, лишь как инструмент достижения консенсуса между различными группами населения. Можно согласиться с тем, что в современном буржуазном государстве имеет место определенное разделение полномочий между различными социально-политическими организациями, но все дело в том, что важнейшие организации, формирующие политику, — это организации господствующего класса. Столь же мало оснований у плюралистов делать вывод о том, что правящий класс элиминируется, заменяется «группами по интересам» со своими элитами, отстаивающими свою функциональную компетентность в руководстве отдельными сторонами жизнедеятельности общества.

А именно так изображает дело признанный теоретик плюрализма Д. Трумэн, для которого политика — функция отношений заинтересованных групп, а государство выполняет роль «честного маклера». Причем заинтересованные группы стремятся повлиять на государственный механизм как группы давления. В этом плане американские политологи особо подчеркивают роль лобби-групп, таких, как Национальная ассоциация

промышленников, Торговая палата США, Национальная организация фермеров, АФТ-КПП и др. Конечно, не следует недооценивать роль лоббизма в принятии политических решений, но не следует забывать и то, что им прежде всего и исключительно активно занимается большой бизнес, и в количественном, и в качественном отношении ему принадлежит здесь господствующее положение¹.

Можно сослаться при этом на исследования американского политолога Э. Штаттшайдера, исследовавшего эту проблему и сделавшего вывод о том, что система лоббизма недостижима практически для 90 % населения США и, следовательно, идет на пользу верхним 10 %, предоставляя им широкий простор для давления, а иногда и прямого или косвенного подкупа законодателей. Недаром ряд американских конгрессменов выражают опасения по поводу растущей роли лоббистских организаций, особенно в финансировании избирательных кампаний законодателей². Расходы на избирательные кампании в США превышают миллиард долларов. А далеко не все кандидаты в законодательные органы так богаты, как Рокфеллеры или Перро. Поэтому, считают многие американские политологи, журналисты, легко объясняма их податливость по отношению к тем лобби-группам, которые представляют интересы крупного капитала.

Как отмечают американские политологи У. Домхоф, Р. Уотсон³ и др., лишь незначительное меньшинство американских граждан может оказать влияние на характер и направление внутренней и особенно внешней политики страны. В результате, по словам Р. Миллса, Соединенные Штаты управляются далеко не самыми лучшими, способными гражданами, но выходцами из узкого элитарного круга, главным образом, из богатейших семейств Америки.

Следует заметить, что Р. Миллс своей книгой «Властвующая элита» нанес по идеологии плурализма ощутимый удар. «Американцы никак не хотят отказаться от представления, что государство — это своего рода автомат, действие которого регулируется принципом взаимоуравновешивания противоборствующих интересов», — иронизирует Миллс. «Когда говорят о «равновесии сил», — продолжает он, — это вызывает представление о «равенстве сил», а равенство сил выглядит как нечто вполне справедливое и даже почетное. Но то, что для одного человека фактически является почетным равновесием, для другого часто оказывается несправедливым отсутствием равновесия. Господствующие классы, конечно, охотно декларируют существование справедливого равновесия сил и подлинной гармонии интересов, ибо они заинтересованы в том, чтобы их господство не прерывалось и не нарушалось»⁴. В действительности, как

¹ См.: Зяблюк Н. Г. *США: лоббизм и политика*. М., 1976.

² US *New and World Report*. 1980. Jan. 14. P. 26.

³ См.: Domhoff W. *The Powers That Be. Process of Pulling Class Domination in America*. N. Y. 1979; Watson R. *Promice and Performance of American Democracy*. N. Y. 1972.

⁴ Миллс Р. Цит. соч. С. 333—336.

доказывает в своей книге Миллс, властвующая элита безраздельно господствует в американском обществе, вследствие чего «все разговоры о демократии в США звучат как издевательство».

Близкие идеи, хотя и не в столь радикальной форме, причем не по отношению к общенациональному, федеральному уровню, а к региональному, развивал Ф. Хантер в книге «Верховное лидерство, США». Исследуя структуру власти в городе Атланта (штат Джорджия), он показал, что все городские заправилы принадлежат к миру финансистов или зависят от него, что они объединены по интересам в несколько клик, которые сговариваются между собой по важнейшим вопросам. Вывод его исследования был однозначным: действительная структура власти в США ущемляет интересы большинства в пользу интересов элиты¹. Ответ сторонников плюрализма Ф. Хантеру не заставил себя долго ждать. Уже известный нам Р. Дауль, исследуя структуру власти в другом американском городе — Нью-Хейвене (штат Коннектикут), пришел к выводам, прямо противоположным выводам Ф. Хантера. Дауль исследовал, кто в Нью-Хейвене принимает решения в трех областях управления городской жизнью:

- 1) кто выдвигает кандидатов (от партий) на политические и административные должности,
- 2) кто руководит городским планированием,
- 3) кто осуществляет руководство народным образованием.

Результаты исследования свидетельствовали о том, что в Нью-Хейвене структура власти не пирамidalная, как на этом настаивал Хантер. Эта власть скорее рассредоточена среди равных групп и индивидов. Ф. Хантер на материалах исследования, проведенного в Атланте, доказывал, что власть во всех наиболее важных областях городской жизни сосредоточена в руках городской элиты — собственников и высших менеджеров промышленных, коммерческих, финансовых корпораций и наиболее высокопоставленных чиновников. По Даю, напротив, получалось, что лидеры в каждой из трех исследуемых им структур Нью-Хейвена не были влиятельны в двух других структурах (только 3 из 50 выявленных им лидеров были влиятельны во всех трех структурах: мэр, его предшественник и руководитель городского планирования). Лидерство в Нью-Хейвене, другими словами, оказывается, по Даю, специализированным дисперсным (см. книгу Р. Даля «Кто правит?»)².

Интересно, что через пару десятилетий структуру власти в том же Нью-Хейвене вторично исследовал другой американский политолог — У. Домхофф, написавший по материалам своего исследования книгу «Кто действительно правит?»³. Домхофф критикует Даля с позиций теории

¹ См.: Hunter F. *Top Leadership. USA. Chapel Hill. 1959.*

² Dahl R. *Who Governs & Democracy & Power in an American City. New Haven. 1961.*

³ Domhoff W. *Who Really Rules & New Haven and Community Power Reexamined. N.Y. 1978.*

класса, критикует его прежде всего за то, что тот в своем исследовании жестко разводит экономическую, политическую и социальную элиты. Исследуя членство в городских престижных клубах, он показал, что большинство членов экономической элиты города являются в то же время и членами элиты социальной, делая вывод, что реальная власть в городе (а в нем, как в капле воды, отражается ситуация, существующая в стране) — в руках представителей господствующего класса.

Реакция на работы Миллса и Хантера со стороны теоретиков господствующих направлений в социологии и политологии, прежде всего со стороны теоретиков политического плюрализма, была резко враждебной. Тем не менее, после выхода в свет книги Р. Миллса «Властвующая элита» каждый, пишущий о структуре власти в США с позиций плюрализма, должен был искать аргументы против концепции Миллса. Этими поисками отмечены работы плюралистов конца 50-х — 60-х годов. Р. Даль обвинил Миллса в «логической неубедительности» и отсутствии достаточных эмпирических доказательств¹. Д. Белл назвал концепцию Миллса «вульгарной социологией». Критикуя «Властвующую элиту», он, в частности, писал: «Даже если, как настаивает Миллс, американская политика определяется элитой, стоит указать, что эта элита... созидательная»². В своей нашумевшей книге «Конец идеологии» Белл посвящает целую главу критике теории Миллса, где утверждает, что автор неточно и нестрого употребляет термин «элита», что он дает не эмпирический анализ власти в США, а лишь схему, причем «неудовлетворительную».

Постоянным нападкам подвергается и книга Ф. Хантера. Ее критики, в частности Д. Ричи, утверждают, что «невозможно» доказать власть элиты в США, поскольку она не является явной, что клики, описанные Хантером, не связаны постоянно между собой, а вступают во временные отношения и соглашения друг с другом³. Мы видели, что одна из книг Даля «Кто правит?» прямо направлена против Хантера. Даль утверждает, что политическая элита не является одновременно экономической и социальной элитой; сфера каждой из элит ограничена ее компетенцией, причем взаимная конкуренция этих элит заставляет их «чткно реагировать на нужды избирателей». Либеральная демократия, с точки зрения Даля, — это и есть «повседневный плюрализм», плюрализм в действии. Этот вывод повторен им в книге «Демократия в Соединенных Штатах — обещания и дела» и других работах.

Одним словом, в 60-х годах в США и Западной Европе резко усиливается критика элитарных моделей политической системы современных развитых капиталистических стран, главным образом со стороны плюралистов. Ибо с изданием книг «Властвующая элита» Р. Миллса и «Верховное

¹ См.: *American Political Science Review*. 1958. June. p. 463—467.

² *Encounter*. 1960. № 6. P. 55. 3 Ricci D. *Community Power and Democratic Theory*. N. Y. 1971.

³ Ricci D. *Community Power and Democratic Theory*. N. Y. 1971.

лидерство. США» Ф. Хантера обнаружилось, что анализ политической системы современных капиталистических стран, выявляющий дихотомию элиты — масса, может нанести ущерб плюралистическим концепциям, а также имиджу США как демократической страны. Д. Белл, Р. Даль, Д. Трумэн и другие плюралисты участвуют в травле Р. Миллса, считавшего, что современная западная демократия предстает фактическим господством элиты финансового капитала.

Д. Трумэн критикует Миллса, а заодно и У. Липпмана, анализировавшего политическую систему США с прямо противоположных методологических позиций, за то, что они жестко противопоставляют элиту и массу, причем Липпман считает американскую политическую систему «всевластием масс», а Миллс — всевластием элиты. Трумэн утверждает, что оба они не правы, что распределение власти в США многое сложнее: между элитой и массой стоят многочисленные ассоциации, «группы давления», профсоюзы, политические партии и т. д.

Критика Миллса прозвучала и со стороны элитаристов, «функциональных» по отношению к политсистеме государственно-монополистического капитализма, напуганных радикальной позицией Миллса. Не случайно на IV Международном социологическом конгрессе Дж. Мейсел назвал Миллса «отцеубийцей» старой теории элиты. Потребовались «спасительные работы» по модификации элитаризма, смысл которых заключался в том, чтобы изменить его форму, но сохранить содержание. Большинство западных социологов стали требовать отказаться от понятия единой элиты, годного, по их словам, лишь для низкоорганизованных обществ, и признать множественность элит, стали доказывать, что применительно к современным демократическим политическим системам правильнее говорить не о единой властвующей элите, а о плюрализме элит, о «распылении власти». На том же конгрессе В. Гэттсмен заявил, что понятие единой элиты не может быть отнесено к индустриальным обществам, а Дж. Мейсел утверждал, что ясно очерченная дихотомия элита — масса достаточна лишь для начального анализа политических систем и что ее необходимо уточнить и дифференцировать. Он признал, что теория элиты зашла в тупик, что по мере усложнения социально-политической структуры общества элиты распадаются до понятия, которое становится «саморазрушающим».

Действительно, когда насчитывается множество элит, когда их находят в любом социальном слое, то общество рассматривается как баланс противоборствующих и взаимодействующих сил, различных групп (причем интересы каждой социальной группы выражает ее элита). Но о последнем обстоятельстве уже не обязательно упоминать: при данном подходе понятие «элита» настолько измельчено, что его можно вынести «за скобку» и утверждать, что общество представляет собой баланс «заинтересованных групп» (по терминологии Д. Трумэна) или «вето-групп» (термин Д. Рисмена). Элитарные теории оказались интегрированными политическим

плюрализмом. В этих концепциях элиминируется само понятие «правящая элита», хотя они и исходят из элитарных установок. И можно согласиться с К. Прюитом и А. Стоуном, которые пишут о существовании в западной политической науке теорий двух типов: плюрализм I — теории «вето-групп», плюрализм II — теории множества элит¹. Различия их явно несущественны: это «чистый плюрализм» (или плюрализм I) и несколько «разбавленный» (плюрализм II).

Поэтому явно ошибочна квалификация элитного плюрализма как элитизма или даже как концепции, находящейся посредине между плюрализмом и элитаризмом, как «разумного компромисса» между этими «крайностями». В действительности теории элитного плюрализма — вариант именно плюралистической идеологии. Столь же малообоснованы попытки интегрирования элитаризма и плюрализма путем их эклектического соединения, которые предприняли К. Долбеар и М. Эдельман, заявляющие, что «ни элита, ни масса не безвластны»² и что решение вопроса, на чьей стороне власть, требует каждый раз конкретного анализа конкретных ситуаций.

Промежуточную позицию между элитизмом и плюрализмом пытаются занять и сторонники концепций «неограниченной» социальной мобильности в индустриальном и постиндустриальном обществе, считающие, что та или иная общественная страта, опираясь на свою организацию, в определенный момент может участвовать в осуществлении государственной власти. По существу, перед нами все тот же «ослабленный» вариант плюрализма. Разногласия между «чистым плюрализмом», элитным плюрализмом и теориями неограниченной социальной мобильности в индустриальном и постиндустриальном обществе — это отнюдь не принципиальные разногласия, а скорее различные способы апологии буржуазной политической системы. Так, сторонники концепций неограниченной социальной мобильности исходят из того, что в современном капиталистическом обществе каждый индивид может относительно свободно переходить из более низкой страты общества в более высокую, в том числе в элиту, а страты последовательно сменяют друг друга у руля государственного правления (что вполне вписывается как в концепции открытого общества, так и политического плюрализма). Однако оппоненты подобных взглядов задают законный вопрос: есть ли возможность подняться в элиту у представителей всех классов или прежде всего (применительно к США) у белых ангlosаксов, протестантов из высших классов, чья власть основана главным образом на их богатстве, их позициях в финансах, индустрии, средствах массовой информации, которые получили дорогостоящее образование в частных школах, в элитных университетах, которые являются членами одних и тех же элитных клубов (точка зрения У. Домхоффа)?

¹ Dahl R. Democracy in the United States: Promises and Performance. Chi. 1971.

² Prewitt K. Stone A. Op. Cit. P. 116—127.

Но чем же объясняется распространенность и влиятельность различных вариантов плюралистической идеологии, в том числе элитного плюрализма? В значительной мере тем, что она учитывает определенные реальные процессы функционирования современных форм государственно-монополистической системы в условиях демократических институтов, подчеркивает усложнение механизма властных отношений, некоторую автономию тех или иных социальных групп внутри господствующего класса. Иное дело, что этим моментам зачастую придается преувеличенное значение, и вся концепция выступает как утонченная форма оправдания статус-кво. Демократические свободы, по этой теории, обеспечиваются взаимными разногласиями и равновесием элит. Функции «ограничения», «сдерживания» по отношению друг к другу выполняют политическая, экономическая, культурная, военная и другие элиты. Каждая из них представляет собой относительно замкнутую группу, строго охраняющую от «аутсайдеров» свои прерогативы и привилегии. Этот баланс элит объявляется единственным возможным ныне типом демократии.

Разделяя элиты по функциональному признаку, политологи плюралистической школы, естественно, не вскрывают классовую сущность каждой из этих элитных групп; они представляют эксплуататорский класс раздробленным на изолированные, конкурирующие между собой части (финансовая олигархия, политики, генералитет и т. д.), чье соперничество вытекает из «противоположности» функций управления. Как будто бы все они не выполняют в своих областях главную функцию — осуществление пролонгации существования политической системы, которая и обеспечивает им элитные позиции в обществе.

Например, С. Келлер утверждает, что в современном западном обществе лидерство принадлежит не одной элите, «а скорее комплексной системе специализированных элит, связанных с социальным порядком и друг с другом различными способами».

Магнаты бизнеса, верхушка политиков, выдающиеся деятели культуры — «все они влиятельны, но в разных сферах; различны их ответственность, источники власти, способы избрания. Этот плюрализм элит отражает и поддерживает плюрализм современных обществ»¹. Келлер признает все же, что не все элиты одинаково влиятельны, и предлагает использовать термин «стратегические элиты» в отношении «тех элит, которые получили или добиваются влияния на общество в целом, в противоположность сегментарным элитам». Границы между стратегическими и сегментарными элитами Келлер не считает четко выраженным. Она признает, что тенденция к плюрализму элит противоречит «давно замеченной тенденции» к монополизации власти, но тем не менее настаивает на своем главном тезисе, что в «либеральных плюралистических системах» лидерство осуществляется высокоспециализированными, функционально независимыми элитами.

¹ Dolbear K., Edelman M. American Politics. 1974. P. 189.

Как уже отмечалось, Р. Даль сформулировал теорию полиархии — множественности центров власти (а значит, и элитных групп) в демократическом обществе. Демократией он называет систему, в которой власть дисперсна, в противоположность диктатуре — власти немногих, монополизировавших эту власть. Даль утверждает, что хотя политическое влияние в обществе распределено неравномерно, это не означает, что верна «гипотеза об элите», которая представляется «циничной по отношению к демократии»¹. Отрицание правящей элиты он обосновывает тем, что, во-первых, люди, имеющие власть, часто не согласны между собой и находятся в отношениях соперничества. И, во-вторых, власть различных групп людей является специализированной. Даль вводит понятие «кумулятивного неравенства», когда контроль над одним из ресурсов общества, например, политической властью, ведет к контролю над другими видами социальных ресурсов, таких, как богатство, военная мощь и т. д. Думается, что Даль вводит «работающее» понятие, уточняющее и объясняющее процесс концентрации и монополизации власти в обществе. Казалось бы, оно должно логически вести к признанию правящей элиты. У Даля же все обстоит иначе: защищая современную американскую политическую систему, он утверждает, что она не приводит к «кумулятивному неравенству», сохранив конкуренцию различных сфер общественной жизни.

Плюралистическая теория обладает большим влиянием еще и потому, что опирается на классическую концепцию разделения властей (законодательной, исполнительной, судебной) в демократических странах, благодаря чему в обществе вырабатывается система «противовесов», с помощью которой одни органы власти могут удержать от «крайностей» другие. Впрочем, ныне большинство государствоведов вынуждены признать, что осуществление действительного равновесия исполнительной и законодательной властей, не говоря уже о судебной, никогда не удавалось; экспансия исполнительной власти — это трудноспоримый факт.

Еще раз подчеркнем, что теории элитного плюрализма имеют определенные реальные основания. Они связаны с усложнением социальной структуры современных индустриально развитых стран, которое имеет следствием нетождественность экономической и политической власти, экономической и политической структуры общества. Выше уже говорилось о разделении социальных ролей в господствующем классе: его члены выполняют и функции владельцев средств производства, и связанные с ним функции организации экономической жизни, и функции руководства политической жизнью, а также военные, культурно-идеологические и т. д. Но все это — разделение ролей и соответственно выделение различных социальных групп и слоев внутри господствующего класса. Ставить же на одну доску классовые отношения и внутриклассовые, как это делают теоретики элитного плюрализма, значит совершать принципиальную ошибку.

¹ International Encyclopedia of the Social Sciences. Vol. 5. N. Y., 1968. P. 26.

Можно сделать вывод о том, что концепция элитного плюрализма создает весьма одностороннюю картину структуры политической системы современных развитых индустриальных стран. Достаточно отметить в этой связи, что она рассматривает организации господствующего класса, такие как союзы предпринимателей и др., и организации рабочего класса, такие как профсоюзы, как однопорядковые, равноудаленные от государства, хотя вряд ли можно сомневаться в том, что характер взаимоотношений организаций господствующего класса с государством («политическим комитетом» того же самого класса) коренным образом отличается от взаимоотношений с ним организаций классов, являющихся объектом эксплуатации.

Неэлитизм. Модели политической структуры развитых капиталистических стран. В 70-х — 90-х годах ряд американских и западноевропейских политологов (Т. Дай, Х. Цайглер, У. Домхофф и др.) предпринимают фронтальную атаку на плюралистическую концепцию политической структуры капиталистических стран. Они ставят под сомнение, в частности, исходное положение плюрализма о том, что индивид в капиталистической системе может воздействовать на политику государства, участвуя в организованных группах, и что поэтому население «современных демократических стран» инкорпорировано в многочисленные группы и организации. Американская действительность, в частности, весьма далека от этого норматива, как это было продемонстрировано в ряде эмпирических исследований. Так, исследования известных американских политологов А. Алмонда и С. Вербы показали, что в США только 1 % опрошенных заявил, что надеется воздействовать на те или иные решения правительства через свое участие в деятельности политической партии, и только 4 % — через различные формальные организации, включая профсоюзы. Таким образом, лишь ничтожное меньшинство «мыслит в терминах плюрализма». Большинство же не верит в постулаты плюрализма, является в своих воззрениях «доплюралистическим» и в общественной практике ориентируется на индивидуальные действия. И дело не только в том, что большинство населения «не имеет непосредственного контакта с организациями, которые могли бы обеспечить представительство их интересов». Как доказывают сторонники концепции «массового общества», которую канадский социолог Р. Гамильтон называет «патологической инверсией плюралистической теории», в современных Соединенных Штатах наблюдается как раз тенденция упадка роли автономных организаций, которые в условиях государственно-монополистического капитализма неизбежно бюрократизируются и не снимают отчуждение индивидуума¹. Более того, сами эти группы, врастая в бюрократическую социальную структуру, служат не защите личности, но, напротив, оказываются дополнительным орудием в руках манипуляторской элиты.

¹ Dahl R. *Modern Political Analysis*. New Haven. 1963. P. 8. 34.

К тому же многие, если не большинство, «добровольных», демократических ассоциаций в действительности далеко не демократичны (это относится, в частности, и к политическим партиям). «Предположение, — пишет Гамильтон, что формальные организации являются демократическими — одно из главных допущений теории плюрализма»¹. И, добавим от себя, одно из самых шатких. Критики плюрализма отталкиваются от знакомой нам теории Р. Михельса о том, что в любой демократической организации с течением времени складывается элита, неподконтрольная массе членов организации, и тогда демократическая структура уступает место элитарной. А если ассоциации, формальные организации служат интересам элиты, то, как отмечает У. Домхофф, направление их влияния будет противоположно тому, на которое рассчитывают плюралисты².

Подводя итоги критики рассматриваемой концепции, Гамильтон пишет, что «теория плюрализма обнаруживает свою полную неадекватность». В описании того, как работает политический механизм индустриально развитых стран, она оказывается лишь «частично годной». «В лучшем случае, — отмечает он, — можно говорить лишь об ограниченном плюрализме или плюрализме для высшего и высшего среднего классов»³. Вот это замечание представляется нам весьма примечательным: «плюралистическая демократия» оказывается демократией весьма ограниченной, демократией, которая ориентирована на верхние страты социальной пирамиды.

К. Прюит и А. Стоун ищут спасение демократии в организациях, ассоциациях, группах, которые квалифицируются ими как посредники между элитой и массами. Гиранические элиты и атомизированные массы вряд ли возможны в условиях активной жизни групп⁴, в условиях развитого гражданского общества, пишут они, повторяя концепцию Д. Рисмена, У. Корнхаузера и других плюралистов (хотя сам плюрализм описывается ими в терминах элитного плюрализма, а организации рассматриваются как связь между элитами и неэлитами).

Наконец, многие политологи говорят о несостоятельности претензий теории политического плюрализма на «деидеологированность», считая, что данная концепция — это идеология защиты капиталистического статус-кво; ее идеал — замена классовой борьбы компромиссом различных социальных групп и реформистской деятельностью властей. Гамильтон замечает, что хотя плюралистическая теория «претендует на то, что представляет собой деидеологизированный реализм, она сама обнаруживает себя исключительно полезной и удобной идеологией»⁵. Удобной,

¹ См. подробнее: Ашин Г. Доктрина «массового общества». М., 1971. С. 120.

² См.: Domhoff W. *The Higher Circles & The Governing Class in America*. N. Y. 1970.

³ Hamilton R. *Op. cit.* P. 45.

⁴ Prewitt K. Stone A. *Op. cit.* P. 74.

⁵ Hamilton R. *Op. cit.* P. 74.

разумеется, для существующей политической системы. Ее сторонники представляют плюрализм как систему, регламентирующую конкуренцию заинтересованных групп в рамках буржуазно-демократических институтов и процедур. Все эти участвующие в конкуренции группы принимают общие «правила игры». И лозунг сторонников этого направления — «плюрализм в рамках консенсуса», согласия о сохранении фундаментальных основ системы, таких «правил игры», чтобы демократизм не выливался в «гибридную демократию», чтобы он обеспечивал эффективное функционирование существующей политической системы.

Причем, как считают западные политологи, значительно легче было достичь консенсуса в более стабильный период 50-х — 60-х годов (для западных стран) и значительно труднее — в нестабильные 70-е — 90-е годы. Характерно, что влиятельный американский журнал «Дедалус» один из своих номеров 1980 года полностью отвел проблеме поиска консенсуса американскими элитами в 80-х годах. Вопрос ставился так: как спасти консенсус во времена политической нестабильности? Как пишет американский социолог А. Бартон, общий консенсус групп интересов и функциональных элит США со временем окончания второй мировой войны и до кризисных явлений в экономике в 1973 — 1974 годах включал в себя антикризисную кейнсианскую экономическую политику, «работающую» конкуренцию между корпорациями и монополистическими объединениями, антикоммунистическую внешнюю политику. «Только беднейшие 20 % выпадали из этого консенсуса»¹, — замечает Бартон. В 70-х — 80-х годах ситуация изменяется: обостряются внутриполитические противоречия (среди причин этого Бартон выделяет энергетический кризис и рост цен на горючее, торможение роста производительности труда, инфляцию в сочетании с ростом безработицы), растет нестабильность международных отношений. И вот в этих условиях плюралистический консенсус не мог не дать трещину. И вместе с ним дает трещину и сама плюралистическая концепция.

Американские политологи Л. Филд и Дж. Хайли пишут, что в течение примерно полувека — с 1925 по 1975 годы — элитарная парадигма мало разрабатывалась, сменившись парадигмой «государства благоденствия», плюрализмом, недооценившим роль элит. Зато в последней четверти XX века она сменяется элитистской парадигмой, которая становится популярной².

Все более явное несоответствие плюралистической модели реальному социально-политическому процессу в ведущих капиталистических странах предопределяет и ослабление ее идеологических функций. Похоже на

¹ Barton A. *Fault Lines in America. Elite Consensys.* — *Daedalus*, vol. 109, 1980, Summer. № 3. P. 1.

² См.: Field L. And Higley J. *Elitism.* L., 1980. P. 4 — 18.

то, что плюралистическая теория перестала быть тем «фишевым листком» для прикрытия элитарной сущности буржуазной политической системы, каким ей надлежит быть по замыслу ее сторонников. Не случайно в западной социологической и политологической литературе последних лет отмечается, что «поток плюралистической ортодоксии становится объектом все ширящейся критики»¹, начинается нечто вроде «антиплюралистической революции».

Альтернативными по отношению к плюралистическим концепциям выступают, как мы уже видели, теории классов и классовой борьбы и особенно теории элиты. Не случайно критиков плюралистических концепций Т. Даля, Х. Цайглера и других близких к ним по своим взглядам социологов называют «неэлитистами». По словам Даля и Цайглера, они «бросили вызов» плюралистам, «поставив под сомнение эмпирическую обоснованность их теории, а тем самым подрывая их претензии на нормативные предписания»². Не отрицая того, что в американских правящих кругах существуют различные группы со специфическими интересами, они резонно замечают, что различия между этими группами и группировками касаются, в сущности, частных вопросов, тогда как в основных, существенно важных для поддержания существующей социально-политической системы, интересы элитных групп едины; между ними существует фундаментальное согласие. От себя добавим, что это — согласие, базирующееся на общности интересов, проистекающих из того, что они члены правящего класса.

Книга Даля и Цайглера «Ирония демократии», о которой речь шла выше, сопровождается характерным подзаголовком «Необычное введение в американскую политику». «Необычность» эта заключается в том, что книга «не основана на плюралистической идеологии», что само по себе для американской политической науки большая редкость. Нужно отметить, что в критике плюрализма авторы занимают достаточно сильные позиции. Но их позитивная программа довольно скучна: это не что иное, как консервативно-романтическая мечта о «хорошей», «мудрой», « дальновидной», «высокогуманной» элите. Ответственность за незэффективность политики авторы возлагают на недальновидных политиков, лидеров, лишенных ответственности перед народом, которые прикрывают теорией политического плюрализма свои эгоистические интересы.

К тому же авторы полемизируют друг с другом. Так, Дац считает, что путем реформ в США можно установить подлинно демократическую систему, при которой каждый участвовал бы в принятии политических решений (и это без коренной ломки социальных отношений, что само

¹ Femia J. Elites. Patrisipation and Democratic Creed. Political Studies, 1979, N Y. P. I.

² Dye T., Zeigler H. Op. P. VII.

³ Ibid. P. VIII—IX.

по себе дает основания подозревать автора в изрядной доле утопизма). Цайглер же, в противоположность Даю, возлагает надежды на систему «просвещенного лидерства, способного сохранить личные свободы и собственность», отмечая при этом, что «хорошо организованное общество, управляемое образованной элитой, предпочтительнее нестабильности массового общества»¹.

Дай справедливо пишет, что плюрализм в американской политологии — апологетическая теория, «лыжающаяся доказать демократический характер американского общества... Она развивалась как идеология примирения идеалов демократии с реальностями индустриального технократического общества». Плюрализм рисует «открытую систему лидерства», которая позволяет выходцам из низших классов подняться в верхние слои общества. Дай показывает, что эти утверждения полностью противоречат действительности, что огромная власть в Америке сосредоточена в руках горстки людей». Последние представляют собой, по существу, закрытую элиту, причем несменяемую, ибо ее положение не зависит от таких эфемерных явлений, как выборы и смена администрации страны. Подлинная элита США — это Рокфеллеры и Меллоны, а не тот или иной формально избранный лидер. В составе этой элиты ведущую роль играют собственники и высшие менеджеры гигантских промышленных корпораций и банков, в нее входят владельцы средств массовой информации, правительственные верхушки (причем ее члены, как правило, сделали карьеру в промышленных и финансовых корпорациях). Однако элитарист Дай не столько осуждает такое положение, бросающее вызов демократической риторике американских политиков, сколько оправдывает его. Установки Дая весьма консервативны. Ссылаясь на то, что «Соединенные Штаты не уникальны в концентрации власти в руках немногих» (такое положение существует и в других странах и может считаться нормой), он выводит необходимость элиты из «общей нужды в поддержании общественного порядка»¹.

С иных, леворадикальных позиций критикуют теорию этического плюрализма Ф. Ландберг и У. Домхофф и другие. Если бы теория политического плюрализма была состоятельной, отмечает Ландберг, если бы важнейшие политические и экономические решения в США были результатом компромиссов между примерно равными по силе конкурирующими группами и каждая группа принимала бы участие в выработке таких решений, тогда наблюдалось бы гораздо большее равенство между различными группами в распределении денег, влияния, престижа. Напрашивается вывод, что вся финансово-политическая элита и ее окружение — это сложное переплетение родственных отношений, наподобие тех, которые связывают старейшины аристократические семьи Европы.

Ответить на поставленный Ландбергом вопрос пытаются и У. Домхофф, который показывает, как собственники и менеджеры гигантских банков и промышленных корпораций осуществляют на практике свое

¹ Dye T. Op. Cit., 3—10, 143, 148.

господство в США. Он отмечает, что фальшивые, насквозь апологетические теории политического плюрализма всячески маскируют политический процесс, посредством которого «правящий класс осуществляет свое господство над правительством». Не в последнюю очередь из-за подобных концепций, которые широко пропагандируются в США всеми средствами массовых коммуникаций, многие американцы даже «не имеют понятия о существовании этого высшего класса».

Итак, действительную власть в капиталистических странах, и в частности в США, выполняет правящий класс — капиталисты, в структуре этого класса доминирующую роль играет монополистическая буржуазия. Но механизм осуществления этой власти достаточно сложен и хорошо закамуфлирован. Определенную роль в этом камуфлировании играют и плюралистические теории. «Плюралисты полагают, — пишет Домхофф, — что различные группы, включая профсоюзы, организации фермеров, потребителей, защитников окружающей среды, имеют возможность влиять на политические решения» и что нет такого явления, как правящий класс Америки¹. Подобные утверждения чаще всего представляют собой сознательное искажение действительного положения вещей. В одной из своих книг Домхофф исследует сплоченность правящего класса США, проявляющуюся, в частности, в создании им аристократических частных клубов, куда допускаются лишь «избранные». Как отмечалось выше, важнейшие для страны решения по политическим, экономическим и иным вопросам сначала зреют и обсуждаются в кулуарах подобных элитных клубов и лишь затем проводятся через соответствующие буржуазно-демократические институты, становятся достоянием общественности. Таким образом, массы видят только внешнее действие политики, в процессе которого лишь «озвучиваются» решения, принятые действительной элитой в кулуарах. Именно в интересах правящего класса и осуществляются внутренняя и внешняя политика США, независимо от смены администраций. Политика, которую проводят «команды» Никсона, Форда, Картера, Рейгана, Буша, Клинтона, в действительности определяется этим классом.

«Члены этого привилегированного класса, — пишет Домхофф, — как свидетельствуют исследования социологов и журналистов, живут в хорошо охраняемых апартаментах, их соседями являются такие же избранные, они посыпают своих детей в частные школы, выводят дочерей в свет, посещают клубы для избранных.. их называют «патрициями», «брахманами», «аристократами», «бурбонами» в зависимости от того, как давно они разбогатели». Вот эти-то «избранные», имеющие совершенно отличный от масс доход и ведущие иной образ жизни, и определяют внутреннюю и внешнюю политику США, прежде всего, через организации господствующего класса, которые, с одной стороны,

¹ Domhoff W. *The Power To Be. Process of Ruling Class Domination in America.* P. XII, 3, 7 – 8.

маскируют их власть, а с другой — делают ее более прочной (ибо, как отмечают исследователи, власть элиты тем прочнее, чем менее она заметна).

К дискуссии о структуре власти в США. Властвующая элита, или элитный плюрализм — это центральная проблема в полемике о структуре власти в Соединенных Штатах, которая продолжается более четырех десятилетий. «Каков характер этой власти?» — задают вопрос политологи Б. и П. Бергеры, исследовавшие эту дискуссию. Справедлива ли теория властивущей элиты или же многофакторная теория?¹

В 50-х — 60-х годах в фокусе внимания находилась полемика между Р. Миллсом и Д. Рисменом по этой проблеме, которую подытожил видный американский политолог У. Корнхиузер². Миллс показал, что реальную власть в США осуществляет узкий верхушечный слой, в то время как народ фактически бесправен, не он решает основные политические вопросы. Но Рисмену, вопрос, кто властвует в США, носит спорный характер: «ситуация гораздо более неопределенна», чем кажется на первый взгляд. Сущность американской политической системы, подчас искажаемую в реальности, Рисмен видит в распределении власти между различными автономными группами, обладающими правом вето в сфере своих интересов. Он считает «упрощенным» мнение радикалов о том, что Америкой управляет Уоллстрит. Утверждение, что в США правит или должно править меньшинство, он отвергает как «марксистский» экстремизм (в первом случае) или элитарный аристократический подход (во втором), допуская, однако, что последний был справедлив в прошлом. Несоответствие американской действительности своей схеме он склонен объяснять всякого рода досадными упущениями, расстройством соответствующих механизмов контроля и т. д.

Миллс рисует пирамиду власти в США, включающую три уровня: высший — реальная власть, которая осуществляется властивущей элитой; средний — который отражает групповые интересы, играет второстепенную роль, наиболее заметную в кулуарах конгресса; низший — уровень «фактического бесправия» масс. Пирамида власти, рисуемая Рисменом, состоит из двух уровней, соответствующих второму и третьему уровням модели Миллса. Верхний уровень пирамиды Рисмена — «вето-группы», занятые прежде всего защитой своих интересов; низший «неорганизованная публика». «Вето-группы» стараются не столько командовать «публикой», сколько привлечь ее в качестве союзника в своих маневрах против угрозы ущемления своей юрисдикции. Поэтому Рисмен утверждает, что существует плюрализм структур власти, что политическая власть в США представляется ситуационной и подвижной (табл. 4).

¹ Berger P., Berger B. *Sociology. A Biographical Approach.* N.Y., 1976. P. 295.

² Gilbert D. And Kahl J. *The American Class Structure. A New Synthesis.* Belmont, 1995 P. 190 — 204.

Таблица 4

	Модель Р. Миллса	Модель Д. Рисмена
Уровни власти	А — властвующая элита В — множество групп с различными интересами С — массы, неорганизованная публика, практически бесполитична	А — отрицает властвующую элиту В — совпадает с Миллсом С — массы, неорганизованный народ, имеющий некоторую власть над «группами интересов»
Тенденции к изменениям	Растущая концентрация власти	Растущая дисперсия власти
Процесс управления	Одна группа определяет важнейшие политические вопросы	Кто определяет политику, зависит от конкретного вопроса. Конкуренция между организованными группами
Последствия	Усиление корпораций, военизации, исполнительной власти. Уменьшение значения общественного мнения. Безответственность элиты, кризис демократии	Ни одна группа не возвышается намного над другой. Утрата интереса к политике. Кризис лидерства

Миллс приводит огромный материал, свидетельствующий о том, что реальная власть в США концентрируется в руках элиты, отстраняющей от управления страной народные массы. Рисмен отрицает наличие правящей элиты, настаивает на аморфности структуры власти, отражающей разнобразие интересов главных организованных групп (политических партий, профсоюзов, организаций бизнеса, фермерских союзов и т. д.). Он субъективистски подходит к пониманию власти, считая, что главное — не столько материальные возможности и границы власти, сколько психическое состояние — насколько человек чувствует себя сильным или, наоборот, зависимым. «Если бизнесмены чувствуют себя слабыми и зависимыми, они действительно становятся слабес и зависимее безотносительно к ресурсам, которыми они располагают»¹.

Чья же модель адекватно отражает американскую действительность? Думается, однозначный ответ будет односторонним. Обе концепции имеют корни в особенностях политической системы современных индустриально развитых стран. Дело в том, что все большая концентрация власти в руках финансовых и промышленных магнатов сопровождается контргендерциями, тщательной маскировкой этого процесса, стремлением придать ему демократические формы, прикрыть пропагандистской деятельностью гигантского масштаба. Миллс выявляет существенную

¹ См.: *Culture and National Character*. Ed. By S. Lipset and L. Lowenthal. Glencoe, 1961. P. 252—262.

тенденцию в развитии современного капитализма — концентрацию власти в руках финансового капитала и зависимых от него элитных групп (политической, военной элиты). При этом он, однако, зачастую отвлекается от внешней формы этого процесса, от важных для социологического анализа проявлений сущности. В то время как Миллс приближается к пониманию реальной структуры власти в США, показывая, что господство элиты базируется на единстве и переплетении интересов корпораций, политических и военных институтов, Рисмен уходит от анализа классовой сущности власти, настаивая на ее «дисперсии». Если сущность политической структуры США элитарна, то ее форма, ее оболочка, по Крайней мере внешне, демократична. Механизм этого скрытия сущности может быть предметом социологического и социально-психологического исследования. Рисмен и обращает главное внимание на зависимости, которые обеспечивают маскировку господства монополистической элиты, на внешне демократический и обезличенный механизм осуществления элитой власти, на «превращенную форму» определенного общественного отношения.

При социологическом анализе необходимо учитывать оба этих аспекта. Важно показать, что современное американское общество элитарно (как и его политсистема) по своей сущности (это удалось Миллсу), но необходимо раскрыть и социально-политический и социально-психологический механизм господства элиты (оказавшийся в фокусе внимания Рисмена и абсолютизированный им). Можно отметить, что Миллс порой слишком прямолинеен и недооценивает сложных окольных путей, используя которые, элита реализует свою власть. Процесс, сущность которого вскрывает Миллс, на поверхности выступает так, как его описал Рисмен. Оба рассматривают один и тот же процесс, но первый — изнутри, второй — снаружи, первый раскрывает его сущность, второй — его внешние проявления.

В 70-е — 90-е годы этот незаконченный спор перерастает в полемику неоэлитаристов и теоретиков элитного плюрализма¹. Неоэлитисты рисуют следующую модель структуры политической власти в США (равно как и в других индустриально развитых странах):

1. Власть вытекает из распределения ролей и позиций внутри социально-экономической системы. Люди получают власть, занимая ключевые позиции в экономических, финансовых, военных и правительственные институтах. Власть находится в руках меньшинства; небольшое число людей распределяет материальные ценности в обществе: массы не определяют государственную политику.

2. Власть «структурна», т. е. отношения власти продолжают существовать во времени независимо от частных изменений в периоды выборов: одни и те же элитные группы продолжают осуществлять власть в обществе независимо от исхода выборов. Для того, чтобы сохранить стабильность социально-политической системы, переход в элиту должен быть медлен-

¹ Riesman D. *The Lonely Crowd*. NY, 1953. P. 253.

ным, длительным, причем только тот, кто принимает основные согласованные правила элиты, допускается в правящие круги.

3. Существует явное различие между элитой и массами. Те немногие, которые управляют, не являются типичными представителями масс, элиты формируются преимущественно из представителей высшего социально-экономического слоя общества. Представители масс могут войти в элиту, только заняв высокий пост в институциональных структурах, причем принимая санкционированные элитой «правила игры».

4. Различия между элитой и массами основаны прежде всего на контроле первой за экономическими ресурсами общества; индустриальные и финансовые лидеры образуют главную часть элиты.

5. Государственная политика выражает интересы не масс, а элиты. Существует конвергенция на уровне верхушки политической системы; небольшая группа оказывает преобладающее влияние в большинстве секторов американской социальной жизни индустрии, финансах, военных делах, внутренней и внешней политики.

6. Между членами элиты могут существовать разногласия, но их объединяет консенсус относительно сохранения политсистемы такой, какова она есть, и они действуют согласованно, особенно когда система оказывается под угрозой. Иначе говоря, элиты едины в подходе к основным ценностям социальной системы, расходясь лишь в частных вопросах.

7. Элита почти не подвержена влиянию масс или подвержена ему в малой степени (через выборы или какие-то иные формы политической активности масс), она может рассчитывать на равнодушные большей части населения.

Сравним эту модель структуры власти в США с той моделью, которую конструируют сторонники теории плюрализма:

1. Власть — атрибут отношений между индивидуумами, возникающих в процессе выработки решений. Независимо от своей социальной и экономической позиции каждый индивид имеет власть в достаточной мере, чтобы побудить другого сделать то, что иначе тот бы не сделал.

2. Отношения власти не обязательно сохраняются во времени. Сеть отношений власти, формируемая для выработки конкретного решения, может быть заменена другой сетью, когда вырабатывается иное решение.

3. Различия между элитой и массами не четко фиксированы, они могут размываться. Индивиды относительно легко входят в ряды людей, принимающих решения (в зависимости от характера этого решения, от того, касается ли это решение непосредственно этих людей).

4. Различия между элитой и массами основываются главным образом на заинтересованности в принятии того или иного решения. Лидерство флюидно и мобильно. Доступ к принятию решений может быть открыт через овладение искусством лидерства, информацию о проблеме, знание демократических процедур. Богатство и экономическая власть открывают доступ к политической власти, но это — лишь один из путей к ней.

5. Существует множественность элит. Решения достигаются в процессе взаимодействия элит — заключением сделок, посредничеством, компромиссами. Люди, реализующие власть через принятие некоторых решений, отнюдь не обязательно имеют влияние при принятии иных решений. Нет элиты, доминирующей во всех областях социальной и политической жизни.

6. Существует конкуренция между элитами. Институты и организации разделяют власть: предполагается, что они соперничают между собой. Хотя элиты обычно разделяют общее согласие относительно «правил игры», они преследуют различные политические цели. Политика — искусство компромисса между конкурирующими группами.

7. Массы могут оказывать значительное влияние на элиты, прежде всего, через выборы, через «группы давления». Конкуренция между элитами ведет к их подотчетности массам, хотя какие-то важные решения, затрагивающие жизнь людей, порой принимаются частными элитами, которые могут быть и не подотчетны прямо массам.

Нужно сказать, что некоторые критики плюрализма утверждают, что он является скрытой формой элитаризма, что плюралисты ближе к элитаристской, чем к демократической позиции. При этом они ссылаются обычно именно на элитный плюрализм, который и рассматривают как вариант элитаризма. Однако если сомнение в демократическом характере элитного плюрализма представляется нам не лишенным определенных оснований, то суждение о том, что элитный плюрализм ближе к элитаризму, чем к плюрализму, нам кажется ошибочным. Вторая из анализируемых нами моделей современных политических систем убедительно свидетельствует об этом, показывая, что элитный плюрализм всего лишь вариант плюрализма.

Сравним обе модели структуры власти — элитистскую и плюралистическую. На наш взгляд, первая из них гораздо большей степени отражает реальности современных капиталистических стран и, в частности, США. Однако остается нерешенным ряд вопросов. Во-первых, являются ли эти две модели альтернативными, как на этом настаивают многие элитаристы и еще более многочисленные сторонники плюрализма? Во-вторых, могут ли эти модели, в том числе и плюралистическая, считаться действительно демократическими?

Отвечая на первый вопрос, отметим, что нельзя преувеличивать различия двух указанных моделей, как это делают и незлитисты и многие сторонники плюралистической концепции. У них достаточно много точек соприкосновения, взаимных переходов, полутона. В ряде существенных аспектов обе эти концепции не альтернативны, а комплементарны. Если мы проанализируем методологические принципы обеих концепций, мы сможем обнаружить их общность в ряде фундаментальных подходов, например, в игнорировании классовой сущности политических систем, в изображении государства бесклассовым органом порядка, в утверждении,

что народ неспособен управлять обществом, что для этого необходимо политически активное меньшинство, элиты или элиты.

Гораздо труднее ответить на второй вопрос: могут ли считаться первая и (или) вторая модель демократическими? Или они обе противостоят концепции демократии как подлинного народовластия, как непосредственной власти народа. Поискам ответа на этот вопрос будет посвящена следующая глава.

ЛИТЕРАТУРА

Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.

Перенети М. Демократия для немногих. М., 1990.

Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992.

Тоффлер О. Смещение власти. М., 1991.

Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. Ч. II. М., 1992.

Голосов Г.В. Сравнительная политология. Новосибирск, 1995.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. В чем наиболее существенные различия между критическими, функциональными и плюралистическими теориями элиты?
2. Какова ключевая проблема, обсуждавшаяся в ходе дискуссии 50-х — 60-х годов о структуре власти в США?
3. Можно ли ставить вопрос так: чья модель более адекватна политической действительности — Р. Миллса или Д. Рисмена?
4. Какие проблемы были в центре спора неоэлитистов и плюралистов в 70-е — 90-е годы?

Глава 7. ЭЛИТИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ

Выше мы видели, сколь разнообразны варианты и способы обоснования элитизма. Однако между ними существует и фундаментальное сходство: все они едины в том, что без элиты не может быть нормального функционирования общества, что она имеет право на привилегированное положение. Более того, она должна бдительно охранять свои привилегии от «посягательств» со стороны народных масс. При этом неизбежно возникает вопрос, как согласовать такие утверждения с концепцией демократии? Элитисты не могут уйти от этого достаточно скользкого для них вопроса. Часть из них выступает с традиционной для элитистов критикой демократии справа, обосновывая необходимость для общества сильной, независимой власти, которая только и может обеспечить квалифицированное управление обществом, без оглядки на дезинформированную, эгоистичную и близорукую массу, часто обосновывая власть авторитарной элиты. Однако большинство западных политологов стремятся совместить принципы элитаризма с принципами демократии, приспособить

демократические теории к элитарной структуре власти де-факто, создавая всякого рода паллиативные и компромиссные концепции типа «полиархической демократии» или «демократического элитаризма».

Элитаризм как альтернатива демократии. С момента своего возникновения (и даже раньше, если иметь в виду предшественников) элитаризм как политическая и культурологическая концепция направлял острие своей критики против демократии и социализма. Причем, как признает известный американский политолог К. Фридрих, в теориях Карлейля, Ницше, Парето, Моски содержится немало «феодальных пережитков». Близкую мысль высказывает Т. Боттомор, указывая, что теории элиты представляют собой «попытки оживить старые идеи социальной иерархии и создать препятствия на пути развития демократии»¹. Явные противоречия между элитаризмом и теориями демократии обнаруживаются в том, что, во-первых, элитаризм исходит из неравенства людей, тогда как демократическая теория прокламирует их равенство, пусть хотя бы только политическое (как пишет американский политолог У. Стэмпс, «Демократией называется такая система, которая обеспечивает политическое равенство граждан, но она не гарантирует социального и экономического равенства»²); во-вторых, основа элитаризма — полноправие правящего монополистического, в то время как юридический принцип демократии — признание воли народа в качестве источника власти (Парето указывал, что «болтовня о демократии — это плутократическая демагогия элиты манипуляторов»³. Для Михельса «ни одна система управления не совместима с постулатами демократии»⁴).

«Правительство народа — для народа, управляемое народом», — так великий американский демократ А. Линкольн мыслил демократическую политическую систему. Но для элитаристов эта мысль оказывается неприменимой или лишь частично приемлемой. Собственно, элитаристы охотно цитируют слова Линкольна, но часто снисходительно замечают при этом, что «старый Линкольн был слишком наивен» (во всяком случае, в двух заключительных словах своего высказывания). Он де не учел, что, во-первых, «технически невозможно» осуществить правление народа, особенно в крупной стране, и потому он должен предоставить полномочия, необходимые для политического управления, элите: во-вторых, основа элитаризма — утверждение, что народ некомпетентен в политике, «не информирован и дезинформирован», и если бы действительноправлял, неизбежно «навредил бы самому себе». Его интересы гораздо лучше обеспечит «мудрая» и «подготовленная» элита. Элитаристы оспаривают формулу Линкольна либо в мягкой форме, утверждая, что «его слова нельзя понимать буквально», либо в резкой, заявляя, что поскольку правительство

¹ Bottomore T. Op. Cit. P. 9.

² Stamps W. Why Democracies Fail. N. Y., 1982. P. 134.

³ Eisermann G. Vilfredi Pareto. Tbingen, 1961. S. 68.

⁴ Michels R. Political Parties. P. 364.

народа, с их точки зрения, неосуществимо на практике, то сам этот лозунг есть лишь «идеологический камуфляж» правления элиты. Демократия, по мнению элитаристов, в лучшем случае может быть формой правления элиты, которая одобряется и поддерживается народом. Американский политолог Э. Хэкер пишет: «Народ правит, говорим мы об американской системе правления, но в буквальном смысле такое утверждение является абсурдным... Люди при голосовании лишь делают выбор из ограниченного числа альтернатив, которые им предлагаются»¹. В том же духе высказывается бельгийский политолог В. И. Ганехоф ван дер Meerш, утверждая, что конституционная форма народного суверенитета «основана на фикции, будто правители всегда выражают волю управляемых»².

Да, по конституциям демократических стран верховная власть принадлежит народу. Однако ни для кого не секрет, что политическая действительность даже западных демократических стран весьма далека от этого норматива. Американский социолог Э. Тоффлер отмечает понимание рядовым американцем того факта, что важные для его жизни решения принимаются помимо него, что он не только не может повлиять на эти решения, но и узнает о них лишь из газет, радио или телевизионных программ. Иначе говоря, он — пассивный объект социально-политического управления, но не его субъект. Современные политические системы отнюдь не способствуют действительному участию большинства населения в принятии жизненно важных для него решений, чаще выступая как механизм отчуждения народа от политической власти.

Элитаристы, особенно консервативного толка, отмечает К. Росситер, сам являющийся одним из влиятельных теоретиков американского консерватизма, скептически относятся к идее народного правления. Т. Дай признает, что элитистская модель политсистемы рисует массы как апатичные, пассивные; он утверждает даже, что ни один (!) серьезный учёный сегодня не может утверждать, что массы делают политику»³.

Элитисты считают, что многие положения классической теории демократии безнадежно устарели и не подтверждаются современными эмпирическими исследованиями. Так, эмпирические исследования Б. Берельсона говорят о том, что в западных демократиях граждане не проявляют достаточного интереса к политике, и их знания в этой области весьма поверхностны и ограничены. Если в соответствии с классической теорией демократии активное участие народа в политике — не только гарантия учета интересов широких народных масс в государственных решениях, но и средство реализации творческих потенций, способностей личностей, то, с точки зрения элитаристов, участие масс в политике сводится лишь

¹ Hucker A., Westin A., Wood R. *Politics and Government in the United States*. N. Y., 1965. P. 135.

² Цит. по: Стародубский Б. А. *Буржуазная демократия: миф и действительность*. М., 1977. С. 31.

³ Dye T. Op. Cit. P. 130.

к участию в выборах, когда массы лишь избирают конкретных лиц, а не формируют политику, т. е. их участие лишь легитимизирует власть конкретной элиты. Как писал Моска, правда состоит в том, что избранныки сами себя избирают «через избирателей... и командуют ими»¹ (аргумент, на который сторонники элитного плюрализма отвечают указанием на то, что существует борьба внутри элит, которые обращаются за поддержкой к избирателям, тем самым вовлекая их в решение политических проблем².

Прежде всего объектом атак элитаристов являются эгалитаристские концепции. И тут у них древние традиции. Еще Платон считал, что в демократии осуществляется «власть худших», которых большинство. Американский политолог Дж. Гилдер призывает восстановить веру «в подлинные тайны неравенства»³. Дежурным доказательством «естественности» элитизма является именно ссылка на неравенство людей, из чего якобы с неизбежностью вытекает элитизм. Но, как справедливо писал П. А. Сорокин, равенство (как и неравенство) можно мыслить по-разному, например, как «абсолютное равенство одного индивида другому во всех отношениях», и тогда нельзя быть умным, ибо есть глупые, красивым, ибо есть безобразные⁴. Отбросив это примитивное, осмеянное П. А. Сорокиным равенство⁵, будем говорить о равенстве политических прав, равенстве всех перед законом, наконец, о равенстве, как он писал, «в смысле пропорциональности социальных благ заслугам индивида» (впрочем, в последнем случае равные права опять-таки оборачиваются неравенством де-факто; о связанной с этим явлением проблеме меритократии речь пойдет ниже). Ясно, что элитизм нельзя однозначно выводить из факта неравенства, нетождественности одного индивида другому. Именно в условиях высокой социальной мобильности, которые создает демократия, и возможен приход на выборные руководящие посты наиболее способных, талантливых людей, тогда как в «закрытых» политических системах к власти приходят представители узкого верхушечного слоя, оказываются невостребованными таланты «простонародья», и именно власть аристократии и глутократии порождает, пользуясь словами Платона, «власть худших».

Думается, что демократия хороша именно тем, что в меньшей степени, чем иные политические системы, зависит от недостатков правителей. Обществу следует уповать не на мудрых правителей (хотя бы потому, что в этом случае мы все будем жертвами случая, и, рано или поздно, на место мудрого правителя или правителей придут люди с противоположными качествами), а на систему, минимизирующую влияние на общество дурного правителя. К. Поппер писал в этой связи: «Мне кажется, что правители редко поднимались над средним уровнем как в нравственном, так и в интеллектуальном отношении, и часто даже не достигали его. И я

¹ Mosca G. *The Rulling class.* P. 154.

² Prewitt K., Stone A. *Op. Cit.* P. 25.

³ Gilder G. *Wealth and Poverty.* N. Y., 1981. P. 261.

⁴ Сорокин П. Цит. соч. С. 253.

думаю, что в политике было бы разумно руководствоваться принципом: «готовься к худшему, стараясь достичь лучшего». По-моему, было бы безумием основывать все наши политические действия на слабой надежде, что мы сможем найти превосходных или хотя бы компетентных правителей»¹.

Многие либеральные политологи критикуют элитаризм как недемократическое мировоззрение. Примером такой критики может служить книга Д. Шпитца «Модели антидемократического мышления». Называя элитарные концепции угрозой для демократии, он разделяет их на аристократические (от Платона до Р. Грэма) и авторитарные (получившие наиболее законченное выражение в фашизме). Отвергая и те, и другие, Шпитц утверждает, что «основывается на вере в демократию и убеждении, что свобода — достояние каждого человека, а не только прерогатива избранных»².

Что касается критики демократии с позиций элитаризма, то в ней присутствуют два главных мотива: во-первых, утверждение о невозможности демократии, во-вторых, о нежелательности демократии, даже если бы она была возможной.

Как уже отмечалось, для элитаризма характерны утверждения, что демократия в смысле народоправия неосуществима, что мышление народных масс «упрощенно», «стереотипно», что народ нуждается в опеке со стороны «высокоодаренных личностей» (разумеется, из господствующего класса). Английский социолог М. Гинсберг считает, что демократия обнаружила свою неэффективность, что внутри нее заложены тенденции к образованию олигархии: «некомпетентность масс», неистребимое «стремление поклоняться лидерам» — все это создает элиту в любом, даже наиболее демократическом обществе. Массы подвержены «магии слов», они всегда — жертвы машины внушения, находящейся в руках элиты. Система представительного правления бессильна: она призвана представлять всех и во всем, но не представляет никого и ни в чем. Западногерманский элитист И. Кноль утверждает, что демократия ведет к выдвижению посредственостей, к эрозии политического руководства; фашизм он критикует не за требования безоговорочного подчинения масс элите, но за теорию и практику «элиты крови», основывавшейся на «расовой чистоте», отмечая, что принципы отбора элиты должны быть иными.

Указывая, что общественная жизнь ныне исключительно сложна, элитаристы утверждают, что массы в силу своей «неподготовленности» не должны брать на себя функции руководства обществом. Демократия, считает французский социолог Р. Жилуэн, поконится на ложной идее, что политика — легкая вещь, доступная массам. Элитарист Н. Ротенштрайх противопоставляет «ложной идее правления большинства» власть, «базирующуюся на принципах», носителем которой является элита. «Демократия большинства» игнорирует качественные различия между людьми, о

¹ Поппер К. Цит. соч. Т. I. С. 163.

² Spitz D. Patterns of Anti-Democratic Thought. Glencoe, 1965. P. 19.

которых писал еще Платон, подменяя их «теорией качественного равенства индивидуумов». Ротенштрайх разбивает эту теорию следующим аргументом: «Если разум одинаков у всех людей, это должно вести их к одинаковым действиям, основанным на одинаковости их интеллектуальных интересов». С какой легкостью автор рассуждает об «одинаковых действиях» людей в социально дифференциированном обществе. Он заранее принимает посылку, что будет ли человек членом элиты или окажется на нижних этажах социальной пирамиды, — целиком зависит от его способностей. Ему как-то не приходит в голову, что не интеллектуальные способности человека, а его социальная принадлежность в большей мере определяет его положение в обществе, расчищая ему путь в элиту или, наоборот, ставит препоны на этом пути. Ротенштрайх считает, что нельзя допускать, чтобы народные массы управляли государством. «Большинство не может решать политических вопросов, ибо не имеет о них полного знания». Посему власть должна быть вручена людям, которые «действительно понимают», что необходимо в интересах общего благосостояния.

Элитисты много рассуждают на темы об «иррациональности» масс, о мифах, которые те воспринимают как истины, об их неподготовленности к управлению обществом. Но позволятельно спросить, кто повинен в этом. Элитисты обычно ссылаются на инстинкты, якобы управляющие поведением масс, на «неуравновешенность» массовой психологии. Но, может быть, с большим основанием можно сказать, что действительным виновником оказывается пропагандистская машина, средства массовой информации, собственниками или подлинными хозяевами которой опять-таки являются элиты. Выше уже говорилось о характерной программе увековечивания духовной отсталости масс, с которой выступил американский элитист Г. Меджид, предлагающий дозировать политическую информацию (для масс — тщательно адаптированная, «просеянная» информация, для элиты — глубокое и полное знание о социально-политических проблемах, включая знание «политической кухни»).

Элитисты пишут об «устарелости», «дряхлости» демократии, не обеспечивающей эффективного управления общественной жизнью, ибо она ущемляет права элиты, уравнивая ее с массами, о том, что при этой форме правления приходится жертвовать разумом, носителем которого является, разумеется, элита, в пользу «животных инстинктов» толпы. Более того, они доказывают, что демократии в точном смысле и не существовало никогда в истории, а была лишь более или менее искусная маскировка власти элиты. Критикуя демократию, элитизм доказывает, что, с одной стороны, она — не более, чем миф, а, с другой, что такого рода иллюзии порождают, по выражению Моски, «худший тип политической организации — анонимную диктатуру тех, кто победил на выборах и говорит от имени народа»¹. Моска утверждал, что лозунги, начертанные XX веком на своих знаменах — правление большинства и

¹ *Mosca G. Op. Cit. P. 157.*

политическое равенство, — неосуществимы, что они уровень политической демагогии. Такова позиция элитистов, а точнее, наиболее последовательных элитистов по отношению к демократии.

Члены элиты составляют ничтожное меньшинство общества, но они навязывают ему свои решения, и государственный механизм оказывается лишь машиной, реализующей эти решения. Почему же они столь могущественны? В чем их сила? Вряд ли нужно всерьез спорить с мнением тех элитистов, которые объясняют все это тем, что члены элиты — наиболее умные, достойные представители человечества. И дело не только в том, что это — неприкрытая апологетика власти имущих. Отметим, что эмпирические исследования элит даже в демократических странах не подтверждают наличия у них выдающихся качеств, в том числе интеллектуальных. Но если мнение указанных элитаристов в этом вопросе малообоснованы, прислушаемся к тем объяснениям интересующих нас явлений, которое дают сторонники классового подхода. Возможности элит играть определяющую роль в проведении государственной политики они связывают с тем, что эти элиты выражают, в значительной мере формируют, а также воплощают в жизнь волю господствующего в их странах класса, владеющего средствами производства, политическим аппаратом для подавления эксплуатируемых масс, класса, идеология которого является господствующей в обществе. Причем интересы этого класса пришли в противоречие с интересами народных масс: коренной интерес ничтожного меньшинства общества, которое узурпировало всеобщие человеческие функции, включая управление политикой, экономикой, культурой, заключается в увековечивании социальных отношений, которые обеспечивают этому меньшинству привилегированное положение.

Кто же принимает важнейшие государственные решения, которые порой означают для трудящихся потерю работы и невозможность прокормить семью, и подчас касаются и самой его жизни, ибо он может быть мобилизован для участия в войне, которую не начинал и не хотел, цели которой он не понимает или отвергает? Кто же вершит дела от его имени? Ге, кто занимают высшие государственные посты — президент, министры? Или же невидимое и несменяемое действительное правительство, богатейшие из богатых, оставаясь в тени, является действительным режиссером политической игры в странах, называющих себя демократическими? А может быть, элита толстосумов делит власть с политической элитой, с верхушкой военщины, владельцами средств массовой информации, образуя как бы систему элит, слой «сильных мира сего»? Тогда являются ли эти элиты конкурирующими или же они мирно сосуществуют, и их взаимодействие между собой не более чем своего рода разделение труда в рамках господствующего класса? Наконец, какова роль выборов в странах с демократическими режимами? Делают ли они народные массы субъектом политики или же они, не меняя классового характера власти, влияют на то, какая из группировок господствующего класса

вырвется вперед и получит наибольшие выгоды? Либо имеет место тенденция к тому, что государство во все большей мере становится не орудием подавления одним классом другого, но инструментом баланса сил, компромисса в отношениях между классами, их взаимной «притирки», учета интересов (пусть в разной мере) всех противоборствующих или, лучше сказать, взаимодействующих сил? Все эти вопросы усиленно обсуждаются современными элитологами, причем точка зрения радикальных элитистов отнюдь не является превалирующей, скорее наоборот, идет настойчивый поиск компромисса между элитизмом и демократией, точек соприкосновения между ними.

«Демократический элитизм». Атаки радикальных элитистов на демократию в наше время вряд ли могут рассчитывать на популярность. Гораздо распространеннее другая интерпретация отношений между идеологией и практикой элитизма и демократии. В последние десятилетия стало возможным писать об «историческом примирении» элитизма с демократией. При этом понятие демократии трактуется весьма вольно («предельно широко», как пишут сторонники этой интерпретации). Теоретики элитизма, как признает канадский политолог Дж. Портер, допускают для демократических систем широкий спектр форм правления, чуть ли не до олигархических, и апатии народных масс. Характеризуя подобные тенденции в американской политологии, Р. Баркли пишет: «В США наблюдаются в настоящее время попытки совместить основные положения теории элиты с традиционно поддерживаемыми концепциями демократии. Обычно в этих случаях демократические концепции истолковываются таким образом, чтобы выходить из них упоминание о политическом равенстве людей¹». Это — попытки «модернизировать» концепции демократии в соответствии с реалиями индустриального и особенно постиндустриального общества.

Если первоначально элитаризм был откровенно враждебен демократии (мы видели это на примере трудов предшественников современного элитаризма от Платона до Ницше, основных работах Моски и Парето), то, начиная с 30-х годов, ряд политологов попытались совместить его с признанием ценностей демократических институтов. Сам Моска под конец жизни начал пересматривать свои взгляды на буржуазную демократию в сторону принятия некоторых ее принципов. Он видел в этом не отказ от элитарных установок, но их модификацию, Моска приходит к «парадоксальному» для себя выводу о том, что демократические методы могут быть использованы для увеличения силы и стабильности правящего класса², что в демократиях «ряды правящего класса более открыты» и уже поэтому последний более легитимен в глазах масс. Буржуазная демократия оказывается удобным инструментом маскировки всевластия господствующего класса и улучшения механизма реализации этой власти.

¹ Barkly R. *Theory of the Elite and the Mythology of Power*. — *Science and Society*, 1955, Spring. P. 15.

² См.: Mosca G. *Op. cit.* P. 158.

Позднее возникает концепция «демократического элитизма», которая не отрицает теорию народного суверенитета, что лишает ее первоначального содержания; это не правление народа, но власть демократической элиты, которая правит «на благо всего общества». Конечно, подобные концепции не лишены элементов демагогии. Впрочем, такого рода демагогия присуща в той или иной форме всем идеологам эксплуататорских классов. И рабовладельческая аристократия, воспевавшаяся Платоном, и технократы, герои Веблена, и даже фашистские диктаторы претендовали на то, что осчастливают народ, и порой даже верили в это, становясь жертвами собственной демагогии.

Теоретик современного «демократического элитизма» П. Бахрах пишет о том, что для того, чтобы объединить концепцию Моски Парето с «современной демократической теорией», потребовалась ее радикальная ревизия, которая и была осуществлена Дж. Шумпетером и К. Маннгеймом в 30-х — 40-х годах (оба они эмигрировали из Германии, первый — в США, второй — в Англию). Шумпетер предлагает модернизировать понятие демократии, не отождествляя его с народоправием. Он согласен с Моской в том, что «идеи XVIII века — воля народа, общее благо» — не более чем мифы, используемые в пропаганде; «абсурдно» верить, что народ компетентно судит о политике. Поэтому вместо трактовки демократии как «правления народа» он предлагает, на его взгляд, «более реалистичную», выражаемую формулой «правительство, одобряемое народом». Шумпетер — сторонник «умеренной» демократии, в которой «страта элиты» была бы, с одной стороны, не слишком исключительной, с другой, не слишком доступной для «аутсайдеров» и в то же время достаточно сильной, чтобы быть способной «ассимилировать индивидов из низших страт, которые вырываются вперед»¹. Его определение демократии, ставшее весьма распространенным, предполагает элитарную структуру общества и возможность для масс делать выбор из конкурирующих элит.

Считавшиеся антиподами теории элиты и концепции демократии (в понимании ее упомянутыми политологами) находят точки соприкосновения. Правящая элита признается необходимой для любого общества, в том числе и демократического; отличительная черта последнего — конкуренция элит за позиции власти, а также более открытый их характер. Концепция демократии как политической системы, в условиях которой партии конкурируют в борьбе за голоса избирателей, предполагает, что массы могут в определенной степени влиять на политику, выбирая между конкурирующими элитами (хотя и признается, что у масс фактически слишком мало средств, могущих помешать элитам, в руках которых сосредоточены основные средства политического контроля, отказаться от демократических норм и перейти к методам подавления в случае угрозы их интересам). Шумпетер и квалифицирует демократию как «институт для достижения

¹ Bachrach P. *The Theory of Democratic Elitism. A Critique*. Little, Brown, and Co, 1967. P. 15.

политических решений, когда к властным позициям приходят посредством конкурентной борьбы за голоса людей». В этой «рыночной» концепции демократии различные элиты выносят «на продажу» свои программы, а массы «покупателей» принимают или отвергают их на выборах.

Близкую позицию занял и К. Маннгейм. В своих ранних работах он связывал элитаризм с авторитаризмом и антидемократизмом. Однако с течением времени его позиция меняется, и он ищет способы соединения элитаризма с демократией и приходит к следующему выводу: «Действительное формирование политики находится в руках элиты, но это еще не значит, что общество недемократично. Ибо для демократии достаточно, чтобы граждане, хотя они и не имеют возможности прямого участия в управлении, по крайней мере иногда выражали свои чувства, одобряя или не одобряя ту или иную элиту во время выборов». Маннгейм также пишет о принципиальной совместимости элитаризма с принципом «равных возможностей» при условии формирования элиты в соответствии с заслугами людей (позднее эта идея получит развитие в концепции меритократии М. Янга, Д. Белла, К. Боулдинга, развивших идеи о том, что если в основу формы правления положен принцип индивидуальной заслуги, в элиту войдут наиболее достойные, компетентные, талантливые люди).

«Не является ли противоречием говорить об элитах в демократическом обществе? — задает вопрос Маннгейм. — Не снимает ли демократия вообще отношение элита — масса? Мы не можем отрицать, что тенденция к уравниванию, к уничтожению страты элиты существует; но одно дело признавать существование тенденций, другое дело признать, что она должна идти до конца. Во всех демократиях, которые мы знаем, возможно различить лидеров от ведомых. Значит ли это, что демократии являются не подлинными? Не должны ли мы предположить, что существует демократический оптимум отношения элита — масса? Оптимум не обязательно будет максимумом; если демократия предполагает антиэлитарную тенденцию, это не значит, что мы должны идти до конца к утопическому уравниванию лидеров и ведомых. Мы принимаем, что демократия характеризуется не отсутствием страты элиты, но скорее способом ее рекрутования, новым самосознанием элиты¹.

В США либеральный вариант элитаризма развивался школой Г. Лассуэлла. В концепции Лассуэлла «демократия отличается от олигархии не отсутствием элиты, которая продолжает оказывать наибольшее влияние на общественную жизнь, а ее открытым, представительным, ответственным характером². Он утверждал, что элита современного западного, особенно американского общества в отличие от предшествовавших типов элит обладает знанием и умением управлять и поэтому более подходит для руководства современным сложным и дифференцированным общественным организмом, чем закрытая аристократическая каста. Таким образом, в

¹ Schumpeter J. *Capitalism, Socialism and Democracy*. L., 1961. P. 246, 291.

² Mannheim K. *Essays on the Sociology of Culture*. L., 1956. P. 179, 200.

трактовке демократии отбрасывается «утопический» принцип равенства, молчаливо признается, что демократическое участие всех людей в политической жизни общества неосуществимо. Понятие «демократия» применяется к политической системе, где лишь элитные группы активно участвуют в управлении обществом, причем элита современного западного общества объявляется лучшей из элит на том основании, что она якобы открыта для всех наиболее способных к управлению людей (хотя эта открытость весьма ограниченная, как показывают эмпирические социологические исследования; в лучшем случае можно сказать, что дверь в элиту лишь несколько приоткрыта).

Что касается изображения американской элиты как лучшей из существующих и существовавших, это достаточно традиционно для американской социологии. Сошлемся на патриарха американской социологии и социальной психологии Э. Росса, который писал: «В нашем обществе не короли, не принцы, не дворяне, а банкиры, короли торговли, железнодорожные магнаты, капиталисты, политические деятели, издатели, писатели, артисты занимают высшие посты, переняв эстафету у первых... Общество представляет собой не многоэтажную пагоду, состоявшую из замкнутых каст, но пирамиду, суживающуюся кверху и предполагающую иерархию позиций, к которым карабкаются отдельные личности¹. Открытость американской элиты, высокая мобильность в ее оспариваются такими видными американскими социологами, как Р. Миллс, У. Домхорфф и др.

Вопрос о соотношении элитизма и демократии неоднократно поднимался на всемирных социологических и политологических форумах, в частности, на IV Международном социологическом конгрессе. Один из теоретиков Итальянской социалистической партии Н. Боббио, он же известный политолог и социолог, выступивший на этом конгрессе с докладом «Теория понимания политического класса в традициях демократических авторов Италии», утверждал, что последователи Г. Моски, П. Гобетти и Г. Дорсо сумели совместить элитаризм с демократией. Дорсо провел различие между собственно правящим классом (с его политической и интеллектуальной элитой) и политическим классом, определяемым как руководящий комитет и технический инструмент первого. Затем проводится дальнейшее различие между политическим классом, находящимся у власти, и оппозицией. Каждый политический класс имеет тенденцию расколоться на управляющий и оппозиционный. Когда этот естественный процесс приобретает контрастный характер, мы имеем дело с диктатурой. Когда же, наоборот, классы могут править в порядке устойчивой и регулярной очередности, мы имеем дело с демократией. Теория политического класса и теория демократии оказываются, таким образом, примиренными, поскольку демократия уже не отождествляется с верховной властью народа (!), но скорее является системой, имеющей более подвижные и открытые элиты. Теория элиты вместо того, чтобы быть антидемократической,

¹ Hoover Institute Studies. Series «B». Ed. By H. Lassewell. Perfase. Stanford, 1952.

становится основой нового, более реалистического понимания демократии. Мы не будем полемизировать с трактовкой Боббио о сущности классов и классовых различий, упрекать его в смешении понятий «класс» и «политическая партия». Разумеется, у власти могут находиться различные группировки правящего класса, например, капиталистов, различные партии, но буржуазное правительство выражает совокупный интерес этого класса. Приведенная пространная цитата интересна тем, что наглядно показывает, как некоторые современные политологи трактуют сущность демократии, чтобы примирить ее с постулатами элитаризма.

Н. Боббио пропагандировал также взгляды последователя В. Парето, Ф. Бурцио, который, как и его учитель, считал, что любая творческая, прежде всего политическая, деятельность должна осуществляться меньшинством, обновляемым за счет наиболее способных представителей масс. «Равные возможности», которыми якобы обладают члены «индустриального общества», позволяют «лучшим элементам из низших классов» подниматься в высшие, что обеспечивает подвижность, мобильность элиты и позволяет ей выполнять должным образом стоящие перед ней задачи. Разделяя эти позиции, Боббио в заключение своего доклада заявил: «Теория политического класса в процессе своего развития перешла из рук врагов демократии в руки ее друзей».

Думается, однако, что торжество Боббио несколько преждевременно. Конвергенция элитарных и демократических теорий носит во многом формальный характер, причем она основывается на базе элитаризма, основана на растворении демократических ценностей в ценностях элитарных. Даже признанный авторитет в концепции демократического элитизма американский политолог Н. Бахрах вынужден признать, и тут он полностью прав, что «в нормативном смысле существует фундаментальное различие между демократическими и элитарными теориями»¹.

Напрашивается вывод о том, что попытки совместить эти теории ведут к принесению в жертву во имя данной конвергенции некоторых фундаментальных принципов классической теории демократии, прежде всего принципа народоправия, связанного с самой этимологией этого термина. Однако сам Бахрах думает иначе. Он считает взаимодействие элитарных и демократических теорий «блестящей иллюстрацией гегелевской диалектики: первоначально аристократические теории власти критикуются теоретиками демократии Ж.Ж. Руссо, Т. Джейферсоном и др., в дальнейшем теории демократии подвергаются критике со стороны элитаристов (Моски, Парето), «истиной» же оказывается синтез элитарных и демократических теорий, т. е. «демократический элитаризм». Противоречие между элитой и демократией снимается демократическим элитаризмом, созданным американскими (Г. Лассуэллом), а также европейскими (Р. Ароном во Франции, Дж. Пламентцом) в Англии, Дж. Сартори в Италии) социологами, которые показали, что «господство политических элит

¹ Ross E. Social Psychology, N. Y., 1919. P. 193.

ни в коем случае не подрывает демократический процесс¹, ибо множественность элит, конкурирующих между собой, и отличает демократию (следует заметить, однако, что теория элитного плюрализма и демократический элитаризм не тождественны, во многом полемизируют друг с другом).

Прежде всего отметим, что вряд ли можно считать Бахраха сильным диалектиком. Его конструкция представляет собой типичный образчик консервативной интерпретации гегелевской триады как «примирения противоположностей». Реальная эволюция указанных теорий иная. На первом этапе — традиционные для идеологов эксплуататорских классов (прежде всего рабовладельцев, феодалов) теории аристократического правления. Далее — критика их теоретиками нарождавшейся буржуазии, отстаивавшими идеи народного суверенитета в борьбе против идеологов феодализма и абсолютизма. И, наконец, буржуазия, пришедшая к власти, в лице своих идеологов критически переосмысливает свое отношение к идее народовластия, выявляя ее слабости, и вновь обращается к идеям элитаризма, но это уже не возврат к Платону и Ницше, но элитаризм, учитывающий популярность демократических идей, сохраняющий демократическую риторику (примером чему служит сам «демократический элитаризм»). Вот как описывает свою позицию сам П. Бахрах: «Вплоть до совсем недавнего времени теории демократии и элитаризма рассматривались как несовпадающие и противоречащие друг другу. В то время как в чистом виде их считали противоречащими друг другу, в современной политической мысли существует, я полагаю, сильная, если не доминирующая тенденция включать основные элитарные принципы в теорию демократии. В результате появляется новая теория, которую я бы назвал демократическим элитаризмом². Книга, из которой приведена данная цитата, и называется «Теория демократического элитаризма». В другой книге П. Бахрах пишет, что «проблема места политических элит в демократическом обществе является критически важной»³.

Демократический элитаризм отвергает как «наивную» идею народовластия, ссылаясь на то, что важнейшие политические, экономические, социальные, военные решения принимаются в западных странах, которые принято считать демократическими, незначительным меньшинством. «Классическая демократическая теория, без сомнения, все еще приятна для демократического менталитета, — пишет Бахрах. — Но в какой мере она действительна для массовых демократических обществ?»⁴.

Теории элитного плюрализма и демократического элитаризма значительно ослабляют нормативно-ценостный аспект демократической теории, сводя демократию к методу принятия политических решений,

¹ Bachrach P. Op. cit. P. I.

² Elites in a Democracy. Ed. By P. Bachrach. N.Y., 1971. P. 2.

³ Bachrach P. The Theory of Democratic Elitism. P. XII

⁴ Elites in a Democracy. P. 2.

переносят внимание с проблемы народа как субъекта политики на свойства политсистемы, среди которых доминирует атрибут политической конкуренции, дающий возможность избирателю выбрать одну из конкурирующих элитных групп. Американские историки политической науки обычно не делают различий между теориями элитного плюрализма и демократического элитизма, хотя эти различия существуют, и они связаны в конечном счете с расхождением идейных позиций их сторонников, тяготеющих к либеральному (теории элитного плюрализма) или консервативному (неоэлитизм и демократический элитизм) полюсам идеально-политического спектра. Именно последние выдвинули тезис о том, что элиты не только несут особую ответственность за сохранение демократии, но и защищают демократические ценности, сдерживая якобы присущие массам антидемократические устремления.

В отличие от демократических концепций идеологов нарождавшейся буржуазии, рассматривавших народ как естественную опору демократии, «демократический элитаризм» видит эту опору в демократически ориентированной элите. Вместо того, чтобы видеть угрозу демократии со стороны господствующих меньшинств, «демократический элитизм» видит эту угрозу... в народных массах. «Теория демократии исходит из того, что либеральные ценности — личное достоинство, равенство возможностей, право на инакомыслие, свобода слова и печати, религиозная терпимость, надлежащие правовые процедуры — лучше всего обеспечиваются за счет расширения участия масс в политике. Исторически массы, а не элиты считались хранителями свободы. Например, в XVIII и XIX веках угроза тирании исходила от продажных монархий и разлагающейся церкви. Однако в XX веке именно массы стали наиболее восприимчивы к соблазнам тоталитаризма¹. Авторы при этом ссылаются на то, что массы могут быть гораздо правее элиты, что опыт XX века заставил по-новому взглянуть на роль народных масс в политической истории, ибо продемонстрировал «массовую поддержку» таких авторитарных и тоталитарных движений, как большевизм, фашизм, маккартизм, перонизм, пуржадизм. П. Бахрах на этом основании пишет о том, что «разрушилась вера либералов в демократию», в народ. Если теоретики классической демократии вдохновлялись верой в народ, то «сегодня социологи склонны отвергать эту точку зрения. Они поступают так не только из-за сомнений в приверженности нээлит свободе, но также и потому, что расстает убежденность, что нээлиты по большей части вдохновляются в политических вопросах элитами. Эмпирический вывод о том, что поведение масс обычно является реакцией на позицию, предложения и образ действия политических элит, дополнительно подтверждает точку зрения, что ответственность за сохранение демократических «правил игры» лежит на плечах элит, а не народа»².

¹ Bachrach P. *The Theory of Democratic Elitism*. P. 6.

² Bachrach P. *The Theory of Democratic Elitism*. P. 47, 48.

Близкую позицию заняли такие видные американские политологи, как У. Корнхаузер, Дж. Сартори, которые постоянно колеблются между признанием демократических ценностей и страхом перед «крайностями» демократии, «не подорвавшей корни массовых движений». Сартори предостерегает, что подозрительность и тем более страх перед элитами не более чем «анахронизм. Мы должны бояться, что демократия, как в мифе о Сатурне, уничтожит своих собственных лидеров, создав условия для замены их недемократическими элитами¹. Не веря в творческие силы народных масс, эти политологи возлагают все свои надежды на просвещенные элиты, которые бы вдохновлялись демократическими ценностями.

З. Бжезинский и Р. Бейли провели небезинтересное сравнение содержания буржуазной идеологии конца XVIII и конца XX веков² (табл. 5).

Таблица 5

XVIII век	XX век
Признание Прогресса	Сомнение в прогрессе
Человек рационален	Человек иррационален
Мифы и суеверия вредны	Мифы и суеверия порой полезны
Общество управляемо на основе народного согласия	Общество управляемо элитой
Вера в демократические и гуманистические ценности	Сомнение в ценности демократии, ведущей к власти некомпетентных масс, к катаклизмам

Подобная эволюция может свидетельствовать лишь о декадансе идеологии, о росте антидемократических настроений. М. Алле утверждает, что «судьба масс зависит от качества элиты», а поскольку современная элита Запада — лучшая из всех существовавших элит, «никогда еще массы не имели лучшей судьбы³. Итальянский политолог Л. Кавалли, воскуря фимиам западной демократической элите, пишет: «Эта элита воспитывает народ в духе демократии, прежде всего создавая институты и привычки к информации, к независимым и в то же время ответственным решениям. Итак, все надежды следует связывать не с самодеятельностью масс, а с «хорошей, квалифицированной» элитой.

«Демократия — это власть народа, — пишут Т. Дай и Х. Шайлер, — но ответственность за выживание демократии лежит на плечах элиты. Это — ирония демократии: элиты должны править мудро, чтобы «правление народа» выжило. Если бы выживание американской политической системы

¹ Sartori G. Op. cit., p. 119.

² Brezezinski Z. Between Two Ages. America's Role in the Techbotronic Era. N. Y., 1971. P. 115, 116.

³ Allias M. Classes sociales et civilisations. P. II.

зависело от активности, информированности и просвещенности граждан, то демократия в Америке давно исчезла бы, ибо массы в Америке апатичны и дезинформированы в политическом отношении и удивительно мало привязаны к демократическим ценностям... Но, к счастью для этих ценностей и для американской демократии, американские массы не ведут, они следуют за элитами... Хотя символы американской политики основываются на демократии, ее реальность может быть лучше понята с точки зрения элитарной теории¹.

Итак, демократия, опасающаяся народа. Поистине, это «ирония демократии». И злая ирония.

Элита и масса. Поиск оптимума. Можно согласиться с мнением П. Бахрахи, Т. Дая и других элитологов о том, что проблема элит и их соотношения с массами является ключевой для любой из существующих политических систем, в том числе и демократических. Другое дело — как эта проблема решается политологами различных направлений.

Основные позиции можно суммировать следующим образом:

1. *Радикальный эмпиризм.* Демократии как народовластия по-существу быть не может. Причин тут несколько, из них главные две. Во-первых, народ некомпетентен в политике, поэтому народоправие, если бы и было возможным, оказалось бы губительным по своим последствиям, привело бы к неминуемым политическим провалам и катаклизмам. Во-вторых, правление народа технически неосуществимо, непосредственная демократия невозможна, по крайней мере в странах с большим населением, а представительная демократия неизбежно приводит к утрате народом части своего суверенитета, отчуждаемого в пользу избранных представителей, которые в силу закономерностей, описанных Р. Михельсон, превращаются в элиту.

Ясно, что аристократическое третирование народа как косной, отсталой массы, неспособной самостоятельно управлять общественной жизнью, представляется демократу не только неприемлемым по принципиальным соображениям, но и теоретически несостоятельным, ибо оно отрицает или приижает творческую роль народных масс в историческом процессе, величивая правящее меньшинство как «избранных», «лучших», нередко впадая при этом в мистицизм, ибо эти «достойнейшие» единственным образом оказываются по преимуществу представителями господствующего класса, а их «избранность», как правило, передается по наследству (за небольшим исключением, лишь подтверждающим правило).

Рассмотрим один из наиболее распространенных тезисов элитистов о некомпетентности народа в политике (с ним согласно и большинство сторонников «демократического элитизма»). Но каковы критерии компетентности? И можно ли говорить о демократии, исходя из утверждения о некомпетентности народных масс? Или же демократия должна исходить из презумпции компетентности каждого взрослого и умственно здорового

¹ Dye T., Zeigler H. Op. cit. P. 2.

гражданина? В последнем случае мы неминуемо сталкивается с затруднением, заключающимся в том, что раз политика должна быть понятна каждому гражданину и зависеть от каждого, то тогда она по необходимости будет ориентироваться на низший общий знаменатель — на наименее компетентного в политике человека (иначе из политической коммуникации выпадет низший, по критерию компетентности, слой граждан). Все это говорит о том, что сомнения элитистов в осуществимости полной демократии имеют определенные основания.

Политическая философия элитизма во многом воспроизводит ход рассуждений Платона. Критерий справедливого общества — благо (возникает естественный вопрос: а что есть благо и для кого?). У элитистов, как и у Платона, патерналистский подход к этой проблеме: народу во имя его же блага лучше вверять власть элите, ибо народ в своей массе не созрел (а может быть, и никогда не созреет) для самоуправления; элита как бы сокращает опыт народу, иначе к разумной политике ему пришлось бы идти через пробы и ошибки, через мучительный путь набивания шишек; а тут чуждая элита указывает наилучший путь.

Прежде всего возникает вопрос: а так ли это? Не прикрывает ли этиими рассуждениями об общем благе элита свои собственные своеокорыстные интересы? Не рассматривается ли народное благо сквозь призму благ элиты? Но даже если предположить, что элита всегда принимает наилучшие политические решения, остается вопрос: так ли уж это хорошо для народа. Ведь в этом случае народ привыкнет во всем полагаться на элиту и никогда так и не станет самоуправляемым. Во всяком случае, если критерием оценки государственной политики считать эффективность ее институтов, то, по-видимому, управление следует доверить наиболее компетентным, мудрым, опытным — это будет правление узкого круга лиц. Если же этим критерием считать уровень самоуправления граждан, уровень их свободы, то придется сделать вывод о том, что власть должна быть предельно диффузной, максимально совпадающей со всем населением.

2. *Элитный плюрализм*, объявляющий себя альтернативным радикальному элитизму, оказывается на поверхку элитизмом ослабленным, «размазанным», хотя он и оставляет некоторое, весьма, впрочем, скромное место народным массам, голосующим раз в несколько лет за ту или иную элиту и, таким образом, имеющим возможность выбора из конкурирующих элит. Таким образом, недостатки предыдущего направления не снимаются, а лишь ослабляются. Кроме того, как мы видели выше, и это, пожалуй, самое важное, элитный плюрализм смешивает норматив, идеальную модель политического процесса, с реальным процессом и тем самым выступает по существу с апологией политической системы современных развитых капиталистических стран (прежде всего США), изображая ее как идеал, вершину демократии.

3. Более откровенным и последовательным по сравнению с элитным плюрализмом является *неоэлитизм*, отвергающий плюралистическую

трактовку политических систем современных развитых капиталистических стран, прежде всего США. С одной стороны, следует отметить, что неоэлитизм приводит достаточно убедительные данные (в том числе статистические, данные эмпирических политологических исследований), свидетельствующие о том, что важнейшие решения, жизненно важные для миллионных народных масс, принимает узкий круг людей «наверху» — несколько сот, иногда несколько тысяч человек. Но у неоэлитистов, как, впрочем, и у всех элитистов, мы видим явно неисторический подход к управлению общественной жизнью, рассмотрение элитарной структуры политической системы как нормы, как закона политических отношений. К тому же в их работах мы опять-таки обнаруживаем апологию политической системы США и других западных демократий как управляемых наиболее квалифицированной элитой. При подобном подходе исследователь как бы закрывает для себя проблему развития, принципиального совершенствования демократической системы, обнаруживает непонимание и, более того, нежелание понять творческую роль народных масс в политической жизни общества, нежелание развивать творческую активность масс. Вместо стремления поднимать, усиливать роль народных масс как субъекта политического процесса, характерного для подлинного демократа (а Т. Дай, Х. Цайглер разделяют ряд идей «демократического элитизма») мы опять-таки видим стремление консервировать власть в руках узкой элитной группы общества. И судьба демократии оказывается полностью зависимой от такой в сущности зыбкой вещи, как политические ориентации и политическая культура элиты.

4. Заманчивой для демократа выглядит позиция *радикального антиэлитизма*. Он во многом продолжает классическую демократическую традицию, рассматривающую элиту как возможную угрозу демократии, считает подлинной демократией политическую систему, в которой реализуется действительное народовластие; идеалом является непосредственная реализация власти народом. Однако подобная концепция вызывает целый ряд вопросов. И прежде всего — не утопия ли эта позиция? Ведь никогда на протяжении истории человечества этот идеал не реализовывался, особенно в крупномасштабных социальных образованиях, на протяжении существования института государства (даже в догосударственных структурах, в период родоплеменного строя выделялась родовая знать).

Кроме того, у человечества есть основания считать, что радикальный антиэлитизм может быть опасной идеологией: ведь попытки ее воплощения в жизнь порой приводили к авторитаризму и тоталитаризму, что заставляет подозревать, что ряд вариантов «радикального элитаризма» представляет собой на деле скрытый элитаризм. Достаточно проанализировать грандиозный эксперимент с «построением социализма» в СССР. Мы были свидетелями того, что провозглашенные лозунги — социального равенства, отсутствия элиты, отсутствия эксплуатации — на деле обернулись новой формой социального неравенства, жестокой эксплуатацией (пусть

не отдельными капиталистами, а государством, оказавшимся фактической собственностью «нового класса»), образованием новой элиты, причем элиты тоталитарной. Один из парадоксов демократии заключается в том, что она исходит из презумпции равенства. В идеальной демократии «все равны». Но как только этот идеал пытаются воплотить в действительность (часто насильственным путем), каждый раз оказывается, что находятся люди (меньшинство), которые, по выражению Дж. Оруэлла, «более равны, чем другие». Таким образом, «чистая демократия» как общество равных — это в лучшем случае норматив, тогда как реальная демократия оказывается в большей или меньшей степени элитарной.

Итак, все перечисленные подходы к решению проблемы соотношения элитизма и демократии не могут нас удовлетворить. Ясно одно — для элитизма «переварить» демократию достаточно сложно и проблематично (если, конечно, из нее не выхолостить предварительно основное содержание), попытки такого «переваривания» грозят ему несварением желудка. Сторонники концепции демократического элитизма пытаются доказать совместимость элиты и демократии, при условии, что сама элита носит открытый характер. Однако при этом сущность демократии искается, она, так сказать, оскопляется. Основной вопрос демократии — участие рядового гражданина в политической жизни — становится второстепенным, а на первый план выдвигается проблема социальной стабильности, и сама эта стабильность социальной системы напрямую оказывается связанный со стабильностью и преемственностью элиты, пусть демократической элиты, готовой соблюдать традиции демократических «правил игры».

Мы столкнулись с еще одним парадоксом демократии. Проведенная до конца идея народоправия должна отрицать элиту, хотя политическая практика всегда обнаруживает ее присутствие во всех политических системах и режимах. В принципе типологию политических режимов можно проводить по основанию: народоправие — всецелое элиты. Однако обе эти модели — крайности, это идеальные типы в духе М. Вебера (по Веберу, идеальный тип связывает ценностную и эмпирическую сферы культуры, позволяет продуцировать гипотезы, открывает возможности понимания, объяснения социальных процессов). Так, в геометрии понятие точки, лишенной длины и ширины, — абстракция, необходимая для решения геометрических задач; будучи реализованной, она перестает обладать пространственными качествами, т. е. оказывается лишенной атрибута реальности. В политологии понятие демократии предполагает максимально возможное приближение к нормативу, к идеальной модели демократии, но, будучи реализованной до конца, она грозит превратиться в абстракцию, лишенную жизни. И тут можно согласиться с мыслью Ленина о том, что полная демократия — никакая демократия.

Наличие элиты в демократических политсистемах представляется парадоксом, противоречием в самом основании хотя бы в соответствии с

этимологией термина — народовластием. Демократия, казалось бы, должна в принципе отрицать элиту, поскольку само наличие элиты есть ущемление власти народа (если исполь зовать классификацию политических режимов Аристотелем, правление немногих, лучших — это аристократия или ее деградировавшая форма — олигархия). Однако, может быть, такое прямое сталкивание этих позиций как полярных, альтернативных есть определенная симплификация, а истина находится где-то посередине? Тут возникает ряд вопросов, и первый из них: осуществляют ли народ свою верховную власть в демократии непосредственно, прямо, или же через ряд опосредствующих звеньев, одним из которых является наличие элиты.

Уже Руссо понимал, что в крупных государствах может существовать только представительная демократия, что само по себе ограничивает народовладение. Делегируя свои полномочия по принятию политических решений своим представителям, народ теряет часть своего суверенитета; но, отчуждая свой суверенитет, он его в значительной степени лишается; подлинный суверенитет неотчуждаем. Однако значит ли это, что наличие представительной элиты перечеркивает демократию? Мы рассмотрели позицию Моски и Парето, считавших, что необходимость элиты для управления обществом — свидетельство того, что демократия не более чем фикция, это правление элиты лис, демагогов. Однако теория «демократического элитизма», как мы видели, предлагает и иное решение вопроса. Какое из них ближе к истине?

Теоретически возможны две предельные модели управления обществом: на одном полюсе — абсолютная демократия как самоуправление народа, который не нуждается в существовании особой группы, опосредующей отношения населения и управления, и абсолютная тирания, где роль населения в управлении равна нулю и власть есть самовладение элиты. Оба предположения — гипотетические, реальные политсистемы располагаются между этими моделями. Тогда где же грань между демократией и тиранией? Казалось бы, ответ должен быть следующим: демократия — минимальная власть элиты, а тирания — максимальная. Но такое решение было бы слишком простым, не свободным от ряда недостатков. Ведь слабая элита обычно означает слабое управление, неминуемые ошибки, недовольство масс, волнения, нестабильность. Тогда, скорее, следует предположить, что демократия предполагает некоторый оптимум в отношении элиты и масс, где элита не подавляет массу, а инициирует ее активность, где элита — средство оптимального управления, а не самоцель, не самодовлеющий центр общества. Хотя теоретически возможна, пусть даже в далекой перспективе, модель политической системы, где все члены общества обладают настолько высокой культурой управления социальными процессами, что не нуждаются в элите (разве только для чисто технического оформления их решений).

Демократическая политическая система, лишенная начисто аппарата реализации власти народа, механизма этой реализации, превращается в

ирреальность. Но данная модель — не пустая абстракция, это ориентир, цель, приближение к которой и есть реализация демократии де-факто. И можно предположить, что в демократической политической системе существует в меру скромная элита, существует лишь для обслуживания интересов народа, это подлинные слуги народа. В этом плане и можно говорить о том, что концепция демократического элитизма, несмотря на ее внутреннюю противоречивость, может иметь определенные реальные основания. И можно согласиться с тем, что если мы допускаем наличие элиты в демократической политической системе, то эта элита должна отвечать ряду условий и, прежде всего, быть максимально открытой для талантливых выходцев из всех слоев населения. Эта элита должна быть подлинной меритократией, элитой заслуг, элитой способностей, элитой компетентности. В этом случае термину «элита» возвращается его первоначальное значение (в соответствии с его этимологией). В элите действительно должны быть лучшие, наиболее способные, внесшие наибольший вклад в разногласие общества, в его благосостояние граждане.

Теорию меритократии впервые предложил М. Янг в книге «Возышение меритократии», написанной в форме антиутопии, где сатирически описан приход к власти и последующий крах новой олигархии, господство которой основано на том, что она открытая элита, состоящая из самых одаренных личностей, рекрутированных из всех слоев общества¹. Затем Д. Белл в книге «Грядущее постиндустриальное общество» дал уже позитивную разработку этой концепции. Она основывается на принципе равных возможностей и противопоставляется рекрутингу элиты в прошлых социальных структурах, где она происходила на основе критерии знатности и богатства; в постиндустриальном обществе определяющим является «принцип достижений»; элита рекрутируется в соответствии с личными достижениями и достоинствами. Основаниями для занятия элитных позиций в иерархии власти являются обладание знаниями, квалификация, высокие моральные качества. С одной стороны, теория меритократии направлена против эгалитаристских концепций и призвана оправдать привилегии новой интеллектуальной элиты. С другой, поскольку рекрутинг этой элиты основан на принципе равных возможностей, она претендует на то, что определенным образом коррелируется с принципами социальной справедливости. Впрочем, в своей последующей книге «Культурные противоречия капитализма» Д. Белл обнаруживает понимание того, что меритократическая форма правления, демонстрируя несовпадение Принципов справедливости и социального равенства, оказывается источником новой социальной дифференциации постиндустриального общества с ее противоречиями².

¹ Young M. *The Rise of Meritocracy*. L., 1958.

² Bell D. *The Coming of Post-Industrial Society*; Bell D. *The Cultural contradictions of Capitalism*. N. Y. 1976.

Но вернемся к отношению элит и масс в политических системах. Если они являются необходимыми компонентами всякой политической системы, неизбежно встает вопрос об их оптимальном соотношении. Если для элитистов элита — подлинный субъект политического процесса, а массы выступают как угроза этой системы, то для антиэлитаристов таким субъектом должен быть народ, а элиты рассматриваются как угроза демократии. Но, может быть, возможен компромиссный вариант? Например, можно считать оптимальной политической системой такую, где центр тяжести (власти) лежит посередине между элитой и массой. Однако тут же возникают вопросы и возражения. Во-первых, вероятность того, что центр взаимодействия элиты и массы окажется именно на полпути от элиты к массе, исчезающе мала. Во-вторых, данная модель наводит на мысль о стабильном равновесии, тогда как в действительности это равновесие весьма динамичное, подвижное, это отнюдь не идеическое отношение, а скорее противостояние элиты и масс, и поэтому центр тяжести этой системы с неизбежностью подвижен, смещаясь к элите или к массе.

И уж если говорить об угрозе демократии, на наш взгляд, справедливы установки классической демократической теории, согласно которой эта угроза исходит прежде всего от элиты, поэтому для демократической политической системы оптимально, чтобы центр тяжести на этой модели смещался от середины в сторону массы. Вспомним в этой связи мудрые слова Макиавелли о том, что опасность злоупотребления властью с большей вероятностью исходит от тех людей, которые больше стремятся к этой власти (т. е. скорее от элиты дворянства, чем от народных масс). Вспомним также не менее мудрые мысли Монтескье, писавшего, что власть имущие обычно стремятся к максимальной власти, поэтому так важна система сдержек и противовесов (прежде всего в виде разделения властей).

Таким образом, демократической может считаться политсистема, которая реализует верховенство власти народа в том смысле, что его влияние на политику является решающим, тогда как влияние элиты — ограниченным, лимитированным законом, политсистемы, в которой элита подконтрольна народу. Напротив, олигархический режим — режим всевластвия элиты, когда роль народа в политике минимальна. Легко видеть, что реальные политические режимы расположены между этими крайностями.

Мы согласны с тезисом К. Поппера о контроле за элитой, являющейся центральной проблемой демократии. Поппер пишет, что «проблема контроля за правителями и проверки их власти является главным образом институциональной проблемой — проблемой проектирования институтов контроля за тем, чтобы плохие правители не делали слишком много вреда... Мы должны защищаться от усиления власти правителей. Мы должны защищаться от их произвола»¹.

¹ Поппер К. Цит. соч. Т. II. С. 153.

Самоуправление народа, антиэлитаризм — это нормативная установка теории демократии. Но эту мысль можно довести до абсурда, до анархического отрицания всякой политической власти. Само наличие аппарата государственной власти предполагает признание относительной самостоятельности этого аппарата, наличие у него специфических интересов. Но весь вопрос — в степени влияния этого аппарата, в том, является ли он выразителем интересов народных масс или же интересов привилегированного меньшинства, а сам этот аппарат стоит над обществом.

Следовательно, если мы не можем игнорировать тезис о том, что наличие элиты — всегда реальная или потенциальная угроза демократии, то выход, условие сохранения демократии — в постоянном контроле народа над элитой, минимизация возможностей элиты выйти из-под контроля народа, ограничение привилегий элиты лишь теми, которые функционально необходимы для осуществления ее полномочий, максимальная гласность, возможность неограниченной критики элиты, разделение властей и относительная автономия политической, экономической, культурной и иных элит, наличие оппозиции, борьба и соревнование элит, арбитром которой (по крайней мере, во время выборов) выступает народ, иначе говоря, все то, что и составляет в своей совокупности современный демократический процесс. Однако это именно современный демократический процесс. Не будем его абсолютизировать, объявлять идеальным механизмом. Он во многом несовершенен. Это о нем говорил У. Черчилль, что он страдает множеством недостатков, только ничего лучшего человечество не придумало.

Мы покинем почву историзма, если будем считать, что современный демократический процесс (включающий наличие элиты) является вечным, вершиной, венцом политического развития человечества (как можно понять из известной статьи Фукуямы «Конец истории»). Говоря о перспективах демократии, обратимся к ее конечным целям — превращению народа в подлинного субъекта политической власти и политического управления, что требует минимизации власти элиты, превращения ее в чисто технический инструмент власти народа, занимающий достаточно скромное место в системе общественного разделения труда, стоящий не над народом, а составляющим его часть. Одним из моментов развития демократии является разведение субъекта власти и субъекта управления. Если субъектом власти в демократической политической системе всегда является народ, то субъектом управления, т. е. реализации этой самой власти, повседневного руководства социальным процессом может быть (пусть на определенном историческом этапе) часть населения, профессионально занимающаяся управлением функциями, находящаяся под неусыпным контролем народа, и возможности которой выйти за пределы законодательно закрепленных за ней прав отсутствуют или близки к нулю. Этую группу можно назвать административной элитой, хотя мы видели недостатки и ограниченность самого этого термина.

Недоверие масс к элите — естественное поведение людей, не имеющих непосредственного доступа к власти. Диапазон этого недоверия весьма широк — от проявления подозрительности до явного неприятия и даже более широко — от фанатичной веры в элиту как носителя харизмы до полного отрицания права этой элиты на управление, отвержения ее, легитимизации ее власти. Политическая система может функционировать эффективно, если ее элита легитимирована признанием масс, если ее ценности признаются массами как образцовые.

Вместе с тем здоровое недоверие масс к элите оправдано и в значительной мере конструктивно; оно мешает элите сосредоточить в своих руках тираническую, деспотическую власть. В сущности, теория общественного договора является определенной формой оптимизации отношений между правителем и элитой, с одной стороны, и населением — с другой. Именно на оптимизацию этих отношений направлена теория разделения властей: законодательной, исполнительной, судебной. Она призвана предотвратить концентрацию в руках узкой элитной группы всей полноты власти (расколотая элита вынуждена обращаться к массам за поддержкой, и те, в этом случае, выступают как арбитры в споре элит, получая таким образом возможность реализовать себя в определенной мере как субъекта политики).

Таким образом, для политической системы опасны обе крайности в отношениях элиты и масс — как слепое следование массы за элитой, которое выводит элиту из-под контроля, так и полное недоверие масс к элите, власть которой в этом случае перестает быть легитимной. Демократию в этом плане можно рассматривать как политическую систему, обеспечивающую контроль масс над элитой, которая не дает элите возможность лишить массу политической субъектности. Доверчивость масс к элите, с одной стороны, облегчает последней управление, с другой же, вводит ее в искушение монополизировать власть, перестать оглядываться на массы, превратиться в закрытую деспотическую группу, в своем самодовольстве третирующую массу и с неизбежностью деградирующую без притока «свежей крови» извне.

Но все же как ответить на прямо поставленный вопрос: неизбежно ли деление общества на элиты и массу, необходима ли элита? Если народ — субъект власти, то ведь и этот субъект не бесструктурен; в нем можно вычленить более активных в политическом отношении людей и более пассивных (тогда почему бы первых не считать политической элитой, хотя их позиция не институционализирована?). Иное дело, что в перспективе мы можем прогнозировать рост активности людей в области социального управления и сокращение числа пассивных, некомпетентных, что равноточно поднятию всех до уровня элиты, и уже потому надобность в понятии элиты отпадет. Человек, преодолевающий отчуждение от политики, превращается в человека-творца, свободно творящего собственную историю, в том числе политическую. Однако мы полностью отдаем себе отчет

в том, что данное утверждение делается в рамках политической философии, а отнюдь не политической социологии.

Разумеется, понятие субъекта политического управления будет всегда уже понятия населения. Из него исключаются, например, психически больные люди, люди, которые не хотят участвовать в политическом процессе, но когда таких людей явное меньшинство, то употреблять по отношению к политически активному большинству термин «элита» бессмысленно (поскольку под элитой имеется в виду именно правящее меньшинство общества). Мы можем, исходя из реалий сегодняшнего дня, говорить, что элита необходима для политического управления, и будем правы. Но ведь политическая система, и особенно демократическая, не есть что-то неподвижное, стабильное, она развивается, и можно выявить тенденцию этого развития, ее направленность в сторону расширения субъекта политической активности, в перспективе до всего населения.

На наш взгляд, при ответе на вопрос, может ли общество функционировать без политической элиты, следует различать решение этого вопроса на уровне политической философии и политической социологии. В рамках политической философии, являющейся преимущественно нормативной теорией, мы можем говорить об обществе без элиты как идеале демократии, об обществе, в котором высокая политическая культура населения позволяет добиться максимальной вовлеченности членов общества (во всяком случае, подавляющего большинства их) в управление всеми общественными делами (это и есть поднятие уровня масс до уровня элиты). В рамках политической философии мы снимаем возражение Р. Михельса, касающееся технической невозможности управления обществом без элиты (одно дело — утверждать, что оно невозможно сегодня, и другое дело — утверждать, что оно невозможно в принципе). В условиях информационного общества, его компьютеризации возможна эффективная система прямой и, главное, обратной связи между органами управления и всеми членами общества, позволяющая непосредственно и немедленно выявлять и учитывать мнение всех членов общества по всем вопросам социального управления. Не случайно, ряд современных политологов признают, что внедрение ЭВМ может способствовать децентрализации политических решений, привести к возрождению прямой демократии, что информационное общество создает условия формирования компетентного гражданина, создает возможность реализации тенденции к расширению участия масс в управлении политической жизнью общества¹.

В рамках же политической социологии, описывающей реальный политический процесс, порой весьма далекий от нормативного, мы выявляем роль и функции элиты в тех или иных политических системах, в том числе и демократических (тем самым признавая правомерность на этом уровне теорий демократического элитизма). Кстати, в рамках политической

¹ *Microelectronics and Society. Freidrichs G. Ahd Shaff A. (Eds), Oxford, 1982. P. VI.*

социологии мы должны исследовать и возможности минимизации роли элиты в политике, поскольку (и если) она идет в ущерб роли народных масс, должны разрабатывать модель политического управления, способную оптимизировать роль и функции элит, исходя из интересов народных масс.

Таким образом, на уровне политической философии мы можем попытаться разработать долгосрочный прогноз, выявлять далекие перспективы эволюции социального управления. Напротив, в рамках политической социологии мы делаем вывод о том, что в настоящее время и в ближайшей перспективе без элиты политические системы не могут функционировать. Следовательно, актуальный вопрос — вопрос о качестве элит, о путях совершенствования элит, о подлинной меритократии.

Причем на уровне политической философии — учения о должном — может «заработать» ценностный подход к элите, тогда как на уровне политической социологии «работает» функциональный подход (элитой оказываются люди, стоящие у руля политического управления, выполняющие политические функции безотносительно к их качеству; порой ее характеристики могут быть со знаком «минус»).

Но если наличие элиты — необходимость на исторически обозримый период, то тем более необходим ответ на вопрос о том, как минимизировать вред, который она может нанести обществу (но, учитывая при этом, что власть — необходимое зло, с которым общество вынуждено мириться перед лицом несравненно большего зла — безвластия, деструктивного для общества). Условием этого может быть только эффективный контроль общества над элитой. Это и является сущностной характеристикой демократии.

Для успешного функционирования и развития демократии нужен ряд условий, таких как экономическая стабильность, отсутствие социальной напряженности и тем более социальных потрясений. Но даже при наличии этих факторов для социальной системы существует опасность экспансиионизма элиты (а элита — та страта общества, у которой стремление к власти, причем власти максимальной, порой абсолютной — доминанта в ее ценностных ориентациях). Поэтому гражданское общество должно принять некоторые профилактические меры для обуздывания экспансиионизма элиты и тем самым попытаться обезопасить себя от превращения элиты в доминирующую группу (эти меры, в сущности, элемент того, что называется демократическими «правилами игры»).

В этой связи хотелось бы напомнить известные слова английского историка лорда Эктона: «Власть разворачивает. Абсолютная власть разворачивает абсолютно». Подлинные демократы не должны быть снисходительны к правящей элите. Какие же гарантии требуются для того, чтобы новая элита избежала коррупции, деспотизма и иных пороков власти, не выродилась бы в деспотическую элиту?

Для этого нужны, на наш взгляд, по меньшей мере следующие условия:

— Полная гласность и ее логическое развитие — свобода слова, отсутствие монополии любой социальной группы на средства массовой

информации: наличие альтернативных органов печати, телевидения, радио, с помощью которых возможна открытая и постоянная критика недостатков, ошибок, а возможно, и преступлений представителей власти, обнародование каждого факта нарушения ими демократических норм и процедур; должно быть исключено всякое преследование инакомыслящих.

— Сильная оппозиция, политический плюрализм, свободная конкуренция потенциальных элит, их взаимная критика и соперничество, судьями которых являются народные массы, избиратели, тем самым контролирующие элиту.

— Последовательное проведение разделения властей — законодательной, исполнительной, судебной, которое может обеспечить определенное равновесие, баланс различных социальных сил, препятствуя опасному для общества бесконтрольному сосредоточению политической власти.

— Открытость элит, причем в двух смыслах:

а) для социальной мобильности, входления в ее ряды наиболее способных представителей самых широких слоев населения;

б) для постоянного обратного влияния масс на элиту, проявляющегося, в частности, в избирательных кампаниях. И, наконец, *conditio sine qua non* — строгое соблюдение законности, демократических процедур, что обязательно для нормального функционирования правового государства.

ЛИТЕРАТУРА

Поппер К. Открытое общество и его враги. Ч. II. М., 1990.

Нарта М. Теория элит и политика. К критике элитаризма. М., 1978.

Арендт Х. Временный союз элиты и черни //Иностранная литература. 1990. № 4.

Хайек Ф. Дорога к рабству //Вопросы философии. 1990., № 10 — 12.

Къезо Д. Переход к демократии. М., 1992.

Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992.

Хартингтон С. Политический порядок в изменяющихся обществах //Социально-политические науки. 1991., № 9.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Можно ли рассматривать элитизм в качестве альтернативы демократии?

2. В чем состоит существо позиции «демократического элитизма»?

3. Сопоставьте позиции «радикального эмпиризма», «элитного плюрализма», «неоэлитизма» и «радикального антиэлитизма» по вопросу о сущности демократии.

4. В чем К. Поппер видит центральную проблему демократии?

ЧАСТЬ II. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Глава 8. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

Анализ различных концепций элит показывает, что при всем их разнообразии, при их разработке и обосновании используются сходные методы исследования. Прежде всего это относится к сбору фактического материала. Что касается теоретических обобщений и их проверки, то круг используемых методов и научных методик во многом формируется в зависимости от содержания основных идей и поставленной проблемы. Поэтому есть смысл напомнить вкратце, с какими основными теоретическими моделями мы имеем дело.

При классификациях элитологических концепций в качестве базовых моделей принято выделять такие теории, как биологическая, психологическая, техническая, организаторская, функциональная, распределительная. Говорят, например, о таких научных школах: макиавелистская (Г. Москва, В. Парето, Р. Михельс и др.), ценностная, теория демократического элитизма (Р. Даль, С. Липсет, Л. Зиглер), концепция глориализма элит (О. Штаммер, Д. Рисмэн, С. Келлер), леволиберальные концепции (Р. Милс), парторганические теории (В. И. Ленин, М. Восленский, М. Джилас)¹. Хотя последняя группа теорий весьма условно может быть отнесена к элитизму. Тем более, что часть их авторов отрицает всякую элитарность и социальное неравенство. Однако содержательно концепция авангардной партии рабочего класса, которой отводится руководящая социально-политическая роль, есть специфическая политическая элита в переходном обществе. На это в свое время обратил внимание М. Бакунин, критикуя Маркса за то, что задуманное им народное государство в сущности своей не представляет ничего иного, как управление массами сверху вниз, посредством интеллигентного и потому самого привилегированного меньшинства, будто бы лучше разумеющего настоящие интересы народа, чем сам народ².

Приведенные различные классификации можно было бы несколько упорядочить с тем, чтобы менее определенный термин «модель» был

¹ См.: Основы политической науки. Ч. I. М., 1993. С. 168—178.

² См.: Бакунин М. Государственность и анархия. Полн. собр. соч. Т. 2. СПб. С. 27

употреблен с большим основанием. Модель включает в себя несколько разновидностей, семейство концепций. Выделим следующие:

1. *Этологическая* (поведенческая) модель элит ориентирована на изучение различных механизмов кратического поведения. Одни концепции сконцентрированы на изучении некоторых антропологических особенностей, обуславливающих специфическое для человека кратическое поведение. Часть из них заложена в биогенетических особенностях человека и восходит к высшим приматам, а часть трансформирована в институциональные формы. К этологической модели следует отнести и различные психологические теории, в которых проецируются психологические механизмы кратического поведения. Этологические исследования властных отношений у высших животных (М. Р. Чэнс) порой дают возможность для прозрачных редукционистских построений, касающихся властных отношений в обществе¹.

Модны сейчас и неофрейдистские экспликации властного проявления. Не избегают этого и некоторые лидеры современной российской политической элиты². В российской духовной жизни определенным влиянием пользуется доктрина Л. Гумилева.

2. *Социо-культурная* модель элит основывается на анализе особенностей цивилизационного развития, выводя специфику различных секторов управления (социального, экономического, политического) и присущую им организационную и ценностную инструментовку, исходя из уровня цивилизационного развития, доминирующих ментальных форм (М. Вебер) и профессионально-сословных этосов.

3. *Структурно-функциональная* модель в наибольшей мере погружена в социальные и экономические реалии общества. Она выводит признаки и особенности элит, опираясь на структурно-функциональный анализ общества.

Для выделения элит характерны, прежде всего, статусные и деятельностные признаки, для их описания важны культурно-образовательные, имущественные, стратификационно-генетические (социальное происхождение) показатели, особенности социализации.

4. Особое место занимает *социально-конфронтационная* модель, в которой развитие общества в целом или отдельной локальной цивилизации (или отдельного государства) строится на основе представления о ведущей роли социальной конфронтации (классовой борьбы, столкновения элит) в истории. В таких концепциях в качестве ведущих выступают категории группового интереса и потребности. Политическая жизнь в этом

¹ См.: Дольник И. Р. Естественная история власти //Знание-Сила. 1994. № 10, 11.

² В скандально известном интервью В. Жириновского журналу «Плей-бой» он прямо говорит о мотивах подобных аналогий: «Если бы я строил аналогии с проблемами биологии, физическими явлениями или спортом, понимали бы не все. А секс и политику понять гораздо проще. Секс понимают все — и мужчины, и женщины» (см.: «Совершенно секретно». 1995. № 7. С. 111).

случае редуцируется к социальным и экономическим структурам, генерирующими систему соответствующих интересов.

Перечисленные модели выступают как базовые и взаимодействуют (иногда конфронтируют) между собой, определяя способы и методы эмпирического вычисления элит и их признаков, формируя идеальные конструкты для описания и обобщения материала, нацеливая на источники информации. Особенности каждой модели заключаются в том, что они выделяют тот или иной аспект или уровень анализа элит в качестве ведущего. От этого в общем зависит, какие источники информации и методы ее обработки мы задействуем.

В современной российской элитологии в настоящее время доминирует структурно-функциональная модель, ориентирующаяся на анализ социально-статусных и деятельностных особенностей элит. Это обусловлено теми же объективными обстоятельствами, которые складывались и в западной элитологии XIX — начала XX вв. Прежде чем углубляться в ментальные и поведенческие уровни элит, следует их выделить, классифицировать, описать.

На этом этапе и в эмпирических методах и источниках доминируют наблюдения, описание, экспертная оценка и классификация элит. Наиболее важными задачами являются:

- выделение признаков;
- типология;
- описание демонстрационных (формальных) и теневых взаимоотношений;
- циркуляция и инфильтрация;
- реконструкция реальных мотивов и смыслов деятельности.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что при всей общности используемых методов исследования, их направленность и группы решенных исследовательских задач во многом обусловлены действием методологического принципа цивилизационного своеобразия элит (см. гл. 4).

Анализ элитологической мысли в ее западной, восточной (которая изучена значительно слабее) и российской версиях показывает существенную зависимость той или другой из них от цивилизационного опыта и его своеобразия, а также от доминирующей культурно-мировоззренческой матрицы. Если западная культурно-мировоззренческая матрица строится на таких опорных категориях, как «индивидуогражданское общество — право — рынок — прогресс — свобода — разум», то восточная такова: «государство — традиция — иерархия — порядок — вера — стабильность». Своебразие российской культурно-мировоззренческой матрицы образуют такие базовые элементы, как «общество — государство — мир (умиротворение) — духовность — всеединство — совесть — справедливость».

Следует подчеркнуть значимость еще одного методологического фактора, существенно сказывающегося в элитологических исследованиях, в особенности в современной России.

В последние годы в российских политологических исследованиях все более ощущается воздействие философии и социологии повседневности. Методология этих направлений гуманитарного знания включает в арсенал исследователей новые источники и фрагменты эмпирической реальности. Они переориентируют исследователей с факторов доктринального и идеологического уровня на профанные и психологические, изучение архетипов и семантики политического поведения.

В российской элитологии эмпирический уровень, ориентированный такой методологической парадигмой, пока еще очень тонок и его предстоит нарабатывать. Однако в немалой степени он компенсируется тем жизненным опытом, который имеет исследователь, погруженный в политico-административную среду: многолетнее «включенное наблюдение» за деятельностью номенклатурной элиты; биографический метод, применяемый к субъектам региональной элиты, которых исследователь знает и чувствует в течение многих лет; герменевтические и семантические расшифровки текстов и действий политических руководителей центра и различных регионов, выявляющие подлинные мотивы, а не прикрываемые социальной миникрией; понимание степени серьезности намерений лидеров и умение отличать их от политической игры, рассчитанной на восприятие дальнего окружения и масс населения, — без этого трудно сейчас интерпретировать эмпирические данные, полученные в анкетных опросах или контент-анализе.

Об этом методологическом условии, которое можно назвать методологической референтностью, редко говорят. Однако наиболее референтными для элитологов источниками являются: информированные и давно работающие с политиками журналисты, эксперты — представители элиты, склонные к рефлексии и аналитической деятельности, сами элитологи, последовательно (а не эпизодически) отслеживающие политические и административные элиты. Методологически референтным должен быть и исследователь, занявшийся элитологией.

Методологический аспект исследования политических элит тесно связан с методическим; какими методами можно изучать элиты и как в результате этих процедур получить достоверную информацию? В политической элитологии в этих целях используются общеметодические приемы и методы: анкетирование, интервьюирование, наблюдение и др.¹

Наряду с ними применяются и специфические методы, которые называет, например, Е. В. Охотский² в работе «Политическая элита: сущность, структура, проблемы становления».

¹ См., например: Матвиенко В. И. Социологический анализ в политике. Киев, 1995. С. 59 — 98.

² Охотский Е. В. Политическая элита: сущность, структура, проблемы становления. М., 1995. С. 27.

Суть этих методов представлена следующей таблицей:

Таблица 6

Методы анализа элиты

Позиционный политические позиции ценностные ориентации мировоззрение
Репутационный авторитет и влияние имидж элиты в обществе личностные качества мотивы поведения
Статусный место, занимаемое в общественных иерархических структурах; социальная база поддержки уровень осознанности общественных интересов
Практические результаты эффективность деятельности; качество и последствия принимаемых решений уровень осознанности ответственности перед обществом

Характеризуя эти методы и условия их применения, прежде всего заметим, что сами элитные группы неустойчивы и очерчены чрезвычайно зыбко. И если изменения в верхнем эшелоне правящей элиты отслеживать сравнительно несложно, то с политическими партиями и их лидерами дело обстоит гораздо сложнее: название партий, их членский состав и общая политическая ориентация меняются чрезвычайно быстро, а систематизированных источников, по которым можно было бы оперативно отслеживать эти перемены, практически нет. Проиллюстрируем некоторые сложные в методическом отношении моменты в исследованиях элит, основываясь на опыте ряда исследований, в том числе и собственных. Первым этапом работы является сбор информации, завершающийся составлением списка основных политических партий и организаций и их лидеров. При этом оказывается, что даже информация о зарегистрированных партиях и организациях, имеющаяся, к примеру, в Ростовской области, в какой-то части уже успела устареть.

Далеко не все из включенных в список политических лидеров и руководителей государственных органов охотно идут на интервью. Из всех респондентов, первоначально включенных в выборку:

Согласились отвечать на вопросы интервью:	70 %
— охотно	30 %
— неохотно	40 %

Из них:

— неохотно, но проявили заинтересованность в процессе интервью 44 %

Не согласились отвечать на вопросы интервью: 30 %

— из-за категорического нежелания работать с социологами 6 %

— ссылаясь на недостаток времени 14 %

— ссылаясь на отсутствие интереса к теме 10 %

По наблюдениям ряда исследователей, на согласие политических деятелей и журналистов участвовать в исследовании влияют несколько факторов. Один из них — престижность организаций, участвующих в опросе. Другой, действовавший ни большинство политиков и работников СМИ неотразимо, — апелляция к их собственному имени и авторитету («Вы относитесь к числу наиболее компетентных людей и должны помочь разобраться в стать сложных и насущных для страны вопросах», «У Вас есть очень интересная статья на эту тему, но не могли бы Вы ответить на некоторые не упомянутые в ней вопросы?»). По существующим оценкам, это помогает добиться согласия на интервью от трети респондентов. Наконец, многих привлекает то обстоятельство, что исследование будет опубликовано в виде книги: это позволяет усилить в своем имидже элемент «интеллектуальной респектабельности» (по оценкам, чуть больше 20 % респондентов данной группы).

Случается, что часть опрашиваемых идет на активный контакт, желая опробовать на исследователе свои идеи или же познакомиться с новыми для себя идеями.

Это относится прежде всего к респондентам-политикам. Для них важнее всего было апробировать свои идеи на интервьюере, которому при этом отводится парадоксальная и непривычная для исследователя роль «подопытного кролика», анкета же оказывается лишь поводом для разговора. Такое отношение респондентов, естественно, требует подготовки определенной тактики ведения беседы. Основными элементами могут быть попеременное принятие интервьюером роли то союзника, то оппонента; дополнительные вопросы, отсутствующие в анкете, но углубляющие какую-то затронутую респондентом проблему, так что тот волей-неволей вовлекался в процесс обсуждения; предложение респонденту какой-то дополнительной идеи, не содержащейся в анкете, но кажущейся ему плодотворной, которую он с интересом начинал развивать; некоторых респондентов стимулировало ощущение, что интервьюер — не просто единомышленник, но человек, думающий в тех же понятиях-символах, что и сам респондент, так что разъяснить свою позицию в деталях нет необходимости. В отдельных случаях «разговорить» респондентов помогала готовность интервьюера признать весьма ценной каждую высказанную мысль.

Таким образом, участвуя в интервью, представители политической элиты стремятся решать свои собственные задачи, мало связанные с целями исследования, и используют подходы и методы политической коммуникации, отработанные и апробированные в их политической практике.

Остановимся на некоторых общих и специфических методах в исследовании элит.

Прежде всего выделим подтверждаемую опытом такую особенность, подчеркиваемую рядом авторитетных исследователей: «Создание адекватных методик исследования такого сложного объекта, как элита, требует длительного времени. При этом, как показывает уже имеющийся опыт, методики нельзя заимствовать или адаптировать: их нужно заново создавать практически для каждого оригинального исследования, что, несомненно, осложняет его проведение и удлиняет его сроки»¹.

Анкетирование — один из самых сложных методов. Его использование требует высокой профессиональной подготовленности и больших затрат времени на подготовку.

При опросах элиты следует обращать внимание на такие моменты: создание у опрашиваемых положительно заинтересованного отношения к исследованию; поддержание этого отношения с помощью контактных вопросов на протяжении всего исследования; соответствие содержания вопросов степени информированности и подготовки опрашиваемых; формулирование вопросов и ответов на них таким образом, чтобы они соотносились друг с другом; отсутствие эмоционально нагруженных, неопределенных вопросов; расположение вопросов так, чтобы их последовательность не влияла на опрашиваемого.

Много проблем возникает и при выборе тактики проведения анкетных опросов. Прежде всего, какой вид придать анкетированию? Можно провести прессовую или почтовую анкету, распространять анкеты с помощью актива, прошедшего специальную подготовку на оперативных семинарах по методике и технике конкретных социологических исследований, или заменить письменную анкету интервью. Какую разновидность анкеты использовать? Как ее начать? Как построить, чтобы опрашиваемый смог выступить в качестве объективного свидетеля? Да и каких и сколько респондентов включить в состав опрашиваемых? Эти вопросы требуют обсуждения и продумывания прежде всего.

Подытоживая сказанное об особенностях методов анкетирования и интервью при изучении элит, предложим основные рекомендации:

1. Разрабатывая анкету и формулируя вопросы, необходимо всегда ориентироваться на респондента. Анкета должна быть корректной и деликатной, предпочтительнее в форме диалога, чтобы каждый опрашиваемый чувствовал, что обращаются именно к нему, а не к некой абстрактной единице, его мнение действительно необходимо.

¹ Микульский К. Н., Бабаева Л. В., Тарнис Е. Я. и др. Российская элита: опыт социологического анализа. Ч. I. Концепция и методы исследования. М., 1995. С. 5.

2. При разработке анкеты очень важно ознакомиться с языковыми особенностями опрашиваемых и формулировать вопросы на языке, который был бы доступен, по крайней мере, большей части респондентов, независимо от их национальной принадлежности.

3. Эффективность социологического исследования во многом определяется анонимностью ответов респондентов. Поэтому в инструкции к анкете необходимо подчеркнуть ее анонимность, а при сборе анкет респонденты должны опускать их в специально подготовленный ящик, а не сдавать анкетерам, проводившим опрос. Не рекомендуется также использовать в качестве анкетеров руководящих работников всех уровней, для этих целей желательно привлекать посторонних лиц,

4. Большое внимание нужно уделять оформлению анкет. Они должны быть напечатаны на белой бумаге, удобным для чтения шрифтом, а различные тексты — иметь отличительный шрифт. Важно также свободно расположить текст на странице.

Важное значение в изучении политico-административной элиты региона имеет такой метод, как контент-анализ публикаций, текстов выступлений, различных документов. Мы использовали этот метод в качестве одного из основных при изучении выступлений представителей элиты в местной печати и в публикациях об элите¹.

Суть этого метода состоит в нахождении в тексте определенных смысловых понятий (единиц анализа), выявлении частоты их употребления и соотношения с содержанием всего документа. Сам термин «контент-анализ», как и первые попытки произвести точные статистические измерения содержания материалов массовой информации, берет свое начало от исследований в области американской журналистики конца прошлого и начала нынешнего века.

Достоинством данного метода является возможность избежать субъективизма при разборе больших массивов обрабатываемой информации, значительно сократить физические объемы материала при сохранении основных связей его содержания, проанализировать особенности текстовых характеристик документов одной партии в зависимости от состава тех, кому они предназначены, или разных партий, выступающих по одной проблеме. При работе с материалами средств массовой информации благодаря контент-анализу решается задача сравнения стилистических особенностей сообщений. Он может быть использован и для кодировки открытых вопросов социологических анкет.

Контент-анализ — строго формализованный метод изучения текстовой информации. Содержание любого документа определяется как совокупность имевшихся в нем сведений, объединенных единой концепцией, замыслом. При этом все многообразие текста по интересующей

¹ См.: Понеделков А. В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов-на-Дону, 1995. С. 184 – 188.

исследователя проблеме или проблемам сводится к набору определенных элементов, которые затем подвергаются подсчету и интерпретации.

Специалисты по анализу содержания в зависимости от целей исследования фиксируют: частоту появления в материалах выделенных элементов, частоту связанности одних элементов с другими, отношение к этим элементам со стороны источника информации и некоторые другие параметры. Поэтому основные процедуры контент-анализа связаны с переводом качественной информации на язык счета, с выделением так называемых категорий анализа, единиц анализа, единиц счета.

Значительный интерес при анализе различных методов изучения элиты представляет проблема сравнительной эффективности методов.

Обратимся к обсуждению данной проблемы.

В современной элитологии, как правило, используется один из трех методов выявления элиты: *позиционный анализ* (т. е. анализ позиций), *репутационный анализ* (т. е. анализ репутации) и *анализ принятия решений*. Наиболее распространенным является позиционный анализ, основанный на предположении, что формальные государственные институты предоставляют вполне адекватную карту отношений к иерархии власти. Иными словами, тс, кто занимает высокие посты в такого рода институтах, будут влиять на политические события. Главное преимущество подобного метода в его простоте: достаточно найти списки депутатов, схему организационной структуры правительства, перечень крупнейших компаний в промышленности и сфере услуг — и элита может быть выявлена и даже ранжирована по степени влияния. В то же время метод позиционного анализа имеет серьезные недостатки. Как справедливо отмечают его критики, официальный статус нередко вводит нас в заблуждение. Ведущие роли в политических играх могут исполнять люди, не занимающие никаких официальных постов, но оказывающие косвенное воздействие на тех, кому по статусу принадлежит право принятия решений. Кроме того, крайне трудно определить критерии могущественности институтов власти. Поэтому, используя позиционный анализ, мы рискуем включить в элиту тех, кто обладает властью лишь名义ально, тогда как реальные носители власти окажутся за ее пределами.

Вторым по широте употребления является метод репутационного анализа, впервые примененный Ф. Хантером в работе, посвященной исследованию структуры власти в Атланте (штат Джорджия). Сторонники подобного метода исходят из того, что для выявления людей, обладающих властью, необходимо опросить активных наблюдателей или участников политических событий: их экспертные оценки позволят отличить тех, кто занимает высокие посты, но реально бессильны, от тех, кто на деле влияет на происходящее на политической сцене. И действительно, использование репутационного анализа дает возможность приблизить результаты идентификации элиты к реальной ситуации, хотя и данный метод не свободен от недостатков. Мнение экспертов всегда субъективно, на них прямым

образом сказываются степень их осведомленности и личные предпочтения. Соответственно, стоит лишь сменить состав экспертов, и результаты анализа окажутся уже несколько иными.

Реже всего используется метод анализа принятия решений, т. е. выявление элиты путем идентификации тех, кто реально принимает важнейшие решения. Этот метод был успешно применен Р. Далем в его классической работе «Кто управляет?» и может считаться наиболее точным из всех известных. Однако подавляющая часть исследователей избегает обращаться к анализу принятия решений. Дело в том, что при изучении широкого спектра элит или широкого диапазона решений такой анализ весьма трудно провести. Здесь требуются хорошее знание области, в рамках которой принимаются решения, а также солидная информация о процессе их принятия и составе задействованных лиц. Поскольку же на практике анализируется лишь небольшое число решений, результаты исследования во многом зависят от выбора рассматриваемых проблем. Каждая политическая сфера (например, налоговая политика, социальное обеспечение, оборона и т. д.) обычно имеет свой, отличный от других, круг лиц, принимавших решения. Соответственно при анализе какой-либо одной группы решений можно выявить только узкоспециализированный слой элиты. Наконец, подобный метод применим лишь при анализе решений, уже вынесенных на обсуждение. Вне поля зрения остаются лица, непосредственно не участвующие в процессе принятия окончательного решения, но влияющие на формирование повестки дня предстоящего обсуждения.

Проведенное испанским политологом Ш. В. Риверой¹ сравнительное исследование показало, что при эмпирическом анализе российской элиты репутационный метод не имеет серьезных преимуществ перед позиционным.

Сходная результативность репутационного и позиционного методов, отчетливо проявившаяся в этом исследовании, во многом объясняется особенностью составления «Независимой газетой» изначального списка имен. В тех случаях, когда эксперты не получают фиксированного списка имен для ранжирования и сами указывают наиболее влиятельных политиков, расхождение в результативности двух методологий прослеживается довольно отчетливо. И все же, как представляется авторам, эффективность эмпирического изучения элит в современной России не сильно пострадает от использования чисто позиционного анализа, тем более, что, как уже говорилось, позиционный анализ позволяет избежать характерных для репутационного анализа трудностей, обусловленных индивидуальными особенностями восприятия и ошибками, свойственными человеку.

В заключение данного раздела отметим, что поскольку элиты в регионах России находятся в процессе становления, значительный интерес представляет не только изучение их структурно-статусных характеристик, но и деятельности, и ментальных. Применительно к изучению этих уже

¹ См.: Полис. 1995. № 6.

содержательно-ценностных характеристик элиты большую значимость прелестляет методический опыт западной элитологии.

В заключение остановимся на рассмотрении литературы и источников, отражающих реальное развитие отечественной элитологии. Хотелось бы подчеркнуть, что проблемы элитизма в последнее время интенсивно разрабатываются российскими философами, политологами, социологами, правоведами. По этим вопросам в научной литературе опубликовано более 500 работ. Следует подчеркнуть, что в российском обществознании преодолено доминирование идеологизированной, острокритической формы эгалитаризма. Вместе с тем, отечественная элитология прошла уже несколько этапов в своем развитии. На первом, в работах Г. К. Ашина, Ф. М. Бурлацкого, Н. М. Кейзерова, А. А. Галкина, И. А. Пешкова, Г. В. Каменской, Е. В. Рогачева, Г. В. Атаманчука, В. С. Комаровского, Г. Г. Водолизовой, Ю. К. Малова и других авторов внимание было сосредоточено на критическом анализе западной элитологии¹ сквозь призму идеологизированной эгалитаристской парадигмы. Незначительна была в эти годы и источниковедческая база для подготовки и деятельности отечественных элитологов; не были введены в научный оборот труды классической западной элитологии, не проводились эмпирические исследования. В условиях моноидеологии вряд ли могло быть иное знание о советской политической эlite, кроме герменевтического.

Вместе с тем изучение советской политической элиты, которое обстоятельно было представлено в деятельности многочисленных советологических центров и эмигрировавших на Запад советских ученых, было в не меньшей степени идеологизировано и подчинено социально-критическому заказу, чем отечественные разработки социально-политических проблем западного общества. При всем феноменологическом богатстве работ М. Джиласа, М. Вселенского, А. Авторханова и других их пронизывает определенная заданность, мешающая распознаванию объективного места и роли советской политической элиты.

На втором этапе становления отечественной элитологии, который пришелся на годы перестройки, происходило быстрое развитие источниковедческой базы. Был опубликован ряд значительных работ классического и современного периода западной элитологии, наиболее важные труды западных советологов. Тем самым была значительно приоткрыта завеса замалчивания научных концепций и многих документов, характеризующих внутреннюю жизнь элиты, процессы принятия политических решений,

¹ См.: Ашин Г. К. Современные теории элит. М. Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан. М., 1985; Гуревич. П. С. Современный буржуазный элитизм. истоки, версии, тенденции // Социально-политические теории современной буржуазной идеологии: критический анализ. М., 1981; Чесиков И. А. Формирование правящих групп развивающихся стран: критика зарубежных концепций в современной политологии США. Дис. докт. ист. н. Ч., 1986; Каменская Г. В. Этнические концепции в современной политологии США. Диссерт. канд. ист. н. М., 1988.

тонкости кадровой политики номенклатурной системы, управленческую деятельность советской элиты раннего и новейшего этапа.

В рамках еще прежней партийно-номенклатурной системы социологические и политологические исследования позволили создать более менее непредвзятое представление о взаимодействии центрального и регионального звеньев власти, о взаимоотношениях общества и партийной элиты, о ценностных ориентациях элиты и ее профессионализме. На этом этапе проявили себя многие известные отечественные элитологи.

В работах О. В. Крыштановской, Л. А. Радзиховского¹ были начаты исследования, основывающиеся на контент-анализе документальных источников архивов ЦК КПСС, конкретно-социологических методах изучения управленческих установок и властных мотивов, использовался биографический метод². В большей мере были изучены социологические проблемы центрального ядра советской номенклатурной системы.

В трудах Е. В. Охотского, Е. В. Старикова, С. А. Кислицына и других авторов впервые предпринималась попытка применения западной элитологии и российской политологии к российским политическим реалиям. Вместе с тем началось систематическое изучение управленческой деятельности, ценностных ориентаций периферийных политических и административных элит России.

Необходимо отметить, что серьезные исследования осуществляются сейчас рядом аналитических центров, которые созданы в аппаратах Администрации Президента РФ, Государственной Думы, ряда общественно-политических движений и партий, в Российской академии государственной службы при Президенте РФ. Полученные результаты используются при подготовке и проведении крупных политических кампаний и акций, программ и других ответственных политических документов, в разработке стратегии и тактики деятельности. Однако значительная часть таких разработок, содержащих элитологическое значение, остается до сих пор полностью или частично закрытой.

Наконец, необходимо выделить группу ученых из различных регионов России, приступивших к разработке политологических и социологических проблем регионального звена политической и административной элит России. Работами С. И. Барзилова, А. К. Магомедова, М. Х. Фарукшина, В. И. Осинова, П. В. Смолянского, А. В. Понеделкова и других по существу начал новый этап в развитии отечественной элитологии. Их усилиями

¹ См.: Крыштановская О. В., Радзиховский Л. А. Каркас власти // Вестник Российской Академии наук, 1993. Т. 63. № 2.

² См.: Охотский Е. В. Политическая элита. М., 1993; Кислицын С. А. Большевистская элита 20—30 гг. Ростов н/Д. 1995; Пугачев В. И. Субъекты политики: личность, элита, государство. М., 1991; Березовский В., Червяков В. Современная политическая элита России // Свободная мысль. 1993. № 1—2; Магомедин М. «Новая» элита России // Общественные науки и современность. 1992. № 2.

картина вертикального разреза деятельности российской политической элиты органически дополняется рядом горизонтальных срезов¹. В результате постепенно складывается достаточно прочная источниковедческая, эмпирическая база, позволяющая перейти на новый уровень теоретических решений и концептуальных разработок новейшего времени на своей собственной методолого-цивилизационной базе.

Что касается элитологических отечественных исследований последних лет, то они не только позволили сформировать эмпирическую базу отечественной теории элит и обсудить важные концептуальные и практические проблемы, но и внести серьезные методологические корректизы в использование классической и современной западной элитологии².

ЛИТЕРАТУРА

Дал Р. Современный политический анализ. //Политология (70 — 80-е гг.). М., 1993.

Шварценберг Р. Ж. Политическая социология. Ч. I. М., 1992.

Шаран П. Сравнительная политология. Ч. I. М., 1992.

Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования. 1997.

Ядов В. А. Социологические исследования: методология, программа, методы. М., 1987.

Матвиенко В.Я. Социологический анализ в политике. Киев, 1995.

Голосов Г. В. Сравнительная политология. Новосибирск, 1995.

Ефимов А. Элитные группы, их возникновение и эволюция//Знание-сила. 1986, № 1.

Понеделков А. В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов н/Д, 1995.

Политико-административная элита и государственная служба в системе властных отношений. Вып. 1 — 4. Ростов н/Д, 1996.

Микульский К. Н., Бабаева Л. В. и др. Российская элита: опыт социологического анализа. Ч. I. Концепция и методы исследования. М., 1995.

Элдерсфельд С. Политические элиты в современных обществах. Эмпирические исследования и демократия. М., 1992.

¹ См.: Магомедов А. К. Политическая элита российской провинции // Мировая экономика и международные отношения. 1994. № 4; Смолянский П. В. Политическая элита современной России: особенности формирований // Политическая теория: тенденции и проблемы. М., 1994. Вып. 2; Фарукшин М. Х. Политическая элита в Татарстане: вызовы времени и трудности адаптации //Полис. 1994. №6; Понеделков А. В. Административно-политическая элита региона (социологический анализ). Ростов н/Д, 1995; Барзилов С. И., Чернышев А. Г. Привинция: элита, номенклатура, интелигенция // Свободная мысль. 1996, № 1.

² См.: Понеделков А. В. Элита (политико-административная элита: проблемы методологии, социологии, культуры). Ростов н/Д, 1995. С. 148 — 163.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Назовите основные модели элит в элитологических исследованиях.
2. Каковы особенности действия методологических принципов элитологии применительно к политическим условиям России?
3. Назовите основные методы анализа элит.
4. Попытайтесь сопоставить позиционный и репутационный методы анализа элит и определить их сравнительную информативность.
5. Каковы основные этапы развития современной российской элитологии и их отличительные особенности?

Глава 9. СОЦИАЛЬНО-СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

В предыдущей главе мы остановились по преимуществу на доктринальном аспекте элитологии: методология, концепции, источники и литература. Исходя из этого, несложно заметить, что понятие элит окружено неким таинственным флером. О нем много говорят, но часто не очерчивают сколь либо четких обозначающих границ. Уточним исходное понятие «элиты» с помощью трех дополняющих друг друга определений.

1. Элита — это верхние слои общества, группы, занимающие в нем высшие или ведущие позиции (властные, экономические, профессиональные и пр.).

2. Элита — это совокупность относительно замкнутых групп, доступ в которые ограничен и регулируется механизмом достаточно жесткого отбора.

3. Элита — это группы, обладающие особыми культурными ориентациями и менталитетом, образом жизни и действия, отделяющими их от прочего населения, которое они держат на ощущимой социальной дистанции. Элитные нормы для населения высокопривлекательны, но при этом малодоступны.

Следует подчеркнуть, что элита не является категорией одной только политики. В современном обществе существует целый ряд элит — политических, военных, экономических, профессиональных. Где-то эти элиты переплетаются, где-то соперничают друг с другом. Можно сказать, что существует столько элит, сколько есть областей социальной жизни. Но какую бы сферу мы ни взяли, элита суть меньшинство, противостоящее остальной части общества, его средним и нижним слоям как некоей «массе». При этом положение элиты как высшего сословия или касты может закрепляться формальным законом или религиозным уложением, а может достигаться совершенно неформальным образом.

В связи с этим и требует особого анализа связь типов элит с типами социальной структуры, чем в немалой степени определяются особенности структурных характеристик элит и их функционирования.

Характер социального расслоения и способ его утверждения в своем единстве образуют то, что называют стратификационной системой.

Когда заходит речь об основных типах стратификационных систем, обычно дается описание кастовой, рабовладельческой, сословной и классовой дифференции. При этом принято связывать их с историческими типами общественного устройства, наблюдаемыми в современном мире или уже безвозвратно ушедшими в прошлое. Мы же хотим обратить внимание на наличие и более сложного подхода, предлагаемого В. В. Радаевым и О. И. Шкарата¹, которые считают, что любое конкретное общество состоит из комбинаций различных стратификационных систем и множества их переходных форм. С этой точки зрения предпочтительнее говорить об «идеальных типах» даже тогда, когда используются элементы традиционной терминологии.

Ниже представлены девять типов стратификационных систем, которые могут быть использованы для описания любого социального организма и представленных в нем элит, а именно:

- физико-генетическая;
- рабовладельческая;
- кастовая;
- сословная;
- этократическая;
- социально-профессиональная;
- классовая;
- культурно-символическая;
- культурно-нормативная.

В основе первого типа — физико-генетической стратификационной системы, как отмечают В. В. Радаев и О. И. Шкарата, лежит дифференциация социальных групп по социально-демографическим признакам. Здесь отношение к человеку или группе определяется полом, возрастом и наличием определенных физических качеств — силы, красоты, ловкости. Соответственно более слабые, обладающие физическими недостатками, считаются ущербными и занимают приниженное общественное положение. Неравенство утверждается в данном случае существованием угрозы физического насилия или его фактическим применением, а затем закрепляется в обычаях и ритуалах.

Данная стратификационная система сформировалась еще в первобытной общине, но продолжает воспроизводиться и по сей день. Особенно сильно она проявляется в сообществах, борющихся за физическое выживание или расширение своего жизненного пространства. Система, ранжирующая людей по способности к физическому насилию, — во многом продукт милитаризма древних и современных обществ. В настоящее время, хотя и лишенная былого значения, она все же поддерживается

¹ См.: Радаев В. В., Шкарата О. И. Социальная стратификация. М., 1995.

войной, спортивной и сексуально-эротической пропагандой и воспроизводится на уровне отдельных субкультур современного общества (например, криминальной).

Вторая стратификационная система — *рабовладельческая* — также во многом основана на насилии. Но неравенство здесь определяется не физическим, а военно-юридическим принуждением. Социальные группы различаются по наличию или отсутствию гражданских прав и прав собственности. Определенные социальные группы этих прав лишены совершенно и, более того, наравне с вещами превращены в объект частной собственности. Причем положение это чаще всего передается по наследству и таким образом закрепляется в поколениях.

Примеры рабовладельческих систем весьма разнообразны. Это и античное рабство, где число рабов порою превышало число свободных граждан, и холопство на Руси времен «Русской правды», это и плантационное рабство на юге Североамериканских Соединенных штатов до гражданской войны 1861 — 1865 гг., наконец, работа военнопленных и депортированных лиц на немецких частных фермах в период второй мировой войны, либо же распространенный в современной Чечне рабский труд захваченных в плен или похищенных российских граждан.

Способы воспроизведения рабовладельческой системы тоже характеризуются значительным разнообразием. Античное рабство держалось в основном за счет завоеваний. Для раннефеодальной Руси более характерно было долговое, кабальное рабство. Практика продажи в рабство собственных детей при отсутствии возможности их прокормить существовала, например, в средневековом Китае. Гам же обращали в рабов и разного рода преступников (в том числе и политических).

Третий тип стратификационной системы — *кастовая*. В ее основе лежат этнические различия, которые закрепляются и поддерживаются религиозным Порядком и религиозными ритуалами. Каждая каста представляет собой замкнутую, насколько это возможно, группу, которой отводится строго определенное место общественной иерархии. Это место появляется в результате обособления особых функций каждой касты в системе разделения труда. Существует четкий перечень занятий, которыми члены этой касты могут заниматься: жреческие, воинские, земледельческие. Поскольку положение в кастовой системе передается по наследству, возможности социальной мобильности здесь крайне ограничены. И чем сильнее выражена кастовость, тем более закрытым оказывается данное общество.

Классическим примером общества с господством кастовой системы по праву считается Индия (юридически эта система была отменена здесь лишь в 1950 г.). Сегодня, хотя и в более сглаженном виде, кастовая система воспроизводится не только в Индии, но, например, в основном строе ряда среднезиатских государств.

Четвертый тип представлен *сословной стратификационной системой*. В этой системе группы различаются юридическими правами, которые, в

свою очередь, жестко связаны с их обязанностями и находятся в прямой зависимости от них.

Причем последние, как правило, подразумевают обязательства перед государством, закрепленные в законодательном порядке. Одни сословия обязаны нести ратную или чиновничью службу, другие — «тягло» в виде податей или трудовых повинностей.

Примеры развитых сословных систем представлены в феодальных западноевропейских обществах, а также в феодальной России. Здесь существует, в первую очередь, юридическое, а не, скажем, этническо-религиозное или экономическое деление. Важно также и то, что принадлежность к сословию передается по наследству, способствуя относительной закрытости данной системы.

Некоторое сходство с сословной системой наблюдается в предста-
вляющей пятый тип *этократической* системе (от французского и греческого — «государственная власть»). В ней дифференциация между группами связана, в первую очередь, с их положением во властно-государственных иерархиях (политических, военных, хозяйственных), с возможностями мобилизации и распределения ресурсов, а также с теми привилегиями, которые эти группы способны извлекать из своих властных позиций. Степень материального благополучия, стиль жизни социальных групп, так же, как и ощущаемый ими престиж, связаны здесь с формальными рангами, которые эти группы занимают в соответствующих властных иерархиях. Все прочие различия — демографические и религиозно-этнические, экономические и культурные — играют производную роль.

Масштабы и характер дифференциации (объемы властных полномочий) в этократической системе находятся под контролем государственной бюрократии. При этом иерархии могут закрепляться формально-юридически — посредством чиновничих табелей о рангах, военных уставов, присвоения категорий государственным учреждениям, а могут оставаться и вне сферы государственного законодательства. Формальная свобода членов общества (за исключением зависимости от государства), отсутствие автоматического наследования властных позиций также отличают этократическую систему от системы сословий.

Этократическая система обнаруживается тем более явно, чем более авторитарный характер принимает государственное правление. В древности ярким образцом этократической системы были деспотические общества (Китай, Индия, Камбоджа, Перу, Египет). В двадцатом столетии она активно утверждается в ряде социалистических обществ и, возможно, даже играет в них определяющую роль.

Далее необходимо назвать шестую, *социально-профессиональную* стратификационную систему. Здесь группы делятся по содержанию и условиям своего труда. Особую роль выполняют квалификационные требования, предъявляемые к той или иной профессиональной роли — обладание соответствующим опытом, умением и навыками. Утверждение и поддержание

иерархических порядков в данной системе осуществляется при помощи профессиональных сертификатов (дипломов, разрядов, лицензий, патентов), фиксирующих уровень квалификации и способность выполнять определенные виды деятельности. Действенность квалификационных сертификатов поддерживается силой государства или какой-то другой достаточно мощной корпорации (профессионального цеха). Причем сертификаты эти чаще всего по наследству не передаются, хотя исключения в истории встречаются.

Социально-профессиональное деление является одной из базовых современных стратификационных систем. Вместе с тем разнообразные примеры ее можно найти во всяком обществе со сколько либо развитым разделением труда. Это строй ремесленных цехов средневекового города и разрядная сетка в современной государственной промышленности, система аттестатов и дипломов о полученном образовании, система научных степеней и званий, открывающих дорогу к более престижным рабочим местам.

Седьмой тип представлен одной из наиболее популярных систем — *классовой*. Из множества трактовок понятия «класс» следует подчеркнуть признаки более традиционной — социально-экономической. В данной трактовке классы представляют социальные группы свободных в политическом и правовом отношениях граждан. Различия между группами связаны прежде всего с характером и размером собственности на средства производства и производимый продукт, а также с уровнем получаемых доходов и личного материального благосостояния.

В отличие от многих предыдущих типов, принадлежность к классам — буржуа, пролетариев, самостоятельных фермеров и т.п. не регламентируется высшими властями, не устанавливается законодательно и не передается по наследству (передаются имущество и капитал, но не сам статус). В чистом виде классовая система вообще не содержит никаких внутренних формальных перегородок (экономическое преуспевание переводит вас в более высокую группу).

Экономически эгалитарные сообщества, где отсутствовала бы классовая дифференциация, — явление довольно редкое и неустойчивое. Но на протяжении большей части человеческой истории классовые членения все же носят подчиненный характер. На передний план они выходят и наибольших высот достигают, пожалуй, только в буржуазных западных обществах.

Еще две стратификационные системы связаны с ценностными основаниями жизни общества. Одну из них называют *культурно-символической*. Дифференциация возникает здесь из различий доступа к социально значимой информации, неравных возможностей фильтровать и интерпретировать эту информацию, способностью быть носителем сакрального знания (мистического или научного). В древности эта роль отводилась жрецам, магам и шаманам, в средневековые — служителям церкви, составляющим

основную массу грамотного населения, толкователям священных текстов, в новое время — ученым, технократам и партийным идеологам. И более высокое положение в данном отношении занимают те, кто имеет лучшие возможности манипулирования сознанием и действиями прочих членов общества, кто лучше других может доказать свои права на истинное понимание, владеет лучшим символическим капиталом.

Наконец, последний, девятый тип стратификационной системы следует назвать *культурно-нормативным*. Здесь дифференциация построена на различиях уважения и престижа, возникающих из сравнения образа жизни и норм поведения, которым следует данный человек или группа. Отношение к физическому и умственному труду, потребительские вкусы и привычки, манера общения и этикет, особый язык (профессиональная терминология, местный диалект, уголовный жаргон) — все это ложится в основу социального деления. Причем происходит не только разграничение «своих» и «чужих», но и ранжирование групп («благородные не благородные», «порядочные — не порядочные», «элита — обычные люди — дно»).

Одним из главных различий между стратификационными системами является наследуемость или ненаследуемость соответствующих позиций в иерархии. Рабовладельческая, сословная и кастовая системы включают в себя элементы пожизненного и формально-юридического наследования. Прочие же системы ни формально пожизненного характера статусов, ни их наследования не предусматривают.

Однако указанный видораздел подвижен. С одной стороны, существуют пределы жесткости формально-юридических стратификационных границ. Так, рабы могут отпускаться или выкупаться на свободу. Представители купеческого сословия, разоряясь, опускаются в более низкое мещанскоесословие (для России XIX века — это обычный случай).

С другой стороны, высшие группы во всех стратификационных системах стремятся закрепить свое положение, сделать его не только монопольным, но и передаваемым по наследству. В этократической системе чиновник формально не имеет права передать свое кресло и полномочия собственным детям, но он в состоянии путем протектирования обеспечить им столь же завидное место в учреждении аналогичного ранга. Положение же в социально-профессиональных, культурно-символических и культурно-нормативных стратах зачастую передается реально через образование и воспитание, передачу опыта и секретов мастерства, санкционирование определенных кодексов поведения.

Приведенные стратификационные системы представляют идеальные типы. В реальности стратификационные типы переплетаются, дополняют друг друга. Так, социально-профессиональная иерархия в виде официально закрепленного разделения труда не только играет самостоятельную роль, но существенно влияет на структуру практически любой другой стратификационной системы. Примеров же взаимного переплетения стратификационных систем существует великое множество.

Приведенная классификация стратификационных систем важна для понимания природы различий в механизмах формирования и функционирования элит.

Мы не хотели бы чересчур увлекаться историческим аспектом. Остановимся на нем подробнее в следующей главе на материале Российской истории. Сейчас же более детально рассмотрим, как действует этот механизм формирования и функционирования в современном обществе.

Прежде всего, обратим внимание на значимость таких параметров в формировании элит, как социальная принадлежность членов элиты, действия и система рекрутования элит.

Строго говоря, социальная принадлежность во многом определяется принадлежностью к элите, поскольку вхождение в элиту обычно означает приобретение нового социального и профессионального статуса и утрату старого. Так, рабочий, будучи избран в парламент, как правило, оставляет свою прежнюю профессию, хотя и сохраняет половозрастные, этнические, конфессиональные и некоторые другие характеристики.

Социальное происхождение представителей элиты влияет на их социальную ориентацию. Ясно, что выходцам из среды фермеров, рабочих, служащих, определенных этнических и других групп легче понять специфические запросы соответствующих слоев населения. Однако совсем не обязательно, чтобы интересы рабочих защищали рабочие, крестьян — крестьяне, молодежи — молодежь и т. п. Часто это могут лучше делать политики-профессионалы, выходцы из других групп общества.

В современных государствах непропорциональность в социальных характеристиках элиты и населения достаточно велика. Так, сегодня в элите стран Запада намного шире, чем другие группы, представлены выпускники университетов. А это, в свою очередь, обычно связано с достаточно высоким социальным статусом родителей. В целом же непропорциональность представительства различных слоев в политической элите обычно растет по мере повышения статуса занимаемой должности. На нижних этажах политico-управленческой пирамиды низшие слои населения представлены значительно шире, чем в верхних эшелонах власти. Непропорциональность в социальных показателях политических элит и всего населения еще не означает непредставительности их политических ориентаций и установок.

Более важной по сравнению с социальным происхождением гарантией социальной представительности элиты выступает организационная (партийная, профсоюзная и т. п.) принадлежность руководителей. Она прямо связана с их ценностными ориентациями. Кроме того, партии и другие организации обычно имеют достаточно возможностей для воздействия на своих представителей в нужном направлении.

В современном демократическом обществе партийные механизмы контроля за элитами дополняются государственными и общественными институтами. К таким институтам относятся выборы, средства массовой информации (СМИ), опросы общественного мнения, группы давления и т. д.

Большое влияние на социальную представительность, качественный состав и результативность элиты оказывают системы рекрутования (отбора) элит. Такие системы определяют, кто, как и из кого осуществляет отбор, каковы его порядок и критерии, круг избирателей (лиц, осуществляющих отбор) и побудительные мотивы его действий.

Существуют две основные системы рекрутования элит: гильдий и антрепренерская, в чистом виде они встречаются довольно редко. В целом же антрепренерская система рекрутования политических элит явно преобладает в демократических государствах, система гильдий — в странах тоталитарного социализма, хотя ее элементы встречаются и в Великобритании, Японии и других странах.

Каждая из этих систем имеет свои специфические черты.

Так, для системы гильдий характерны:

1) закрытость, отбор претендентов на более высокие посты главным образом из нижестоящих слоев самой элиты, медленный, постепенный путь наверх. Примером здесь служит сложная чиновническая лестница, предполагающая постепенное продвижение по многочисленным ступенькам служебной иерархии;

2) высокая степень институциализации процесса отбора, наличие многочисленных институциональных фильтров — формальных требований для занятия должностей. Это могут быть партийность, возраст, стаж работы, образование, уровень занимаемой ранее должности, положительная характеристика руководства и т. п.;

3) небольшой, относительно закрытый круг селектората. Как правило, в него входят лишь члены вышестоящего руководящего органа или даже один первый руководитель — глава правительства или фирмы, первый секретарь комитета партии и т. п.;

4) тенденция к воспроизведению уже существующего типа лидерства. По существу, эта черта вытекает из предыдущих — наличия многочисленных формальных требований, подбора кадров узким кругом высших руководителей, а также длительного пребывания претендента в рядах данной организации.

Антрепренерская система рекрутования элит во многом противоположна системе гильдий. Ее отличают:

1) открытость, широкие возможности для представителей любых общественных групп претендовать на занятие лидирующих позиций;

2) небольшое число формальных требований, институциональных фильтров;

3) широкий круг селектората, в который могут входить все избиратели страны;

4) высокая конкурентность отбора, острота соперничества за занятие руководящих позиций;

5) первостепенная значимость личностных качеств, индивидуальной

активности, умения найти поддержку широкой аудитории, увлечь ее яркими идеями, интересными предложениями и программами.

Эта система больше ценит выдающихся личностей с меньшим стажем. (Так, бывший президент США Р. Рейган лишь в 55 лет начал профессиональную политическую деятельность. В странах с закрытыми системами отбора лидеров, например в СССР, достижение вершин власти человеком с таким послужным списком было просто немыслимо.) Она более открыта для молодых лидеров и различного рода нововведений. В то же время ее определенными недостатками являются большая вероятность риска в политике, ее относительно слабая предсказуемость, склонность к чрезмерному увлечению внешним эффектом. В целом же, как показывает практика, антрепренерская система рекрутования элит хорошо приспособлена к динамизму современной жизни.

Система гильдий также имеет свои плюсы и минусы. К числу ее сильных сторон относится уравновешенность решений, меньшая степень риска при их принятии и меньшая вероятность внутренних конфликтов, большая предсказуемость политики. Главные ценности этой системы — консенсус, гармония и преемственность. В то же время система гильдий, склонная к бюрократизации, организационной рутине, консерватизму, порождает массовый конформизм. Без дополнения конкурентными механизмами эта система ведет к постепенному вырождению элиты, ее открытому от общества и превращению в узкую привилегированную касту.

Практически представители элиты, осуществляющие отбор той или иной кандидатуры или играющие решающую роль в этом, руководствуются четырьмя типами мотивов, сформулированными в свое время М. Вебером. Во-первых, традиционными, т. е. стремлением выдвигать лиц своего круга и тем самым способствовать однородности и сплоченности руководящей группы. Во-вторых, эмоциональными — субъективными симпатиями или антипатиями к тому или иному лицу или группе лиц. В-третьих, оценочно-rationальными, применяя по отношению к кандидатам в состав правящей элиты существующие в ней субъективные представления о принципах поведения человека и обязательных для него взглядах. И в-четвертых — они руководствуются деловыми, рациональными соображениями — объективно доказанной способностью кандидата выполнять положенные ему функции. Эти мотивы далеко не всегда осознаются теми, кто ими руководствуется, чаще всего они действуют подсознательно. Но, с точки зрения итогов селекции, это не имеет практического значения. В результате лица, рассчитывающие проникнуть в правящую элиту через установленную систему барьеров, должны не только продемонстрировать полный идеологический конформизм, но и отвечать ряду дополнительных нормативных требований.

По мнению западных исследователей, в ФРГ, для того чтобы сделать карьеру, верхней ступенькой которой явилось бы вхождение в правящую верхушку, необходимо отвечать как минимум следующим требованиям. Во-первых, социальное происхождение родителей должно быть достаточно

высоким. Используя принятую в западногерманской социологии социальную градацию, можно сказать, что выходцы из высшей страты имеют в этом отношении гораздо больше шансов, чем выходцы из высшей средней, представители высшей средней — существенно больше, чем средней. Шансы на быстрое продвижение по социальной лестнице выходцев из нижней средней страты очень невелики, а из низшей страты — практически равны нулю. Компенсацией за недостаточно репрезентативное социальное происхождение может, правда, служить женитьба на представительнице более высокой социальной группы.

Во-вторых, необходим определенный тип воспитания (которое, как правило, можно получить лишь в большом городе) в соединении с университетским образованием. В-третьих, кандидат в элиту должен принадлежать к одной из двух основных религий и обладать совершенно определенной системой взглядов. В-четвертых, он должен иметь профессию или род деятельности, открывающие большие шансы на продвижение. С некоторыми видоизменениями эти же условия определяют селекцию элиты и в других развитых индустриальных странах.

Все это накладывает глубокий отпечаток на социальный портрет современной западной правящей элиты. Важные черты этого портрета были выявлены в результате эмпирических исследований. Первую «оборонительную линию» в системе социальных механизмов, защищающих границы правящей элиты, образуют следующие объективные показатели: возраст, социальное происхождение, уровень и характер образования. Для высшей правящей элиты ведущих индустриально развитых стран наиболее активный возраст колеблется от 50 до 65 лет. Наиболее «молодой» внутри правящей элиты является ее политическая часть, а наиболее «старой» — бюрократическая и церковная элитарные группы (табл.7).

Таблица 7

Активный возраст членов правящих элит в Великобритании, США и ФРГ (среднее число лет)¹

Элитарная группа	Страна		
	Великобритания	США	ФРГ
Политическая	45 — 55	50 — 65	50 — 60
Бюрократическая	60 — 65	60 — 65	60 — 65
Экономическая	55 — 65	55 — 65	60 — 65
Военная	50 — 60	50 — 60	60 — 65
Церковная	55 — 65	60 — 65	60 — 65

¹ Данные на середину — конец 70-х гг. XX в. (см.: Рабочий класс в мировом революционном процессе. Ежегодник. 1979.)

Во всех исследуемых странах с убыванием в структуре взрослого населения удельного веса старших возрастных групп их представительство в правящей элите возрастает. Данное обстоятельство может рассматриваться как один из показателей замкнутости верхушки правящих элит. Об этом же свидетельствует высокая внутренняя стабильность элитных групп. Весьма знаменателен и такой показатель, как тип поселения, в котором происходила первичная, а в ряде случаев и вторичная социализация членов элиты. Для всех элитарных групп по трем упомянутым странам наиболее видное место занимает «малое поселение» (табл. 8).

Таблица 8

**Дифференциация членов правящих элит
Великобритании, США и ФРГ
по показателю «тип поселения», %**

Элитная группа	Тип поселения	Великобритания		США		ФРГ	
		1956 г.	1968 г.	1956 г.	1968 г.	1956 г.	1968 г.
Политическая	Малое	66,7	66,7	58,5	46,0	53,0	53,3
	Среднее	8,9	24,4	24,9	28,6	33,3	29,7
	Большое	22,4	8,9	16,6	25,5	13,7	25,3
Экономическая	Малое	79,6	91,	8 61,9	39,5	47,2	38,8
	Среднее	14,3	8,2	11,9	28,5	14,5	19,2
	Большое	6,7	—	26,2	38,0	38,3	42,0
Военная	Малое	19	94,7	58,9	23,0	30,5	44,4
	Среднее	—	—	22,8	46,2	3,2	5,6
	Большое	—	5,3	6,5	30,8	65,2	50,0

Иными словами, типичный представитель правящей элиты — это выходец из небольшого населенного пункта или городка.

В то же время сравнение данных о преобладающем типе поселения в 50-х и в конце 60-х гг. показывает, что при сохранении значения малых поселений как места первичной социализации членов правящей элиты в последующие годы значительную роль начинают играть крупные города. Это говорит как о возрастании удельного веса и роли крупных городов, так и об определенной модификации источников пополнения отдельных элементов правящей элиты.

Наиболее показательны для выявления степени закрытости правящих элит данные о социальном происхождении ее членов (табл. 9).

Таблица 9

**Социальное происхождение членов правящей элиты
Великобритании и ФРГ, %**

Элитарная группа	Социальная позиция отца члена элиты	Великобритания	ФРГ
Политическая	Крупные собственники	57	
	Высшие государственные служащие	11	
	Мелкие и средние собственники	1	
	Политические деятели	14	
	Рабочие	—	
Бюрократическая	Крупные собственники	69,9	5
	Высшие государственные служащие	—	35,7
	Мелкие и средние собственники	16,1	21,4
	Политические деятели	3,6	—
	Интеллигенция	—	25,0
	Рабочие	—	5,0
Экономическая	Крупные собственники	68,4	28,7
	Высшие государственные служащие	9,2	24,6
	Военные высших рангов	—	21,3
	Мелкие и средние собственники	—	25,6
	Политические деятели	9,2	1,6
	Рабочие	—	—
	Интеллигенция	—	—
Военная	Крупные собственники	42,2	—
	Служащие	3,1	—
	Военные высших рангов	50,0	11
	Политические деятели	3,0	—
	Мелкие и средние собственники	—	5
	Рабочие	—	—

Уровень образования правящей элиты во всех исследованных странах высок и в отдельных случаях проявляет тенденцию к росту (табл.10).

Таблица 10

**Образовательный уровень правящих элит Великобритании,
США и ФРГ, %**

Элитная группа	Тип посещения	Великобритания		США		ФРГ	
		1956 г.	1968 г.	1956 г.	1968 г.	1956 г.	1968 г.
Полиги- ческая	Два университета и более	48,1	51,9	—	—	37,3	42,8
	Университет	11,3	12,1	77,3	79,3	17,5	29,0
	Институт	4,6	—	3,9	3,8	12,6	16,0
	Гимназия	—	—	—	15,9	12,6	—
	Колледж	23,6	25,5	14,8	0,9	10,3	11,3
	Начальная школа	2,7	10,5	3,9	—	—	—
Бюро- кратиче- ская	Два университета и более	74,7	70,6	—	—	62,1	58,4
	Университет	14,4	22,0	74,5	71,4	15,8	13,4
	Институт	—	3,7	8,5	7,4	9,5	12,5
	Гимназия	—	—	—	—	6,3	9,7
	Колледж	8,1	—	15,0	21,2	—	—
	Начальная школа	—	3,7	2,0	—	—	—
Эконо- миче- ская	Два университета и более	60,6	47,6	—	—	28,2	23,8
	Университет	12,2	17,2	65,3	75,8	30,7	20,3
	Институт	—	2,6	17,4	9,0	7,7	11,0
	Гимназия	—	2,6	13,0	—	12,6	11,0
	Колледж	27,2	0,9	4,3	12,4	3,3	44,0
	Начальная	—	—	—	2,8	—	—

Поскольку этот уровень в развитых странах во многом обусловлен социальным положением (и прежде всего материальными возможностями) родителей, высокий показатель образования может с полным основанием рассматриваться как свидетельство эффективно действующих механизмов селекции. Иными словами, препятствия в области образования оборачиваются барьерами на пути в правящие элиты общества. Характерен в данной связи тип карьеры, свойственный различным элитарным

группам. Для политической элиты наиболее типичны два основных «пути наверх». Первый можно условно назвать бюрократическим. Он начинается с занятия сравнительно скромного чиновниччьего поста в общегосударственных или в муниципальных органах. Переход к политической деятельности осуществляется приблизительно в середине карьеры.

Обычно такой путь наиболее свойственен лицам нижних исходных позиций. Согласно данным, о которых уже шла речь, в ФРГ в 1968 г. с административно-чиновничьей должности начали свою карьеру 39 % представителей политической элиты, в Великобритании — 29 %, США — 17 %.

Второй путь (собственно политический) начинается с культурной, научной, юридической или педагогической деятельности, сочетающейся, как правило, с активностью в различных добровольных, в том числе политических, объединениях. Продвижение наверх осуществляется не столько в профессиональной, сколько в общественной сфере.

В трех рассматриваемых странах таким путем шло 17 % членов политической элитарной группы. Для выходцев из «высших» социальных слоев наиболее характерно начало политической карьеры в экономической или военной областях.

Менее разнообразны «пути наверх» для административно-бюрократической элитной группы. 85 — 90 % ее представителей во всех трех странах составляли люди, начавшие трудовую деятельность с административных постов. Иными словами, их карьера носила характер поступательного движения по иерархической лестнице. Аналогично складывалась карьера большинства членов экономической элиты. Их продвижение представляло собой постепенный переход от менее значимых позиций к высшим. Отличительная черта карьеры представителей данной группы — сравнительно высокий уровень старта. Большинство из них начинало в качестве собственников или совладельцев предприятий, низших менеджеров или по меньшей мере средних служащих в управленческом аппарате корпораций и фирм.

Последствия социальной селекции, осуществляемой описанными путями, далеко не всегда благоприятны для самой правящей элиты и достаточно тревожны с точки зрения общественных интересов. Социальная замкнутость приводит к тому, что возможности элиты перестают соответствовать задачам, которые объективно встают перед обществом.

Значительную роль играет процесс перехода членов одних элитных групп в другие, который осуществляется в основном по трем каналам. Во-первых, по мере отделения «капитала собственности» от «капитала-функции» часть крупных собственников, особенно из младшего поколения, обращается к другим сферам деятельности, пополняя верхушку бюрократического аппарата и военной элиты, или становится политиками. Тем самым поддерживается уровень социальной сплоченности элиты. Во-вторых, происходит совмещение элитарных должностей, относящихся к различным группам. Согласно данным исследования, 5 % представителей экономической элиты занимали аналогичные по уровню должности в политической элите, а 7 %

совмещали свою основную деятельность с административно-бюрократической. В-третьих, происходит перемещение кадров между элитными группами в ходе карьеры. Перемещение это носит многосторонний характер. Крупные собственники и менеджеры становятся политиками и военными, политики и генералы занимают ведущие посты в экономике.

Следует, однако, учитывать, что возможности двух последних форм циркуляции ограничены объективным процессом дифференциации различных сфер руководящей деятельности. Переход от одной сферы деятельности к другой нередко является результатом замаскированной платы за оказанные ранее услуги. Для отставных генералов посты в экономике — это чаще всего синекуры, а их деятельность в этой области носит не активный, а репрезентативный характер. Для многих бизнесменов, особенно в США, назначение на видный политический пост — это форма социального самоутверждения, достигаемого, так сказать, по дешевке — в качестве компенсации за финансовую помощь правящей партии.

Особый интерес в изучении элит представляет анализ их социокультурных и политических ценностей. Применительно к более зрелым обществам различие между массовой и элитарной культурами играет важную роль в политике и управлении. Доказательством важности изучения политической культуры элиты стали исследования отношения американцев к свободе слова, впервые проведенные под руководством С. Стоуффера в 1954 г., в условиях беспрецедентной антикоммунистической кампании. Повторенные затем в 1972 — 1973 гг., эти исследования позволили выявить степень реальной приверженности граждан США одной из фундаментальных ценностей, которую в общем виде никто не оспаривал (табл. 11).

Таблица 11

**Отношение граждан США к свободе слова
для коммунистов и атеистов, %**

Варианты ответов	1954 г.	1972 — 1973 гг.
Коммунистам должно быть позволено:		
— излагать свои взгляды публично	28	57
— преподавать в высших учебных заведениях	6	38
Их книги не должны изыматься из публичных библиотек	29	58
Атеистам должно быть позволено:		
— излагать свои взгляды публично	38	66
— преподавать в высших учебных заведениях	12	42
Их книги не должны изыматься из публичных библиотек	37	71

Как видим, американцы (особенно в 1954 г.) продемонстрировали не очень-то либеральный подход к «антиподам американского образа жизни». Однако исследования, проводившиеся одновременно в группе местных политических лидеров, показали, что эта группа гораздо более уверенно (более половины опрошенных в 1954 г.) высказалась против всяких ограничений на свободу слова. Такой результат приобретает особое значение в свете двух фактов: во-первых, свобода слова в США так и не была ограничена — мнение этого ничтожного (количественно) меньшинства перевесило господствовавшее в обществе настроение; во-вторых, установки «рядового американца» в 1972 — 1973 гг. поразительно совпали с установками элиты в 1954 г.

Та же ситуация наблюдается и в других странах. В начале 70-х годов большинство населения Великобритании выступало против вступления в ЕЭС, за введение смертной казни и установление строгих ограничений на иммиграцию черных и цветных. Ни одно из этих предпочтений народа не претворилось в политическую практику в немалой степени потому, что элита в основном придерживалась других позиций. И это несмотря на то, что давление избирателей на законодательный корпус в Великобритании было даже сильным, чем в США.

Каковы особенности политической культуры элиты? Р. Патнэм в монографии «Сравнительное исследование политических элит» в аналитических целях расчленяет ее на ряд элементов. Прежде всего, это познавательные ориентации, т. е. представления о том, как работает политическая система. В сущности, главный вопрос: считают ли политики, что в их деятельности нельзя обойтись без конфликта, или нет? Конфликтную установку лучше всего выразил один из политических лидеров Юго-Восточной Азии, когда заметил, что общество — это пруд, в котором «крупная рыба ест мелкую, а мелкая — червей». Противоположен подход тех политиков, которые разделяют идею общенациональных интересов и считают свою профессию техническим средством их реализации.

Нормативные ориентации — это представления о том, как должна работать политическая система. Важнейшим аспектом этих ориентаций является отношение элиты к идее равенства. Нормативные ориентации элит отдельных стран сильно различаются между собой вне зависимости от типа политического режима. Например, Великобритания, ФРГ, Нидерланды и Италия — либеральные демократии. Однако опрос, проведенный среди членов парламентов и высокопоставленных бюрократов, показал, что властивущие элиты этих стран далеко не в равной мере привержены демократическим ценностям (табл. 12).

Таблица 12

**Согласие членов властствующих элит
либеральных демократий Европы
с утверждениями, отрицающими
базовые демократические ценности, %**

Утверждения	Англия	ФРГ	Нидерланды	Италия
Свобода политической пропаганды — это не абсолютная свобода, государство должно тщательно регулировать ее использование гражданами	21	33	Вопрос не задавался	43
Граждане имеют полное право добиваться таких законов, из которых можно извлечь личную выгоду	99	83	84	58
Лишь немногие люди осознают свои долгосрочные интересы	48	60	70	84
Некоторые люди лучше других подготовлены к тому, чтобы руководить страной благодаря усвоенным ими традициям и семейному происхождению	20	23	20	37
В сложном современном мире не имеет никакого смысла говорить о возрастающем контроле простых граждан над правительством	36	27	36	53

Интерперсональные ориентации — это представления членов элиты друг о друге. Здесь возможны несколько вариантов. Политик может смотреть на своих коллег преимущественно как на соперников, для достижения победы над которыми хороши любые средства. Чаще, однако, соперничество между политиками ведется по определенным «правилам», которые включают в себя и общепринятые критерии оценки профессиональных качеств. Руководствуясь этими критериями, члены элиты могут в некоторых ситуациях уступать заведомо более опытным и заслуженным соперникам. Наконец, встречается положение, когда все члены элиты рассматривают себя как сплоченную группу с общими интересами, которые нужно защищать от всякого рода «аутсайдеров». Интерперсональные ориентации элиты играют важную роль в политической системе. Если первый из перечисленных вариантов ведет к возникновению широкомасштабных конфликтов, опасных для социальной стабильности, то последний может

породить власть, не реагирующую на запросы общества. Что касается второго варианта, то он считается оптимальным для либеральной демократии и соответствующим гражданской культуре.

Наконец, Патнэм выделяет *структурные характеристики* политической культуры элиты, т. е. способ взаимосвязи познавательных нормативных и интерперсональных ориентаций. Дело в том, что они могут более или менее соответствовать друг другу, и степень соответствия заметно оказывается на политическом поведении. Как правило, глубокие расхождения между отдельными ориентациями не свойственны элите. Ее взгляды всегда относительно систематизированы. Но сами способы систематизации — языки политики — различны. Скажем, во Франции и Италии этот язык очень сильно идеологизирован, насыщен абстрактными понятиями вроде «отечество», «равенство», «справедливость», «свобода» и пр. В англоязычном мире политики изъясняются на более прагматическом жаргоне, и аргументами в спорах служат скорее выгоды, чем напоминания о высших ценностях. Разумеется, воздействие интеллектуального стиля на политику редко приобретает решающее значение, но и полностью игнорировать его не следует.

В понимании механизмов управленческого воздействия политических элит на социальные и политические процессы важное место нужно отвести слою бюрократии. Мы уже подчеркивали выше, что в современном обществе политическая правящая верхушка органично включает высший административный слой государства. В ряде случаев этот слой даже доминирует. Это следствие объективных тенденций.

Во всем мире набирает силу тенденция к возникновению «больших правительств». В начале нынешнего столетия на 300 американцев приходился один федеральный чиновник, ныне эта пропорция составляет 15:1. В Великобритании, по подсчетам Сэмюэла Файнера, количество сотрудников центрального аппарата управления за 100 лет увеличилось десятикратно. Еще более зримый рост численности управленцев имел место в странах с эгалитарно-авторитарными режимами, причем падение этих режимов не привело к заметному сокращению административного аппарата. Скорее, наоборот. Во многих странах «третьего мира» главная статья государственных расходов — содержание бюрократии.

В понимании роли и места административной части политической элиты достаточно эффективной считается классическая теория бюрократии, разработанная М. Вебером. По его мнению, бюрократия — это необходимый элемент рационально-правовой власти, являющейся продуктом социального и политического развития европейской цивилизации. Бюрократическая организация характеризуется: 1) эффективностью, которая достигается за счет строгого разделения обязанностей между членами организации; это дает возможность использовать высококвалифицированных специалистов на руководящих должностях; 2) строгой иерархизацией власти, позволяющей вышестоящему должностному лицу осуществлять

контроль за выполнением задания нижестоящими сотрудниками; 3) формально установленной и четко зафиксированной системой правил, обеспечивающих единообразие управленческой деятельности и применение общих инструкций к частным случаям в кратчайший срок; 4) безличностью административной деятельности и эмоциональной нейтральностью отношений, складывающихся между функционерами организации: каждый из них выступает не как индивид, а как носитель социальной власти и определенной должности. Вебер писал, что бюрократия по своей эффективности так же превосходит другие формы организации управления, как машина — немеханические виды производства.

В современных исследованиях широко применяется подход Фэррела Хэди, который предложил различать *классическую* и *политическую* бюрократию. Классическая бюрократия, наиболее близко соответствующая веберовскому описанию, по происхождению связана с абсолютистскими режимами позднего средневековья. Она отличается эффективностью и высоким профессионализмом, но в то же время часто страдает отсутствием гибкости и подозрительным отношением к политической деятельности вообще. Страны классической бюрократии — это Франция и Германия. Политическая бюрократия, более свойственная англоязычным странам, легче поддается политическому контролю, отводя себе роль исполнителя воли выборного начальства. Надо заметить, что среди чиновников любой либерально-демократической страны есть носители обеих установок. Уже в последние десятилетия появилась новая разновидность бюрократов — люди, получившие высшее политологическое образование и пытающиеся применить свои знания на деле. Они более сознательно воспринимают свое политическое значение, чем их старшие коллеги, изучавшие в студенческие годы — юриспруденцию, историю или естественные науки.

В понимании природы и места современного бюрократического слоя важную роль играют также технократические концепции властовования, предложенные в свое время такими крупными социологами, как Т. Веблен, Дж. Гэлбрейт, Д. Белл, А. Гоулднер.

С оригинальной интерпретацией генезиса технократических начал в современных политических системах Запада выступил французский политолог и историк М. Дюверже. Технократии в чистом виде, по его мнению, нигде не существует, однако после расцвета либеральной демократии (1870 — 1914) и затем ее кризиса (1918 — 1939) на Западе возникала новая форма политической организации общества и государства, которая включила в себя технократические элементы и сочетает их с уцелевшими остатками либеральной демократии (не утраченные полностью политические свободы, либеральная плюралистическая идеология, гуманистические культурные традиции) и с новой олигархией в лице капиталистов, техноструктуры корпораций и правительственные учреждений.

При этом капиталисты-собственники входят в состав экономически могущественной верхушки техноструктуры, которую Дюверже в отличие

от Гэлбрейта и в порядке дополнения к нему именует особой политико-управляющей структурой. Она состоит из отдельных замкнутых групп «мудрецов», которые участвуют в подготовке государственных решений, вырабатываемых, как и в крупных фирмах, коллективно. Цементирующим ядром политико-управляющей техноструктуры, вокруг которого в зависимости от рода принимаемых решений собирается конгломерат всех иных групп, являются министерства и высший слой чиновничества. Эта область активности именуется управляемой техноструктурой.

Другой центр активности — сфера деятельности политиков, не всегда компетентных в тех вопросах, решение которых они подкрепляют своей подписью (здесь действует политическая техноструктура). Сотрудничество в этой области настолько сплачивает воедино министров, лидеров партий, высших чиновников, экспертов и специалистов, руководителей профсоюзов и представителей «групп давления», что происходит циркуляция из одной группы в другую — аналогичная той, которую можно наблюдать в экономической техноструктуре.

Новый сложившийся тип организации государственного управления явился, по мнению Дюверже, симбиозом капиталистической плутократии и техноструктуры. Этую двойственность Дюверже передает с помощью термина «технодемократия». Технодемократическую организацию он upodobil двуликуму божеству древних римлян Янусу и назвал этим же именем свой труд о генезисе и эволюции этого типа организации (Янус. Два лица Запада. 1972).

Ввиду возрастающей значимости административно-политических структур и представляющих их элит остановимся на более подробной их характеристике. При этом будем иметь ввиду существенные различия в их типах.

Административные структуры в условиях либеральной демократии. Существуют разные принципы организации административного аппарата. Наиболее распространенный из них, когда подразделения создаются для выполнения определенных задач. Например, почти во всех странах мира есть министерства, ответственные за оборону, образование, транспорт и т. д. Иногда административные подразделения формируются для обслуживания отдельных регионов. Так строились британская и итальянская колониальные администрации, позволявшие никогда не выезжавшему из Европы бюрократу подписывать бумаги, касающиеся строительства дорог где-нибудь в Сомали. Следующий принцип организации административного аппарата — когда создаются ведомства, «специализирующиеся» по отдельным группам общества. Хотя этот принцип был изобретен в Европе («министрство труда» Франции во время революции 1848 г.), ныне он шире применяется в США, где объектами государственной опеки служат ветераны войн и другие меньшинства. Известный консерватизм бюрократии иногда приводит к тому, что ведомство «переживает» группу, о которой призвано заботиться. Так, в Италии до сих пор существует агентство попечения над вдовами и сиротами,

участников... похода Гарибальди! Наконец, в последние десятилетия появились подразделения административного аппарата, занятые выполнением однотипных работ, например сбором статистических данных, подсчетами и т. д. Это позволяет несколько разгрузить ведомства, организованные по предыдущим трем принципам.

Важнейшей характеристикой административной структуры является уровень ее централизации. Во-первых, централизованный аппарат управления является жестко иерархическим. Каждый чиновник выполняет волю вышестоящего, располагая очень скромными возможностями проявлять инициативу и самостоятельно принимать решения. Во-вторых, административная централизация предполагает отсутствие автономии местных органов управления.

Наименее централизованной из существующих либеральных демократий являются, безусловно, Соединенные Штаты. Сама американская конституция предоставляет значительную автономию каждому из пятидесяти субъектов Федерации. Эта норма соблюдалась почти всегда — может быть, единственным исключением является краткий период рузвельтовского «нового курса», когда потребовалась концентрация власти для преодоления экономического кризиса. Кроме того, федеральной администрации США чужд иерархический принцип построения. Ее формальный глава, президент, вынужден постоянно конкурировать с Конгрессом по вопросам контроля над бюрократией, заинтересованными группами и т. д. Некоторые политологи считают такой уровень административной децентрализации нежелательным, так как бюрократия становится при этом слишком независимой от политического руководства.

Довольно децентрализованная административная система существует и в ФРГ. Конституция страны оставляет в ведении федеральных властей сравнительно ограниченный круг вопросов — почту, таможенную службу, железные дороги, оборону и внешнюю политику. Все остальное передается в распоряжение земель. Тем не менее немецкая бюрократия настолько проникнута своим унаследованным от прусской монархии корпоративным духом, что автономия местных органов управления не подрывает единства бюрократического аппарата. В унитарных либерально-демократических государствах (таких, как Великобритания, Франция) уровень административной централизации выше, чем в федеративных образованиях. Крепче здесь и иерархические связи внутри бюрократии, а также «горизонтальная» координация деятельности отдельных ведомств. Однако эту разницу между федерациями и унитарными государствами не следует рассматривать как принципиальную. Она не так уж велика. Например, прикладные исследования, проведенные во Франции (которая традиционно считается вотчиной классической бюрократии), показали, что и здесь администрация вовсе не похожа на идеально работающий механизм; как и повсюду в мире, чиновники принимают несогласованные решения, враждуют между собой и т. д.

Важным аспектом организации административной власти является *административное рекрутование* кадров, т. е. пополнение бюрократического аппарата новыми людьми. С точки зрения М. Вебера, основанием для участия в управлении и продвижения по служебной лестнице в бюрократической системе, претендующей на рациональность, должны быть индивидуальные заслуги, однако универсального мерила для их оценки нет. В разных странах преобладают разные модели кадровой политики.

Во-первых, важным измерением административного рекрутования является способ отбора наиболее перспективных кандидатур. Во Франции и в Великобритании соискатели должностей обязаны проходить через целую серию тестов, экзаменов и собеседований. Английские политологи П. Келлер и Н. КраузерХант описывают, как это делается в их стране на примере «сессии» 1978 — 1979 гг. Общее количество соискателей составляло 1812. Лишь 415 из них с успехом прошли первый этап конкурса — серию письменных тестов на понимание, верbalные способности и способность интерпретировать статистические данные. Их ждал второй этап — изнурительные два дня собеседований, контрольных работ и дискуссий, по итогам которых каждый из участников получал серию оценок: от А-1 («отлично») до Е («не подходит») по таким параметрам, как проницательность, зрелость, контактность, целеустремленность, эмоциональная устойчивость и т. д. Соискатели, заочувшие оценки «посредственно» и выше, допускались к третьему этапу — собеседованию со специальной комиссией. В конце концов 165 претендентам была предложена работа, причем согласились на эти предложения лишь 116 из них. Образец прямо противоположного подхода дает Германия, где подобного рода испытания носят формальный характер. Вместо этого соискатели административных должностей... учатся. Обучение продолжается от семи до десяти лет, так что далеко не у всех хватает терпения и способностей пройти его до конца. В США профессия чиновника не так престижна, как в Западной Европе. Поэтому здесь нет нужды прибегать к жестким методам отбора кандидатур — многие учреждения и без того сталкиваются с кадровой проблемой.

Во-вторых, существенно оказывается на административном рекрутовании следующее: можно ли, начав карьеру мелким клерком, дорасти до самых «верхов» — например, стать министром. Наиболее распространенную модель демонстрирует Франция, где высшие административные позиции резервируются для политиков (естественно, членов правящей партии). Напротив, в Австралии «административный класс» формируется в основном за счет внутренних ресурсов снизу доверху. Не трудно понять, почему австралийская модель встречается редко: она способствует тому, что на высших этажах бюрократии скапливаются глубокие старцы, уже не способные справляться со своими обязанностями.

В-третьих, по-разному решается вопрос о том, должны ли бюрократы быть специалистами (т. е. получать соответствующее образование) или нет. В Великобритании большинство удачливых соискателей административных

должностей всегда составляют выпускники Оксфорда, Кембриджа и других привилегированных учебных заведений со степенью «магистр искусств» в таких далеких от бюрократии областях, как история и английская литература. Считается, что административное мастерство рождается на стыке разносторонне развитого интеллекта и опыта, а не усваивается путем посещения лекций и семинаров. В ФРГ, Италии, Нидерландах и некоторых других странах господствуют иные представления на этот счет. Чиновники там, как правило, имеют специальное образование — в основном, это дипломированные юристы, целенаправленно изучавшие конституционное право, науку государственного управления и т. д.

По социальному происхождению бюрократы в условиях либеральной демократии — почти всегда выходцы из экономически привилегированных слоев населения. Исследование, проведенное Г. Петерсоном на материале 16 индустриально развитых стран, показало, что доля рабочих по происхождению в административном аппарате нигде не превышала 25 %. В странах классической бюрократии, где престиж государственной службы особенно высок, выходцы из непривилегированных слоев населения вообще не имеют шансов на карьеру управленца. А больше всего таких шансов, как показал Ф. Хэди, у детей самих бюрократов, которые всегда тяготели к превращению в замкнутую касту. Несколько более открытые административные системы существуют в странах политической бюрократии (табл. 13, данные Р. Патнэма).

Таблица 13

Социальное происхождение профессиональных бюрократов, %

Категория	Великобритания	ФРГ	Италия	США
Менеджеры и профессионалы	35	42	42	47
Другие виды умственного труда	47	50	49	35
Физический труд	18	8	9	18

В связи с этим некоторые радикально настроенные политологи (и тем более, левые политики) обвиняют бюрократию в служении узоклассовым интересам. Такая критика, конечно, не лишена оснований. Но эмпирический материал не свидетельствует о наличии прямой корреляции между социальным происхождением бюрократов и их политическими взглядами. Например, треть выпускников Национальной административной школы во Франции (этот институт особенно известен своим кастовым характером) в 1978 г. составили социалисты. Социалистическая партия находилась тогда на подъеме, и начинающим бюрократам нужно было заранее установить связи с будущим начальством. Поддержание пропорционального представительства различных групп общества в бюрократическом

аппарате может иметь скорее символическое значение, прежде всего — в конфликтных ситуациях. Например, противостояние между валлонами и фламандцами в Бельгии привело к разрастанию администрации: каждая из общин стремилась обеспечить «своим» как можно больше постов, так что приходилось постоянно создавать новые.

Особо следует охарактеризовать административные системы и *административные элиты* в «третьем мире». В примитивных традиционных обществах не было специализированных бюрократий. Из современных стран единственный пример такого рода дает, пожалуй, Свазиленд. Уже централизованные империи древности (Китай, Египет, Рим) располагали сложными и эффективными административными структурами. Слово «бюрократия» было изобретено французами в прошлом веке, но за ним стоит очень древний феномен.

Процесс модернизации привел к разложению традиционных административных структур. Бюрократии современных развивающихся стран сформировались под сильным воздействием западных образцов. Уходя, колонизаторы оставляли готовую машину управления, и местные уроженцы охотно занимали в ней «теплые места». В результате возникла определенная дистанция между бюрократиями и носителями традиционных культур. Некоторые радикальные националисты по сей день требуют покончить с «наследием колониализма» и управлять по старинке, например, по нормам шариата. Они не учитывают, что именно культурная автономия бюрократии позволяет ей оставаться островком стабильности в неспокойной политической жизни развивающихся стран. Например, общепризнана выдающаяся роль бюрократий Индии и Пакистана в сохранении территориальной целостности этих государств.

Это, конечно, не значит, что азиатские и африканские бюрократы полностью «европеизировались» и ничем не напоминают своих соотечественников. Речь может идти скорее о восприятии внешних стандартов поведения, да и то довольно поверхностном. Под этим декором скрываются традиционные нормы. Например, в Западной Африке государственные служащие, восприняв западный стиль поведения (в том числе и потребительского), считают своим долгом дать то же самое многочисленным родственникам и соплеменникам. Отсюда — чудовищные масштабы коррупции. Отсюда же — неконтролируемый рост государственного аппарата: ну как не порадеть родному человеку, не пристроить его на прибыльную должность? Это касается не только низших, но и высших этажей администрации. Установив в своем дворце кондиционеры воздуха, султан Марокко не отказался от услуг штатных опахальщиков.

В результате администрация в «третьем мире» нередко напоминает дурную пародию на веберовскую модель. Как и у Вебера, строго выполняются формальные процедуры, организация носит иерархический характер, господствует принцип единоличия, — но при этом никто ни за что не отвечает. Это постепенно приводит к утрате бюрократией всякой

эффективности. Она становится не проводником модернизаторских установок политического руководства, а препятствием к их осуществлению.

Наконец, особого рассмотрения требует *администрация в условиях эгалитарно-авторитарного режима*. Эгалитарно-авторитарный режим может рассматриваться как модель административного государства. По существу, здесь нет людей, которые не были бы государственными служащими. Границу между государством и обществом усмотреть настолько сложно, что порой она кажется несуществующей. Но это впечатление обманчиво, административные роли при эгалитарно-авторитарном режиме определяются местами их носителей в партийной иерархии. Дж. Оруэлл в романе «1984 г.» рисует пугающий образ «внутренней партии» — всеохватывающей и вездесущей бюрократической структуры, изощренными манипуляциями и насилием удерживающей абсолютную власть. Но Оруэллу не удалось увидеть за этим образом проблемы, с которой сталкивались все реально существовавшие режимы такого рода.

Например, уже в первые годы Советской власти в России выяснилось, что «профессиональные революционеры» не могут взять на себя весь объем работы по управлению обществом. Для этого им просто не хватало административных навыков и компетентности. Вот почему к управлению широко привлекались «буржуазные специалисты», а на низших уровнях — и бывшие царские чиновники (во многом определившие специфический дух советской бюрократии). Пока профессиональные администраторы оставались «классово чуждыми элементами», их существование легко поддавалось идеологической интерпретации: вот подождем, пока подрастут пролетарские кадры, и тогда... Но вот кадры подросли. А проблема осталась: каждый управленец должен был для себя решить, действовать ли ему по профессиональному или по партийно-политическим нормам. Конъюнктура располагала ко второй тактике, но только первая могла обеспечить успех в решении сложных проблем управления относительно развитым обществом. Некоторые советологи описывают историю СССР как постоянный (хотя и подспудный) конфликт между «красными» и «экспертами».

В Китае подобный конфликт привел к настоящему разгрому административного аппарата в ходе «культурной революции». Мао Цзедун полагал, что самая страшная опасность для социализма исходит от бюрократов, «стоящих у власти, идущих по капиталистическому пути». Продолжавшаяся в течение нескольких лет анархия поставила страну на грань катастрофы. Мао, к тому времени уже расправившийся с наиболее опасными политическими конкурентами, дал обратный ход. После смерти «великого кормчего» его преемники объявили своей целью модернизацию, и хотя «красные» по-прежнему заправляют в Пекине, режим вынужден относиться к «экспертам» более терпимо, чем раньше.

Изучение бюрократии привело уже М. Вебера к выводу о том, что система правил и инструкций и иерархическая структура в организации бюрократии таят в себе семена ее перерождения. По мере формального

совершенствования бюрократии происходит все нарастающее подавление индивидуальности, утрата личностного начала. Приученные к определенному способу приложения своих знаний, к рутине и шаблону, чиновники оказываются беспомощными, когда сталкиваются с реальными проблемами общественной жизни, не поддающимися решению на основе предписанных правил. Предоставленный самому себе, административный аппарат начинает проявлять свои худшие стороны — негибкость, неэффективность, манию секретности. Расцветает коррупция. Весьма яркое и впечатляющее описание пороков бюрократизма принадлежит перу К. Маркса («К критике гегелевской философии права. Введение»). В США популярно высказывание: «Государственный служащий — государственный для простых людей, а служащий дьявола».

Как обеспечить ответственность бюрократии перед политическим руководством? Ответить на этот вопрос становится все сложнее. Во-первых, постоянно расширяется круг проблем, поддающихся административным решениям и нуждающихся в них.

Высшая исполнительная власть дает лишь общие директивы, но не вникает в частности, оставляя их на усмотрение бюрократов. Когда таких частностей становится слишком много, они превращаются в большую полигику. Во-вторых, политики приходят и уходят, а бюрократы остаются. На их стороне — несомненное преимущество постоянной, устойчивой организации. Но сложность задачи контроля над бюрократией не означает, что этот вопрос нет смысла и поднимать.

Различают формальные и неформальные способы контроля над бюрократией, а внутри второй категории — внешние и внутренние (табл. 14).

Таблица 14

Способы контроля над бюрократией

Формальные	Неформальные	
	внешние	внутренние
Политическое руководство со стороны министров	Средства массовой информации	Профессиональные стандарты
Министерские советники	Общественное мнение	Корпоративная этика
Парламентский контроль	Заинтересованные группы	Контроль со стороны вышестоящих чиновников
Судебный контроль		
Общественный контроль		

Уровень и эффективность контроля определяются нормами ответственности за принятые решения, удельным весом политических назначенцев на административные должности и иногда использованием министерских советников, осуществляющих надзор за административным аппаратом (США, Франция).

Не последнюю роль играют методы внутреннего контроля: профессиональные нормы компетентности, ответственности, корпоративная этика. Однако преувеличивать значимость этих мер нельзя.

Мы уже упомянули, что значимость административно-политических элит в условиях авторитарно-эгалитарных обществ носит исключительный характер. Особенности их рекрутования и деятельности могут быть рассмотрены на примере российских административно-политических элит. Но это уже предмет следующей главы.

ЛИТЕРАТУРА

Бурлацкий А.М., Галкин А.А. Современный Левиафан. М., 1985.

Голосов Г.В. Сравнительная политология. Новосибирск, 1995.

Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

Моска Г. Правящий класс. //Социс., 1994, № 10.

Радаев В.В., Шкараташ О.И. Социальная стратификация. М., 1995.

Теория и история административно-политических элит России. Ростов н/Д, 1996.

Элдерсфельд С. Политические элиты в современных обществах. Элитические исследования и демократия. М., 1992.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Назовите основные социально-стратификационные системы, играющие существенную роль в элитаобразующем процессе.

2. В чем отличие таких механизмов рекрутования элит, как антрепренерская и гильдийная?

3. Какие социальные факторы играют наиболее важную роль в образовании и развитии элит в современном западном обществе?

4. Какие факторы, с точки зрения Р. Патнэма, оказывают существенное воздействие на формирование политической культуры элиты?

5. Какое место играет бюрократическая элита в современной политической жизни? Как отличается ее роль в странах с развитой демократией и в странах «третьего мира»?

Глава 10. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ РОССИИ¹

В истории России и в ее настоящем особую роль играл и играет такой тип политических элит, как политико-административный. Это обусловлено целым рядом причин, на которых стоит подробно остановиться, тем более, что несмотря на значительные ценностно-идеологическое разнообразие российских политических элит, довольно стабильны

¹ В написании главы использованы материалы В. В. Черноуса.

и преемственны их организационные основы. В данной главе рассматриваются следующие вопросы:

1. Из истории российских политических элит.
2. От номенклатурной — к современной элите.
3. Региональные элиты.

Анализ доктринальных предпосылок российского элитаризма (М. Л. Сперанский, Б. Н. Чичерин, П. А. Сорокин, И. А. Ильин и др.), с одной стороны, и традиции деятельности основных политико-административных элит России разных периодов (воеводство, боярство, дворянство, номенклатура), с другой, позволяет констатировать позитивные и негативные инвариантные черты деятельностных стереотипов и ценностных ориентаций российских элит.

К ним относятся патернализм и полицейзм, чиновный корпоративизм и авторитаризм, «оказано-порученческое» право и государственная (революционная, реформаторская) целесообразность, высокомерно-сервильный комплекс, утопизм и социальное нетерпение — с одной стороны; патриотизм и толерантность к другим культурам, государственность и самоотверженность в отстаивании национальных интересов и ценностей — с другой.

Противоречивость и пластичность русского национального характера, отмеченные в свое время Н. А. Бердяевым, И. П. Павловым и другими крупными мыслителями¹, проецируются и на инвариантные параметры политических элит современной России.

Н. А. Бердяев подчеркивал, что под воздействием многовекового господства феодального типа правления в России сформировались традиционистски-этатистские навыки и стереотипы поведения в системах управления, социальные ценности и установки. Он выделяет три этапа развития русской великодержавности:

1. Московское царство.
2. Петровская империя.
3. Большевизм и его государство.

Н. А. Бердяев считал, что «новый привилегированный класс» — советская бюрократия, еще более силен, чем царская бюрократия².

Разделяя отчасти эти соображения, отметим, что традиции российского политического элитизма укладываются в три основные формы: элитизм сословно-традиционного общества, номенклатурный и современный.

Не углубляясь в анализ генезиса и исторического развития ранних форм сословного элитизма (это отдельная тема), остановимся на поздне-сословной стадии конца XVIII — начала XX вв.

Многие десятилетия основным механизмом воспроизведения российской административно-политической элиты служила введенная еще Петром I «Табель о рангах всех членов воинских, статских и придворных» (24 января 1722 г.), делавшая упор на «систему заслуг». Все дворяне

¹ См.: Бердяев Н. А. Русская идея // Вопросы философии, 1990, № 11, 12.

² См.: Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С.99.

должны были начинать службу «без чинов» и подниматься по установленной лестнице чинов в 14 классов. Табель о рангах давала возможность выходцам из других сословий поступать на военную или гражданскую службу и по мере продвижения получать дворянское звание, сначала личное, а затем потомственное. Дворянство образовало костяк военно-административной элиты, ибо высшую элиту образовывали представители первых четырех-пяти классов «Табели о рангах». Статус военной элиты был чрезвычайно высок в силу геополитического развития России и многочисленных войн. В конце XVIII века офицеры, числившиеся по гражданской службе, составляли около 40 % среди чинов V и IV классов, до 70 % — III класса, примерно 50 % — I и II классов.

Следует выделить несколько основных факторов, оказавших воздействие на формирование государственного управления и государственной службы в России и ее административно-политической элиты. Во-первых, вплоть до Октябрьской революции чрезвычайно сильно было влияние словесно-традиционистского подхода. Обладая своими глубокими основаниями, он тормозил развитие российской государственности. Многие разумные идеи, порой шедшие в ногу с западноевропейской правоведческой и политической мыслью, откладывались на десятилетия. Во-вторых, достаточно ощутимым оказывалось воздействие и либерально-буржуазных идей и концепций, часть которых в своеобразном откорректированном виде находила свою реализацию. Наконец, следует указать на мощное влияние альтернативных эгалитаристско-демократических подходов. Нежелание властей считаться с ними привело к острым социальным конфликтам и, в конечном итоге, выбору революционных методов реализации.

Отмеченные идеи и подходы, а также действия самой системы определяли формирование определенных типов чиновничества, их ценности, личностные особенности.

Результаты исследования состава бюрократии (XVIII — XIX вв.), полученные историками путем обработки формулярных списков, свидетельствуют о большой его неоднородности в социальном, имущественном и образовательном отношении. В зависимости от «высоты» ступени в табельной лестнице принято деление гражданских служащих на группы. К высшей относят чиновников I — 5-го класса (канцлер или действительный тайный советник 1-го класса, действительный тайный советник, тайный советник, действительный статский советник и статский советник), к средней группе — чиновников 6 — 8-го класса (коллежский советник, надворный советник и коллежский асессор), к низшей — 9 — 14-го класса (титулярный советник, коллежский секретарь, корабельный секретарь, губернский секретарь, провинциальный секретарь и коллежский регистратор) и к четвертой группе — канцелярских служителей, имевших свою «Табель о рангах»: канцелярист, подканцелярист и копиист¹. Первую группу

¹ Троицкий С. М. *Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.* М., 1974; Зайончковский П. А. *Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в.*

чиновников составляла высшая бюрократия: в столицах это члены Государственного совета, министры, сенаторы, директора министерских департаментов; в губерниях — генерал-губернаторы, губернаторы, вице-губернаторы, председатели казенных палат, председатели палат уголовного и гражданского суда. Среднее звено правительенного аппарата представляли чиновники 6 — 8-го класса, занимавшие должности советников центральных и губернских учреждений, начальников отделений департаментов министерств, полицмейстеров, градоначальников, губернских прокуроров, судей. Именно они составляли ядро губернской администрации. Самой многочисленной была третья группа — чиновники 19 — 14-го класса. В высших и центральных учреждениях (Сенат, министерства, ведомства и др.) они занимали низшие исполнительные места, но в масштабе уездной власти, пирамиду которой венчала должность городничего (9-й класс), — играли решающую роль, будучи уездными судьями, казначеями, землемерами, заседателями и всесильными секретарями. Канцелярские служители, составлявшие четвертую группу, не имели классных чинов и использовались для технической работы, прежде всего для переписки бумаг¹. Именно к двум последним группам и принадлежало подавляющее большинство гражданских служащих.

К середине XIX века, по определению видного историка Н. А. Любимова, «государственная идея приняла исключительную форму начальства; в начальстве совмещались: закон, правда, милость и кара»². В немалой степени этому способствовали изменения в организации управления. С созданием министерств (1802) именно в них сосредоточились все нити управления губерниями, переданные губернской реформой (1775) местным учреждениям, — так «завершилась организация бюрократической системы управления, с обеспечением для монарха возможности лично и непосредственно руководить всем ходом дел через министров...»³. При Николае I (правил в 1825 — 1855 годах) эта система достигла своего развития и логического завершения. Централизация власти привела к ее дальнейшей бюрократизации: увеличилось число бумаг, усложнилось делопроизводство, что, в свою очередь, способствовало росту численности аппарата.

С созданием министерства возник особый тип гражданского служащего — министерский чиновник, «который решал заглазно потребности России путем канцелярского порядка»⁴. На протяжении первой половины XIX этот тип чиновника претерпел определенную эволюцию.

В местном управлении к середине XIX века сформировались свои, отличные от министерского, но не менее характерные типы чиновников.

¹ См.: Троицкий С. М. Указ соч. С. 175.

² См.: Пресняков А.Е. Российские самодержцы. М., 1990. С. 294.

³ Там же. С. 171.

⁴ Карпович Е. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897. С. 93.

Типичным для губернской бюрократии этого периода был состав нижегородской администрации. Здесь и губернский прокурор, который «вышел из училища правоведения, знал дело, но, как говорили, «брал»¹, и полицеиймейстер, который «не отличался бескорыстием и в конце службы попал под суд», и председатель казенной палаты, обогатившийся доходами от службы, а затем служивший в Петербурге, куда перешел, и его «очень ловкий и типичный секретарь». Наконец, непременный в каждой губернии «аристократ, сосланный «за шалости», — князь Л. А. Голицын, племянник морского министра князя Меншикова, который, «несмотря на то, что вовсе не учился, окончил курс в морском корпусе». «Характерным для губернских учреждений был и секретарь палаты гражданского суда, представлявший «типа умного и даровитого подъячего, вертевшего своим начальством...». Чтобы обделать дело в палате, следовало обратиться к... [нему]. За некоторое (довольно умеренное) приношение он, если возможно, удовлетворял просьбу... и ускорял (иногда изумительно) ход дела»². Также типичен был чиновник особых поручений при губернаторе, он не имел никакого образования, кроме начального, но обладал практической сметкой. Губернатор был высокого мнения о его деловитости. Ради этого он только и держал его на службе, так как нравственность его была самая низкая.

Такого типа чиновники (как правило, секретари или столоначальники) обычно начинали службу с низших канцелярских должностей и, постепенно поднимаясь по служебной лестнице, накапливали огромный опыт практической работы, в совершенстве постигали все тонкости делопроизводства. Обладая при этом определенными способностями и умом, они становились незаменимыми для старших чиновников из дворян, которые службу начинали чаще всего в классных чинах и не особенно вникали в ее тонкости.

В условиях министерского управления деятельность подведомственных учреждений нередко сводилась лишь к четкому реагированию на бумагу «сверху» соответствующей, по всем правилам составленной бумагой. Поэтому в губернских учреждениях особенно ценилось умение чиновника писать.

Условно-канцелярская по характеру деятельность бюрократической машины выдвигала на первый план фигуры секретарей и столоначальников, непосредственно руководивших процессом создания бумаг, а нередко и определявших их содержание. В условиях «бесправия, взяточничества и бессудия»³, как характеризовал годы правления Николая I сенатор А. Г. Казначеев, контроль за деятельностью должностных лиц существовал в основном на бумаге; на практике каждый чиновник, особенно из мелких, действовал бесконтрольно. Сложившуюся к середине

¹ Карпович Е. Русские чиновники в былое и настоящее время. СПб., 1897. С. 98.

² Там же. С. 99.

³ Казначеев А. Г. Между строками основного формуллярного списка: 1823—1881 // Рус. старина. 1881. № 12. С. 821.

XIX века систему управления страной как нельзя лучше характеризует приписываемое Николаю I высказывание: «Россией управляют столона-чальники»¹. Очевидно, что автор слов, при кажущейся их абсурдности, был недалек от истины.

Взяточничество и казнокрадство процветали и в XVIII веке, о чем свидетельствуют многочисленные законы, грозившие совершившим эти преступления самыми суровыми наказаниями, а также русская литература — не только яркий и колоритный, но и правдивый источник о жизни чиновников всех рангов и особенно о том, что объединяло их в единое сословие — о взятках. XIX век на смог избавить правительственный аппарат от этих пороков. Реформы государственного управления (1801 — 1811), проведенные Александром I, и прежде всего создание министерств, со средоточивших в своих департаментах все нити управления Россией, способствовали усилению бюрократических начал, что создавало благоприятную почву для казнокрадства и взяточничества.

«Крадут», — определил происходящее в России в 1810-е годы Н. М. Карамзин².

К середине XIX века эти пороки поразили все звенья государственного аппарата, стали обычным и повсеместным явлением. Бесконтрольность должностных лиц, низкий нравственный и образовательный уровень, мизерные оклады, бумаготворчество и многоступенчатость в прохождении бумаг — все это благоприятствовало расцвету взяточничества и казнокрадства, определивших собой период правления Николая I. Взяточничество не презиралось.

Только к концу 1850-х годов, когда стало очевидным, что страна стоит на пороге серьезных преобразований во всех сферах жизни, возникла возможность для осуществления действенных мер по пресечению злоупотреблений. В ходе ревизий губернских учреждений открылись столь многочисленные нарушения законности, что при отстранении от службы только «наиболее виноватых и вредных должностных лиц» большинство мест оставались вакантными.

Такие жесткие меры принесли свои результаты. Резко сократилось число недвижимых имений, купленных чиновниками и их женами: если в 1850 году владельцами имений стали 622 чиновника, то в 1857 — только 105 (число покупателей сократилось почти в 6 раз, большинство из них составляли чиновники 9 — 14-го класса)³. На количество покупок, вероятно, сказалась и боязнь грядущих перемен, связанных с подготовкой отмены крепостного права, но определяющую роль сыграло ухудшение материального положения гражданских служащих вследствие мер по пресечению

¹ Пресняков А. Е. *Российские самодержцы*. М., 1990. С. 294.

² Цит. по кн.: Катаев И. М. *Дореформенная бюрократия по запискам, мемуарам и литературе*. СПб., 1914. С. 18.

³ См.: Казначеев А. Г. *Между строками*. С. 826.

казнокрадства и взяточничества, ведь основным источником для столь дорогостоящих покупок могли быть только неправедные доходы, а не скучное жалованье этой, наименее обеспеченной части бюрократии.

Тип чиновника первой половины XIX века сформировался под влиянием системы административного управления, к середине века получившей окончательное завершение. Основанная на принципах строгой дисциплины, служебной иерархии и признании высшего авторитета — неограниченной власти императора, эта система отводила довольно скромное место всем остальным структурам власти, рассматривая их лишь в качестве беспрекословных исполнителей высочайшей воли. Характеризуя период правления Николая I, историк А. Е. Пресняков отмечал, что «императорская власть создала себе при нем яркую иллюзию всемогущества, но ценой разрыва с живыми силами страны и подавления ее насущных, неотложных потребностей»¹. Деятельность государственной машины, обеспечивающей это иллюзорное могущество, была условной по характеру и канцелярской по содержанию. Приводивший ее в движение чиновник относился к низшей и самой многочисленной категории гражданских служащих. Чаще всего он происходил из среды подъячих, канцелярских чиновников, духовенства, реже — из податных сословий и, будучи выходцем из малообеспеченных слоев населения, был незащищен в материальном отношении. Гражданская служба для него — способ прокормить себя. Такой чиновник службу начинал с низших канцелярских должностей и к концу своей карьеры нередко достигал чина коллежского асессора, а с ним — заветного потомственного дворянства. Иногда этот путь растягивался на два и даже три поколения. Жизнь и условия службы подвергали постоянным испытаниям нравственность чиновника, формируя, в конечном итоге, если не безнравственного, то очень терпимого в этом отношении человека. Поступая на гражданскую службу, он попадал под власть высших чиновников и начальников, происходивших в основном из дворян-помещиков. В основе их отношений лежало сознание «несоизмеримости между господином и слугой»². Отсюда — вседозволенность, надменность, спесь одних и бесправие, угодничество и низкопоклонство других. Низкие оклады, не обеспечивавшие нормальные условия жизни, толкали чиновника на путь должностных преступлений, злоупотреблений и взяточничества. Этот чиновник был неотъемлемой частью породившей его административной системы управления, ее основным работником и основной движущей силой и так же, как сама система, был обречен новыми условиями жизни.

Поражение в Восточной (Крымской) войне приблизило крах крепостничества и военно-бюрократической системы управления сверху донизу и требовало проведения реформ. Почва для них была фактически подготовлена деятельностью Особых комитетов и реформами Николая I.

¹ Пресняков А.Е. Указ. соч. С. 318.

² Там же. С. 314.

«Великие реформы» в конечном счете стали компромиссом между либеральной и консервативной бюрократическими субэлитами.

В результате реформ в местное управление был внесен элемент либеральной государственности — выборные органы губернского и уездного земского и городского самоуправления на основе всесословности. Оно дополнялось достаточно широким казачьим и крестьянским самоуправлением¹.

Недовольство бюрократией, охватившее все слои общества, выразилось в том, что в основу деятельности органов «самоуправления» легла не идея централизации государственного суверенитета или, иными словами, разделения власти, а концепция, которая резко противополагает общество государству².

Реформа госуправления, которая могла бы привести к изменению принципов формирования административно-политической элиты Российской империи, не была завершена. Убийство Александра II и контрреформы Александра III прервали намеченные преобразования. Российская империя осталась «абсолютной монархией, функционирующей в пределах, установленных законом»³.

Контрреформы не только ограничивали либеральные идеи, лежавшие в основе реформ, но и в большей степени приспосабливали созданные органы к конкретным общественным условиям России. Россия вступает во второй половине XIX в. на путь аграрно-индустриального гражданского общества.

Однако отказ от дальнейших преобразований в сфере государственного управления, а затем подтверждение курса отца Николаем II, вел к постоянным конфликтам между централизованной бюрократической системой и органами самоуправления. Большинство земцев, местной региональной элиты, занятой конкретной работой, искало пути к преодолению разрыва между административно-бюрократической вертикалью власти и общественным самоуправлением, «желало восстановления обоюдного доверия и нормального сотрудничества между представителями правительства и общества»⁴.

В то же время жесткая антиземская позиция высшей и региональной бюрократии, негибкость самодержавия привели к тому, что левая часть формирующейся либеральной представительной элиты в начале XX в. становится союзником революционного движения, в результате «либералы, примкнувшие к Союзу Освобождения П. Б. Струве, утеряли свое либеральное лицо и свои либеральные идеи»⁵. Земские «съезды» 1904 — 1905 гг. несли на себе налет оппозиционности.

Крупные изменения в политической системе России произошли под влиянием революции 1905 — 1907 гг. Манифест 17 октября 1905 г. «Об

¹ См.: Шапсугов Д. Ю. *Местная власть в России и Германии. Кн. I. Ростов н/Д., 1994.*

² Леонтович В. В. *История либерализма в России. 1762 — 1917. М., 1995. С. 331.*

³ Иванников И. А. *В поисках идеала государственного устройства России. Ростов н/Д, 1995. С. 24.*

⁴ Леонтович В. В. *Указ соч. С. 360.*

⁵ Там же.

усовершенствовании Государственного Порядка» и «Основные законы о существе Верховной Самодержавной власти» 23 апреля 1906 г. изменили природу абсолютной монархии, однако не превращая ее в конституционную монархию в европейском смысле.

В России начинает складываться легальная многопартийная политическая система и соответствующие ей партийные элиты различной идеологической направленности и социальной базы. В начале XX в. в России возникло до 100 партий, условная типология которых может быть представлена следующим образом: консервативно-монархические; консервативные либералы (октябристы); либералы (kadety); неонародники; социал-демократы; националисты.

Часть своих законодательных функций император передавал Государственной Думе. В главе 9 «Основных законов» говорилось: «Никакой новый закон не может последовать без одобрения Государственного Совета и Государственной Думы и воспринять силу без утверждения Государя Императора»¹.

Выборы в Государственную Думу проходили по куриям, т. е. имело место распределение избирателей по сословным и имущественным признакам (землемельческая, городская, рабочая и крестьянская), и были многоступенчатыми. По мнению Д. А. Тихомирова, при формировании Думы идея «монархического представительства всей земли оказалась подмененной общегражданским представительством», несовместимым с идеей самодержавия «и русской национальной политической традицией»². Уже в августе 1905 г. на этом основании он предсказал «разлад между выборными и правительственныеими властями»³.

Возникшая новая плюралистическая выборная политическая элита оказалась в бескомпромиссном конфликте с самодержавной властью и бюрократической элитой по всем основным вопросам законодательной деятельности и, прежде всего, аграрному вопросу. Гражданское общество в европейском смысле в России не сложилось. Партии в Думе не способны были адекватно отражать интересы основных социальных страт российского общества и фактически никого, кроме различных по идеологическим и политическим взглядам групп интеллигенции, не представляли. Конструктивный диалог окостеневшей бюрократической элиты и демагогической думской наладить не удалось. «Думские собрания больше походили на антиправительственный митинг, чем на работу законодательного учреждения»⁴.

После досрочного роспуска I и II Государственных Дум и государственного переворота 3 июня 1907 г. в России установилась так называемая Третьеиюньская монархия. Еще более регламентированные и управляемые выборы в III, а затем IV Государственные Думы позволили правительству

¹ Государственные учреждения России: опыт формирования и эволюции. С. 74.

² Тихомиров Л. А. Указ. соч. Гл. XXXIX.

³ Там же. С. 671—673.

⁴ Российская государственность: исторический аспект. С. 36.

осуществить столыпинскую аграрную реформу и принять ряд крупных законодательных актов.

К началу мировой войны к правящей или административно-политической элите Российской империи можно было отнести императора и великих князей, членов Совета Министров, Сената, Синода, Государственного Совета и депутатов Государственной Думы, двор, а также губернаторов и председателей губернских земских собраний (предводителей местного дворянства). Она делилась на две субэлиты: чиновническую или бюрократическую и плюралистическую представительную (определенное влияние на политику оказывали авантюристы, не имевшие отношения к высшей бюрократии, но попавшие в состав дворцовой камарильи, француз Филипп, Григорий Распутин и др.). Некоторое представление о составе бюрократической субэлиты дает табл. 15¹.

Таблица 15

Состав административной элиты Российской империи в 1913 г.

Элитные группы	Всего человек	Дворяне по происхождению	Христиане, в т. ч. — православные	Имеют II — IV чин, в т. ч. военные	Имеют высшее образование, в т. ч. ученую степень
Члены Государственного совета	182	84	91/81	49/12	82/11
Министры, главноуправляющие тов. Министра	154	81	100/90	93/6	89/8
Губернаторы	68	97	100/96	88/1	59/-

Таким образом, перед первой мировой войной в высшей бюрократии России начинает формироваться разночинная по своему сословному происхождению прослойка (в то же время, дослужившись до IV класса в гражданской или до VI в военной службе, они также получали потомственное дворянство), но дворяне сохраняли ведущие позиции, особенно среди губернаторов.

Во второй половине XIX — нач. XX в. П. А. Зайончковский прослеживал постоянную тенденцию снижения доли помещиков во всех слоях высшей бюрократии², что отражало общий процесс осуждения русского дворянства.

¹ Подсчет по: Россия. 1913. «Статистико-документальный справочник». СПб., 1995 (раздел X. «Государственно-политический строй»). С. 227—278.

² Зайончковский П. А. Указ. соч. С. 222.

Важным также было снижение роли военных и лиц с военным образованием в гражданской администрации и достаточно высокий уровень образования. Среди высшей бюрократии преобладали представители правых и умеренно центристских взглядов, например, в Государственном Совете они составляли более 71 %. Но постепенно на разных этажах бюрократической иерархии растет число и влияние просвещенных, умеренно-либерально настроенных чиновников.

Обратимся теперь к анализу состава представительной субэлиты.

Среди 437 депутатов IV Государственной Думы дворяне(включая личных) составляли 52,4 %, далее шли крестьяне — 19,2 % и духовенство — менее 11 %, высшие чины (II — IV) имели 12 % депутатов. Депутаты принадлежали к 9 конфессиям, православными являлось 58 %. Почти половина депутатов имели высшее образование, 18 % среднее и 24 % начальное. Около 20 % депутатов имели опыт участия в сословном и местном самоуправлении, государственной службе (в собственном смысле) или юридическую практику. О политической ориентации членов Думы свидетельствует табл. 16¹.

Таблица 16

Состав IV Государственной Думы

Фракции	Число депутатов	% от общей численности
Правящая часть:	154	34,8
Правые	65	
Русские националисты и умеренно правые	89	
Центральные группы:	131	29.6
Центр	33	
«Союз 17 октября»	98	
Оппозиционные группы:	157	35.6
«Народная свобода» (kadety)	58	
Прогрессисты	48	
«Польское коло»	9	
Мусульманская группа	6	
Белорусско-польско-литовская группа	6	
Трудовая группа	10	
Беспартийные:	6	
Всего:	442	

¹ Россия. 1913. С. 254.

При этом необходимо иметь в виду, что в политической системе России и в Думе не было правительственный в западноевропейском смысле партии. Фактически все они (справа и слева) в большей или меньшей степени находились в оппозиции правительству, назначаемому лично царем. Противоречия между субэлитами крайне редко удавалось преодолевать (политика бонапартизма в III Думе и начало первой мировой войны), и правящая элита раскалывается, конфликтность внутри нее нарастает.

В годы первой мировой войны третий юнкская система, построенная на балансировании самодержавия между различными социальными слоями и политическими партиями, рухнула.

В августе 1915 г. возник «прогрессивный блок» (kadety, прогрессисты, левые октябристы, «прогрессивные националисты» и др.), к которому примкнули левые и центристы Государственного Совета. Блок выступил с требованием создания «министерства доверия» из либеральных бюрократов и политиков. Лидеры либеральных, центристских и части радикальных партий при поддержке дипломатических миссий союзных государств решили воспользоваться резким обострением социальной напряженности, критическим положением России, чтобы вынудить самодержавие трансформироваться в конституционную монархию.

Конфликт самодержавия, быстро теряющего поддержку бюрократии, большей части административно-политической элиты и перешедшей в открытую оппозицию Думы (на стороне последней оказывается значительная часть бюрократии и губернских дворянских собраний) привел к развалу системы власти на рубеже 1916 — 1917 гг., когда, казалось, все основные трудности и неудачи войны уже преодолены.

Император был высшим чиновником России и находился в теснейшей взаимосвязи и взаимозависимости с правящей бюрократией, что являлось гарантом функционирования государственной бюрократической машины, определяло степень ее способности относительно беспрошибойно и компетентно выполнять свои функции, принимать необходимые решения.

Теперь же авторитет самодержавия, Николая II и всей династии был подорван практически во всех слоях общества, включая властную элиту, военными неудачами 1914 — 1915 гг., социально-экономическими трудностями, обострением межнациональных отношений и не в последнюю очередь мощной коммуникативной атакой либеральных и революционных средств массовой информации, легальной (Дума) и нелегальной пропагандой, слухами, дискредитировавшими личность императора и всю династию.

В результате произошел разрыв взаимосвязи императора с большей частью правящей элиты. Разброс и растерянность самодержавия проявились в министерской чехарде, колебаниях в политике в отношении Думы, что только усугубляло надлом и паралич воли правящей бюрократии.

Сочетание всемирно-исторических факторов, социально-экономических противоречий, духовного кризиса российского общества, военных проблем и конфликта внутри правящих элит вылилось в Февральскую революцию. Николай II пытался переломить ход событий, 27 февраля 1917 года император подписал указ о приостановке заседаний Государственной Думы и Государственного совета, пытался пробиться из Ставки в Петроград, но в столице уже победила революция. Деморализованная бюрократическая и военная элиты были охвачены чувством бессилия, обреченности, бесполезности борьбы и фактически отвернулись от императора. Оказавшись в изоляции, не найдя поддержки у командующих фронтов, Николай II 2-го марта подписал манифест о создании октябристско-кадетского Временного правительства во главе с князем Г. Е. Львовым и в нарушение законов империи — отречение от своего имени и от имени наследника цесаревича Алексея в пользу брата Михаила. В результате власть утрачивала свою легитимность. В этих условиях Михаил предоставил решение вопроса о форме власти в России Учредительному Собранию.

Отречение императора как ключевой фигуры монархической системы, а фактически крах 300-летней династии привели к распаду корпоративных связей бюрократической элиты и развалу монархических партий.

Временное правительство имело мало реальной власти, которая в значительной степени контролировалась параллельно созданными умеренными социалистическими партиями, Петровсоветом рабочих и солдатских депутатов, который приказом № 1 подчинил себе воинские части. Коалиционное правительство (апрель 1917 г.) соединило обе правящие субэлиты — лидеров либералов и умеренных социалистов (эсеры и меньшевики). Новая правящая элита имела значительный интеллектуальный потенциал, но, не обладая сколько-нибудь значительным административным опытом, приступила к формированию новой политической системы, основой которой должны были стать широко провозглашенные свободы, права, ликвидация репрессивных органов самодержавия, а земства становились проводниками политики Временного правительства на местах.

В условиях роста революционной стихии, возглавляемой большевиками, либеральная и умеренно-социалистическая политические элиты, так и не обретя легитимности, оказались неспособны к эффективной созидательной деятельности. К осени 1917 г. Россия была на краю национальной катастрофы — развал армии на фоне военных неудач, паралич транспорта и экономики, рост межнациональных противоречий, угроза голода. Российская государственность разваливалась, образовался вакuum власти, которую большевики захватили под лозунгами Советской власти в ходе Октябрьской революции.

Если обратиться к огромному наследию революционно-демократических течений в России, в которых сформировался и новый образ будущей

государственности и вытекающий из него новый тип государственного управления, то следовало ожидать коренных изменений. Образ новой государственности будущей России сформировался на основе критики прежней сословно-бюрократической системы и эгалитаристских идеалов и предполагал либо быстрый (немедленный) переход от государственного управления обществом к самоуправленческим началам социального управления, либо поэтапное и постепенное движение в этом направлении. Однако жизнь распорядилась иначе. Внешнеполитическая среда (изоляция, интервенция, бойкот) и внутриполитические сложности (гражданская война, разруха) потребовали создать мобилизационный, жестко централизованный и регламентированный тип государственного управления, выстраиваемый на идеократической основе. Однако «человеческий материал» оставался во многом прежний. В новые правила и нормы втискивались прежние методы, привычки, подходы к государственно-административной деятельности. Уже в 1918 г. в Народном комиссариате путей сообщения бывшие чиновники составляли 88,1 % от общего числа административных работников, в Наркомпроде — 60,8 %, в Наркомземе — 58 %¹. В начале 20-х годов бюрократические стереотипы стали разъедать систему государственного управления. «Самый худший у нас внутренний враг — бюрократ», — вынужден был констатировать В. И. Ленин².

Несмотря на, казалось бы, полную смену бывшего звена сословной элиты России в первые годы Советской власти, многие особенности деятельности и ментальности российских элит оказались воспроизведены. На воспроизведение прежних стереотипов влияло как действие глубинных социокодов страны и преемственность объективных проблем, существующих в управляемой среде, так и кадровая преемственность. Особенно это касается среднего и низшего звеньев чиновничества.

Ничего удивительного в этом не было, поскольку из-за недостатка квалифицированных людей пришлось привлечь в систему государственного управления основную часть прежнего чиновничества со всеми его достоинствами и недостатками.

Кстати говоря, аналогичные процессы протекали при смене партийно-номенклатурной современной элиты в начале 90-х годов XX в.

Однако, хотя в функционировании новой власти и чувствовались некоторые прежние черты, это была новая система. Через небольшой промежуток времени, к началу 30-х годов, она полностью оформится и станет знаменитой номенклатурной системой. Основу ее в организационном и идеологическом аспектах организовала партия большевиков.

Где же те истоки, которые позволили впоследствии И. В. Сталину с такой легкостью превратить эту партию в правящую элиту, сформировать свои корпоративные интересы? Свет на них проливает следующее

¹ См.: *Историки спорят. М., 1988. С. 435.*

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 45. С. 15.

высказывание В. И. Ленина: «Единственным серьезным организационным принципом для деятелей нашего движения должна быть строжайшая конспирация, строжайший выбор членов, подготовка профессиональных революционеров. Раз есть эти качества, — обеспечено и нечто большее, чем «демократизм», именно полное товарищеское доверие между революционерами... им некогда думать об игрушечных формах демократизма (демократизма внутри тесного ядра пользующихся полным взаимным доверием товарищей), но свою ответственность чувствуют они очень живо, зная притом по опыту, что для избавления от негодного члена организация настоящих революционеров не остановится ни перед какими средствами»¹.

Каковы характерные черты партии «профессиональных революционеров»?

1. Корпоративность. Выделяется узкая группа лиц, находящихся в особых, исключительных отношениях друг к другу, имеющих, говоря современным языком, «свои правила игры». Корпоративные принципы становятся определяющими в поведении этих людей. Один из главных героев произведения М. Горького «Мать» Павел Власов говорит, что кроме суда партии, он не признает над собой никакого другого суда.

2. Фанатизм. Это люди, фанатически преданные идеи, ради нее они с восторгом готовы пойти на мученическую смерть. Профессиональными революционерами не воспринимались доказательства, идущие вразрез с генеральной линией их партии, даже если использовались самые неопровергнутые аргументы.

Фанатическая преданность идеологическим догматам партии являлась одной из их отличительных черт.

3. Миссионерская направленность. Партия профессиональных революционеров была твердо убеждена, что только она одна знает, что нужно несмышеному человечеству для полного счастья и как «железной метлой» загнать его в это светлое будущее.

4. Строжайшая конспирация. В общем-то понятный в условиях подпольной работы, этот принцип в дальнейшем способствовал развитию в партии сектантских тенденций. В.И. Ленин боролся против «отзовистов», боясь усиления разрыва между массами и партией и превращения ее в sectu. На деле же угроза сектантства лежала не вне партии, а внутри нее.

5. Принцип: «цель оправдывает средства». Приведенная выше ленинская фраза «не остановиться ни перед какими средствами» располагает к серьезным размышлениям. Широко известно следующее высказывание Г. В. Плеханова: «Успех революции высший закон. И если ради успеха революции потребовалось бы временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением трудно останавливаться»².

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 141.

² II съезд РСДРП. Июль — август 1903 г. Протоколы. М., 1959. С.92.

В. И. Ленин, как известно, был согласен далеко не с каждым высказыванием Г. В. Плеханова, но с этим — вполне. Вот почему во время гражданской войны расстреливали заложников и священников. Вот почему было разогнано Учредительное собрание и закрыты оппозиционные газеты. Вот почему стали возможными кровавые «чистки» сталинских времен.

6. Сверхцентрализм принципа «демократического централизма». Если бы в этом принципе демократия и централизм были сбалансированы, это обеспечило бы жизнеспособность партии. Но беда заключалась в том, что демократии в этом принципе оказалось слишком мало, а централизма — слишком много. Тот же Г. В. Плеханов постоянно высказывал опасение — как бы ЦК «не съел» партию. Так оно и вышло — худшие опасения Г. В. Плеханова сбылись: ЦК стал диктатором, низовые организации — статистами. Инициатива низовых организаций была сведена к нулю, все ждали установок сверху. Вот почему в совсем недавнем прошлом, как только перестал функционировать ЦК и низовые организации остались без руководящих указаний, партия рухнула в одночасье.

7. Враждебность по отношению к другим движениям, партиям, организациям. Она была основана на том, что это, мол, ответная реакция на враждебное отношение к партии профессиональных революционеров со стороны буквально всех и вся. Отсюда — вечные поиски внешних и внутренних врагов, бескомпромиссность, жестокость, нетерпимость. Ленин писал: «Мы идем тесной кучкой по обрывистому пути, крепко взявшись за руки. Мы окружены со всех сторон врагами, и нам приходится почти всегда идти под огнем. Мы соединились по свободно принятому решению именно для того, чтобы бороться с врагами¹!».

С самого момента своего зарождения партия профессиональных революционеров ставилась выше рабочего движения. Поскольку, мол, самосознание рабочего класса стихийно может дорастить лишь до трет-юнионистского уровня, т. е. требований 8-часового рабочего дня, увеличения заработной платы, свободы слова, печати, собраний; лишь партия профессиональных революционеров способна привнести в рабочее движение социал-демократическое сознание. Вот почему в партии была сильна интеллигентская прослойка, хорошо знакомая с социал-демократической теорией и практикой.

Но, во-первых, нельзя представлять себе дела так, что партия профессиональных революционеров была полностью интеллигентской по своему составу. В среде кадровых рабочих царской России было немало людей думающих, стремящихся к самообразованию, самосовершенствованию. В. И. Ленин внимательно следил за развитием «рабочей интеллигенции», стремился вовлечь ее в социал-демократическое движение, а наиболее способных из них — в ряды РСДРП1. Для работы с ними

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 6. С. 9.

использовались самые разнообразные формы: марксистские кружки, воскресные школы, агитация непосредственно в цехах заводов и фабрик. Это принесло свои плоды: в партийные организации, особенно периферийные, вступало немало рабочих.

Во-вторых, вступив в РСДРП, интеллигент должен был, по В. И. Ленину, раствориться в ней, осознать себя пролетарским революционером и в конфронтацию с той частью интеллигенции, которая превратилась в «лакеев буржуазии и помещиков».

Для того, чтобы предупредить неизбежные колебания выходцев из интеллигенции, В.И. Ленин считал обязательной совместную работу революционеров-рабочих и революционеров-интеллигентов в единых партийных организациях. В ходе такой совместной деятельности и должен был выковываться новый тип партийного лидера, соединявший образованность и культурность интеллигента и бескомпромиссность рабочего, дисциплинированность профессионала-революционера.

И, надо сказать, во многом это было достигнуто. Партия профессиональных революционеров была создана в исторически кратчайший срок — всего за пятнадцать лет (1903 — 1917 гг.). Она смогла выступить в роли стержня, сплотившего различные слои российского общества, недовольные царским самодержавием. В условиях «социальной смуты» она смогла достичь высокого положения, занимаемого ранее царской аристократией, получить самый высокий социальный ранг¹.

Перейдя рубикон октябрьского переворота 1917 г., партия профессиональных революционеров начинает дрейф к номенклатурной элите сталинского образца.

Вначале все шло в соответствии с принципами элитной организации. По свидетельству очевидцев и ученых, значительная часть первого поколения партийно-государственной элиты отличалась преданностью делу, сплоченностью, железной дисциплиной, авторитетом, высоким интеллектуальным потенциалом. Руководитель американской миссии Красного Креста в России отмечал в 1917 г.: «Если основываться на количестве книг, написанных его (СНК) членами, и языков, которыми они владеют, по своей культуре и образованности СНК был выше любого кабинета в мире».² В дополнение к этому можно привести слова Е. Я. Црапкиной: «Никогда и нигде в истории не существовало столь образованного, столь не дипломно, а истинно просвещенного правительства»³.

Но одновременно, вместе с неординарными талантливыми личностями, на гребне волны оказалось много примазавшихся приспособленцев, амбициозных, безграмотных, просто ограниченных людей. Этому в значительной степени способствовало стремление для удержания власти

¹ См.: Сорокин П. А. Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992. С. 375.

² Новый мир. 1967. № 5. С. 260.

³ Новое время. 1968. № 45. С. 4.

расширить ее социальную базу. В. И. Ленин ужаснулся тем разительным переменам, которые буквально на глазах произошли с большевистской элитой. Одни ветераны революции заболели «комчванством», другие — стали требовать привилегий, должностей, наград. Но главная беда надвигалась с другой стороны. Основное ядро старой партийной гвардии несло бремя власти достойно, но это, в основном, были люди немолодые. Здоровье их было подорвано долгими годами тюрем, ссылок, скитаний по конспиративным квартирам. Многим из них титаническая работа по формированию нового государственного аппарата оказалась не по силам. И тогда на них накатила лавина рвущихся к власти нахрапистых карьеристов и мещан, наскоро перекрасившихся в коммунистов, они растерялись и упустили стратегическую инициативу¹. Одни стали проситься на заслуженный отдых, другие стремились уйти из сферы управления в какую-нибудь тихую заводь, третьи перекладывали основную часть работы на своих заместителей из этих шустрых «новых коммунистов», закрывая глаза на их бюрократические «шалости».

Существование бескорыстных товарищеских отношений между профессиональными революционерами было преобладающим в тот период, когда власть еще не была захвачена и делить еще было нечего. Но когда это произошло и все они были расставлены на разных степенях иерархической лестницы со всеми вытекающими отсюда последствиями, о прежних товарищеских отношениях говорить стало весьма затруднительно. Когда интересы людей сталкиваются, их отношения друг с другом, как правило, резко меняются. Прозрение о необходимости демократизации партии в конце концов все же наступило, но было слишком поздно: партия уже была в разгаре преобразования из партии борьбы за власть в партию власти².

Уже была захвачена власть, но многие партийные товарищи так и не «вышли из подполья». Более того, обстановка строжайшей секретности вокруг партийных дел продолжала нагнетаться. На протоколах заседаний бюро райкома или обкома, где обсуждался такой житейский вопрос, как подготовка к зиме, ставился гриф «секретно». Были широко распространены «закрытые» партийные собрания, заслушивающие «закрытые» письма ЦК. Особо секретная обстановка царила вокруг кадровых проблем. Партия все более и более становилась похожей на спецслужбу.

Существенно менялись структура и содержание профессиональной компетентности управленческого аппарата. В предреволюционный период развития большевистской партии самое серьезное значение придавалось вопросам овладения методами критики существующего политического строя, знаниям, умениям и навыкам работы в окружении других партий как в легальных, так и конспиративных условиях.

¹ См.: Огарев А. В., Понеделков А. В. Лидер. Элита, Регион. Ростов н/Д, 1995. С. 106.

² См.: Понеделков А. В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов н/Д, 1995, 0.114.

Переход к строительству социализма объективно обнаружил новые требования к компетентности представителей партийных верхов. Если до победы революции, в условиях подполья центр тяжести представителей контрэлиты большевистских лидеров переносился на агитационную работу в массах, то теперь, когда на первый план выдвигались задачи созидания, умелого управления обществом, нужна была переделка старых агитационных навыков в практические навыки руководителей и организаторов. Оказалось, что критиковать гораздо проще, чем созидать; соответственно — агитировать гораздо проще, чем делать самому.

Структура и функции зарождающейся политико-административной элиты были обусловлены специфическими социальными условиями, сложившимися в России после октября 1917 г. в результате целого ряда причин, среди которых можно выделить следующие:

- народы России находились в состоянии крайней степени придавленности, эксплуатации;
- был мал по сравнению со странами Запада опыт конструктивного сотрудничества классов; соответственно — были неразвиты традиции мирного разрешения классовых противоречий;
- невысокий уровень общей культуры;
- первая мировая война обострила все противоречия¹.

Стали нарастать, как снежный ком, следующие негативные явления:

- укреплялась тенденция абсолютизации форм и методов классовой борьбы, ее роль в жизни общества была крайне преувеличена;
- были абсолютированы методы насилия, которые стали рассматриваться как универсальный инструмент для решения всех спорных вопросов;
- укреплялся синдром классового превосходства трудящихся масс, формировалось своего рода социальное зазнайство;
- принижалась роль капитализма в общественном развитии;
- недооценивались исторические традиции развития России;
- недооценивались общечеловеческие гуманистические ценности, укреплялось мнение, что ради торжества светлого будущего все средства хороши, вплоть до нарушения прав и свобод отдельной личности;
- недооценивались ценности культуры, духовный потенциал России.

В итоге создалась ситуация, которую Питирим Сорокин в книге «Современное состояние России» охарактеризовал как оргию этатизации, национализации, коммунизации, трансформировавшую рабоче-крестьянскую власть в простую тираннию.

Х съезд РКП(б), в 1921 г. запретивший фракции и платформы в партии, по существу оставил партийно-политическую элиту безнадзорной и

¹ См: Огарев А. В., Понеделков А. В. Лидер, Элита. Регион. Ростов н/Д., 1995. С. 107

неконтролируемой со стороны партии и народа. В этой обстановке вседозволенности первым разобрался И. В. Сталин. Он стал внимательно изучать личные дела тех, кто уже работал на руководящих постах или претендовал на выдвижение. Целал он это не спеша, основательно, с прицелом на будущее. «Эти кадры он старательно изучал, просеивал через сито своих интересов и расчетов, размещал их на различных уровнях номенклатуры, как композитор ноты на нотной линейке, чтобы возникла нужная ему симфония»¹.

В соответствии со сталинской системой подбора руководящих кадров в партии и государстве приоритетами были определены следующие признаки: «политическая благонадежность», «классовое происхождение», «уровень революционного сознания», «верность вождю и партии», «непримиримость к буржуазному образу жизни». Все более и более ощутимо главным критерием подбора кадров становилась не преданность делу, а преданность вождю.

Один из ближайших соратников И. В. Сталина, Лазарь Каганович, выделяя такие признаки, как: построение партичек на основе производственного принципа; централизм, сочетающийся с демократией масс; железную дисциплину; подчиненность меньшинства большинству; идеиную и организационную монолитность, — все же на первое место ставит «активность рядовых членов в поддержке руководства»².

В 1920 г. были организованы в ЦК и губкомах РКП (б) учетно-распределительные отделы по ротации кадров. В августе 1922 г. на XII партконференции впервые было сообщено количество партийных работников в аппарате, который был фактически подчинен секретариату ЦК, — а это значит, лично Сталину, ставшему в апреле 1922 г. генсеком. В Москве было 325 человек, в губерниях 2000, в уездах — 6000, в волостях и на крупных предприятиях — 500 освобожденных секретарей парткомов, всего 15325 человек. Такова была к этому моменту численность сталинского партийного аппарата³.

Деятельность сталинского секретариата и учетно-распределительных отделов подвергалась острой критике со стороны ряда видных деятелей партии, в частности Л. Троцкого. Он подчеркивал, что даже в тяжелейшие годы военного коммунизма в партии доминировал принцип выборности, а не назначения. Назначенный «сверху» секретарь сразу становился на голову выше партийной организации. Он получал установку ЦК, доводил ее до сведения партийного бюро и, заручившись его поддержкой, выходил с готовым проектом решения на партийное собрание. Секретарь или кто-либо из его окружения предлагали принять проект за основу, в котором говорилось, что собрание единогласно голосует за «руководящую

¹ Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991.

² См.: Каганович Л. М. Партия и Советы. М., 1928. С. 12.

³ См.: Восленский М. С. Указ. соч. С. 89.

линию ЦК». И только после этого рядовым коммунистам предоставлялась возможность вносить в проект несущественные поправки. Это создавало иллюзию их причастности к выработке окончательного решения партийного собрания. Партия превращалась в бюрократическую машину, управляемую ЦК лично И. В. Сталиным.

Расширению сталинской кадровой базы сильно помог так называемый «ленинский призыв», объявленный после смерти В. И. Ленина. К маю 1924 г. число членов партии практически удвоилось — с 386 тыс. до 736 тыс. Уже среди прежних 386 тыс. было немало сторонников И. В. Сталина, а новый призыв был по форме ленинским, а по содержанию — сталинским.

Последним препятствием на пути полного торжества сталинской номенклатуры стала ленинская партийная гвардия. Эти люди не боялись говорить правду в глаза, невзирая на лица. Свою партийную позицию они умели отстаивать до конца. Они готовы были работать на любом посту, даже в качестве рядового члена партии, если это требовалось от них на данный момент, они были живым укором для «новых коммунистов», для которых стремление подниматься к вершинам власти любой ценой стало самоцелью.

Авторитет старой гвардии среди трудящихся был настолько велик, что сформировать в массовом сознании из них «образ» врага стало весьма затруднительной проблемой. Однако выход был найден. Решили остановиться на образе двурушника, двуличного Януса: на словах преданного большевистской идеи, а на деле являющегося прихвостнем мирового империализма, шпионом, предателем, пособником фашизма.

И полилась кровь... Сигналом послужило убийство С. М. Кирова, пользующегося широкой популярностью в партии и народе. За ним последовали показательные процессы: «Троцкистско-зиновьевский террористический центр» (август 1936 г.), «Антисоветский правоцентристский блок» (март 1938 г.) и целый ряд других.

У представителей новой политической элиты, взошедшей на вершинуластной пирамиды, в почете были новые ценностные ориентации, иные представления о долгे, чести, морали, леловых и личностных качествах управленческих кадров. Среди них следует выделить следующие:

- вместо коллективности руководства — авторитарные, командно-приказные методы и подходы;
- вместо компетентности — начетничество, догматизм и окрик;
- вместо творческого руководства — режим директив;
- вместо творческой инициативы — навязывание сверху схем деятельности;
- вместо доступности в общении — высокомерие и отчужденность;
- вместо умения прислушиваться к мнению специалистов — комчванство;

— вместо дифференцированного — шаблонно-трафаретный подход к людям¹.

Вместе с тем следует отметить устойчивость большевистской политической элиты сталинских времен. Этому способствовали, наряду с другими, следующие обстоятельства:

— небывалый энтузиазм и трудовой подъем народа в период осуществления индустриализации, коллективизации и культурной революции в стране;

— сплочение нации, объединение усилий народа по защите Отечества от внешних врагов;

— спекуляция на стремлении различных слоев населения к лучшей жизни.

Народ, в том числе и массы коммунистов, были отстранены от собственности и власти, от реального участия в решении кадровых вопросов. Кадровая политика не строилась на правовой основе, решение кадровых вопросов проходило на основе партийных указаний, без несения правовой или материальной ответственности за ошибочные решения.

Упор в воспитании кадров делался на развитие исполнительных качеств. Не были в чести личности со своей позицией, достоинством, способные отстоять свою точку зрения. Компетентность работника, его приверженность знанию, науке, подменялась верностью руководителям и директивам «сверху».

Члены Верховного Совета СССР, председатели Верховных Советов, Советов Министров республик, крайисполкомов, облисполкомов в те годы были, в основном, коммунистами. Если ответственный государственный пост занимал беспартийный, то его кандидатура все равно проходила через партийные органы. На выборах народ шел голосовать за так называемый «блок коммунистов и беспартийных», но это была чистая видимость — беспартийный руководитель отчитывался перед партийными органами практически точно так же, как и член партии, хотя некоторые формальные отличия и были.

Образовалась номенклатурная система, включавшая в себя партийную номенклатуру, номенклатуру карательных органов, советскую и хозяйственную номенклатуру. Вершиной этой пирамиды являлась партийная номенклатура, это была своего рода «номенклатура в номенклатуре». Человек, попавший в обойму номенклатуры, превращался в этакого непотопляемого «ваньку-встаньку»: сняли с одного поста — назначили на другой, но тоже руководящий, номенклатурный пост.

Мечтой каждого номенклатурного работника было обретение заветного mestечка в высшем слое номенклатурной иерархии — партийной номенклатуры. Создавая иллюзию строгого отношения к своим же собственным номенклатурным кадрам, правящая элита времена от времени на

¹ См.: Огарев А. В., Понеделков А. В. Указ. произв. С. 115—116.

«потребу толпе» жертвовала ее отдельными представителями, следуя логике: лучше потерять часть, чем целое. Внутри номенклатурной элиты были различные, враждующие друг с другом группировки, но когда дела касалось общих, корпоративных интересов, они забывали свои распри и выступали единым строем.

Специфической чертой сталинского варианта номенклатурной элиты была личная зависимость от вождя каждого представителя ее высшего эшелона. Так, у Л. Кагановича и В. Молотова ближайшие родственники вдруг оказались «врагами народа», на других И. В. Сталин держал какой-либо другой компромат. Стalinская номенклатурная элита — это элита страха перед непредсказуемой волей вождя.

С укреплением власти партаппарата номенклатура все шире и глубже захватывала партийные и хозяйственные должности. Процесс шел столь быстро, что в 1930 г. Орграспредотдел ЦК пришлось снова разделить на два отдела: Оргинструкторский, ведавший исключительно партийной номенклатурой, и Отдел назначений (с секторами по отраслям народного хозяйства), занимавшийся формированием номенклатуры в государственных учреждениях и общественных организациях.

Номенклатурный принцип руководства обществом сложился и окончательно утвердился к концу 30-х годов и с тех пор в течение 50 лет лишь модернизировался. В 1946 г. были введены новая номенклатура должностей, ее планирование, созданы резерв выдвиженцев и система изучения и проверки их политических качеств¹. По свидетельству Л. Онникова (аппаратчика, проработавшего более 30 лет в ЦК еще со времен Сталина), только партийная номенклатура (без много большей — государственной) к началу перестройки составляла до полумиллиона должностных лиц, в том числе членов руководящих органов (от сельских райкомов до ЦК республик) — 439 тыс., секретарей парткомов и зав. отделами 35,5 тыс., штатного аппарата ЦК КПСС — 2500, членов и кандидатов в члены ЦК КПСС, членов Ревизионной комиссии — 720 человек².

Любопытна попытка именно 1946 г., вернуться к которой попробовали и с началом 80-х гг., но столь же неудачно.

Новую номенклатуру утвердили в ноябре 1946 года. Но откуда же этот почти драматический призыв «выходить из экономики»? Думается, что он логически вытекает из утверждения о том, что «партийный аппарат стал придатком» хозяйственников.

Но некоторые аппаратчики выражались более категорично: «Мы потеряли власть!» Это было правдой, поскольку и требования военного времени, и начавшаяся еще до войны тенденция к «экономизации» партии и партаппарата поставили под угрозу само существование партии как политической администрации (политической партией она перестала быть

¹ См.: История КПСС. Т. 5. Кн. 2. С. 225, 396.

² См.: Онников Л. КПСС: анатомия краха // Российские вести. 1992. 21 октября.

задолго до этого). Поэтому диагноз был поставлен верный, и «предписание врачей» нам уже известно — надлежало вывести партийный аппарат из текущих хозяйственных дел.

ЦК как директивный орган должен был давать общее направление и по экономике, но нужно было точнее распределить полномочия и провести разделение труда между ЦК и Совмином, который непосредственно и конкретно руководил хозяйством. В аппарате ЦК упразднялись такие отраслевые отделы, как сельскохозяйственный или транспортный (в обкомах же все оставалось по-старому!). Однако через два года последовал новый поворот в противоположную сторону. Из централизованного Управления кадров в 1948 году был создан ряд самостоятельных — отраслевых отделов, что означало по существу возвращение партаппарата обратно в экономику. Представляется, что аппаратные перестройки тех лет дают возможность уловить причину некоего циклического характера большинства таких перестроек и встрясок на всем протяжении существования системы. Попытка осуществить «поворот» 1946 года была результатом того, что партия увязла в хозяйственных делах, а партаппарат терял свои политические функции. Но отказ от непосредственного участия в экономических делах угрожал просто потерей власти. В обоих случаях победителем оказался бы госаппарат, тем более что основной и фактической идеологией, которая объединяла обе администрации — государственную и партийную, стала центральная и руководящая роль государства не только в управлении, но и в общественной жизни.

Сама «номенклатура» как совокупность лиц, входящих в нее, развивалась в том же направлении. Дело не только в том, что и государственные, и партийные начальники являлись бюрократами, но также и в том, что все они были «номенклатурщиками». Таким образом, номенклатурный метод назначения руководящих кадров оказывал влияние в обоих направлениях, но с растущим преимуществом одного из них. На первый взгляд кажется, что все бразды правления были в руках ЦК. Он мог в любое время снять министра, тогда как министр снять Генсека не мог. Однако, когда речь шла не о министре или о министерстве, а о более широких кругах министерской «знати», то примерно с конца 50-х годов дело могло обстоять иначе. Поэтому следует еще раз посмотреть, как на самом деле функционировала номенклатура. Уже система политики кадров, которую мы назвали «триединой», создавала препоны для полного контроля со стороны ЦК, потому что каждое назначение было результатом не просто ходатайства, но переговоров и торга. Номенклатура самого ЦК становилась все больше объектом столкновения интересов и отражала соотношение сил разных лобби. Руководители ведущих ведомств прекрасно владели всем арсеналом средств: связями, союзами, давлением, обменом ресурсами. Ресурсы же у них были огромные, тем более что часть из них была припрятана. Любая бюрократия стремится накопить такие резервы. В данном случае иметь резервы значило иметь «своих» людей в ЦК и в

Совмине, располагать деньгами, оборудованием, автомашинами, неучтенной рабочей силой, дачным хозяйством и неучтенными должностями. Последние позволяли содержать армию хорошо оплачиваемых «толкачей», хотя для них не было предусмотрено ни бюджетных средств, ни мест в штатном расписании. Все это вместе взятое, как считают некоторые исследователи, составляло основу своеобразной бюрократической биржи, на которой заключались различные сделки, в том числе о назначениях на всех уровнях бюрократической лестницы. Поэтому говорить о какой-то «по-военному жесткой» системе номенклатуры, особенно в ее поздний период, вряд ли можно.

Вместо этого лучше принять другую модель номенклатуры, которая учитывала бы ставшую после Сталина всеобщую практику «согласования» не только назначений, но и большинства важнейших решений о планах, бюджетах, зарплате, социальной политике, реорганизации. Проекты решений шли, и от министерств вверх и сверху — к министерствам. Если последние высказывали «возражения», назначались комиссии ЦК с участием представителей заинтересованных ведомств для окончательного решения. Чаще всего такое решение было результатом компромисса, но если влиятельные ведомства возражали, — а они умели драться! — проект решения мог быть отклонен целиком.

Период с 1917 по 1986 гг., как указывают на то ряд исследователей¹, можно разделить на четыре этапа, которым соответствуют качественно различные формы государственной власти в ее номенклатурной форме. Первый, ленинский, отличается выраженным поисковым характером в отношении государственного устройства страны. Второй, сталинский, — рождением и закреплением номенклатуры. Третий, хрущевский, — кратковременной демократизацией и попытками установить коллегиальную форму номенклатурной власти, стремлением ослабить военизированный характер, поиском пути выхода страны из кризиса управления народным хозяйством. Четвертый, брежневский, — люмпенизацией и полной деградацией номенклатурного политического режима.

Вырисовывается следующий механизм зарождения и развития советской номенклатуры. Она возникла и формировалась путем бескомпромиссного отсечения множества сначала партий, реально отражавших интересы отдельных социальных групп, а затем и фракций в большевистской партии. Выкристаллизация наиболее живучей, устойчивой властовавшей группы шла в условиях перестроек старого и создания нового государства, его управленческого аппарата при полном отсутствии демократического правового контроля гражданского общества за государством. При

¹ См.: Крыштановская О. В. *Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту* // ОНС. 1995 № 1; Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. *Советская номенклатура: становление, механизмы действия* // Вопросы истории. 1993. № 7; Березина О. *Революционная элита переходного периода (1921—1927)* // Свободная мысль. 1997. № 11.

этом в самом (еще сословно-корпоративном, а не гражданском) обществе России отсутствовали и традиции, и понимание социальных функций государства.

Победить в таких условиях могла только та из стремящихся к власти группировок в большевистской политической элите, которая первой создала внутреннюю нормативную структуру, способную привести к устойчивости и порядку всю государственную машину на громадной территории бывшей Российской империи. Выпестованная Сталиным номенклатура (подобие табели о рангах) партийных и государственных должностей и система назначений преданных лиц явились такой нормативно-правовой структурой. В форме номенклатуры было установлено подобие старой, самодержавной, жестокой иерархии чиновников.

Основной иерархический принцип — подбор преданных, дисциплинированных и исполнительных служащих государственной корпорации — объясняет два прямо противоположных направления развития общества: в условиях военных и иных угрожающих ему кризисов такая корпоративная организация обеспечивает максимальную концентрацию сил социального действия и его высокую выживаемость (например, СССР в Великой Отечественной войне); в условиях мирного времени «инстинкт самосохранения» властующей корпорации толкает ее к пролонгированию военной экспансии, ибо в противном случае прогрессирует социальная деградация ее членов и обусловленное этим истощение человеческих и природных ресурсов страны, т. е. тотальная патология всего общественного организма.

Избежать вырождения табели о рангах в номенклатурную деспотию бюрократии можно только путем конституционного закрепления принципа разделения властей с четкой формулировкой распределения функций государственного управления между исполнительной, законодательной и судебной властями.

Попытка реализовать такой подход осуществляется уже в наши дни. Однако во многом повторяется действие факторов переходного периода, которые в условиях geopolитического положения и значения России и традиционного в ее истории главенства политики над экономикой приводят к сходным результатам в разные исторические периоды.

Рассматривая номенклатурную систему с точки зрения концепции элит, отметим, что эта система рекрутования политической элиты — один из наиболее типичных вариантов системы гильдий. Ее негативные социальные последствия усиливались полным устраниением конкурентных рыночных механизмов, а также идеологизацией, политизацией и непотизацией (доминированием родственных связей) процесса отбора. В СССР такими критериями стали полнейший идеологический и политический конформизм («политическая зрелость»), партийность, личная преданность вышестоящему руководителю, угодничество и подхалимаж, родственные связи, умение понравиться начальству, отсутствие собственных принципов,

нравственной и политической позиции, знание негласных правил аппаратной игры, умение вовремя отрапортовать, «попасть в струю», солидный стаж и послужной список, показной активизм и т. п. Эти и другие подобные нормы-фильтры отсеивали наиболее честных и ярких людей, уродовали личность, порождали массовый тип серого, идеологически замкнутого, не способного на подлинную инициативу руководящего работника.

Конечно, в условиях почти полной безальтернативности служебно-должностного, статусного роста и тотальной идеологической обработки населения в состав политической элиты и особенно на ее нижние и средние уровни попадало немало лиц с высокими интеллектуальными, волевыми и другими позитивными индивидуальными качествами. У наиболее способных и активных по существу был лишь один, номенклатурный, путь наверх. Однако очень скоро такие люди ставились перед выбором: либо принять аппаратные правила игры, «не высвечиваться» и стать как все, либо оставить занимаемые должности и связанные с ними привилегии, стать социальными аутсайдерами.

Долголетнее воздействие номенклатурной системы привело к вырождению советской политической элиты. В период перестройки, когда граждане впервые получили доступ к правдивой информации о стране и мире, непрофессионализм, групповой эгоизм, идеологическая замкнутость, безответственность и безынициативность правящей элиты, ее неспособность к сколь-нибудь решительным действиям стали очевидны. Особенно наглядно эти негативные качества проявились во время политических событий в августе 1991 г. и последующего разрушения СССР. Номенклатурное прошлое, усугубляемое почти полным отсутствием социального контроля и нравами легализировавшихся дельцов теневой экономики, ярко проявляется и у нынешней российской политической элиты. Ее низкие качества во многом объясняют перманентность кризиса российского общества в последнее десятилетие, ограничивают возможности его преодоления.

Весьма невысокая результативность российской политической элиты, незавершенность процесса рекрутования новой элиты и в то же время первостепенная значимость этого слоя для преобразования страны, глубокого качественного обновления общества — все это делает проблему политической элиты особенно актуальной для теории и практики. Общественные условия формирования и функционирования элиты непосредственно влияют не только на социальную роль этой группы как целого, но и определяют типичные черты ее отдельных представителей — политических лидеров.

За семь десятилетий в нашей стране был создан правящий слой, являющийся стержнем, опорным каркасом системы власти в обществе советского типа, кровно заинтересованный в сохранении тоталитарной системы, слой, для которого народ был лишь объектом манипулятивного

воздействия. Этот слой пользовался многочисленными льготами и привилегиями. Социальный характер и политическое лицо советской тоталитарной элиты, методы ее правления были достаточно хорошо описаны и проанализированы в работах М. Джиласа «Новый класс. Анализ коммунистической системы», А. Авторханова «Технология власти», М. Восленского, писавшего, что «номенклатуре органически присуща жажда монопольной власти»¹.

Перестройка объективно, независимо от намерений ее инициаторов, с самого начала ориентировалась не на ликвидацию власти правящей элиты, а на ее преобразование, даже «облагораживание». Но перестройка при всей ее непоследовательности посягала на привилегии этого узкого слоя избранных. Его положение было глубоко противоречивым. С одной стороны, курс на демократизацию и гласность подрывал его устои, с другой — этот слой, существовавший для того, чтобы проводить «установки сверху», не смел открыто выступить против перестройки, ибо само его существование зависело от лояльности курсу, провозглашенному Генсеком.

Проводя смелые политические преобразования, М. С. Горбачев, как и Н. С. Хрущев, опирался на уже существовавшие структуры и властные механизмы, внося в них персональные изменения. В свое время Хрущев изгонял из элиты явных сталинистов, расставляя всюду «своих людей», но те предали его при первой же возможности. Корпоративные интересы, как и в большинстве случаев, опять оказались определяющими².

После августа 1991 г. реформистская «перестройка сверху» могла вылиться в радикальную «постперестройку снизу», создав предпосылки для решительного отказа от наследия тоталитаризма. Но перспективы глубокой демократизации не были реализованы в полной мере.

Не сумев выполнить свою миссию построения справедливого общества, элита распалась; одни отошли от активной политической деятельности и занялись бизнесом и хозяйственной работой; другие возглавили клубы, фонды и ассоциации; трети ушли на пенсию. Но значительная часть старой элиты, спешно модернизировав свои взгляды, осталась в высших органах государственного управления.

Специалисты по проблемам элит отмечают две общезначимые тенденции:

— первая — при любых, даже самых радикальных политических изменениях старая элита не уходит полностью со сцены, а включается в новую в качестве ее части или — при революционных потрясениях — в виде отдельных фрагментов;

— вторая — преемственность в виде заимствования у старой элиты ценностей, норм, идей, обычая, традиций. Это заимствование может

¹ Восленский М. С. *Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза. М., 1991. С. 591.*

² См.: Крыштановская О. В. *Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995, № 1.*

происходить вполне открыто, если речь идет об уважении к общенациональным историческим ценностям, но может происходить и «контрабандным» путем, негласно и даже вопреки публичным декларациям о полном разрыве с прошлым.

Происходит это по целому ряду объективных причин: нехватка в рядах новой элиты профессиональных кадров, владеющих информацией и практическими знаниями; невозможность быстрой смены старых кадров на всех постах; интеллектуальная, идеальная, нравственная слабость новой элиты на первых порах; наличие «перебежчиков» из старой элиты. Поэтому в ходе смены правящих элит невозможен быстрый и коренной разрыв между новой и старой властью без ущерба для дееспособности формирующейся элиты.

События 19 — 21 августа 1991 года вырвали власть у прежней правящей элиты, взращенной на почве тоталитаризма и до 1988 года не допускавшей «возможности легальной консолидации не только альтернативных элит, но и просто легитимного выражения собственной позиции»¹. На смену ей в настоящее время приходит новая правящая элита.

В результате всех этих изменений некогда монолитная советская элита разделилась на два больших отряда: элиту политическую и элиту экономическую. Если принадлежность к первой по-прежнему определялась должностью, статусом в политическом истеблишменте, то вторую составляли люди, чье влияние основывалось на контроле над капиталами. Иначе говоря, новая российская элита стала «двугорбой».

С приходом к власти Б. Ельцина начался этап цементирования новой элиты. Ельцин, как правило, использовал кадры, выдвинутые Горбачевым. И хотя приток новых людей наверх продолжался, все же можно утверждать, что революционный период трансформации элиты закончился. Сложились структуры исполнительной власти (администрация Президента и Правительство), функционировал парламент, избранный демократическим путем. Суд так и не успел сложиться в независимую ветвь власти.

Центр власти все более смешался в сторону исполнительных органов. Начавшееся при Горбачеве «пересаживание» (массовый переход номенклатурных кадров из партийных в советские органы) теперь дало свои результаты. На местах повсеместно шло формирование администраций за счет все того же источника старой номенклатуры. Новая пирамида власти нарастала над старой.

Ельцинское руководство предприняло шаги по «закрытию» элиты. Первым актом в этом направлении было прекращение деятельности вышедшего из-под контроля Президента Верховного Совета РФ. Следующий шаг — принятие новой Конституции, в соответствии с которой парламент состоит наполовину из глав региональных администраций (Совет

¹ Малютин М. В. «Новая» элита в новой России // Общественные науки и современность. 1992, № 2. С. 37.

Федерации), назначенных самим Президентом, и наполовину из лидеров и активистов партий (Государственная Дума). Большинство из них имеют «номенклатурные корни».

Региональные выборы — там, где они прошли в первом полугодии 1994 года, — демонстрируют полную победу «партии начальников»: среди избранных в местные органы власти 31 % — руководители исполнительных региональных органов; 21 % — директорский корпус.

Формально сохраняя две ветви власти, ельцинское руководство стремилось все сильнее контролировать деятельность законодательных органов, наращивая там присутствие чиновников. Стихийное рекрутирование наверх минимизируется. Постепенно власть в России приобретает номенклатурные очертания.

Об этом свидетельствуют также целенаправленные попытки возродить советские традиции «подбора и расстановки кадров». Утверждается «табель о рангах», т. е. система рангов и тарифных ставок для государственных чиновников (с этого начиналась советская номенклатура в 1922 году).

Циркуляция кадров теперь такова: на самой верхушке пирамиды находятся высшие руководители, которые на виражах политического процесса скатываются вниз. На их место поднимаются второй, а затем третий слои старой номенклатуры. В отличие от советских времен, уход с вершины власти теперь не означает политической смерти. Бывшее первое лицо довольно быстро встраивается в новую структуру с потерей двух-трех рангов. Интенсивность этого процесса разная в Центре и на местах. В Центре, где политическая жизнь активнее, верхушка «снимается» чаще, и соответственно все более низкие слои номенклатуры поднимаются наверх.

Если в политике происходит концентрация власти, то в экономике идет процесс концентрации капитала. Период экономических реформ с 1987 по 1992 год характеризовался децентрализацией и распадом мощных государственных «вертикалей» экономических систем. Например, раньше банковская система СССР была представлена Госбанком, Промстройбанком и Жилсоцбанком с их многочисленными филиалами. Управление всей банковской системой осуществлялось сверху. Каждый элемент этой системы не был независим. В период перестройки эта монополитная ранее система распалась и на ее месте образовалось множество коммерческих банков с прежними руководителями и персоналом. Тот же процесс происходил и в других экономических системах.

В 1992 году после распада крупных структур и общей децентрализации началась новая концентрация, но теперь уже не по вертикали, а по горизонтали. То есть не коммерческие банки объединяют свои капиталы, а интегрируются структуры разного профиля, организуются компании холдингового типа, многопрофильные концерны, промышленно-финансовые группы, основу которых составляет фирма с широкой сферой деятельности — от продажи компьютеров до строительства. Эта материнская фирма, аккумулировав достаточно средств, начинает создавать дочерние предприятия. У нее появляются свой банк, своя биржа, свое страховое

общество, свой торговый дом и т. п. Логическим развитием этой идеи является создание собственных СП (для связи с Западом и размещения за границей средств); фондов (благотворительных, инвестиционных или пенсионных); своих средств массовой информации, лоббистских структур, иногда — своих политических партий и, наконец, своих «силовых структур». Такие финансовые группы располагают всем арсеналом средств для влияния на политику и общественное мнение.

Новая, российская элита напоминает трехслойный пирог: сверху — политики, разделенные на борющиеся за власть группировки; далее — предприниматели, финансирующие избирательные кампании, лоббистские структуры, газеты, телевидение; внизу маленькие армии, «частные силовые структуры», исполняющие не только функции обеспечения безопасности, но и функции немого давления силы.

Итак, на наш взгляд, перераспределение власти закончилось. Вторая русская революция номенклатуры, в которой победило молодое поколение, подходит к концу. По своей сути это буржуазная революция, так как она привела к изменению общественно-политического строя. Власть перераспределилась между группами более молодых, pragmatичных номенклатурщиков, часть которых стала политиками, часть — бизнесменами.

В экономике эта революция означала обмен власти на собственность. Горбачев и Рыжков сознательно создавали «запасные аэродромы» и активно приватизировали ключевые инфраструктурные сферы экономики: финансы, распределение, международные экономические связи, наиболее рентабельные сферы производства (особенно топливно-энергетический комплекс, добывающие отрасли).

Весьма большой интерес представляют данные, характеризующие социологический портрет элиты¹, из которых наглядно видно, как она помолодела за последние 10 лет (табл. 17).

Таблица 17

Динамика среднего возраста элиты (лет)

Когорты	Высшее руководство	Партий-ная элита	Парла-ментская элита	Прави-тельство	Реги-ональная элита	Бизнес-элита	В целом
Брежневская	61,8	59,1	41,9	61,0	59,0	нет	56,6
Гобачевская	54,0	54,9	44,0	56,2	52,0	нет	52,2
Ельцинская	53,1	нет инф.	46,5	52,0	49,0	42,1	48,5

¹ См.: О. В. Крыштановская. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту //Общественные науки и современность. 1995, № 1.

При Горбачеве произошло выравнивание возрастов по элитным группам. Традиционные партийно-государственные структуры помолодели. А вот относительно демократически избранный парламент стал старше на 3 года. При Ельцине наблюдаются дальнейшие сдвиги в возрастной структуре элиты. Правительство и регионалы стали моложе почти на десять лет, в то время как парламент постарел на шесть. Феномен парламентского старения нами объясняется лишь как искусственное его омоложение в брежневский период. Прекращение квотирования по возрасту освободило высшую законодательную власть страны как от комсомольцев, так и от обязательного представительства молодых рабочих и колхозников.

Последние выборы показали, что наиболее подходящий средний возраст для государственной работы — 46 лет.

Некоторые исследователи престижа профессий считают одним из его важных показателей долю женщин в профессиональной группе: чем больше женщин в группе, тем ниже ее престиж. Наиболее престижны в обществе «мужские» профессии. Элита в этом плане не исключение. Эта самая престижная группа общества во все времена и во всех странах была представлена мужчинами. Женщины здесь исключения, которые можно пересчитать по пальцам.

Истинный переворот в этом показателе произошел в постперестречный период. Ельцин приближает к себе молодых, блестяще образованных московских политиков, экономистов, юристов. Доля сельчан в его окружении падает почти в 5 раз. Даже среди региональных руководителей (самой близкой к селу группы) доля сельчан меньше в 2 раза. В целом доля выходцев из села упала за последние 10 лет в 2,5 раза (табл. 18).

Таблица 18

**Выходцы из сельской местности в элите
(в процентах к численности группы по столбцу)**

Когорты	Высшее руководство	Партий-ная элита	Парла-ментская элита	Прави-тельство	Реги-ональная элита	Бизнес-элита	В целом
Брежневская	57,7	59,2	нет инф.	45,6	66,7	нет	57,3
Горбачевская	48,6	48,5	55,7	нет инф.	65,6	нет	54,6
Ельцинская	12,5	22,9	нет инф.	22,9	33,8	22,0	22,8

Можно сказать, что теперь страной правит группа людей, отличающаяся совершенно другой ментальностью от прежних руководителей прежде всего потому, что их социализация происходила в иных условиях.

Элита всегда была одной из самых образованных групп общества. Даже в брежневские времена, когда элита происходила из низов общества, доля тех, кто имел высшее образование, была близка к 100 % (см. табл. 19). Резкий скачок образовательного ценза элиты происходит при Ельцине. Практически во всех субэлитных группах процент либо равняется, либо приближается к 100. Характерно, что последние выборы в Федеральное собрание 1993 года продемонстрировали приверженность российского избирателя к образованным людям. За период с 1989 (год первых демократических выборов) по 1994 год наблюдалась тенденция голосовать не за рабочих и крестьян, а за представителей высокообразованных слоев.

Таблица 19

**Лица, имеющие высшее образование в элите
(в процентах к численности группы по столбцу)**

Когорты	Высшее руководство	Партийная элита	Парламентская элита	Правительство	Региональная элита	Бизнес-элита	В целом
Брежневская	100,0	92,6	51,3	100,0	100,0	нет	88,8
Горбачевская	88,6	74,4	67,9	нет инф.	100,0	нет	84,1
Ельцинская	100,0	100,0	94,0	100,0	97,1	93,0	97,4

Кардинальное изменение происходит при Ельцине. В этот период к руководству страной привлекаются лучшие умы. В состав ближайшего окружения Ельцина входят известные ученые, общественные деятели. Президентская команда на 2/3 состоит из докторов наук. Высок также процент имеющих ученую степень в правительстве и среди лидеров партий. Отсюда можно сделать вывод: власть стала более интеллектуальной.

Изменения затронули не только уровень образования элиты, но и характер образования. Брежневская элита была технократической. Подавляющее большинство руководителей партии и государства 80-х годов имели инженерное, военное или сельскохозяйственное образование. Причем 2/3 брежневской когорты заканчивали провинциальные политехнические вузы. При Горбачеве процент технократов снижается, но не за счет прироста числа гуманитариев, а за счет роста доли партократов (имеющих высшее политическое или партийное образование). И наконец, резкое снижение удельного веса лиц, получивших техническое образование, мы видим при Ельцине. Причем это происходит на фоне всей образовательной системы: в России по-прежнему 70 % вузов имеют технический профиль.

Падение доли технократов в 90-е годы сопровождалось ростом гуманитариев и особенно тех, кто получил высшее экономическое или юридическое образование.

При Брежневе практически невозможно было войти в элиту, минуя номенклатурную лестницу или перескакивая через ступени иерархии.

В постперестроечный период неноменклатурный путь наверх открылся практически для всех субэлитных групп. Половина всех лидеров партий, 59 % новых бизнесменов, треть депутатов, четверть президентской команды и правительства никогда в прошлом не были в составе номенклатуры. Наиболее традиционным путем рекрутировалась региональная элита, где лишь 17 % свободны от номенклатурного прошлого.

Среди тех представителей ельцинской когорты, кто имел номенклатурное прошлое, пребывание в номенклатуре составляет в среднем 11,5 лет (для членов правительства — в среднем 10 лет, высшего руководства администрации Президента — в среднем 10 лет, для региональной элиты — 14,5 лет).

Основой группы «старых номенклатурщиков» являются работники административно-советских аппаратов. Начало этой тенденции было положено политикой Горбачева и возрожденным им лозунгом «Вся власть Советам!». Власть, действительно, переходила от партийных структур к советским. Особенно эта тенденция проявилась на региональном уровне, где весьма часто в местном истеблишменте происходила следующая цепочка перестановок (или переименований): первый секретарь ОК КПСС — председатель местного Совета (или Исполкома) — глава администрации.

Таблица 20

Рекрутирование ельцинской когорты из отраслевых субэлит старой номенклатуры, %

Виды номенклатуры	Высшее руководство	Партийная элита	Правительство	Региональная элита	Бизнес-элита	В целом
Всего из номенклатуры,	75,0	57,1	74,3	82,3	61,0	69,9
в том числе:						
из партийной	21,2	65	0	17,8	13,1	23,4
из комсомольской	0	5,0	0	1,8	37,7	8,9
из советской	63,6	25,0	26,9	78,6	3,3	39,5
из хозяйственной	9,1	5,0	42,3	0	37,7	18,8
из другой	6,1	10,0	30,8	0	8,2	11,0

Как видно из табл. 20¹, у разных субэлитных групп были весьма различные источники пополнения. Региональная и президентская субэлиты формировались за счет чиновников советских аппаратов или депутатов. Но этот путь совсем не свойствен бизнес-элите, которая черпала свои кадры преимущественно из комсомола. Правительство профессионализировалось, активно воспроизводясь из кадров хозяйственников, дипломатов и «силовиков».

Высшие эшелоны номенклатуры, безусловно, не были основной базой для старта в нынешнее руководство. Лишь треть лидеров партий и четверть членов президентского окружения занимали высокие посты в прежних структурах власти. Основным глаштаром движения наверх были второй и третий ранги номенклатуры (табл. 21)².

Таблица 21

**Рекрутирование ельцинской когорты
из высшего слоя старой номенклатуры, %**

Виды номенклатуры	Высшее руководство	Партийная элита	Правительство	Региональная элита	Бизнес-элита	В целом
Всего из номенклатуры,	75,0	57,1	74,3	82,3	61,0	69,9
в том числе из высшей номенклатуры	24,2	35,0	15,4	8,9	5,0	17,7

Таким образом, основываясь на приведенных данных, следует согласиться с выводом о том, что «как бы то ни было, основная часть прежней элиты после падения коммунизма сумела не только сохранить свои позиции, но и укрепить их за счет соединения в своих руках власти и собственности. Как ни парадоксально, прежняя элита выиграла от падения коммунизма гораздо больше, чем значительная часть общества»³.

Нашему обществу явно недостаточно, чтобы новая элита была просто лучше старой. Для того, чтобы руководить тяжелейшим процессом выхода страны из глубочайшего экономического и социального кризиса, спасения и развития ее культуры, нужны поистине незаурядные люди, обладающие по меньшей мере такими качествами, как честность и компетентность, благородие и дальновидность. Стране нужна элита, способная отстаивать интересы страны.

Говорить о наличии в нынешнем российском обществе «нормальной» политической элиты сегодня преждевременно. Скорее можно

¹ См.: Крыштановская О. В. Цит. соч.

² Там же.

³ Шевцова Л. Д. Дilemma посткоммунистического общества // Полис. 1996, № 5. С. 80.

говорить оprotoэлитном образовании, крайне неоднородном по своему составу с точки зрения социально-политического происхождения, компетентности, профессиональных качеств и идеологических ориентаций, включающем в себя как перешедших на сторону нового режима из карьерных соображений представителей номенклатуры, так и демократов-романтиков времен перестройки, а также теоретиков из академических кругов.

Оценивая первые результаты смены элит, авторы большого исследования, проведенного ВЦИОМ, отмечали, что, с одной стороны, «масштабы изменений в составе элиты в начале 90-х годов, наверное, можно сравнить лишь с 30-ми годами. Около трети правящей элиты образца 1993 г. состояли в номенклатуре в 1988 г., а две трети пришли с предноменклатурных должностей — заместителей руководителей, начальников подразделений в министерствах, ведомствах, на предприятиях и т. п.», а с другой, — эта «революция заместителей» сохранила преемственную связь с прежней элитой: «Придя к власти, они хотя и принесли «новый взгляд» на вещи, но вместе с тем в существенной мере способствовали сохранению и воспроизведству «номенклатурных связей»¹.

Еще в большей мере указанные проблемы просматриваются на региональном уровне. По данным Е. В. Охотского, общая картина преемственности элит выглядит так²:

Таблица 22

Преемственность политической элиты

Область, край	Всего глав администраций	Среди них представителей бывшей партноменклатуры	
Ростовская	54	28	51,9 %
Липецкая	27	11	46,7 %
Воронежская	33	25	75,8 %
Белгородская	27	21	77,8 %
Ставропольский	33	21	63,6 %
Краснодарский	58	32	55,2 %

Об этом свидетельствуют и наши данные (см. табл. 23, 24).

¹ Головачев Б., Косова Л., Хазудилина Л. «Новая» российская элита: старые игроки на новом поле //Сегодня. 1996, 16 февр.

² Охотский Е.В. Политическая элита. М., 1993. С. 55.

Таблица 23¹

Политико-административная элита Ростовской области (1995), %

Характеристики	Всего	В т. ч. жен- щин	Образование		Профессиональное образование				Дополни- тельное образование		Возраст				Предшествующая работа		
			выс- ше- е	уче- ная степень	инже- нерно- технич.	сель- ско- хоз.	гума- нитар- ное	про- че- е	закон- чил	учится	31—40	41—50	51—60	свыше 60	парт. полит. и со- вет- ская	хоз- яйст- венная	пре- пола- ватель- ская
Категории																	
Руководители администрации области (включая руководителей областных структур)	100	6,5	100	3,2	48,4	3,2	29,0	19,4	9,7	3,2	19,7	54,8	29,0	6,5	48,4	16,1	6,5
Главы администраций городов и районов области	100	4,8	100	3,2	57,1	30,2	6,3	6,3	33,3	30,2	11,1	69,1	22,1	—	65,1	30,2	1,6
ИТОГО: (среднесзвешенное)	100	5,3	100	3,2	54,3	21,3	13,9	10,5	22,3	20,3	10,6	61,17	24,5	3,2	59,6	25,5	3,2

¹ Данные центра документации новейшей истории Ростовской области, фонд — 9, опись — 107, дело — 87.

*Преемственность региональной политико-административной
элиты (на примере Ростовской области)*

Таблица 24¹

**Партийная элита Ростовской области
(1985 и 1990 гг.), %**

Категории	Год	Всего	В т. ч. женщин	Имеют высшее образо- вание	Имеют высшее образование			Имеют высшее парт. полит. образ. или учатся в партишколе	По возрасту		
					инженерн.-техн. и сельскохоз.	гуманитар- ное	ученая степень		31 — 40	41 — 50	51 — 60
Обком партии (секретари, зав. отделами обкома партии)	1985	100	4,8	100	76,2	23,8	14,3	85,7	52,4	47,7	42,8 58,3
	1990	100	8,3	100	75	25	33,3	83,3	—		
Первые секретари горкомов и райкомов партии	1985	100	8,7	100	91,3	8,7	11,6	87	20,3	41,4	63,8 51,4
	1988	100	5,7	100	98,6	1,4	4,3 1,6	77,1	29,9	57,4	7,2
		100	4,9	100	88,5	11,5		96,7			13,1
Итого: (средневзвешенное)		100	6,4	100	99,6	9,4	8,2	86,3	26,6	56,2	17,2

¹ Данные центра документации новейшей истории Ростовской области, фонд — 9, опись — 107, дело — 87.

Описывая структуру современной политico-административной элиты России, отмечая этап относительной ее стабилизации, «утрамбованности», мы не должны забывать, что изнутри элита остается гораздо более неоднородной и дифференцированной, нежели ранее.

Все это проявляется в существовании различных крупных группировок в политической и отчасти в политico-административной элите, но более явно просматривается в типологии региональных элит. По вопросу выделения типов элит есть различные, но достаточно близкие точки зрения. Например, О. Гаман в качестве основания типологии выделяет отношение элит к осуществлению модернизации в России. И с этой точки зрения говорит о либеральном, неоконсервативном и социалистическом типах модернизаторских элит. «Сфера влияния лидеров либерального направления стали промышленно развитые северные и восточные районы РФ, крупные мегаполисы — Москва, Санкт-Петербург, Н. Новгород. Территории среднего уровня развития и преимущественно аграрного профиля Юга и Центра России (Орловская, Белгородская области и ряд других), для которых характерны традиционно консервативные установки, стали социальной базой политиков неоконсервативной ориентации. В регионах, сочетающих высокий уровень промышленного развития и современный агрокомплекс, руководство стремится выработать линию, равноудаленную от крайностей радикальных модернизационных проектов (Ростовская область, Краснодарский край, Алтай). К модернизации социалистического типа тяготеет Ульяновская область¹. В близкой к этой классификации Д. В. Бадовского и А. Ю. Шутова² говорится о патриархально-консервативной модернизации и практическом типах регионов и соответствующих элит.

Что касается внутреннего самоощущения элиты, то ее характеризуют следующие данные, полученные при опросе высшего административного персонала Ростовской области (респонденты при ответах могли осуществить выбор нескольких позиций) (табл. 25):

Таблица 25

Кому, на ваш взгляд, сегодня реально принадлежит власть в регионе, %

74	— главе областной администрации;
21,8	— коррумпированной части аппарата управления;
21,0	— богатым людям, коммерсантам, банкирам;
18,5	— мафии, криминальным структурам;
12,6	— прежней партноменклатуре;
10,9	— областному законодательному собранию;
10,9	— руководителям крупных госпредприятий и их лобби;
3,4	— представителю Президента РФ в области;
2,5	— отдельным политическим партиям и общественным движениям.

¹ Гаман О. Региональные элиты в постсоветской России // Российская Федерация, 1995, № 10, С. 53.

² См.: Бадовский Д. В. Шутов А. Ю. Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Кентавр. 1995, № 6, С. 21.

Значительный интерес представляют оценки ростовской политико-административной элитой факторов, влияющих на прочность пребывания в высших эшелонах власти (табл. 26).

Таблица 26

Какие факторы в ближайшем будущем будут определять прочность пребывания в высших эшелонах власти, %

Фактор	Большое значение	Среднее значение	Никакого значения
Престижное образование	14,3	54,6	25,1
Социальное происхождение	7,6	39,5	44,5
Богатство, деньги	32,8	43,7	18,5
Профессионализм	38,6	23,5	4,9
Национальность	16,8	41,2	35,3
Лояльность политическому режиму	33,0	46,2	13,4
Умение поддерживать неформальные отношения с людьми	68,9	19,3	4,2
Умение упаливать, выражать и защищать интересы людей	64,4	15,1	13,4

Полученные данные свидетельствуют о глубокой преемственности новой политической элиты канонам политического управления номенклатурной системы в кадровых, стилевых профессиональных компонентах (при разрыве с прежней системой ценностей).

В восприятии населением складывается не менее глубокое отчуждение по отношению к властным структурам, нежели прежде¹.

Как показывают исследования, проведенные в 1995 — 1996 гг.², ростовская региональная элита вполне реалистически представляет отношение населения к ее деятельности, полагая, что эта деятельность оценивается низко. Так полагают более 50 % опрошенных представителей областной

¹ Об этом свидетельствуют и данные наших социологических исследований (см. А. В. Понеделков. Элита. Ростов н/Д. С. 268 — 277) и данные ряда других исследований (см., например, «Партийно-политические элиты и избирательные процессы в России». М., 1996. С. 62 — 64).

² См.: Понеделков А. В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов н/Д, 1995. С. 179 — 180.

элиты. Немногим более 40 % считают, что если деятельность властей и одобряется, то только отчасти. Лишь 8 % полагают, что общественностью их деятельность поддерживается.

Что касается самого населения, то исследования 1995 — 1996 гг., проведенные более чем в 20 городах и районах Юга России, показали, что на вопрос: «Удовлетворены ли Вы деятельностью местных органов власти?» — ответили: вполне удовлетворены — 5,8 %, в основном удовлетворены — 13,2 %, частично не удовлетворены — 19,06 %, не удовлетворены — 45,4 %, затруднились ответить — 16,5 %. В целом 38,06 % в своем отношении к деятельности местных органов власти стоят на лояльных позициях. Такое положение позволяет говорить о равновесии в регионе. В то же время численность неудовлетворенных (45,4 %) велика и может быть серьезным дестабилизирующим фактором.

Что касается внутреннего самоощущения региональной элиты, то в условиях общегосударственной нестабильности доминантой становится своеобразная амбивалентность: с одной стороны, потребность и ожидание появления сильной политической вертикали, с другой, — желание сосредоточить все больше властных полномочий в регионе.

Понимая, что современная политическая ситуация в России обладает всеми признаками переходного периода и, следовательно, новая политическая элита в полном смысле этого понятия пока не сформировалась в какой-то устойчивый тип, мы тем не менее, анализируя функционально-деятельностные ее проявления, можем уловить общую тенденцию развития политической элиты.

На волне требований снизу, идущих от неэлиты, складывается спрос на социально-представительские формы организации политической жизни и социального управления. Сверху — из центра властвующей элиты и из центров контрэлиты формируются разные версии программно-целевого политического управления, которые в любом случае чреваты той или другой формой авторитаризма.

Значительное место в формировании и функционировании региональной и местной элиты занимают ее взаимоотношения с бизнес-элитой, высшим слоем предпринимательских кругов.

Это два новых центра влияния: политические и экономические элиты новой России.

Есть поэтому смысл более подробно рассматривать особенности и позиции бизнес-элиты и ее взаимоотношения с политической элитой.

Исследование по программе Северо-Кавказской академии государственной службы «Управление социальными процессами» местной бизнес-элиты в 1997 г. в г. Ростове-на-Дону представило такой материал. Было опрошено около 60 представителей бизнес-элиты: директоров акционерных обществ и крупных предприятий, малых предприятий и лиц, занимающихся ИТД. Средний возраст региональной бизнес-элиты — 45 лет. Средний срок пребывания в бизнес-слое — 5 лет. Элита представлена на 75 %

мужчинами и на 92 % русскими. Свыше 80 % имеют высшее (по преимуществу — техническое) образование, около 20 % — среднее специальное образование, 32 % — выходцы из рабочих; 52 % — из служащих.

В данном опросе отражена позиция бизнес-слоя, в основном представленного бизнес-элитой (поскольку 61 % опрошенных — это директора малых предприятий, руководители акционерных обществ или их филиалов г. Ростова и Ростовской области). Оценочно бизнес-слой в регионе составляет около 200 тыс. человек, а элитная его часть — 30 тыс. человек. Мы рассматривали данный опрос как экспертный. Сфера деятельности опрошенных соответствуют пропорциям экономической деятельности в регионе. Так, 44,1 % респондентов представляют промышленные, строительные, сельскохозяйственные предприятия, 6,8 % — транспорт и связь, 8,5 % — бытовые услуги. Более половины, наряду с основным профилем, включены в торгово-коммерческие операции.

Судя по самоотчетам, значительная часть бизнес-элиты региона приобрела свой новый статус, не проходя через номенклатурную систему. 42,4 % опрошенных приобрели серьезный управленческий опыт, лишь попав в предпринимательскую среду. По всей видимости, костяк региональной бизнес-элиты составила, наряду с прежним управленческим звеном, инженерно-техническая интеллигенция. Лишь немногим более 25 % приобрели свой управленческий опыт на административной и партийно-советской работе. Правда, экспертная оценка показывает, что самую верхушку региональной бизнес-элиты как раз и образуют бывшие представители номенклатуры, прошедшие школу партийно-советской работы, и выходцы из директорского корпуса. Полное представление по данной позиции дает табл. 27.

Таблица 27

В какой сфере Вы получили наиболее серьезный опыт организационно-управленческой деятельности, %:

1	В той, в которой работаете сейчас	22,4
2	В промышленности, с/х	38,8
3	Торговле, снабжении	12,3
4	На комсомольской, партийной работе	16,8
5	На административной работе в госучреждениях	16,1
6	В органах Советской власти	3,6

Что касается оценок перспектив дальнейшей деятельности, то позиция элиты предпринимателей сейчас несущественно отличается от оценок населения и административной элиты. Многолетний экономический кризис, периодические финансовые потрясения, а в последнее время — быстрое угасание конъюнктуры и платежеспособного спроса создают обстановку напряженности в предпринимательской элите. Лишь каждый седьмой опрошенный демонстрирует нацеленность на перспективу и уверенность в будущем. Что касается значительного большинства, то их настроение демонстрирует табл. 28.

Таблица 28

**Каковы, на Ваш взгляд, ближайшие перспективы
Вашей деятельности, %?**

1	Мы можем оказаться в ближайшие месяцы в ситуации смены «правил игры», так что трудно говорить о перспективах	35,6
2	Дела складываются не слишком хорошо, дай бог, продержаться «на плаву», сохранить дело	35,6
3	У меня большие планы и я считаю, что имеются все возможности их реализовать	13,6
4	Хотел бы серьезно заняться своим здоровьем	6,8
5	Планирую сменить вид деятельности и заняться (административной, производственной, преподавательской) работой	5,1

Что же более всего в окружающем социально-экономическом фоне заботит бизнес-элиту?

До 2/3 ее представителей значительно встревожено состоянием социальных отношений, обнищанием людей. Со всей очевидностью в умах бизнес-элиты складывается ощущение зависимости эффективности предпринимательской деятельности от улучшения дел в обществе. Общее распределение ответов представлено в табл. 29.

Таблица 29

**Укажите, пожалуйста, решение каких проблем
в Вашем регионе является сегодня наиболее важным, %:**

1	Преодоление социальной напряженности и обеспечение стабильности в регионе	45,8
2	Социальная защита малообеспеченных слоев населения	16,9
3	Развитие местного самоуправления	16,9
4	Развитие многообразных форм собственности	15,3
5	Борьба с коррупцией	11,9
6	Решение экологических проблем	6,8
7	Борьба с преступностью	6,8

В приоритетах, нацеливающих деятельность предпринимателей, «забота о людях», «интересы общества» не занимают явно ведущих позиций. В этом плане позиции бизнес-элиты отличаются от других слоев. Они более личностно-ориентированы и связаны со становлением нового общества, ориентированы на ценности свободы и демократии. Это подтверждает и политическая позиция элиты. Среди ее представителей около 68 %, по их высказываниям, проголосовали за Б. Ельцина и менее 14 % — за Г. Зюганова, в то время как население нашей области в основной своей массе проголосовало, почти равномерно отдавая свои голоса. Личностные ценностные установки бизнес-элиты характеризует табл. 30.

Таблица 30

**Ниже приведено пять утверждений.
Выберите одно из них, которое в наибольшей степени
соответствует Вашим убеждениям, %:**

1	Для меня самое главное — возможность полностью реализовать свой творческий потенциал, интерес к своему делу	37,3
2	Главное для меня обеспечить благополучие своей семьи и близких мне людей	35,6
3	Для меня главное — достичь признания и уважения людей	18,6
4	Хочется быть независимым человеком, и я вижу единственный путь к этому в своем деле	18,6

Если же и бизнес-элита, оценивая социальный фон, приходит к выводу о его неудовлетворительном состоянии, то это свидетельствует в пользу назревшей необходимости корректировки экономического курса.

Это тем более существенно, потому что, оценивая состояние социального управления, бизнес-элита подчеркивает, что абсолютным держателем властных полномочий является административная элита и, прежде всего, глава администрации (так полагают 42 % респондентов).

Тем не менее власть не в состоянии улучшить положение, которое стихийным образом ухудшается, несмотря ни на что.

Впрочем, здесь мы касаемся уже нового сюжета: о взаимоотношениях бизнес-элиты с административно-политической элитой. Об этом речь пойдет далее.

Анализ взаимоотношений бизнес-элиты и политической элиты современной России имеет многоаспектный характер. Основные оценки относятся к взглядам бизнес-элиты на политику вообще и государственную в частности, отношение к эффективности государственной службы, отношение политической элиты к предпринимательскому слою.

Основываясь на материалах, характеризующих высший уровень элит¹, а также на собственных материалах, относящихся к региональному уровню, остановимся более детально на указанных проблемах.

Исследование показало, что бизнесмены, признающие необходимость политических движений, склонны на словах придерживаться ценностей политической жизни, но не проявляют интереса к обсуждению политической ситуации в России и ее развития в будущем. Четверть респондентов считают, что в настоящее время Россия больше нуждается в сильном лидере, нежели в демократической власти.

Иными словами, восприятие бизнес-элитой политической и административно-государственной деятельности строится через проекцию на политику собственной деятельности. Весьма сомнительно ожидать от бизнесменов их включения в политику и способности длительно удерживаться в роли лидеров политических движений. Политическая деятельность строится на других психологических основаниях и требует других типов лидерства. Более реально ожидать, что лидером политического движения бизнесменов станет человек, не занимающийся бизнесом, но представляющий эту деятельность изнутри.

Различие миров бизнеса и политики точно подмечено Ириной Хакамада. «Мир политики в России противостоит миру частного бизнеса, к моему большому удивлению и сожалению. В предпринимательской элите я чувствую себя более комфортно. Все, кто действительно занимаются бизнесом и добились успеха, были в равных стартовых возможностях и одновременно вошли в элиту. Среди них отсутствуют лоббизм и теневая иерархия.

¹ См.: Микульский К., Бабаева Л., Чиркова А. Бизнес-элита. Фрагменты социального портрета // Сегодня. 1996, 14 февраля.

Предприниматели в своем кругу более демократичны и открыты для общения. Закрыты источники их средств и методы достижения прибыли, а в остальном они доступны. Политическая элита формируется из достаточно разнородных элементов, которые пришли в разное время и используют абсолютно разные связи. И сейчас эта элита — не новая демократическая, к сожалению. Корни у нее в бывшей государственной номенклатуре, она из прошлого, поэтому я себя там чувствую отчужденно. Там нет демократии, тяжелоается общение, много снобизма. Чтобы заявить о себе среди этих людей, требуется серьезный потенциал. У политиков, на первый взгляд, более высокий уровень культуры, они более воспитаны, но за этой воспитанностью много подводных течений. Там трудно прямо держать спину...».¹

Переход из одного «пространства жизни» в другое сложен потому, что российские бизнесмены не просто работают, они живут в бизнесе. А это порождает свои нормы, ценности, привычки, идеалы, пристрастия, среди которых немаловажную роль играют естественность; внутренний комфорт, самоуважение и т. д. При переходе в политику требуется смена этих норм и ценностей. На это не каждый способен, а главное, многие не видят в этом смысла для себя. Поэтому в политику легче заглянуть, чем в ней удержаться.

Ситуация могла бы быть смягчена, если бы политическое движение в России пользовалось авторитетом у бизнесменов. Однако уровень авторитетности действующих политических партий невелик. Бизнесмены склонны ориентироваться не на партии, а на политических лидеров. К. Боровой, лидер Партии экономической свободы, на вопрос, какие из политических партий в России представляются ему способными разрешить сложную российскую ситуацию, ответил: «Я никак бы не связывал это с политическими партиями. Это — лидеры, личности. Пример Шахрай, Явлинского показывает, как они быстро могут объединить любые политические силы...».

К тому же бизнес требует такого напряжения, что порождает установку на минимизацию усилий: «Я предпочитаю работать с профессионалами, которым не надо разъяснять примитивных вещей».

Таким образом, не просто «наполеоновский комплекс» и индивидуализм мешают бизнес-элите совершить прорыв в политическое пространство России. Модель политических партий, однородно представленных теми или иными профессиональными группами, незэффективна для России. Более продуктивны смешанные партии, где интегрируются разные возможности. Наиболее устойчивы, по всей видимости, объединения власти и бизнес-элиты.

Обращаясь к материалам нашего исследования, характеризующего отношение бизнес-элиты к административно-политической элите на

¹ 40 историй успеха. М., 1994. С. 138.

местном уровне, отметим, что при всей его критичности, оно достаточно объективно. В ряде социологических исследований было показано, что чем более информированы респонденты о деятельности административной элиты, тем более реалистично оценивали ее действия. В оценках меньше эмоций и крайностей, да и строятся они в иной системе координат: ресурсы — результаты.

Что касается бизнес-элиты, то даже не обладая всей полнотой информации, она в состоянии более или менее объективно оценить деятельность государственно-административных органов с точки зрения управленческих стандартов. В табл. 31 приводятся эти оценки.

Таблица 31

Считаете ли Вы, что в деятельности представителей местной администрации характерны такие черты, как, %:

1	Неорганизованность и отсутствие контроля	23,3
2	Ориентация на перспективу	22
3	Бездушие и волокита	20,3
4	Эффективное и своевременное решение текущих проблем	13,6
5	Забота и внимание к людям	10,2

А следующие данные позволяют соотнести с этими оценками их возможные основания (табл. 32).

Таблица 32

Какие причины мешают эффективной работе местных органов власти, %:

1	Отсутствие необходимой материальной базы и финансовых средств	24
2	Недостаточное число компетентных, профессионально подготовленных кадров	27,1
3	Бюрократизация органов власти	18,6
4	Отсутствие должных прав	5,2
5	Коррупция	25,1

Отсюда вытекает вполне обоснованная цепь рекомендаций, приоритеты среди которых отводятся трем основным управленческим факторам: ответственность, кадры, контроль (табл. 33).

Таблица 33

Какие меры, по Вашему мнению, следует предпринять для повышения действенности местных властей, %:

1	Ввести обязательную личную ответственность госслужащих всех рангов за невыполнение своих служебных поручений	42,4
2	Улучшить отбор административных кадров, сделав упор на профессиональную компетентность и деловитость	37,3
3	Ввести контроль за деятельностью властей с правом приостановления решений	22
4	Передать власть органам местного самоуправления	10,2
5	Заменить первых руководителей	8,5
6	Провести самые жесткие акции против организованной преступности	6,8

В заключение отметим, что проблема взаимоотношений бизнес-элиты и административной элиты только обозначена. Но и из приведенных материалов следует, что бизнес-элита политически не монолитна и ориентирована на различные политические стратегии. Но при всем при том достаточно реалистически оценивает и проводимую политику, и эффективность управления. Ее оценки и рекомендации, взятые в качестве экспертизы, являются ценным материалом для совершенствования административно-управленческой деятельности.

Заключая главу, заметим, что мы акцентировали внимание на тенденциях, касающихся целостного видения политической элиты России и регионального ее уровня. Эти положения, конечно, базируются на обобщении значительного массива эмпирических исследований. Он описан уже в ряде публикаций. Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что эти материалы обозначают фронт новых проблем в развитии политических элит. Это следующие проблемы:

А. «Смещение» основных функций современной российской политико-административной элиты из Центра в регионы. Этот процесс идет, то ускоряясь, то замедляясь, но он существует;

Б. Противоречия внутри правящей элиты, в том числе и на региональном уровне. Можно сказать о том, что внутри элиты имеются группы

с различной стратегической ориентацией и разного уровня сплоченности (неявные и явные);

В. Взаимодействие элиты с контрэлитой, а точнее, взаимодействие различных фрагментов контрэлиты с соответствующими (близкими по скрытой ориентации) группами правящей элиты. В случае формирования правительства национального согласия эти связи перейдут из неявных в явные формы;

Г. Проблема типологии региональных элит. При наличии нескольких ведущих типов региональных элит (например, пропрезидентских, около-президентских, оппозиционно-президентских и т.п.) в них еще есть и некоторая внутренняя динамика, когда одни развиваются динамичнее, другие медленнее, но так или иначе выливаясь в общую динамику социально-политического развития России.

Указанные проблемы находятся в центре внимания современных политико-элитологических исследований в России.

ЛИТЕРАТУРА

- Авторханов А. Технология власти. М., 1991.
- Ашин Г. К. Элитология. Смена и рекрутирование элит. М., 1990.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Восленский М. С. Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- Гаман-Голутвина О. В. Политические элиты России. М., 1998.
- Джилас М. Лицо тоталитаризма. М., 1992.
- Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.
- Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI вв. М., 1982.
- Кислицын С. А. Большевистская элита 20 — 30-х гг. Ростов н/Д, 1995.
- Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизм и действие //Вопросы истории. 1993, № 7.
- Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту //Общественные науки и современность. 1995, № 1.
- Магомедов А. Политические элиты российской провинции //Мировая экономика и международные отношения. 1994, № 4.
- Охотский Е. В. Политическая элита и российская действительность. М., 1996.
- Понеделков А. В. Элита. Ростов н/Д, 1995.
- Теория и история административно-политических элит России. Ростов н/Д, 1996.
- История России в вопросах и ответах. Ростов н/Д, 1999. С. 400 — 403.

ВОПРОСЫ ДЛЯ ПОВТОРЕНИЯ

1. Какие особенности политических элит имеют тенденцию к воспроизволству в разные исторические эпохи?
2. На какие факторы, оказавшие влияние на формирование коммунистической элиты в России, вы можете указать?
3. Что представляет из себя номенклатурная система и как она складывалась?
4. Какие факторы имели наибольшее значение в рекрутовании постсоветской элиты?
5. В чем особенности российских региональных элит и основные источники их рекрутования?

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы назвали свой курс «Основы политической элитологии». Видимо, можно было бы дать название: «Элитология для России», поскольку элитологические традиции в России, заложенные идеями В. О. Ключевского, Н. А. Бердяева и других русских мыслителей, были надолго прерваны доминированием эгалитаристской доктрины, основанной на классовом подходе. Ныне элитизм в российской теории и практике политического управления постепенно возрождается и можно взглянуть на реалии политического управления с новой для нас точки зрения. Но есть элитизм и «элитизм». Эта проблема сейчас наиболее актуальна для России.

Современная российская действительность заставляет обратиться к вопросу: являются ли многочисленные трудности постсоветского периода — беспрецедентный спад экономики, приведший к сокращению более чем вдвое ВВП, внутриполитические и внешнеполитические провалы, неровный, «рваный» политический курс, деградация многих сфер духовной жизни — результатом действия объективных причин, неотвратимых факторов переходного периода, так сказать, платой за искупление тоталитарных грехов, или же это — во многом результат действия субъективных факторов и, прежде всего, низкого качества правящей элиты? И не прав ли был У. Черчилль, который однажды заметил, что русские удивительный народ: они сначала создают себе огромные трудности, а потом героически их преодолевают.

Конечно, о качестве элиты проще всего судить по результатам ее управленийкой деятельности. Но для достаточно полной оценки качества элиты важны и субъективные критерии — ее нравственный, культурный, образовательный уровень, ее квалификация, а также такой существенный критерий, как отношение к ней населения. Тогда мы получим и ответ на вопрос о том, насколько легитимно правление этой элиты. С этой точки зрения качество отечественной элиты весьма невысоко. О низком рейтинге политической элиты России свидетельствуют проводимые в последние годы опросы общественного мнения. Известно, что на общественное мнение оказывают влияние средства массовой информации, журналисты, публицисты, политические обозреватели, наконец, профессиональные политологи, не говоря уже о политических деятелях.

Уместно вспомнить рекомендации Зигмунда Фрейда обращать внимание на расхожие выражения, поговорки и, особенно, оговорки, которые, может быть, наиболее рельефно высвечивают состояние индивидуального и массового сознания. Если обратиться к нынешней

политической риторике, политической журналистике, к политологии, какие характерные высказывания являются наиболее распространеными, чьи цитаты наиболее популярны, чаще всего встречаются?

Охотно цитируются слова Гоголя о плохих дорогах и дураках как причине российских бед. Собственно, дураков в нашей стране отнюдь не больше (пропорционально населению), чем в других странах. Плохо другое — непропорционально велик процент людей с невысокой политической культурой именно в эшелонах власти. Слишком долго — на протяжении многих десятилетий — шла селекция элит, ориентированных на исполнительность и дисциплину, но не на самостоятельность и инициативу.

Если бы З. Фрейд был жив, он, несомненно, ввел бы в свои сочинения об ошибочных действиях, оговорках, описках известное изречение одного из высших руководителей России о том, что представители элиты «хотели, как лучше, а получилось, как всегда», его цитирование постоянно присутствует при попытках объяснить очередные благоглупости властей предержащих.

Часто цитируют также слова наполеоновского министра внутренних дел Фуше: «Это хуже, чем преступление, это — ошибка». Действительно, слова эти вспоминаются в связи с действиями, вовинуший аморализм которых сравним с некомпетентностью людей, их совершающих. Достаточно сослаться на позорную и бессмысленную чеченскую войну. Впрочем, тот же Фрейд не без основания отмечал, что нельзя всю вину за развязывание войны перекладывать на одну элиту. В период первой мировой войны он писал: «Вы действительно думаете, что кучке бессвестных карьеристов и соблазнителей удалось бы сделать столько зла, если бы миллионы идущих за вожаками не были соучастниками преступления?»¹.

Тем не менее еще раз повторим, что качество политики во многом определяется качеством элиты, ее квалификацией и особенно ее моральным уровнем. Тогда возникает вопрос о том, можно ли считать качество элиты результатом стихийного политического процесса или же создание элиты заслуг, меритократии, квалифицированной элиты — это процесс управляемый, на который можно повлиять? Ответы на эти вопросы необходимо искать не только с помощью обыденного опыта и здравого смысла, но с опорой на науку — элитологию, которую можно назвать наукой XX и XXI веков. Исследуя пути повышения качества элиты, элитологи обычно указывают на такие, как смена старой элиты, исчерпавшей себя, деградировавшей, неспособной вписаться в новые социально-политические реалии, как внутренняя трансформация элиты, расширение ее социальной базы, масштабные персональные изменения в элите, изменение способов и типов рекрутования элиты, элитное образование как способ повышения этого качества.

¹ Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989. С. 91.

Резюмируя сказанное, подчеркнем, что в современном обществе демократическая элита, включающая в свой состав различные субэлиты, не может быть закрытой аристократической кастой и тем более кликой. Она должна быть открытой, мобильной, постоянно обновляющейся. В противном случае ее ждут разложение, упадок и вырождение как следствие бюрократизма, коррупции и других гибельных для элиты явлений.

Новая элита должна быть заинтересована в стабильности общества и его поступательном развитии, она должна преодолеть зародившийся еще в индустриальную эпоху «технократический комплекс» веры в непогрешимость собственного знания, пренебрежительного отношения к ценностям национальной культуры, якобы полностью закрытой для модернизации. Только такая элита будет добиваться взаимопонимания политических сил, гражданского мира, развития местного самоуправления, постоянно стремиться к достижению новых практических результатов. В противном случае нельзя исключить новые социально-политические потрясения, откаты назад.

Новая элита должна стать элитой заслуг (меритократией), элитой ответственности, а не элитой привилегий.

Поэтому столь важно, чтобы «привилегии», необходимые для исполнения власти, были оформлены законодательно, доведены до сведения общественности. А вместе с ними строго соблюдались такие правовые и моральные ограничения для представителей власти, о которых нельзя было бы сказать словами английского историка Энтона: «Власть развращает. Абсолютная власть развращает абсолютно».

Снисходительность к новой правящей элите таит в себе большую опасность. Чтобы обществу гарантировать себя от появления деспотической элиты, необходимо соблюдение целого ряда условий:

- полной гласности — свободы слова и отсутствия монополии любой социальной группы на средства массовой информации, открытой и постоянной критики недостатков и ошибок представителей власти;
- наличия сильной оппозиции — контрэлиты, политического плюрализма, свободной конкуренции потенциальных элит под контролем избирателей;
- разделения властей, обеспечивающего определенное равновесие, компромисс, баланс различных социальных сил и препятствующего опасному для общества бесконтрольному сосредоточению политической власти;
- максимальной открытости элит на всех уровнях, постоянного пополнения их профессионально подготовленными и функционально способными людьми;
- вовлечения в систему новых государственных структур лидеров политической оппозиции;
- наличия постоянного демократического контроля за деятельностью властных структур со стороны общественности, средств массовой информации, партий и организаций;

— строгого соблюдения законности, демократических норм и процедур, необходимых и обязательных для нормального функционирования правового государства и гражданского общества.

При выполнении этих условий, вытекающих из теории современных элит и сравнительного элитологического анализа практики государственного управления в современном обществе, сомнений в правомерности и обоснованности теории элит будет все меньше.

В данном учебном пособии не утверждается абсолютность элитологической точки зрения, а скорее обосновываются ее право на существование и практическая целесообразность в управлеченческой деятельности. И мы будем считать свои задачи выполненными, если читатель и слушатель примут эту точку зрения.

ЛИТЕРАТУРА

- Авторханов А. Технология власти. М., 1991.
- Альшиц Д. Начало самодержавия в России. Л., 1988.
- Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997.
- Анисимов Е. В. Россия в середине XVIII в. М., 1986.
- Арон Р. Этапы развития социологической мысли. М., 1992.
- Афанасьев М. Н. Правящие элиты и государственность пост тоталитарной России. М.-Воронеж, 1996.
- Ашин Г. К. Современные теории элиты: критический очерк. М., 1985.
- Ашин Г. К. Правящая элита и общество. // Свободная мысль. 1993. № 7.
- Ашин Г. К. Смена элит. // Общественные науки и современность. 1995. № 1.
- Ашин Г. К. Элитизм и демократизм // ОНС, 1996, № 5.
- Ашин Г. К. Основы элитологии. Курс лекций. Вып. 1. Алматы, 1996.
- Ашин Г. К. Элитология. Смена и рекрутование элит. М., 1998.
- Административно-политическая элита. Социологический анализ. Ростов н/Д, 1995.
- Бадовский Д. В., Шутов А. Ю. Региональные элиты в постсоветской России: особенности политического участия // Кентавр, 1995, № 6.
- Бакунин М. А. Избр. соч: В 5 т. М., 1919 — 1921.
- Барзилов С., Чернышев А. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция // Свободная мысль. 1996, № 1.
- Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Бердяев Н. А. Судьба России. М., 1990.
- Бердяев Н. А. Философия неравенства, М., 1990.
- Березкина О. С. Революционная элита переходного периода (1921 — 1927) // Своб. мысль. 1997, № 11.
- Бурлацкий Ф. М., Галкин А. А. Современный Левиафан. М., 1985.
- Бюрократия и общество. М., 1991.

- Вебер М.* Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избр. произ. М., 1990.
- Восленский М. С.* Номенклатура: господствующий класс Советского Союза. М., 1991.
- Высшие административные кадры и устройство Европы. Москва — Париж, 1994.
- Гаджиев К. С.* Тоталитаризм как феномен XX века // Вопросы философии. 1992, № 2.
- Галямов Р.Р.* Политические элиты российских республик: особенности трансформации в постсоветский период // Полис. 1998, № 2.
- Гаман-Голутвина О. В.* Политические элиты России. М., 1998.
- Гаман О.* Региональные элиты в постсоветской России // Российская Федерация, 1995, № 10.
- Герасименко Г. А.* Земское самоуправление в России. М., 1990.
- Гимпельсон Е. Г.* Советские управленцы: политический и нравственный облик (1917 — 1920 гг.) // Отечественная история. 1997, № 5.
- Головачев Б., Косова Л., Хахулина Л.* «Новая» российская элита: старые игроки на новом поле // Экономические и социальные перемены: мониторинг общественного мнения. 1995, № 6; 1996, № 1.
- Голосов Г. В.* Сравнительная политология. Новосибирск, 1995.
- Горянинов В. П.* Социотипы современных руководителей // Социологические исследования. 1992, № 4.
- Государственная и муниципальная служба: методология, теория, практика, зарубежный опыт. Ростов н/Д, 1997.
- Гужвин В.* Кому открыт путь наверх. Проблемы российской элиты // Независимая газета. 1998. 11.11.
- Дай Т., Зиглер Х.* Демократия для элиты: введение в американскую политику. М., 1984.
- Демидова Н. Ф.* Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.
- Делюга В.* Общество, кадры, элита: Польша — 80-е годы. М., 1993.
- Джилас М.* Лицо тоталитаризма. М., 1992.
- Дилигенский Г.* Политическая институализация в России: социо-культурные и психологические аспекты // МЭ и МО, 1997, № 8.
- Ерошкин Н. П.* Крепостническое самодержавие и его политические институты (первая половина XIX в.). М., 1981.
- Ерошкин Н.П.* История государственных учреждений дореволюционной России. М., 1983.
- Ефимов А.* Элитные группы, их возникновение и эволюция // Знание — сила. 1986, № 1.
- Зайончковский П. А.* Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

Заславская Т. И. Социальная структура современного российского общества // ОНС. 1997, № 2.

Зимин А. А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI вв. М., 1982.

Золотой век номенклатуры. //Советское общество: возникновение, развитие, исторический финал. Т. 2. М., 1997.

История России в вопросах и ответах. Ростов-на-Дону, 1999.

Карагодин Н., Карагодина И. Формирование корпуса государственных служащих: зарубежный опыт для России //МЭ и МО. 1993, №2.

Карнович Е. П. Родовые прозвания и титулы в России. М., 1991,

Кислицын С. А. Большевистская элита 20 — 30 гг. Ростов н/Д, 1995.

Ключевский В. О. Курс русской истории //Соч: В 9 т. М., 1987.

Корбин В. Б. Власть и собственность в средневековой России. М., 1985.

Коржихина Т. П., Фигатнер Ю. Ю. Советская номенклатура: становление, механизм и действие // Вопросы истории. 1993, №7.

Крыштановская О. В., Радзиховский Л. А. Каркас власти //Вестник РАН, 1993, т. 63, № 2.

Крыштановская О. В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту. «ОНС». 1995, № 1.

Крыштановская О. В. Финансовая олигархия в России // Известия. 10.01.96.

Куколев И. В. Региональные элиты: борьба за ведущие роли продолжается // Власть. 1996, №1.

Куколев И. В. Трансформация политических элит в России //Общественные науки и современность. 1997, № 4.

Сочинения князя Курбского. Т. I. (Русская историческая библиотека. СПб., 1914. Т. 31).

Либман Г. И., Варбузов А. В., Сухарева Э. О. Проблемы политических элит в российском обществе // Соц.-полит. журн., 1997, № 5.

Кургинян С. Лист Мебиуса // Россия XXI. 1997, № 1 — 2.

Магомедов А. Политические элиты российской провинции. //МЭ и МО. 1994, № 4.

Магомедов А. Политический ритуал и мифы региональных элит. // Свободная мысль. 1996, № 11.

Макаренко В. П. Вера, власть, бюрократия: критика социологии М. Вебера. Ростов н/Д, 1988.

Макаренко В. П. Русская власть. Ростов н/Д, 1998.

Матвиенко В. И. Социологический анализ в политике. Киев, 1995.

Миллс Р. Властвующая элита. М., 1959.

Микульский К. Н., Бабиева А. В. и др. Российская элита: опыт социологического анализа. Ч. I. М., 1995.

Моска Г. Правящий класс // Социологические исследования. 1994, № 10.

На путях политической трансформации (политические партии и политические элиты постсоветского периода). Вып. 8. Ч. 11. М., 1997.

Нарта М. Теория элит и политика: к критике элитаризма. М., 1978.

Николаев А.П., Поливанов О.А. Российский парламентаризм в 1917 г. // Кентавр. 1995, № 8.

Новые политические элиты в России и Восточной Европе // Россия и современный мир. 1997, № 1.

Оболонский А. В. Постсоветское чиновничество: квазибюрократический правящий класс // ОНС. 1996, № 5.

Огарев А. В., Понеделков А. В. Лидер, элита, регион. Ростов н/Д, 1995.

Ортега-и-Гасsett Х. Восстание масс // Вопросы философии. 1989, № 3.

Основы политической науки. Ч. 1. (Ред. В. П. Пугачев) М., 1993.

Острогорский М. Я. Демократия и политические партии. М., 1927 — 1930.

Охотский Е. В. Политическая элита. М., 1993.

Охотский Е. В. Политическая элита и российская действительность. М., 1996.

Охотский Е. В., Смольков В. Г. Бюрократия и бюрократизм. М., 1996.

Партийно-политические элиты и избирательные процессы в России. М., 1996.

Патракова В. Ф., Черноус В. В. История человечества и русская цивилизация. Ростов н/Д, 1995.

Перегудов С. П. Организованные интересы и российское государство: смена парадигм // Полис. 1994, № 5.

Перенти М. Демократия для немногих. М., 1990.

Петров Л. А. Социологические взгляды Прокоповича, Татищева и Кантемира. Иркутск, 1958.

Писарькова Л.Ф. Российский чиновник на службе в конце XVIII — первой половине XIX века. // Человек. М., 1995, № 3.

Платонов О. В. Русская цивилизация. М., 1992.

Политическая элита: состояние и перспективы становления. М., 1993.

Политико-административная элита и государственная служба в системе властных отношений. Вып. 1 — 4. Ростов н/Д, 1996.

Политические настроения региональной административной элиты России. // Независимая газета. 26.01.96.

Понеделков А. В. Элита. Ростов н/Д, 1995.

Понеделков А. В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов н/Д, 1995.

Понеделков А. В. Сравнительный анализ взглядов Г. Москва и В. О. Ключевского на элиту // Государственная и муниципальная служба. Методология, теория, практика, зарубежный опыт. Ростов-на-Дону, 1997.

- Понеделков А. В., Старостин А. М.* Введение в политическую элитологию. Ростов н/Д, 1998.
- Радаев В. И., Шкаратан О. И.* Социальная стратификация. М., 1995.
- Региональная элита // Литературная Россия. 1997, № 43.
- Ранние формы политической организации. М., 1995.
- Ривера Ш.* Тенденции формирования состава посткоммунистической элиты в России // Полис. 1995, № 6.
- Российская элита: опыт социологического анализа. М., 1997. Ч. 13.
- Романовский Н. В.* Лики сталинизма. М., 1995.
- Рыбаков Б. А. Киевская Русь и русские княжества XII — XIII вв. М., 1982.
- Салмин А. М., Бунин И. М.* и др. Партийная система в России в 1989 — 1993 годах: опыт становления. М., 1994.
- Самсонова Т. Н.* Концепция «правящего класса» Г. Моски // Социологические исследования. 1994, № 10.
- Сиротин В.* Трагедия правящих элит России // Учительская газета 1996, № 2.
- Слепцов Н. С., Куколев И. В., Рыскова Т. М.* Новая легитимность региональных лидеров // Социология власти. Инф.-аналит. бюллетень. 1997, № 3.
- Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992.
- Стариков Е. Н.* Аппарат и «бандократия» // Звезда. 1995, № 6.
- Тихонова Н. Е.* Мировоззренческие ценности и политический процесс в России // ОНС. 1996, № 4.
- Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб., 1992.
- Толочко П. П.* Древняя Русь. Очерки социально-политической истории. К., 1987.
- Токвиль Алексис.* Демократия в Америке. М., 1992.
- Тоффлер О.* Смешение власти. М., 1991.
- Теория и история административно-политических элит России. Ростов н/Д, 1996.
- Титов В. Н.* Политическая элита и проблема политики. // Социол. исследования. 1998, № 7.
- Троицкий С. М.* Русский абсолютизм и дворянство в XVIII в.
- Формирование бк. оркратии. М., 1974.
- Фарукишин М. Х.* Политическая элита Татарстана. // Полис. 1994, № 6.
- Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
- Хренов Н. Я.* Дворянская субкультура в ракурсе исторической психологии. // Мир психологии. 1998, № 1.
- Чешков М.* «Вечно живая» номенклатура? // МЭ и МО.
- Чешков М. А.* Социальный профиль верхов (исследования постколониальных элит и опыт для России). М., 1997.

Чичерин Б.Н. Несколько современных вопросов. М., 1862.

Шевцова Л. Ф. Дilemmы посткоммунистического общества // Полис. 1996, № 5.

Шумилов М. М. Местное управление и центральная власть в России в 50-х — нач. 70-х гг. XIX в. М., 1991.

Элиты (политические), элит (теория) // Политология. Энциклопедический словарь, 1993; Политология. Краткий энциклопедический словарь. Ростов н/Д, 1997.

Элдерсфельд С. Политические элиты в современных обществах. Эмпирические исследования и демократия. М., 1992.

СЛОВАРЬ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ

Авторитарность, авторитаризм — система политического властовования единоличного правителя или правящей клики; стиль правления, замкнутый на единоличного правителя и отражающий его особенности.

Автократическая элита — ближайшее окружение правителя или клики при авторитарном режиме.

Административная элита (бюрократическая) — высший слой государственных служащих (чиновничество), занимающий руководящие посты в министерствах, департаментах и других органах государственно-административного управления.

Антиэлита — образное выражение, обозначающее выродившийся деградировавший правящий слой либо же социальную группу маргинального и асоциального типа, временно узурпировавшую власть.

Антрепренерская система рекрутования элиты — преобладающий в демократических государствах механизм рекрутования элиты, отличающийся открытостью для любых социальных групп, претендующих на власть, продуманной системой конкуренции и отбора на руководящие позиции, ориентацией на высокие профессиональные и личностные качества претендентов, широким кругом селектората (лиц, осуществляющих отбор), включающим в идеале всех избирателей.

Аппарат — учреждения, кадры государственного административного управления, политических партий, общественных организаций; группа чиновников, администраторов, осуществляющих технические функции административного управления.

Аристократия — родовая знать, привилегированный слой общества, обладающий по праву наследования особыми имущественными и гражданскими правами; форма государственного правления, при которой верховная власть принадлежит родовой знати.

Бизнес-элита — высший слой предпринимательско-финансовой группы общества.

Биографический метод — изучение личных документов (письма, дневниковые записи и т.п.) или документов, отражающих личное участие человека в тех или иных событиях или отношениях к ним,

а также фиксирующих основные этапы жизненного пути. На основе изучения этих документов дается описание типологических и специфических черт элитных групп и осмысляются социально-психологические процессы, в них происходящие.

Бюрократия — одна из форм осуществления властных функций, сконцентрированных в руках чиновничества, образующая особый привилегированный слой общества, объединенный общими корпоративными интересами.

Военная элита — наиболее видные представители армии, высшего управленческого слоя армии.

Высшая элита — высший слой политической элиты страны, выделяемый, наряду с региональным и местным слоями; избранный, изысканный круг наиболее влиятельных людей в высших политических кругах страны.

Гегемоническая элита — правящая элита, выделяемая по структуре власти, представляющая правящий слой доминирующей социальной группы или политической силы.

Геронтократия — преобладание в правящей элите лиц преклонного возраста, приоритетное положение группы старейших в структурах политической власти и управления.

Гильдий-система рекрутования — система отбора (рекрутования) элит закрытого типа, отбирающая претендентов на выдвижение из нижележащих слоев самой элиты и предполагающая постепенное продвижение по ступеням элитной иерархии.

Группа давления — общественное объединение, активно добивающееся удовлетворения собственных интересов или представленных им интересов социальной группы, организации, территории (лоббирующее) путем целенаправленного воздействия на органы государственной власти.

Демократическая элита — политико-управленческий слой, представляющий власть в демократических по структуре органах государственного управления и имеющий демократические ценностные ориентации и стиль управления.

Железный закон олигархии — введен в оборот классиком элитологии Р. Михельсом, означает неизбежное обособление элитарно-олигархической группы руководящего ядра от возглавляемой ею организации общественного движения и подчинение политики интересам руководства, сохранению своего положения.

Закрытая элита — правящий слой, рекрутирующий своих представителей из ограниченного круга лиц (привилегированные сословия и социальные группы) либо из самой элиты. Как правило, основным механизмом рекрутования является система гильдий.

Инфократия — привилегированное положение, обеспечивающее давление на органы власти, группы руководителей средств массовой информации и влиятельных творческих работников (журналистов, продюсеров, писателей, режиссеров и др.).

Каста — обособленная социальная группа, члены которой объединены своим происхождением, родом занятий, что закреплено правовыми нормами или традицией. Принадлежность к касте является наследственной (например, кастовая система в Индии).

Квазиэлита — правящий слой, не выполняющий свои социально-управленческие функции и роли; по составу, уровню моральных и профессиональных качеств своих членов не соответствующий общественным ожиданиям и общепринятым в обществе нормам.

Коэффициент элиты — введен русским философом Н. А. Бердяевым как отношение высокоинтеллектуальной части населения к общему числу грамотных. Предельно критическим значением коэффициента Н. А. Бердяев считал один процент, ниже которого начинались процессы застоя и деградации в обществе.

Клака — группа участников массового мероприятия, приглашенная (или нанятая) для организации его поддержки или дискредитации.

Класс — большая социальная группа, объединенная общим отношением к собственности, закрепленным в праве; ролью в организации общественной и экономической жизни; уровнем жизни и профессиональным родом занятий (рабочие, буржуазия, крестьяне, помешники).

Класс управляющих — термин, который начал употреблять классик элитологии Г. Моска и обозначавший относительно небольшую социальную группу, монополизировавшую политическую власть и привилегии и воздействующую на значительно превосходящий по численности класс управляемых.

Контрэлита — оппозиционная часть политической элиты, претендующая на занятие ведущих властных позиций.

Лидер — руководитель организации, общественного движения, политической партии.

Легитимная элита — правящий слой, пришедший к власти на законных основаниях и пользующийся поддержкой населения.

Леволиберальная концепция элиты — концепция, виднейшим представителем которой является американский политолог Р. Миллс, признает существование в обществе правящих элит, но критикует такую общественную иерархию. Властвующая элита рассматривается со структурно-функциональных позиций и в ее состав включаются не только представители политических кругов, но и руководители крупных корпораций, генералитета армии.

Макиавелизм — с точки зрения политического управления — стремление к поставленной политической цели, не ограниченное выбором средств; в элитологии — признание элитарности общества, вследствие психологических качеств элиты, превосходящих большинство, а также понимание неизбежности скрытой или явной борьбы за власть, где могут быть все средства хороши. Макиавелизм переоценивает активность масс и ограничивает личностную свободу отдельного («простого») человека.

Местная элита — правящий слой местного сообщества.

Меритократия — форма правления, опирающаяся на принцип индивидуальных заслуг членов правящей элиты; продвижение во власть и управленческие структуры в соответствии с личными заслугами.

Национальная элита — высший правящий слой нации, государства; зачастую в национальную элиту включают и высший слой контролюющей элиты.

Номенклатура — система формирования советской правящей элиты по принципу гильдий; партийная бюрократия, формируемая через систему аппаратных механизмов продвижения на управленческие должности.

Непотизм — доминирование родственных связей в формировании правящей верхушки.

Олигархия, олигархическая элита — форма правления, при которой органы власти подчинены (контролируются) небольшой группе людей, обладающих крупной собственностью и финансовыми ресурсами.

Охлократия — «власть толпы», политический режим, осуществляющий управление не на основе закона или моральных ценностей (традиций), а на основе общественного мнения толпы и возглавляющих ее демагогов.

Партократическая теория элиты — концепция политической элиты как авангардной партии рабочего класса, всех трудящихся, которая в своей деятельности основывается на признании решающей роли общей идеологии, всеобъемлющего характера политического руководства всеми сферами жизни общества, социальным происхождением (из низов) членов правящей элиты.

Плутократия — правящая элита, состоящая из наиболее богатых граждан.

Плюрализм элит — взгляд на правящую элиту (С. Келлер, Д. Рисмэн, О. Штаммер) не как на единую и относительно сплоченную группу, а представляющую множество элит, влияние которых ограничено их особой областью деятельности. Вследствие этого власть в демократическом обществе распылена между

многообразными общественными группами и институтами, а представляющие их элиты конкурируют между собой.

Политический класс — термин, употребленный Г. Маска, классиком элитологии, подчеркивающий деление общества на управляющих и управляемых. Основу политического класса образуют организаторские способности, а также материальное и моральное превосходство его перед другими. Существуют две основные тенденции в развитии политического класса: аристократическая (стремление стать наследственным классом) и демократическая (обновление класса за счет наиболее способных к управлению и активных низших слоев).

Позиционный метод — вычленение и изучение членов политической элиты, основанное на предположении, что формальное положение человека в институтах государственной власти и управления есть основной элитообразующий признак, а политический высший пост — основной признак элитного положения.

Политическая элита — группы, занимающие в обществе высшие власти позиции; группы людей, обладающих выдающимися организаторскими и профессиональными способностями или качествами воздействия на людей в условиях деятельности политических институтов. В качестве эквивалентных употребляются также термины — правящий класс, политический класс, правящая элита.

Постсоветская элита — правящий слой, сменивший прежнюю советскую номенклатуру на основе новых механизмов избрания органов государственной и местной власти демократическим путем. Постсоветскую элиту отличает разнообразие ценностных ориентаций, управленческих стилей. Значительную часть (костьяк) постсоветской элиты составляет второй эшелон партийно-хозяйственной номенклатуры.

Правящая элита — руководящая часть общества, влияющая на политический процесс не только политическими, но и экономическими, информационными и иными средствами. По смыслу совпадает с термином «правящий класс», включающий политическую, экономическую, военную, культурную элиты.

Профессиональная элита — высший слой некой профессиональной группы, образующийся на основе выдающихся профессиональных, организаторских, моральных качеств.

Рейтинг — качественный показатель оценок деятельности социальной группы, организации или личности, определяемый по итогам социологического опроса или голосования.

Российская элита — высший правящий слой Российского государства.

Российская элита специфична для разных исторических периодов, но всегда ведущее место в ней занимала административно-политическая элита.

Рекрутование элиты — формирование, отбор политической элиты.

Существуют различные системы рекрутования. Ведущие из них — гильдий и антрепренерская.

Религиозная элита — ведущие представители религиозных конфессий, высшие лица в церковной иерархии.

Региональная элита — группа политиков, управленцев, представляющая органы власти и управления региона (республика, край, область). Зачастую в эту группу включается и оппозиционная часть элиты.

Репутационный метод — определение членов элитной группы путем экспертной оценки реального влияния и обладания властью, а не на основе изучения формальной властной позиции, формального положения во властной иерархии (позиционный метод).

Средняя элита — так называемое среднее звено руководителей государственно-административных органов и политических партий, реализующее принимаемые высшей элитой политические решения.

Советская элита — правящий слой советского общества, сформированной номенклатурной системой рекрутования.

Сословная элита — правящий слой сословного, феодального общества, рекрутируемый из высших сословий (дворянство, духовенство).

Статус — социальная позиция (положение) индивида в группе, обществе.

Статусный метод — изучение и определение членов элиты с точки зрения их места в иерархических общественных структурах, уровня осознанности общественных интересов, наличия социальной базы поддержки.

Субэлита — подчиненная элите часть общества, т. н. «социальные низы».

Теократия — форма государственного правления, при которой власть принадлежит духовенству или главе церкви.

Теории демократического элитизма — теории, основанные на понимании демократии как конкуренции между потенциальными руководителями за доверие и голоса избирателей. Теории демократического элитизма стараются «вписать» элиты в антиэлитистские ценности демократии, делая акцент на новых механизмах рекрутования элит и их самосознании.

Технократия — политический режим, опирающийся на социальные институты науки и техники; преобладание в составе правящей элиты или преобладающее влияние высших функционеров производства и научно-технической сферы, приводящее к формированию технократического стиля и подходов к социальному управлению.

Тоталитаризм — форма правления, отличительная тотальным верховенством государства во всех сферах общества, подавлением любой оппозиции и инакомыслия, устраниением всех политических партий, кроме правящей, подавлением основных демократических прав и свобод граждан. С середины 30-х гг. XX в. концепция тоталитаризма применялась для изучения характеристики фашистских государств. В период холодной войны распространена на социалистическую систему (Х. Аренд, З. Бжезинский, Р. Арон).

Трибализм — стремление к политическому обособлению на основе родоплеменного деления. При этом политические группы и движения формируются на родоплеменной основе.

Функциональная теория элит — выделяет признаки и особенности элит, исходя из структурно-функционального анализа общества. Для описания элит в качестве ведущих используются статусные, культурно-образовательные, имущественные признаки, социальное происхождение.

Харизма — авторитет лидера или элиты, базирующийся на эмоционально-ценостном воздействии на массу, формирующем безоговорочную веру в провидческие, реформаторские, мистические свойства субъекта политического управления.

Ценностные теории элиты — исходят из положения о том, что элита образуется путем естественной эволюции общества и отбора наиболее ценных представителей, обладающих исключительными профессиональными, интеллектуальными, моральными качествами. Эволюция руководящего слоя зависит от изменения потребностей социальной системы и ценностных ориентаций граждан. Ценностные теории претендуют на наибольшее соответствие реальностям демократического общества.

Циркуляция элит — термин, широко применявшийся классиком элитизма В. Парето, считавшим, что развитие общества происходит посредством чередования (циркуляции) двух главных типов элит: «лис» — гибких руководителей, использующих методы переговоров, уступок, лести и т. д., и «левов» — жестких, решительных правителей, опирающихся по преимуществу на силовые методы.

Эгалитаризм — концепция всеобщего равенства, основывающегося на совместном владении и ведении хозяйства, уравнительности как принципе организации социальной жизни. В современной общественной жизни эгалитаризм представлен разными версиями, основывающимися на идеях равенства возможностей и равенства результатов (популистские, квазисоциалистические, казарменно-коммунистические взгляды). Основной почвой для развития эгалитаристских взглядов и идей является вопиющее социальное неравенство и бесправие основной массы населения.

Элита — круг людей, обладающих высоким общественным положением, обусловленным выдающимися профессиональными, личностными способностями и достижениями, или получивших свой статус и социальную позицию в силу наследственного положения либо за счет продвижения в рамках закрытой элитной группы.

Этатизм — доминирование государства в основных сферах жизни общества; система взглядов, исходящая из необходимости активного вмешательства государства в экономическую, социальную, духовную жизнь.

Этническая элита — социальная группа наиболее влиятельных лиц этноса, родоплеменной общности, непосредственно или опосредованно формирующая ценностные установки и поведенческие проявления этнической общности.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ЧАСТЬ I. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ, МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ И ОСНОВНЫЕ ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ИДЕИ ЭЛИТИЗМА	7
<i>Глава 1. ПРОБЛЕМА ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ В ИСТОРИИ ПОЛИТИКО-СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ МЫСЛИ. ЭЛИТИЗМ И ЭГАЛИТАРИЗМ .....</i>	7
<i>Глава 2. ТЕОРИИ АДМИНИСТРАТИВНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ В ТРУДАХ РУССКИХ МЫСЛИТЕЛЕЙ .....</i>	41
2. 1. Истоки деления общества на управляющих и управляемых	41
2. 2. Направленность властных отношений	45
2. 3. Формы правления	46
2. 4. Понятие «правящего класса». Требования, предъявляемые к нему	48
2. 5. Теория циркуляции элит	53
2. 6. Политическая партия — власть-элита	56
<i>Глава 3. ЭВОЛЮЦИЯ ЭЛИТОЛОГИИ И ЕЕ ТИПОЛОГИЯ .....</i>	61
3. 1. Фашистский вариант элитаризма. Расизм и элитология.	63
3. 2. Либеральный, леворадикальный элитаризм. Марксизм и элитаризм	77
<i>Глава 4. ОСНОВНЫЕ ПРИНЦИПЫ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ УСТАНОВКИ ЭЛИТИЗМА .....</i>	84
<i>Глава 5. СПОР О ТЕРМИНЕ ЭЛИТА И ГОСПОДСТВУЮЩИЙ КЛАСС .....</i>	117
<i>Глава 6. ЭЛИТИЗМ И ПЛЮРАЛИЗМ .....</i>	144
<i>Глава 7. ЭЛИТИЗМ И ДЕМОКРАТИЯ .....</i>	169
ЧАСТЬ II. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ	196
<i>Глава 8. МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ..</i>	196
<i>Глава 9. СОЦИАЛЬНО-СТРАТИФИКАЦИОННЫЕ СИСТЕМЫ И ТИПЫ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ .....</i>	209
<i>Глава 10. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ЭЛИТЫ РОССИИ .....</i>	235
Преемственность региональной политico-административной элиты (на примере Ростовской области)	272
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	285
ЛИТЕРАТУРА	288
СЛОВАРЬ ЭЛИТОЛОГИЧЕСКИХ ТЕРМИНОВ	294

Ашин Г. К., Понеделков А. В., Игнатов В. Г., Старостин А. М.

**ОСНОВЫ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ЭЛИТОЛОГИИ**

Учебное пособие

Редактор

В. М. Переладов

Корректор

И. А. Шаповалова

Компьютерная верстка

В. А. Авдеев

Издательство ПРИОР

Москва, Воронцовский пер. 5/7 Телефон: 964-42-00

Издательская лицензия ЛР № 065184

Подписано в печать 15.06.94 Заказ 592 . Тираж 3000

Отпечатано в Подольском филиале ЧПК

142110, Подольск, ул. Кирова, 25.